3 1761 06381278 8

Стихъ-Дек-ламаторъ

Стихи
и
проза.

тъ III издъ

ОБЛОЖКА РАБОТЫ ХУДОЖН. М. П. ДЕНИСОВА.

LIBRARY
MAR 17 1999
UNIVERSITY OF TORONTO

КІЕВЪ.
ТИПОГРАФІЯ „ПЕТРЪ БАРСКІЙ", КРЕЩАТИКЪ № 40.
1909.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Гимнъ огню.

1.

Огонь очистительный,
Огонь роковой,
Красивый, властительный,
Блестящій, живой!

2.

Безшумный въ мерцаньи церковной свѣчи,
Многошумный въ пожарѣ,
Глухой для мольбы, многоликій,
Многоцвѣтный при гибели зданій,
Проворный, веселый и страстный,
Такъ побѣдно-прекрасный,
Что когда онъ сжигаетъ мое,

Не могу я не видѣть его красоты,—
О, красивый Огонь, я тебѣ пссвятилъ всѣ мечты!

3.

Ты мѣняешься вѣчно,
Ты повсюду—другой.
Ты красный и дымный
Въ клокотаньи костра.
Ты какъ страшный цвѣтокъ съ лепестками изъ пламени.
Ты какъ вставшіе дыбомъ блестящіе волосы.
Ты трепещешь, какъ желтое пламя свѣчи
Съ его голубымъ основаньемъ.
Ты являешься въ быстромъ сіяньи зарницъ.
Ты, застывши, горишь въ грозовыхъ облакахъ,
Фіолетовыхъ, аспидно-синихъ.
Ты средь шума громовъ и напѣва дождей
Возникаешь невѣрностью молній.
То изломомъ сверкнешь,
То сплошной полосой,
То какъ шаръ, окруженный сіяющимъ воздухомъ,
Золотой, огневой,
Съ перемѣнными красными пятнами.
Ты въ хрустальности звѣздъ, и въ порывѣ кометъ.
Ты отъ Солнца идешь и, какъ солнечный свѣтъ,
Согрѣвательно входишь въ растенья,
И будя и мѣняя въ нихъ тайную влагу,
То засвѣтишься алой гвоздикой,
То зашепчешь какъ колосъ пушистый,
То протянешься пьяной лозой.
Ты какъ искра встаешь
Изъ глухой темноты,
Долго ждешь, стережешь.
Кто пришелъ? Это ты!
Черезъ мигъ ты умрешь,
Но пока ты живешь,
Нѣтъ сильнѣй, нѣтъ страннѣй, нѣтъ свѣтлѣй красоты!

4.

Не устану тебя восхвалять,
О, внезапный, о, страшный, о, вкрадчивый!

На тебѣ расплавляютъ металлы.
Близъ тебя создаютъ и куютъ
Много тяжкихъ подковъ,
Много косъ легкозвонныхъ,
Чтобъ косить, чтобъ косить,
Много колецъ для пальцевъ лилейныхъ,
Много колецъ, чтобъ жизни сковать,
Чтобы въ нихъ, какъ въ цѣпяхъ, годы долгіе быть,
И устами остывшими слово „любить“
Повторять.
Много можешь ты странныхъ вещей создавать,
Полносложность орудій, чтобъ горы дробить,
Чтобы цѣнное золото въ безднахъ добыть,
И отточенный ножъ, чтобъ убить!

5.

Вездѣсущій Огонь, я тебѣ посвятилъ всѣ мечты,
Я такой же, какъ ты.
О, ты свѣтишь, ты грѣешь, ты жжешь,
Ты живешь, ты живешь!
Въ старину ты, какъ Змѣй, прилеталъ безъ конца,
И невѣстъ похищалъ отъ вѣнца.
И какъ огненный гость много разъ, въ старину,
Ты утѣшилъ чужую жену.
О, блестящій, о, жгучій, о, яростный!
Въ яркомъ пламени нѣсколько разныхъ слоевъ.
Ты горишь какъ багряный, какъ темный, какъ желтый,
Весь согрѣтый измѣнчивымъ золотомъ, праздникъ осеннихъ листовъ.
Ты блестишь какъ двѣнадцатицвѣтный алмазъ,
Какъ кошачья ласкательность женскихъ влюбляющихъ глазъ,
Какъ восторгъ изумрудный волны Океана,
Въ тотъ мигъ какъ она преломляется,
Какъ весенній листокъ, на которомъ росинка дрожитъ и качается,
Какъ дрожанье зеленой мечты свѣтляковъ,
Какъ мерцанье бродячихъ огней,
Какъ зажженные свѣтомъ вечернимъ края облаковъ,

Распростершихъ свой трауръ надъ ликомъ сожженныхъ и гаснущихъ дней!

6.

Я помню, Огонь,
Какъ сжигалъ ты меня,
Межъ колдуній и вѣдьмъ, трепетавшихъ отъ ласки Огня.
Насъ терзали за то, что мы видѣли тайное,
Сожигали за радость полночнаго шабаша,
Но увидѣвшимъ то, что мы видѣли,
Былъ не страшенъ Огонь.
Я помню еще,
О, я помню другое, горящія зданія,
Гдѣ сжигали себя добровольно, средь тьмы,
Межъ невѣрныхъ, невидящихъ, вѣрные, мы.
И при звукахъ молитвъ, съ изступленными воплями,
Мы слагали хваленья Даятелю силъ.
Я помню, Огонь, я тебя полюбилъ!

7.

Я знаю, Огонь,
И еще есть иное сіянье для насъ,
Что горитъ передъ взоромъ навѣки потухнувшихъ глазъ.
Въ немъ внезапное знанье, въ немъ ужасъ, восторгъ
Предъ безмѣрностью новыхъ глубокихъ пространствъ.
Для чего, изъ чего, кто ихъ взялъ, кто исторгъ,
Кто облекъ ихъ въ лучи многозвѣздныхъ убранствъ?
Я уйду за отвѣтомъ!
О, душа восходящей стихіи, стремящейся въ твердь,
Я хочу, чтобы бѣлымъ немеркнущимъ свѣтомъ
Засвѣтилась мнѣ—Смерть!

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Искатель.

О, прекрасная пустыня!
Прійми мя въ свою густыню.

Народный стихъ.

Пришелъ я въ крайнія пустыни,
Брожу въ лѣсахъ, гдѣ нѣтъ путей,
И долго мнѣ не быть отнынѣ
Среди ликующихъ людей!

За мной послѣдняя просѣка,
Въ грозящей чащѣ нѣтъ слѣда.
Въ напѣвы птицъ зовъ человѣка
Здѣсь не врывался никогда.

Что я увижу? Что узнаю?
Какъ примутъ тишину мечты?
Какъ будутъ радоваться маю,
Встрѣчая странные цвѣты?

Быть можетъ, на тропахъ звѣриныхъ,
Въ зеленыхъ тайнахъ одичавъ,
Навѣкъ останусь я въ лощинахъ
Впивать дыханье жгучихъ травъ.

Быть можетъ, заблудясь, устану,
Умру въ травѣ подъ шелестъ змѣй,
И долго черезъ ту поляну
Не перевьется слѣдъ ничей.

А, можетъ, вѣренъ путь, и вскорѣ
Настанетъ невозможный часъ,
И минетъ лѣсъ—и глянетъ море
Въ глаза мнѣ милліономъ глазъ.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Нелюбовь.

Какъ вѣтеръ мокрый—ты бьешься въ ставни,
Какъ вѣтеръ черный поешь: ты мой!
Я древній хаосъ, я другъ твой давній,
Твой другъ единый,—открой, открой!
Держу я ставни, открыть не смѣю,
Держусь за ставни и страхъ таю.
Храню, лелѣю, храню, жалѣю
Мой лучъ послѣдній—любовь мою.
Смѣется хаосъ, зоветъ безокій:
Умрешь въ оковахъ,—порви, порви!
Ты знаешь счастье, ты одинокій,
Въ свободѣ счастье, — и въ Нелюбви.
Охладѣвая, творю молитву,
Любви молитву едва творю...
Слабѣютъ руки, кончаю битву,
Слабѣютъ руки... Я отворю!

З. ГИППІУСЪ.

Поэты духа.

Снѣга, зарей одѣты
Въ пустыняхъ высоты,
Мы—Вѣчности обѣты
Въ лазури Красоты.
Мы—всплески рдяной пѣны
Надъ блѣдностью морей.
Покинь земные плѣны,
Возсядь среди царей!
Не мни: мы въ небѣ тая,
Съ землей разлучены:—
Ведетъ тропа святая
Въ заоблачные сны.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Ликорнъ.

СОНЕТЪ.

Столѣтній боръ. Вечерній сумракъ зеленъ.
Мнѣ щеки нѣжитъ мохъ и мягкій дернъ.
Мелькаютъ эльфы. Гномы изъ расщелинъ
Гранита смотрятъ. Крадется ликорнъ.

Зачѣмъ мой духъ не воленъ и не цѣленъ!
Зачѣмъ въ груди пылаетъ ярый горнъ!
Кто страсть мнѣ присудилъ? и кѣмъ онъ велѣнъ,
Суровый приговоръ безстрастныхъ норнъ?

Свободы! Тишины! Путемъ знакомымъ
Сойти въ пещеру къ празднующимъ гномамъ.
Иль съ дочерьми Царя Лѣсного пѣть,

Иль мирно спать, со мхомъ, съ землей, съ гранитомъ...
Нѣтъ! голосомъ жестокимъ и несытымъ
Звучитъ во мнѣ, считая миги, мѣдь.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Изъ поэмы „Замкнутые"

Когда по городу тѣни
Протянуты цѣпью желѣзной,
Ряды безмолвныхъ строеній
Оживаютъ, какъ призракъ надъ бездной.

Загораются странные свѣты,
Раскрываются двери какъ зѣвы,
И въ окнахъ дрожатъ силуэты
Подъ музыку и напѣвы.

Раскрыты дневныя гробницы,
Выходитъ за трупомъ трупъ.
Загораются румянцемъ лица,
Кровавится блѣдность губъ.

Пышны и ярки одежды,
Въ волосахъ алмазный вѣнецъ.
А вглядись въ утомленныя вѣжды,
Ты узнаешь, что предъ тобой мертвецъ.

Но страсть, подчиненная платѣ,
Хороша въ огняхъ хрусталей;
Въ притворномъ ея ароматѣ
Дыханье желаннѣй полей.

И идутъ, идутъ въ опьяненьи
Отрѣшиться отъ жизни на часъ,
Вкусить отъ оковъ освобожденье
Подъ блескомъ обманныхъ глазъ.

Чтобъ въ мірѣ, на свой непохожемъ,
Отъ свободы на мигъ изнемочь.
Тотъ міръ ничѣмъ не тревожимъ,
Пока полновластна ночь.

Но въ туманѣ улицы длинной
Забѣлѣетъ тусклый разсвѣтъ.
И вдругъ все мертво и пустынно,
Ни свѣтовъ, ни красокъ нѣтъ.

Безобразныхъ, грязныхъ строеній
Таютъ при днѣ вереницы,
И женщинъ бѣлыя тѣни,
Какъ трупы, ложатся въ гробницы.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Послѣдній день.

Люди! Вы ль не узнаете Божіей Десницы?
Брюсовъ.

Раннимъ утромъ, когда люди не хотѣли шевелиться,
Сѣрый сонъ предчувствуя послѣднихъ дней зимы,
Пробудились въ комнатѣ мужчина и блудница,
Медленно очнулись въ угарѣ мглы и тьмы.

Утро копошилось. Безнадежно догорѣли свѣчи.
Оплывшій огарокъ мелькалъ въ оплывшихъ глазахъ.
Сквозь холодное стекло дрожали женскія плечи.
Мужчина передъ зеркаломъ расчесывалъ проборъ
въ волосахъ.

Она была въ рубашкѣ. Утро не обмануло.
И была она сегодня, какъ смерть, блѣдна.
Еще вечеромъ у фонаря ея лицо блеснуло,
Въ этой самой комнатѣ—была влюблена.

А сегодня безобразно повисли складки рубашки.
И на линіяхъ тѣла былъ сѣрый налетъ.
Углами торчала мебель. Валялись окурки, бумажки.
Всѣхъ ужаснѣй въ комнатѣ былъ красный комодъ.

И внезапно—быстрѣе вьюги, ярче пожара,
Будто лучъ высокій разбилъ упорный ледъ—
Выпрямилась женщина, свободна отъ угара,
И въ окнѣ подъ обнаженной рукой зазіялъ пролетъ.

Влетѣли звуки. Верба, раздувшая почки,
Раскачнулась подъ вѣтромъ, осыпая послѣдній снѣгъ.
Въ церкви ударилъ колоколъ. Распахнулись форточки,
И внизу сталъ слышенъ торопливый бѣгъ.

Люди суетливо выбѣгали за ворота.
Улицу скрывалъ дощатый заборъ.
Мальчишки, женщины, дворники замѣтили что-то:
Махали руками, чертя незнакомый узоръ.

Бился колоколъ. Гудѣли крики, лай и ржанье.
Тамъ—на грязной улицѣ, гдѣ люди собрались,
Женщина-блудница—отъ ложа пьянаго желанья
На колѣняхъ, въ рубашкѣ поднимала руки ввысь.

Высоко—надъ домами—въ туманѣ снѣжной бури,
На мѣстѣ полуденныхъ тучъ и полунощныхъ звѣздъ,
Розовымъ зигзагомъ въ разверстой лазури
Тонкая рука распластала тонкій крестъ.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

* * *

На распутьи зломъ и дикомъ
Въ темный часъ я тихо жду.
Вѣщій воронъ хриплымъ крикомъ
На меня зоветъ бѣду,
А на небѣ надо мною
Только грустная луна,
И тоскуетъ ночь со мною,
И томится тишина.

Отъ луны мерцанье въ росахъ,
И бѣлѣетъ мгла вокругъ.
Тихо чертитъ вѣрный посохъ
По землѣ волшебный кругъ.

Сомкнутъ кругъ,—и нѣтъ печали
Въ тѣсной области моей.
Позабыты всѣ печали
Утомленьемъ горькихъ дней.

Онъ изъ мглы выходитъ,—другъ ли
Мнѣ онъ тайный, или врагъ?
У него глаза какъ угли,
Теменъ ликъ, и зыбокъ шагъ.
Я за дивною чертою
Для него недостижимъ,—
И стоитъ онъ за чертою
Темный, зыбкій, весь какъ дымъ.

Онъ смѣется и не хочетъ
Въ темный часъ признать меня.
Онъ томленья мнѣ пророчитъ,
Взоръ свой пламенный склоня,
И во мглу съ недобрымъ словомъ
Отъ меня отходитъ онъ,—
Я его зловѣщимъ словомъ,
Вражьимъ словомъ не смущенъ.

Мнѣ подъ солнцемъ горе мыкать
День за днемъ не привыкать.
Ночь придетъ,—я буду кликать
Въ темный часъ его опять,
Чтобъ за дивною чертою
Погадать, поворожить,—
Только здѣсь лишь, за чертою,
Мнѣ, усталому, и жить.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

Два шестикрылыхъ.

Я сижу и я гляжу
На великую межу.
Справа—поле, слѣва—лѣсъ,
Много тутъ и тамъ чудесъ.

Я гляжу. А за спиной
Шестикрылый Неземной.
Не одинъ стоитъ, ихъ два.
И растетъ, поетъ трава.

Тотъ, направо, свѣтлый онъ,
Словно день воспламененъ.
А другой еще свѣтлѣй,
Какъ пожаръ среди ночей.

И одинъ—хорошъ какъ тишь,
Какъ загрезившій камышъ.
У другого же глаза—
Грозовая бирюза.

И одинъ—свѣтло поетъ,
Какъ напѣвность тихихъ водъ.
А другой—молчитъ, молчитъ,
И какъ къ битвѣ закричитъ.

И одинъ крыломъ взмахнетъ,
Шестикратностью блеснетъ,
И мгновенно для очей—
Годовыхъ три сотни дней.

И другой крыломъ взмахнетъ,
Шестимолнійно сверкнетъ,
И внезапно для очей—
Триста огненныхъ ночей.

Справа поле, слѣва лѣсъ,
Живо поле, лѣсъ воскресъ.
Свѣтелъ день, и ночь свѣтла,
Богу вѣчному хвала.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Поэту.

Въ золотистой дали
Облака, какъ рубины,—
Облака, какъ рубины, прошли,
Какъ тяжелыя, красныя льдины.

Но зеркальную гладь
Пелена изъ тумансвъ закрыла,
И душа неземную печать
Тѣхъ огней—сохранила.

И, закрытыя тьмой,
Горизонтовъ сомкнулись объятья.
Ты сказалъ: „Океанъ голубой
„Еще съ нами, о братья!“

Не бояся луны,
Прожигавшей туманныя сѣти,
Улыбались—священной весны
Все задумчиво грустныя дѣти.

Древній хаосъ, какъ встарь,
Въ душу крался смятеньемъ неяснымъ.
И луна, какъ фонарь,
Озаряла насъ отсвѣтомъ краснымъ.

Но ты руку воздѣлъ къ небесамъ
И тонулъ въ ликованіи міра.
И заластился къ намъ
Голубѣющій бархатъ эѳира.

Огонечки небесныхъ свѣчей
Снова борются съ горестнымъ мракомъ.
И ручей
Чуть сверкаетъ серебрянымъ знакомъ.

О поэтъ—говори
О неслышномъ полетѣ столѣтій.
Голубые восторги твои
Ловятъ дѣти.

Говори о безумьи міровъ,
Завертѣвшихся въ танцахъ,
О смѣющейся грусти вѣковъ,
О пьянящихъ багрянцахъ.

Говори
О полетѣ столѣтій.
Голубые восторги твои
Чутко слышатъ притихшія дѣти.

Говори...

Поэтъ,—ты не понятъ людьми.
Въ глазахъ не сіяетъ безпечность.
Глаза къ небесамъ подними:
Съ тобой бирюзовая Вѣчность.

Съ тобой, надъ тобою она,
Ласкаетъ, цѣлуетъ беззвучно.
Омыта лазурью, весна
Надъ ухомъ звенитъ однозвучно.
Съ тобой, надъ тобою она.
Ласкаетъ, цѣлуетъ беззвучно.

Хоть тѣ же все люди кругомъ,
Ты—вѣчный, свободный, могучій.
О, смѣйся и плачь: въ голубомъ,
Какъ бисеръ, разсыпаны тучи.

Закатъ догорѣлъ полосой,
Огонь тамъ для сердца не нуженъ:
Тамъ матовой, узкой каймой

Протянута нитка жемчужинъ.
Тамъ матовой, узкой каймой
Протянута нитка жемчужинъ.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

Снѣжная Дѣва.

И поединокъ роковой.
Тютчевъ.

Она пришла изъ дикой дали—
Ночная дочь иныхъ временъ.
Ее родные не встрѣчали,
Не просіялъ ей небосклонъ.

Но сфинкса съ выщербленнымъ ликомъ
Надъ исполинскою Невой
Она встрѣчала легкимъ вскрикомъ
Подъ бурей ночи снѣговой.

Бывало, вьюга ей осыпетъ
Звѣздами плечи, грудь и станъ,—
Все снится ей родной Египетъ
Сквозь тусклый сѣверный туманъ.

И городъ мой желѣзносѣрый,
Гдѣ вѣтеръ, дождь, и зыбь, и мгла,
Съ какой-то непонятной вѣрой
Она, какъ царство, приняла.

Ей стали нравиться громады,
Уснувшія въ ночной глуши,
И въ окнахъ тихія лампады
Слились съ мечтой ея души.

Она узнала зыбь и дымы,
Огни, и мраки, и дома—
Весь городъ мой непостижимый—
Непостижимая сама.

Она даритъ мнѣ перстень вьюги
За то, что плащъ мой полонъ звѣздъ,
За то, что я—въ стальной кольчугѣ
И на кольчугѣ—строгій крестъ.

Она глядитъ мнѣ прямо въ очи,
Хваля неробкаго врага.
Съ полей ея холодной ночи
Въ мой духъ врываются снѣга.

Но сердце Снѣжной Дѣвы нѣмо
И никогда не приметъ мечъ,
Чтобы ремень стального шлема
Рукою властною разсѣчь.

И я, какъ вождь враждебной рати,
Всегда закованный въ броню,
Мечту торжественныхъ объятій
Въ священномъ трепетѣ храню.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

* * *

Священныхъ странъ вечерніе экстазы,
Сверканье латъ поверженнаго дня,
Въ волнахъ шафранъ. Колышатся топазы,
Застылъ закатъ озерами огня.

Какъ волосы волокна тонкихъ дымовъ
Припавъ къ землѣ алѣютъ, лиловѣютъ,
И паруса, какъ крылья серафимовъ,
Въ закатной мглѣ надъ моремъ пламенѣютъ.

Изломъ волны сіяетъ аметистомъ,
Струистыми смарагдами огней.
О эти сны о небѣ золотистомъ!
О пристани, крылатыхъ кораблей!

МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ.

У земли.

Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть.
Лермонтовъ.

Помоги мнѣ, мать земля!
Съ тишиной меня сосватай!
Глыбы черныя дѣля,
Я стучусь къ тебѣ лопатой.

Ты всему живому—мать,
Ты всему живому—сваха!
Перстень свадебный сыскать
Помоги мнѣ въ комьяхъ праха!

Мать, мольбу мою услышь,
Осчастливь послѣднимъ бракомъ!
Ты вѣнчаешь съ вѣтромъ тишь,
Лугъ съ росой, зарю со мракомъ.

Помоги сыскать кольцо!..
Я объ немъ безъ слезъ тоскую
И, упавъ, твое лицо
Въ губы черныя цѣлую.

Я тебя чуждался, мать,
На асфальтахъ, на гранитахъ...
Хорошо мнѣ здѣсь лежать
На грядахъ, недавно взрытыхъ.

Я—твой сынъ, я—тоже прахъ,
Я, какъ ты,—звено созданій.
Такъ откуда—страсть и страхъ,
И безсонный бредъ исканій?

Въ синевѣ плыветъ весна,
Вѣтеръ вольно носитъ шумы...
Гдѣ ты, дѣва-тишина,
Жизнь безъ жажды и безъ думы!..

Помоги мнѣ, мать! Къ тебѣ
Я стучусь съ послѣдней силой!
Или ты, въ отвѣтъ мольбѣ,
Обручишь меня съ могилой?

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

По блѣдной долинѣ.

По блѣдной долинѣ приходятъ, уходятъ, проходятъ
несчетные духи,
Тамъ юноши, взрослые, малыя дѣти, и старцы
идутъ, и старухи.
Съ Востока на Западъ, съ Заката къ Востоку, и
снова на Западъ съ Востока,
Приходятъ, уходятъ, и ходятъ, и бродятъ, не зна-
ютъ ни часа, ни срока.
Встрѣчаясь, качаютъ они головами, и шепчутъ о
благости Бога,
И всѣ, проходя, проиграютъ цѣпями, и вѣчно, и
вѣчно дорога.

И вдругъ отъ Востока на Западъ прольется раз-
ливное красное пламя,
Одинъ усмѣхнется, другой ужаснется, но каждый
почувствуетъ знамя.
И вдругъ отъ Заката къ Востоку вернется и злато,
и бархатъ, и алость,
И духи считаютъ, колдуютъ, гадаютъ, пока не со-
мнетъ ихъ усталость.
Тогда, безконечно взывая о мести, о чести, о сла-
вѣ, о чарахъ,
Несчетные духи, согбенно, проходятъ, какъ тѣни,
въ безмѣрныхъ пожарахъ.
По блѣдной долинѣ, въ пустынѣ, какъ въ сплинѣ,
донынѣ безумствуютъ духи.
И юноши сѣды, и дряхлыя дѣти, и юны, межъ
старцевъ, старухи.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

* * *

Люблю блуждать я надъ трясиною
Дрожащимъ огонькомъ,
Люблю за липкой паутиною
Таиться паукомъ,

Люблю летать я въ полѣ оводомъ
И жалить лошадей.
Люблю быть явнымъ, тайнымъ поводомъ
Къ мученію людей.

Я злой, больной, безумно-мстительный,
За то томлюсь и самъ.
Мой тихій стонъ, мой вопль медлительный,—
Упреки небесамъ.

Судьба дала мнѣ плоть растлѣнную,
Отравленную кровь.
Я возлюбилъ мечтою плѣнною
Безумную любовь.

Мои порочныя томленія,
Все то, чѣмъ я прельщенъ,—
Въ могучихъ чарахъ навожденія
Многообразный сонъ..

Но онъ томитъ больной обидою.
Итти путемъ однимъ
Мнѣ тѣсно. Всѣмъ во всемъ завидую,
И стать хочу инымъ.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

* * *

Маленькіе кусочки счастья, не взялъ ли я васъ отъ жизни?

Дивныя и мудрыя книги,
таинственныя очарованія музыки,
умилительныя молитвы,
невинныя, милыя дѣтскія лица,
сладостныя благоуханія,
и звѣзды,—недоступныя, ясныя звѣзды!

О, фрагменты счастья, не взялъ ли я васъ отъ жизни!

Что же ты плачешь, мое сердце, что же ты ропщешь?

Ты жалуешься:
„Краткимъ,
и болѣе горькимъ, чѣмъ сладкимъ,
обманомъ промчалась жизнь,
и ея нѣтъ“.

Успокойся, сердце мое, замолчи.
Твои біенія меня утомили.
И уже воля моя отходитъ отъ меня.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

* * *

По жестокимъ путямъ бытія
Я бреду, безпріютенъ и сиръ,
Но зато вся природа—моя,
Для меня наряжается міръ.

Для меня въ тайнѣ вешнихъ ночей,
Заливаясь, поютъ соловьи.
Какъ невольникъ, цѣлуетъ ручей
Запыленныя ноги мои.

И свѣтило надменное дня,
Золотые лучи до земли
Предо мною покорно склоня,
Разсыпаетъ ихъ въ сѣрой пыли.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

Майя.

Тигры стонали въ глубокихъ долинахъ.
Чампакъ, цвѣтущій въ столѣтіе разъ,
Пряный, дышалъ между горъ, на вершинахъ.
Мѣсяцъ за скалы проплылъ и погасъ.

Въ темной пещерѣ, задумчивый іоги,
Магъ-заклинатель, блѣднѣй мертвеца,
Что-то шепталъ, и властительно-строги
Были черты сверхземного лица.

Мантру читалъ онъ, святое моленье;
Только прочелъ—и предъ нимъ, какъ во снѣ,
Стали качаться, носиться видѣнья,
Стали кружиться въ ночной тишинѣ.

Тѣни, и люди, и боги, и звѣри,
Время, пространство, причина, и цѣль,
Пышность восторга, и сумракъ потери,
Смерть на мгновенье, и вновь колыбель.

Ткань безъ предѣла, картина безъ рамы,
Сонмы враждебныхъ безчисленныхъ „я“,
Мракъ отпаденья отъ вѣчнаго Брамы,
Ужасъ мучительный, сонъ бытія.

Къ самому небу возносятся горы,
Рушится съ гуломъ утесъ на утесъ,
Топотъ и ропотъ, мольбы и укоры,
Тысячи быстрыхъ и звонкихъ колесъ.

Бѣшено мчатся и люди и боги...
„Майя! О, Майя! Лучистый обманъ!
„Жизнь—для незнающихъ, призракъ—для іоги,
„Майя—бездушный нѣмой океанъ!“

Скрылись видѣнья. На горныхъ вершинахъ
Вѣтеръ въ узорахъ вѣтвей трепеталъ.
Тигры стонали въ глубокихъ долинахъ.
Чампакъ, цвѣтокъ вѣковой, отцвѣталъ.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

* * *

Ты знаешь утреннюю ясность
И на зарѣ сіянье рѣкъ,
Когда всемірную безгласность
Пріемлетъ въ сердце человѣкъ.

Ты помнишь ропотъ мой вечерній
И на зарѣ вечерней взоръ,
Чело въ тѣснинахъ алыхъ терній
И сердца нищаго позоръ.

Узнай же ты: возсталъ я нынѣ
И руку поднялъ на Отца:
Моей сіяющей пустынѣ
Не свѣтитъ око мертвеца.

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

Дьяволенокъ.

Мнѣ повстрѣчался дьяволенокъ,
Худой и щуплый—какъ комаръ.
Онъ тѣломъ былъ совсѣмъ ребенокъ,
Лицомъ же дикъ: остеръ и старъ.

Шелъ дождь... Дрожитъ, темнѣетъ тѣло,
Намокла всклоченная шерсть...
И я подумалъ: эко дѣло!
Вѣдь тоже мерзнетъ. Тоже персть.

Твердятъ: любовь, любовь! Не знаю.
Не слышно что-то. Не видалъ.
Вотъ жалость... Жалость понимаю.
И дьяволенка я поймалъ.

Пойдемъ, дѣтенышъ! хочешь грѣться?
Не бойся, шерстку не ерошь.
Что тутъ на улицѣ тереться?
Дамъ дѣткѣ сахару... Пойдешь?

А онъ вдругъ, этакъ, сочно, зычно,
Мужскимъ ласкающимъ баскомъ:
(Признаться—даже неприлично
И жутко было это въ немъ)—

Пророкоталъ: „Что сахаръ? Глупо.
Я, сладкій, сахару не ѣмъ.
Давай телятинки да супа...
Ужъ я пойду къ тебѣ—совсѣмъ“.

Онъ разозлилъ меня бахвальствомъ...
А я хотѣлъ еще помочь!
Да ну тебя, съ твоимъ нахальствомъ!
И, не спѣша, пошелъ я прочь.

Но онъ заморщился, и тонко
Захрюкалъ... Смотритъ, какъ больной...
Опять мнѣ жаль... И дьяволенка
Тащу, трудясь, къ себѣ домой.

Смотрю при лампѣ: дохлый, гадкій,
Не то дитя,—не то старикъ.
И все твердитъ: я сладкій, сладкій...
Оставилъ я его. Привыкъ.

И даже какъ-то съ дьяволенкомъ
Совсѣмъ сжился я, наконецъ.
Онъ въ полдень прыгаетъ козленкомъ,
Подъ вечеръ—теменъ, какъ мертвецъ,

То ходитъ гоголемъ-мужчиной,
То вьется бабой вкругъ меня,
А если дождикъ—пахнетъ псиной
И шерстку лижетъ у огня.

Я прежде всѣмъ себя тревожилъ:
Хотѣлъ того, мечталъ о томъ...
А съ нимъ мой домъ... не то что ожилъ,
Но затянулся, какъ пушкомъ.

Безрадостно-благополучно,
И нѣжно-сонно и темно...
Мнѣ съ дьяволенкомъ сладко-скучно...
Дитя, старикъ,—не все ль равно?

Такой смѣшной онъ, мягкій, хлипкій,
Какъ разлагающійся грибъ.
Такой онъ цѣпкій, сладкій, липкій,
Все липнулъ, липнулъ—и прилипъ.

И оба стали мы—единый.
Ужъ я не съ нимъ—я въ немъ, я въ немъ!
Я, самъ,—въ ненастье, пахну псиной
И шерсть лижу передъ огнемъ...

З. ГИППІУСЪ.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

Воспоминаніе.

Я помню горестныя муки:
Ночь догорала за окномъ.
Твои заломленныя руки
Чуть брежжили въ лучѣ дневномъ.

Я помню—вся ты, поникая,
Въ углу дивана замерла,
А тамъ, какъ призракъ, возрастая,
День обозначилъ купола...

И подъ окошкомъ участились
Прохожихъ быстрые шаги,
И въ сѣрыхъ лужахъ расходились
Подъ каплями дождя—круги...

О, никогда такъ скудно-свѣтелъ
День не вставалъ, какъ въ этотъ часъ!
И я не понялъ, не замѣтилъ
Всей глубины огромныхъ глазъ...

А ты потомъ сама дивилась,
Когда совсѣмъ угасла страсть,
Кому такъ трепетно молилась,
Чья надъ тобой вставала власть...

Сама не знала ты, откуда
Цвѣтокъ тоски свой ликъ вознесъ,
Какъ разрѣшилось это чудо
Весеннимъ ливнемъ бурныхъ слезъ.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

* * *

Полюби эту вѣчность болотъ,
Никогда не изсякнетъ ихъ мощь.
Этотъ злакъ, что сгорѣлъ,—не умретъ.
Этотъ кустъ—безъ истлѣнія—тощъ.

Эти ржавыя кочки и пни
Знаютъ твой отдыхающій плѣнъ.
Неизмѣнно предвѣчны они,—
Ты предъ Вѣчностью полонъ измѣнъ.

Одинокая участь свѣтла.
Безначальная доля свята.
Эта Вѣчность Сама снизошла
И навѣки замкнула уста.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

* * *

Городъ въ красные предѣлы
Мертвый ликъ свой обратилъ.
Сѣро-каменное тѣло
Кровью солнца окатилъ.

Стѣны фабрикъ, стекла оконъ,
Грязно-рыжее пальто,
Развѣвающійся локонъ,—
Все закатомъ залито.

Цѣломудренныя лица
Кажутъ бѣлый рядъ зубовъ.
Въ каждой дѣвушкѣ—блудница,
Въ каждомъ помыслѣ—альковъ.

Блещутъ искристыя гривы
Золотыхъ, какъ жаръ, коней;
Мчатся бѣшеныя дивы
Жадныхъ облачныхъ грудей,

Красный дворникъ плещетъ ведра
Съ пьяно-алою водой,
Пляшутъ огненныя бедра
Проститутки площадной,

И на башнѣ колокольной
Въ гулкій плясъ и мѣдный зыкъ—
Кажетъ колоколъ раздольный
Окровавленный языкъ.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

Разсвѣтъ.

Съ первымъ птичьимъ крикомъ Ночь сломалась,
Зеркало хрустальное разбилось,
Травы зашептались, чуть шурша.
Въ озерѣ все Небо отражалось,

Полночь въ безглагольномъ отразилась,
Тихая, въ безгласномъ задержалась,
Капли звѣздъ изъ звѣзднаго ковша.

Но рука незримая качнулась,
Звѣздное качнула коромысло,
Капля съ Неба свѣялась къ Землѣ,
И одна былинка шевельнулась,
Измѣнивъ серебряныя числа,
Вся сребристость въ числахъ пошатнулась,
Птицу разбудивъ въ росистой мглѣ.

Вскликнула, и съ легкимъ этимъ свистомъ
Цѣлый замокъ рушился молчанья,
И раздался всюду тонкій звонъ.
Птичій хоръ напѣвомъ голосистымъ
Двинулъ звуковыя колебанья,
Шевельнулъ затономъ серебристымъ,
И румянецъ бросилъ въ небосклонъ.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Изъ „Вечеровыхъ пѣсенъ".

День вечерѣлъ. Мы были двое.
Ѳ. Тютчевъ.

Помню вечеръ, помню лѣто,
Рейна полныя струи,
Надъ померкшимъ старымъ Кёльномъ
Золотые нимбы свѣта,
Въ этомъ храмѣ богомольномъ—
Взоры нѣжные твои...

Гдѣ-то пѣли, гдѣ-то пѣли
Пѣсню милой старины.
Звуки, вѣтромъ тиховѣйнымъ
Донесенные, слабѣли

И сливались, тамъ, надъ Рейномъ,
Съ робкимъ ропотомъ волны.

Мы любили! мы забыли,
Это вѣчность или часъ!
Мы тонули въ сладкой тайнѣ,
Намъ казалось: мы не жили,
Но когда-то Heinrich Heine
Въ стройныхъ строфахъ пѣлъ про насъ!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

* * *

Разбудилъ меня рано твой голосъ, о Брама.
Я прошла по росистымъ лугамъ,
Поднялась по ступенямъ высокаго храма
И цѣлую священный Лингамъ.

Онъ возложенъ на ткани узорной,
Покрывающей древній алтарь.
Стережетъ его голый и черный,
Діадемой увѣнчанный царь.

На священномъ Лингамѣ ярка позолота,
Самъ онъ черенъ, громаденъ и прямъ...
Я закрою Лингамъ закраснѣвшимся лотосомъ,
Напою ароматами храмъ.

Алтарю, покрывалу, Лингаму
Я открою, что сладко люблю.
Вмѣстѣ Шиву и Вишну и Браму я
Ароматной мольбой умолю.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

Прозрачность.

Прозрачность! купелью кристальной
Ты твердь улегчила—и тонетъ
Луна въ среброзарности сизой.
Прозрачность! ты лунною ризой
Скользнула на влажныя лона;
Плѣнила дыханія мая
И звукъ отдаленнаго лая
И призраки тихаго звона.
Что полночь въ сумракъ уронитъ,
Въ бездонности тонетъ зеркальной.

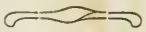
Прозрачность! колдуешь ты съ солнцемъ,
Сквозной раскаленностью тонкой
Лелѣя пожаръ летучій;
Колыша подъ влагой зыбучей,
Во мглѣ голубыхъ отдаленій,
По мхамъ малахитнымъ узоры;
Граня снѣговерхія горы
Надъ смутностью дольнихъ селеній;
Просторъ раздражая звонкій
Подъ дальнимъ осеннимъ солнцемъ.

Прозрачность! воздушною лаской
Ты спишь на челѣ Джоконды,
Дыша покрываломъ стыдливымъ.
Прильнула къ устамъ молчаливымъ—
И вѣчностью вѣетъ случайной;
Таящейся таешь улыбкой,
Порхаешь крылатостью зыбкой,
Безсмертною, двойственной тайной.
Прозрачность! божественной маской
Ты рѣешь въ улыбкѣ Джоконды.

Прозрачность! улыбчивой сказкой
Содѣлай видѣнія жизни,
Сквознымъ—покрывало Майи!
Яви намъ блѣдные раи
За листвою кущъ осеннихъ;

За радугой легкой—обѣты;
Вечерніе скорбные свѣты
За цвѣтомъ садовъ весеннихъ!
Прозрачность! божественной маской
Утишь изволенія жизни.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.



Голоса.

Цѣлый день мнѣ слышатся эти голоса.
Стѣны ль это плачутся, поютъ ли небеса?

То бросаютъ скалами низкіе басы,
Будто строятъ храмину божеской красы.

То, какъ дѣти, ясные, звонки и чисты,
Держатъ сердце въ трепетѣ сладостной мечты.

Чуткимъ ухомъ слушаю, думаю понять,
Но неуловимые, стихнули опять.

И опять возникнули—тамъ ли въ высотѣ,
Или тутъ за стѣнками, тѣ же и не тѣ?

Силой сердце полнится, видно, лучше тамъ,
Гдѣ мои родимые взѣрились слезамъ.

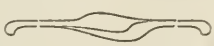
Мать ли понадѣялась сына увидать,
Сестры ль сны увидѣли, Божью благодать?

Или ты, любимая, чуешь, что съ тобой
Связанъ нерушимо я вѣрною судьбой?

Вѣдать я не вѣдаю Божьи чудеса.
Только слышу: вольные это голоса.

Только знаю, радостно слышать ихъ теперь,
Сердце укрѣпляющихъ: жди, надѣйся, вѣрь.

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.



* * *

Осенній вѣтеръ жалостью дышалъ,
Поля ужъ сжаты,
Лѣса безмолвны зимней тишиной.
Что тихій ангелъ тихо нашепталъ?
Какой вожатый
Привелъ незримо къ озими родной?
Какой печальной, свѣтлою страной
Въ глаза поля мнѣ глянули пустыя
И роши пестрыя!
О камни острые,
Объ остовы корней подземныхъ вѣковые
Усталая нога лѣниво задѣваетъ.
Осенняя заря, пылая, догораетъ.

Куда иду я? кто меня послалъ?
Ахъ, нѣтъ отвѣта.
Какую ясность льетъ зимы предтеча!
Зари румянецъ такъ златистъ, такъ алъ,
Такъ много свѣта,
Что чуетъ сердце: скоро будетъ встрѣча.
Такъ ясно видны, видны такъ далече,
Какъ не видать намъ лѣтнею порой,
Деревни дальнія;
Мечты печальныя
Вокругъ меня свиваютъ тихій рой.
Печаль съ надеждой руки соплетаютъ
И лебедями медленно летаютъ.

М. КУЗМИНЪ.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

Каторжникъ.

Бѣжалъ. Распростился съ конвоемъ.
Въ лѣсу обагрилась земля.
Онъ крался надъ вѣчнымъ покоемъ,
Жестокую месть утоля.

Онъ крался, безжизненный посохъ
Сжимая холодной рукой.
Онъ сталъ на приволжскихъ откосахъ—
Поникъ надъ родною рѣкой.

На камень упалъ бѣлъ—горючій.
Закутался въ сѣрый халатъ.
Глядѣлъ на косматыя тучи.
Глядѣлъ на багровый закатъ.

Въ пространствахъ, гдѣ вспыхивалъ пламень,
Повисъ сиротливый дымокъ.
Онъ гладилъ и землю, и камень,
И ржавые обручи ногъ.

Желѣзные обручи звономъ
Упали надъ склономъ рѣчнымъ:

Пропѣли надъ склономъ зеленымъ—
Гремѣли рыданьемъ роднымъ.

Навѣкъ распростился съ Сибирью:
Прости ты, родимый острогъ,
Гдѣ годы надъ водною ширью
Въ желѣзныхъ цѣпяхъ изнемогъ,

Гдѣ годы на каменномъ, голомъ
Полу онъ валяться привыкъ:
Внизу—за слѣпымъ частоколомъ—
Качался, поблескивалъ штыкъ;

Гдѣ годы встрѣчалъ онъ со страхомъ
Едва прозябающій день,
И годы тяжелымъ размахомъ
Онъ молотъ кидалъ на кремень;

Гдѣ годы такъ странно зіяла
Улыбка мертвѣющихъ устъ,
А буря плескала—кидала
Дрожащій, безлиственный кустъ;

Бросали бренчавшія бревна,
Ругаясь, они на баржи,
И берегомъ—берегомъ, ровно
Влекли ихъ, упавъ на гужи;

Гдѣ жизнь онъ кидалъ, проклиная,
Лихой, клокотавшей пургѣ,
И ѣдко тамъ стужа стальная
Сжигала вѣтрами въ тайгѣ,

Одежду въ клочки изрывая,
Треща и плеща по кустамъ;—
Визжа и віясь—обвивая,—
Прощелкавъ по бритымъ щекамъ,

Гдѣ до́-крови въ холодѣ мглистомъ,
Подъ жалобой плачущій кличъ,
Изъ воздуха падая свистомъ,
Кусалъ его бѣшеный бичъ,

Къ спинѣ прилипая, и кожи
Срывая сырые куски...

И тучи нахмурились строже.
И строже запѣли пески.

Разбитыя плечи доселѣ
Изъѣлъ ты, свинцовый рубецъ.
Раздвиньтесь же, хмурыя ели!
Погасни, вечерній багрецъ!

Вотъ гнѣзда, какъ черныя очи,
Зіяя въ откосѣ крутомъ,
Въ туманъ ниспадающей ночи
Визгливо стрѣльнули стрижомъ.

Порывисто знаменьемъ крестнымъ
Широкій свой лобъ осѣнилъ.
Промчался по кручамъ отвѣснымъ.
Свинцовыя воды вспѣнилъ.

А къ тѣлу струя ледяная
Прижалась колючимъ стекломъ.
Лишь глыба надъ нимъ земляная
Осыпалась желтымъ пескомъ.

Огни показались. И долго
Горѣли съ далекихъ плотовъ;
Сурово ихъ темная Волга
Дробила на гребняхъ валовъ.

Тамъ искры, провѣявъ устало,
Взлетали, чтобъ въ ночь утонуть;
Да горькая пѣснь прорыдала
Тамъ въ синюю, синюю муть.

Тамъ темень протопала скокомъ,
Да съ рябью игралъ вѣтерокъ.
И кто-то стрѣляющимъ окомъ
Изъ тучи моргнулъ на востокъ.

Теперь надъ волной молчаливо
Качался онъ желтымъ лицомъ.
Плаксивыя чайки лѣниво
Его задѣвали крыломъ.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

Въ дни запустѣній.

Пріидутъ дни послѣднихъ запустѣній,
Земныя силы оскудѣютъ вдругъ.
Уйдутъ остатки жалкихъ поколѣній
Къ теплу и солнцу, на далекій Югъ.
А наши башни, города, твердыни
Постигнетъ голосъ страшнаго суда,
Побѣдный свѣтъ не заблеститъ въ пустынѣ,
Въ ней не взгремятъ по рельсамъ поѣзда.
Въ плющѣ померкнутъ зодчаго затѣи,
Исчезнутъ камни подъ ковромъ травы,
На площадяхъ плодиться будутъ змѣи,
Въ дворцовыхъ залахъ поселятся львы.
Но въ эти дни послѣднихъ запустѣній
Возникнетъ—знаю!—межъ людей смѣльчакъ.
Онъ потревожитъ гордый сонъ строеній,
Нарушитъ свѣтомъ ихъ безмолвный мракъ.
На мшистыхъ улицахъ заслышатъ звѣри
Людскую поступь въ ясной тишинѣ,
Въ домахъ застонутъ, растворяясь, двери,
Рядъ изваяній встанетъ при огнѣ.
Прочтя названья торжищъ и святилищъ,
Узнавъ по надписямъ за ликомъ ликъ,
Пришлецъ проникнетъ въ глубь книгохранилищъ,
Откроетъ тайны древнихъ, нашихъ книгъ.
И дни и ночи будетъ онъ въ тревогѣ
Впивать вѣщанья, скрытыя въ пыли,
Исканья истины, мечты о Богѣ,
И пѣсни, гимны сладостямъ земли.
Желанный другъ невѣдомыхъ столѣтій!
Ты весь дрожишь, ты потрясенъ былымъ!
Внемли же мнѣ, о, слушай строки эти!
Я былъ, я мыслилъ, я прошелъ какъ дымъ...

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Отрывки изъ „Сѣверной симфоніи".

1. Весеннею ночью умиралъ старый король. Молодой сынъ склонился надъ старымъ.

2. Нехорошимъ огнемъ блистала корона на старыхъ кудряхъ.

3. Освѣщенный краснымъ огнемъ очага, заговорилъ король безпросвѣтною ночью: „Сынъ мой, отвори окно той, что стучится ко мнѣ. Дай подышать мнѣ весною"!

4. „Весною"...

5. Вѣтеръ ворвался въ окно и съ вѣтромъ влетѣло что-то, крутя занавѣской.

6. Одинокій прохожій услышалъ, какъ умирали въ окнѣ стараго замка. И были такія слова изъ окна: „Еще порывъ, и я улечу... Будешь ты славенъ и могучъ, о сынъ мой!"

7. „Ты выстрой башню и призови къ вершинамъ народъ мой... Веди ихъ къ вершинамъ, но не покинь ихъ... Лучше пади вмѣстѣ съ ними, о, сынъ мой!"

8. Перестала колыхаться занавѣска въ готическомъ окнѣ замка: вся поникла.

9. И не зналъ прохожій, что было, но понялъ, что—ночь.

10. Безпросвѣтная ночь...

1. Стаи сѣверныхъ богатырей собирались къ

древнему трону, а у трона король молодой говорилъ новыя рѣчи, обнимая красавицу королеву, юную жену свою.

2. Зубцы его короны и красная мантія сверкали, когда онъ встряхивалъ воронымы кудрями—весь исполненный пѣсни.

3. Онъ говорилъ о вершинахъ, гдѣ вѣчное солнце, гдѣ орелъ отвѣчаетъ громамъ.

4. Приглашалъ встать надъ пропастями.

5. Онъ говорилъ, что туманы должны скрыться, сожженные солнцемъ, и что ночь—заблужденіе.

6. Огненнымъ пятномъ горѣли одежды королевскія предъ трономъ, а кругомъ стояла гробовая тишина.

7. Хмурились воины, потому что онъ говорилъ о сумракѣ рыцарямъ сумрака, и только юная королева восторженно слушала эти пѣсни.

1. Солнце сѣло. Въ готическія окна ворвался багрово-кровавый лучъ и палъ на короля. И казался молодой король окровавленнымъ.

2. Въ ужасѣ королева отшатнулась отъ супруга своего.

3. Усмѣхались сѣдые фанатики, сверкающіе латами по стѣнамъ, радуясь желанному навожденію.

4. Изъ открытыхъ дверей потянулись вечернія тѣни, и стая сѣверныхъ богатырей окунулась въ тѣнь.

5. И сквозь тѣнь выступали лишь пасмурныя лица закованныхъ въ сталь фанатиковъ, искаженныя насмѣшливой улыбкой.

6. А кругомъ была тишина.

7. Поникъ головою король. Черныя кудри пали на мраморный лобъ.

8. Слушалъ тишину.

9. Испугался. Забылъ слова покойника. Убѣжалъ съ королевой изъ этихъ странъ.

1. Они бѣжали въ сѣверныхъ поляхъ. Ихъ окачивало луннымъ свѣтомъ.

2. Луна стояла надъ кучкой чахлыхъ, сѣверныхъ березъ. Они вздохнули въ безысходныхъ пустотахъ.

3. Королева плакала.

4. Слезы ея, какъ жемчугъ, катились по блѣднымъ щекамъ.

5. Катились по блѣднымъ щекамъ.

1. И тоска окутала спящій городъ своимъ чернымъ пологомъ. И небо одиноко стыло надъ спящимъ городомъ.

2. Туманная меланхолія неизмѣнно накреняла дерева. Стояли дерева наклоненныя.

3. А на улицахъ бродили однѣ тѣни, да и то лишь весною.

4. Лишь весною.

5. Иногда покажется на порогѣ дома утомленный долгимъ сномъ и печально слушаетъ поступь ночи.

6. И дворы и сады пустовали съ наклоненными деревами и съ зелеными озерами, гдѣ волны омывали мраморъ лѣстницъ.

7. Иногда кто-то, грустный, всплывалъ на поверхность воды. Мѣрно плавалъ, разсѣкая мокрой сѣдиной водную сырость.

8. На мраморѣ террасы была скорбь въ своихъ воздушно-черныхъ ризахъ и съ неизмѣнно блѣднымъ лицомъ.

9. Къ ея ногамъ прижимался черный лебедь, лебедь печали, грустно покрикивая въ тишину, ластясь.

10. Отовсюду падали ночныя тѣни.

1. Почившій король приподнялъ мраморную крышу гробницы и вышелъ на лунный свѣтъ.

2. Сидѣлъ на гробницѣ въ красной одеждѣ, оттороченной золотомъ, и въ зубчатой коронѣ.

3. Увидѣлъ грусть, разлитую по городу, и лицо его потемнѣло отъ огорченія.

4. Онъ понялъ, что его сынъ бросилъ эту страну.

5. И онъ пригрозилъ убѣжавшему сыну мертвой рукой и долго сидѣлъ на гробницѣ, подперевъ усталой рукой старую голову.

1. А молодой король съ королевой бѣжалъ въ одинокихъ поляхъ. Ихъ окачивало луннымъ свѣтомъ.

2. Луна стояла надъ кучкой чахлыхъ, сѣверныхъ березъ и они вздохнули въ безысходныхъ пустотахъ.

3. Король плакалъ.

4. Слезы его, какъ жемчугъ, катились по блѣднымъ щекамъ.

5. Катились по блѣднымъ щекамъ.

1. Наконецъ, они углубились въ лѣса и много дней бѣжали между деревьевъ. Стволистая даль темнѣла синевой. Между стволовъ ковылялъ козлоногій лѣсникъ, пропадая гдѣ-то сбоку.

2. Еще водились козлоногіе въ лѣсу.

3. Но они не смущались, и когда нашли лѣсную поляну съ одинокой мраморной башней на ней, то начали взбираться на вершину великой мраморной башни.

1. Много вѣковъ въ этихъ странахъ тянулись къ вершинамъ, но король съ королевой впервые всходили къ вершинѣ мраморной башни.

2. Утро смотрѣло на нихъ хмурымъ взоромъ, когда они поднимались по витой бѣломраморной лѣстницѣ, заглядывая въ боковыя окна.

3. Да лѣса качались, да лѣса шумѣли. Лѣса шумѣли.

4. Шумѣли.

---

1. А въ далекихъ сѣверныхъ поляхъ одиноко торчалъ сонный городъ, повитый грустью.

2. Почившій король все сидѣлъ на гробницѣ, поджидая убѣжавшаго сына. Шли года, а сынъ не возвращался.

3. Тогда мертвецъ сжалъ въ рукѣ своей жезлъ и гордо пошелъ къ одинокому дворцу, возвращался обратно, влача за собой пурпуръ мантіи.

4. Вотъ уже онъ всходилъ по мраморной лѣстницѣ, надъ которой повисло странное облако. Вотъ онъ уже входилъ въ тронную залу. На тяжеломъ тронѣ возсѣдалъ Мракъ, повелитель этой страны.

5. И старикъ сѣлъ на тронъ и призвалъ чернаго лебедя. И говорилъ лебедю своимъ глухимъ, холоднымъ голосомъ: „Лети къ моему невѣрному сыну и зови его сюда... Здѣсь погибаютъ въ его отсутствіи".

6. „Скажи ему, что я самъ всталъ изъ гроба и сѣлъ на тронъ въ ожиданіи его"...

7. Лебедь вылетѣлъ въ открытое окно. Взвился надъ царскимъ садомъ. Задѣлъ наклоненное дерево... И дерево вздрогнуло и, вздрогнувъ, спять уснуло.

8. Свѣтало. Въ готическія окна палъ красный лучъ. Со стѣнъ равнодушно взирали изображенія пасмурныхъ рыцарей.

---

1. Столѣтній владыка сидѣлъ на тронѣ, окровавленный разсвѣтомъ. Въ дворцовое окошко влетѣлъ черный лебедь и заговорилъ:

2. „Не жди сына. Погибъ отъ безсилія. Заплутался въ лѣсныхъ чащахъ, возвращаясь на родину"...

3. „Видѣлъ я башню. Тамъ сидитъ твоя внучка, красавица королевна— одинокій, сѣверный цвѣтокъ"...

4. „Одинокій, сѣверный цвѣтокъ"...

5. И державный покойникъ сказалъ, вздохнувъ глубоко: „Буду ждать королевну, свою внучку—одинокій, сѣверный цвѣтокъ"...

6. „Одинокій, сѣверный цвѣтокъ"...

7. Улыбнулся мертвой улыбкой.

1. Деревья горевали. Облака, встревоженныя и удивленныя, тащились по вершинамъ сосенъ, словно клочки бѣлой ваты.

2. Всю ночь горевали и шумѣли на зарѣ...

3. Утромъ королевна вышла на вершину башни. Она узнала, что скончался отецъ.

4. Сидя на перилахъ, тихо плакала о родномъ покойникѣ, а лебеди тянулись знакомой вереницей изъ далекихъ странъ.

5. Была юная весна.

1. Насталъ вечеръ. На закатѣ еще оставалось много матоваго огня и еще больше золота. Тамъ протянулась гряда тучъ, спокойныхъ и застывшихъ... и горѣла золотомъ.

2. Вѣтеръ понемногу сгонялъ и огонь и золото: нагонялъ синій вечеръ.

3. Легкій паръ всталъ надъ лугами и лѣсами. Потянулъ холодный вѣтерокъ. Она дрожала отъ проплывшей свѣжести. Закрывала ясныя очи. Долго задумывалась.

4. Она уставала отъ грусти и отдыхала тихимъ вечеромъ. Вечеръ становился туманнымъ и грустно-синимъ.

1. Этой ночью старуха королева въ изразцовой комнаткѣ что-то вспомнила и открыла окно. Вѣтеръ участливо трогалъ сѣдыя пряди волосъ, и они струились и трепетали въ грустномъ сумракѣ.

2. Старуха вдыхала впалой грудью запахъ фіалокъ и ландышей. Вышла на террасу подышать голубой свѣжестью.

3. Стояли и молчали.

4. Уже летучія мыши невѣрнымъ полетомъ шныряли по воздуху здѣсь и тамъ.

1. Потомъ старая королева, залитая атласной ночью, обратила взоръ свой къ дочкѣ. Она прощалась, собираясь въ путь.

2. Вѣтерокъ шевелилъ бѣлыми, какъ снѣгъ, кудрями. И кудри струились. Вѣтерокъ принесъ изъ далекихъ чащъ запоздалый привѣтъ короля.

3. Старуха указывала рукой на далекія лѣсныя чащи, и обѣ плакали. Потомъ старая королева говорила дочкѣ своей: „Я знаю, что ты скрыла отъ меня“.

4. И обѣ плакали.

5. Потомъ старая королева говорила дочкѣ своей: „Я уже давно приготовилась къ этому: по ночамъ принимала тайныя вѣсти“.

6. „А теперь, когда это случилось въ лѣсныхъ чащахъ, мнѣ больше нечего медлить. Но ты не плачь ни обо мнѣ ни о королѣ“...

7. „Я поручаю тебя Вѣчности“...

8. „Уже не разъ Она стояла межъ нами въ часъ печали. Отнынѣ Она замѣнитъ тебѣ и отца и мать“.

9. Старуха дрожала. Изъ глазъ струились слезы, а вокругъ головы—кудри... Она вся заструилась и растаяла облачкомъ.

10. Надъ плачущей сиротой склонилась Ночь въ видѣ блѣдной, строгой женщины въ черномъ.

11. Блѣдная женщина въ черномъ цѣловала и звала на служеніе себѣ.

1. Одинокая королевна долго горевала.

2. Долго горевала.

3. Не могла видѣть безъ слезъ атласныя, голубыя ночи.

4. Иногда голубой, атласной ночью надъ лѣсными вершинами пролеталъ запоздалый привѣтъ короля.

5. Слишкомъ поздній.

6. Иногда проплывало надъ башней знакомое туманное облачко.

7. И королевна простирала ему руки.

8. Но равнодушное облачко уходило вдаль.

1. Время, какъ рѣка, тянулось безъ остановки, и въ теченіи времени отражалась туманная Вѣчность.

2. Это была блѣдная женщина въ черномъ.

3. Вся въ длинныхъ покровахъ, она склонялась затемненнымъ силуэтомъ надъ одинокой королевной. Нашептывала своимъ гудящимъ шопотомъ странныя рѣчи.

4. Это было выше счастья и горя. Печать Вѣчности отразилась въ улыбкѣ ея.

1. Прилетала сѣрая птица. Садилась на перила. Смотрѣла роднымъ взглядомъ. Извѣщала тревожнымъ крикомъ.

2. Королевнѣ казалось, что она отходитъ въ вѣчныхъ снахъ.

3. Она молилась, чтобы миновалъ сонъ этой жизни, и чтобы мы очнулись отъ сна.

4. Успокоенная женщина смотрѣла въ очи королевны безвременьемъ.

5. Задѣвала ее своими черными воздушными ризами. Звала къ надмірному.

6. Прижималась къ щекѣ королевны своимъ блѣдно-міровымъ лицомъ.

7. Шептались о великомъ неизвѣстномъ и близко-дорогомъ.

1. Прошелъ годъ.

2. И еще годъ... Время изгладило горечь утраты.

3. Лишь въ изгибѣ рта оставался слѣдъ одинокаго горя.

4. Она посвятила себя Вѣчности.

1. А была весна. У ручья цвѣли голубыя фіалки.

2. Прозрачный ручей все жаловался о чемъ-то, катя струи.

3. Иногда изъ стволистой дали неслись звуки волынки...

4. Это была игра козлоногаго фавна...

5. Цвѣли фіалки. Роняли слезы.

1. Такъ проходилъ годъ за годомъ.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

Осень.

Осень. Мертвый просторъ. Углубленныя грустныя
дали.
Завершительный ропотъ шуршашихъ листвою вѣ-
тровъ.
Для чего не со мной ты, о другъ мой, въ ночахъ,
въ ихъ печали?
Столько звѣздъ въ нихъ сіяетъ, въ предчувствіи
зимнихъ снѣговъ.
Я сижу у окна. Чуть дрожатъ безпокойныя ставни.
И въ трубѣ, безъ конца, безъ конца, звуки чьей-то
мольбы.
На лицѣ у меня поцѣлуй,—о, вчерашній, недавній.
По лѣсамъ и полямъ протянулась дорога Судьбы.
Далеко, далеко, по давнишней пробитой дорогѣ,
Заливаясь, поетъ колокольчикъ, и тройка бѣжитъ.
Старый домъ опустѣлъ. Кто-то блѣдный стоитъ на
порогѣ.
Этотъ плачущій—кто онъ? Ахъ, листъ пожелтѣв-
шій шуршитъ.
Этотъ листъ, этотъ листъ... Онъ сорвался,
летитъ, упадаетъ...
Бьются вѣтки въ окно. Снова ночь. Снова день.
Снова ночь.
Не могу я терпѣть. Кто же тамъ такъ безумно
рыдаетъ?
Замолчи. О, молю! Не могу, не могу я помочь.
Это ты говоришь? Самъ съ собой—и себя отвергая?
Колокольчикъ, вернись. Съ привидѣньями страшно
мнѣ быть.
О, глубокая ночь! О, холодная осень! Нѣмая!
Непостижность Судьбы:— разставаться, страдать
и любить.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Надпись на чашѣ.

Древнюю чашу нашелъ онъ у шумнаго синяго моря,
Въ древней могилѣ, на дикомъ песчаномъ прибрежьи.
Долго трудился онъ; долго слагалъ во едино
То, что гробница хранила три тысячи лѣтъ, какъ святыню,
И прочиталъ онъ на чашѣ
Древнюю повѣсть безмолвныхъ могилъ и гробницъ:
„Вѣчно лишь море, безбрежное море и небо,
Вѣчно лишь солнце, земля и ея красота,
Вѣчно лишь то, что связуетъ незримою связью
Душу и сердце живыхъ съ темной душою могилъ.“

ИВАНЪ БУНИНЪ.

* * *

Мы встрѣчались съ тобой на закатѣ.
Ты весломъ разсѣкала заливъ.
Я любилъ твое бѣлое платье,
Утонченность мечты разлюбивъ.
Были странны безмолвныя встрѣчи.
Впереди—на песчаной косѣ
Загорались вечернія свѣчи.
Кто-то думалъ о блѣдной красѣ.
Приближеній, сближеній, сгараній—
Не пріемлетъ лазурная тишь...
Мы встрѣчались въ вечернемъ туманѣ,
Гдѣ у берега рябь и камышъ.
Ни тоски ни любви, ни обмана.
Все померкло, прошло, отошло...
Очертаніе бѣлаго стана.
И твое золотое весло.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

Стихъ о святой горѣ.

Трудна работа Господня.
Слова Вл. Соловьева на смертномъ одрѣ.
(В. Евр. 1900, IX, 420).

Ты святися, наша мати—Земля Святорусская!
На твоемъ ли просторѣ великомъ,
На твоемъ ли раздольи широкомъ,
Что промежъ Студенаго моря и Теплаго,
За тѣми лѣсами высокими,
За тѣми озерами глубокими,
Стоитъ гора до поднебесья.
Ужъ и къ той ли горѣ дороги неѣзжены,
И тропы къ горѣ неторены,
А и конному пути заказаны,
И пѣшему заповѣданы;
А и Господь ли кому тѣ пути открылъ—
И того слѣды неслѣжены.
Какъ на той на горѣ свѣтловерхой
Труждаются святые угодники,
Подвизаются вѣрные подвижники,
Ставятъ церковь соборную, богомольную;

А числомъ угодники нечислены,
Честнымъ именемъ подвижники неявлены,
Неявлены—неизглаголаны.
И строючи ту церковь нагорную,
Тѣ ли угодники Божіи, подвижники,
Что сами творятъ, не видятъ, не вѣдаютъ,
Незримое зиждутъ благолѣпіе.
А и каменіе тешутъ—оно бѣлѣется,
А и каменіе складаютъ—оно не видится.
А стѣны ль кладутъ, аль подстѣніе,
Аль столпы ставятъ опорные,
Аль своды сводятъ свѣтлосѣнные.
Али главы кроютъ зарныя, червонныя,
Аль честные пишутъ образы со писаніи,—
И то угодники вѣдаютъ, не видючи,
И того мы, людіе, не вѣдаемъ.
Какъ приходитъ на гору Царица Небесная,
Ей возропщутся угодники всѣ, восплачутся:
„Гой еси Ты, Матерь Пречистая!
Мы почто, почто труждаемся—подвизаемся
Зодчествомъ, краснымъ художествомъ
Въ терпѣніи и во упованіи,
А что творимъ—не видимъ, не вѣдаемъ.
Незримое зиждемъ благолѣпіе.
Ты яви міру церковь невиданную,
Ты яви міру церковь заповѣданную!“
Имъ возговоритъ Царица Небесная:
— „Ужъ вы Богу присные угодники,
А міру вы славные свѣтильники,
О святой Руси умильные печальники!
Вы труждайтеся, подвизайтеся,
Красы—славы для церкви незримыя,
Зодчествомъ, краснымъ художествомъ,
Въ терпѣніи вѣрномъ, во упованіи!
А временъ Божіихъ не лытàйте,
Ни сроковъ оныхъ не искушайте,
Не искушайте—не вывѣдывайте.
Какъ сама Я, той годиной пресвѣтлою.
Какъ сама Я, Мати, во храмъ сойду:
Просвѣтится гора поднебесная,
И явится на ней церковь создàнная,

Вамъ въ обрадованіе, и во оправданіе,
И Руси великой во освященіе,
И всему міру Божьему во осіяніе."
Тутъ Ей Божіи угодники поклонилися:
„Слава Тебѣ, Матерь Пречистая!
Ужъ утѣшно Ты трудничковъ утѣшила,
Что надежно смиренныхъ обнадежила:
Инъ по слову Твоему святому да сбудется!"
А поется стихъ во славу Божію,
Добрымъ людямъ въ послушаніе,
Во умиленіе и во упованіе.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

Нищъ и свѣтелъ.

Млѣя въ сумеречной лѣни, блѣдный день
Міру томный свѣтъ оставилъ, отнялъ тѣнь.

И зачѣмъ-то загорались огоньки;
И текли куда-то искорки рѣки.

И текли навстрѣчу люди мнѣ, текли...
Я вблизи тебя искалъ, ловилъ вдали.

Вспоминалъ: ты въ околдованномъ саду...
Но твой обликъ былъ со мной, въ моемъ бреду.

Но твой голосъ мнѣ звенѣлъ,—манилъ, звеня...
Люди встрѣчные глядѣли на меня.

И не зналъ я: потерялъ, иль раздарилъ?
Словно кладъ свой въ мірѣ свѣтломъ растворилъ,—

Растворилъ свою жемчужину любви...
На меня посмѣйтесь, дальніе мои!

Нищъ и свѣтелъ, прохожу я и пою,—
Отдаю вамъ свѣтлость щедрую мою.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

Путь въ Эммаусъ.

День третій рдяныя вѣтрила
Къ закатнымъ пристанямъ понесъ...
Въ душѣ—Голгоѳа, и могила,
И споръ, и смута, и вопросъ...

И, безпощадная, коварно
Вездѣ стоитъ на стражѣ Ночь,—
А Солнце тонетъ лучезарно,
Ея не въ силахъ превозмочь.

И Неизбѣжное зіяетъ,
И сердце душитъ узкій гробъ...
И гдѣ-то бѣлое сіяетъ
Надъ мракомъ золъ, надъ моремъ злобъ!

И женщинъ бѣлыхъ восклицанья
Въ бреду благовѣстятъ—про что?..
Но съ помаваньемъ отрицанья,
Качая мглой, встаетъ Ничто.

И кто-то, странный, по дорогѣ
Къ намъ пристаетъ и говоритъ
О жертвенномъ, о мертвомъ Богѣ...
И сердце—дышитъ и горитъ.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

* * *

Заря заряница,
Красная дѣвица,
Мать Пресвятая Богородица

По всей землѣ ходила,
Всѣ грады посѣщала,—
Въ одно село пришла,
Всѣ рученьки оббила,

Подъ окнами стучала,
Пріюта не нашла,—

Заря заряница,
Красная дѣвица,
Мать Пресвятая Богородица!

Ее отъ оконъ гнали,
Толкали и корили,
Бранили и кляли,
И бабы ей кричали:
— Когда бъ мы всѣхъ кормили,
Такъ что бъ мы сберегли?—

Заря заряница,
Красная дѣвица,
Мать Пресвятая Богородица!

Огонь небесный жарокъ.
Высокъ, далекъ, да зорокъ
Илья, святой пророкъ.
Онъ всталъ, могучъ и ярокъ,
И грозныхъ молній сорокъ
Связалъ въ одинъ клубокъ.

Заря заряница,
Красная дѣвица,
Мать Пресвятая Богородица!

По облачной дорогѣ,
На огненной телѣгѣ,
Съ зарницей на дугѣ,
Помчался онъ въ тревогѣ,—
У коней въ бурномъ бѣгѣ
По грому на ногѣ.

Заря заряница,
Красная дѣвица,
Мать Пресвятая Богородица...

И вихри закружились,
И дубы зашатались,
И молніи зажглись,
И громы разразились,—

И люди испугались,
Молиться принялись:

Заря заряница,
Красная дѣвица,
Мать Пресвятая Богородица!

Напрасныя рыданья,
Напрасныя моленья,—
Гнѣвливъ пророкъ Илья.
Не будетъ состраданья
Для грѣшнаго селенья,—
Конецъ его житья!

Заря заряница,
Красная дѣвица,
Мать Пресвятая Богородица!—

Дѣтей людскихъ жалѣя,
Сказала Пресвятая:
— Уймись, пророкъ Илья.
Грѣшатъ, не разумѣя,
Грѣшатъ, не понимая,
Но всѣмъ простила я.—

Заря заряница,
Красная дѣвица,
Мать Пресвятая Богородица

Передъ Ильею стала,
Словами не смирила,
Да съ плечъ своихъ сняла
Святое покрывало,
И все село покрыла,
И всѣхъ людей спасла,—

Заря заряница,
Красная дѣвица,
Мать Пресвятая Богородица!..

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

* * *

Посв. Вячеславу Иванову.

Млѣютъ сосны красныя
Подъ струей закатною,
Благовѣстъ разносится
Пѣсней благодатною.
Бѣлая монашенка
У окна келейнаго,
Улыбаясь, думаетъ
Думу незатѣйную:
„Всѣ лихія горести
Я въ міру оставила,
Надъ могилкой каждою
Образокъ поставила.
Окурила ладономъ,
Зельями душистыми;
Въ странствія пустилася—
Какъ младенецъ, чистая.
Вижу—церковь, пустынька
Среди лѣса малая;
Новую Владычицу
Надъ собой избрала я.
Ясность огнезрачная,
Тихость нерушимая,
Синева прозрачная,
Гладь незамутимая—
Съ нею обручилась я,
Искупалась въ свѣтлости,
Принесла обѣты ей
Неподкупной вѣрности.
Облеклась душа моя
Схимой бѣлоснѣжною,—
Сквозь нее проходу нѣтъ
Злому да мятежному.
Окропляю думы я
Влагой свѣтозарною,—
Застываютъ смирныя
Четками янтарными“.

Тьма ночная свѣяла
Пѣніе соборное,
Съ неба строго глянуло
Чье-то око черное.
Зашуршали крыльями
Думы подъяремныя;
Надъ землей повѣяло
Пламенною дремою.
Хлопнуло окошечко,
Затворилась башенка...
Спитъ и улыбается
Бѣлая монашенка.

АДЕЛАИДА ГЕРЦЫКЪ.

* * *

Я блуждалъ въ лѣсу родимомъ,
Гдѣ звенѣла тишина;
Гдѣ зеленымъ сладкимъ дымомъ
Разливалась по полянамъ
Грустно-синяя весна.

Ты ль, дитя, съ глазами нимфы,
Мнѣ явилась въ тѣ часы,
Отряхая гіакинѳы,
Вѣя запахомъ медвянымъ
Золотой твоей косы?

Въ небѣ, ласково-хрустальномъ,
Таялъ трепетный апрѣль.
Шелъ я отрокомъ печальнымъ,
И томилась такъ напѣвно
Сердца нѣжная свирѣль.

Солнце низилось къ березѣ.
Шелъ я, плача и любя...
Въ этой отроческой грезѣ,
Ясноокая царевна,
Я предчувствовалъ тебя!

СЕРГѢЙ СОЛОВЬЕВЪ.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

Воробьиная ночь.

Валили валомъ густыя облака, не изникали,—имъ смѣты нѣтъ. За облаками возили копы, и туча шла за тучей, какъ за копой копа по полю, поскрипывали колеса.

Вѣтромъ повѣяло, грянулъ бы громъ,—не вѣяли вѣтры, не крапнулъ дождикъ.

Ни звѣринаго по́топу, ни змѣинаго по́шипу.

Въ тихихъ заводьяхъ лебеди пѣли.

И разомкнулось тридевять золотыхъ замковъ, раскуталось тридевять дубовыхъ дверей—туча за тучу зашла—затрещало, загикало, свистѣло, гаркало.

Червонные воробушки — ночные полуночники, выпорхнувъ, кинулись летать по небу.

Ковалъ кузнецъ воробьиную свадебку, ковалъ крѣпко-на-крѣпко, вѣчно-на-вѣчно,—не разсушитъ солнцемъ, не размочитъ дождемъ, не раскинетъ вѣтромъ, не разскажутъ люди.

Ковалъ кузнецъ вѣковой вѣнокъ.

И стала передъ воробушкой чужая сторона, не изюмомъ, горемъ усаженная, не травой, слезами покрытая.

Узлюлекнула воробушка:

— Понеситесь вы, вѣтры, съ высокихъ горъ! Подуйте, вѣтры, на звонки колоколы! Вы ударьте, звонки колоколы, по сырой землѣ, раздвоите вы сыру землю на могилѣ матери. Вы сшибите, звонки колоколы, гробову доску! Разомкните руки матери, раскройте глаза ея, поставьте ее на ноги. Не придетъ ли она, не прилетитъ ли къ моему дню и часу великому.

Летали червонные, прятались-тулились подъ небесныя ракиты и мосты калиновые, нагуливались воробушки до́-любви.

Раскунѣжились, пошли плясать въ присядку, квасили, жарили другъ дружку по носамъ. Одинъ воробей въ трубу скоканулъ, другой воробей въ колодецъ упалъ, третій воробей нивѣсть что надѣлалъ.

И падали, кто какъ попало, безхвостые, безклювые съ неба на землю,—навалили горы воробьевыя, и ничего-то горы не родили, родили горы одинъ бѣлъ горючъ камень.

Заныло сердце, какъ малое дитятко:

— Родимая моя матушка! Что же ты ко мнѣ не подшатнешься. Разступитесь, пропустите! Подшатнись-ка ты, посмотри на меня...

Зацвирило все небо, красно, что жаръ.

Роскачёнъ жемчугъ—васильковая слеза катится съ лица на грудь, съ груди на траву.

Перекати-поле унесла слезу.

Не разжалила она сердце матери.

— Знать, отволила я мою волю, отнѣжила мою нѣгу, открасовала дѣвичью красоту.

Сердце матери оборотливо, обернется, дастъ великое благословеніе.

И раскрылась могила, стоитъ мертвая.

А тамъ разбили сорокъ сороковъ, тридцать три бочки,—хлынуло пиво-медъ пьяное-распьяное.

Всѣ поля и луга, лѣса, перелѣски, заборы и крыши до корня смочены.

Первые пѣтухи пропѣли—полночь прошла, и вторые пѣтухи пропѣли—передъ зарей, и третьи пѣтухи пропѣли—на самой зарѣ.

А они неугомонные, червонные воробушки, справляли великій запой, хмельные ворушили, вили гнѣздо ремезово.

Догорѣла страстная свѣча, закурились избы,—волокомъ съ села до села стлались книзу сизые дымы.

Поросятки-викуны рылись подъ грушей въ сладкихъ падалкахъ, а ихъ была цѣлая груда—непочатый край.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

Крѣсъ.

Эна какая—разливная весна!—повытаялъ снѣгъ съ полей, повынесло ледъ съ рѣки, разошлась вода со льдомъ, разлились рѣки съ горъ, протекли—бьютъ ключи, и, круглыя, полныя съ берегомъ, катятъ озера.

А по розсыпи волнъ на волѣ Водыльникъ, (водяникъ) и одна голова, какъ куча сѣнная, торчитъ надъ водой: ничѣмъ не заманишь чумазаго въ темень—на остудное (постылое) дно, довольно зимой наклевался ершей, плыветъ, охмелѣлъ.

Суховерхое дерево грѣется. Веселѣетъ еловая роща.

Оживаютъ дыбучіе мхи.

Облако къ облаку,—пушистыя сходятся.

Пугливо за облако теряется солнце.

И движется туча хмуро и грузно,—заждалась, свистучая, шатаетъ подоблачье.

К р ѣ с ъ—искра; огонь, вызванный ударомъ изъ камня,—небесный свѣтъ.

Горностай тягу далъ подъ малиновый прутикъ.
Черкнула ласточка.

Да какъ заторандитъ да какъ загрохочетъ—съ грохотомъ—громомъ катитъ гремящій Громовникъ: съ уклада складено сердце, съ желѣза скованы груди,—торокомъ-вихремъ рѣжетъ небесные снѣги Поднялъ. Нацѣлилъ. Спускаетъ стрѣлу—Крѣсъ.

И вспыхнуло. Всполохнулся отъ искры небесный сводъ,—весело горитъ, и земля подъ топотъ толкучаго грома, просверленная мѣткой стрѣлой до самаго пупа, вся горитъ.

Пробудились, встаютъ клевучія змѣи и все звѣрье и всѣ птицы изъ темнаго залѣсья: привѣтливыя и догадливыя, хищныя, жалобныя, горегорькія, скоролетныя, златокрылыя, говорящія, косатыя —соколъ, орелъ, соловей и гусь заблудущій, и сорока поскокунья, и ворона полетучая, и загнанный заяцъ.

Такъ до самаго вечера, пока держалась туча и во всю громыхалъ безстрашный Громовникъ, звон-унылая пѣсня звѣрья разливалась съ края по край—съ береговъ небывалыхъ дотуда, гдѣ бездорожье живетъ.

Такъ до капельки вылилась туча, высѣявъ землю.

Любуясь, по синимъ дорогамъ уплыло солнце а вслѣдъ за нимъ теплая ночь вышла надъ теплой землей.

На прибойномъ берегу вѣщая древняя Мо́куша, щелкая веретеномъ, пряла всю ночь горящую нить изъ священныхъ огней; кузнецы стояли въ кузницахъ, разжигали булатъ—желѣзо, ковали желѣзные обручи на наши сердца, и водныя Бродницы, плавая тихо, волновали бѣлыми платьями воды и, чаруя глубокія нѣдра, призывали навье и велей изъ сырыхъ и темныхъ могилъ.

„Проснитесь и пойте, проснитесь!—наступаетъ всему воскресенье, начинайте же пляску!“

И въ землѣ копошилось, раскатывались камни Разсыпались пески, разступалась земля.

А тамъ—ненаглядныя звѣзды и до зари, какъ всходить ей на небо, онѣ, все играя, свивали тоску, ненаглядныя.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

Петровъ день.

Дѣвушки русалочки, нынче нашъ послѣдній день!
Свѣтъ за лѣсомъ занимается, поблѣднѣли небеса,
Собираются съ дубинами мужики изъ деревень
На опушку у зеленаго холоднаго овса.

Мы изъ рѣчки—на долину,
Изъ долины—по отвѣсу,
По березовому лѣсу—
На равнину,
На востокъ, на ранній свѣтъ,
На серебряный разсвѣтъ,
На овсы—
Вдоль по жемчугу по сизому росы!

Дѣвушки русалочки, звонко стало по лугамъ.
Забѣлѣла рѣчка въ сумракѣ, въ алѣющемъ пару.
Пнями пахнетъ лѣсъ березовый по откосамъ, берегамъ,
Густъ и зеленъ онъ, кудрявый, по утру!

По утру вода тепла,
Холодна трава сѣдая—
А въ лѣсахъ она густая—
Да ужъ скоро соберутся изъ села!
Мы изъ рѣчки—на откосы,
На опушку—изъ березъ,
На бѣгу растреплемъ косы,
Упадемъ съ разбѣгу въ росы—
И до слезъ
Щекотать другъ друга будемъ,
Хохотать и, на зло людямъ,
Мять овесъ.

Дѣвушки русалочки, стойте, поглядите на разсвѣтъ!
Бѣлъ востокъ алѣетъ, ширится,—широко зарей въ
поляхъ.
Ни души то нѣту, милыя,—только ранній алый свѣтъ,
Да холодный крупный жемчугъ на стебляхъ.

Мы, нагія,
Всѣмъ чужія,
На опушкѣ, на полянѣ,
Блѣдны, по поясъ въ пару...
Намъ пора, сестрицы, къ нянѣ,
Ко двору!
Жарко въ небѣ солнце божье
На Петровъ играетъ день:
До Ильи сулитъ бездождье,
Пыль, сухмень.
Ночью омутъ нашъ, сестрицы,
Теменъ, слѣпъ.
Ночью знойныя зарницы
Зарятъ хлѣбъ.

ИВАНЪ БУНИНЪ.

Заклинанье.

Расточитесь, духи непослушные,
Разомкнитесь, узы непокорныя,
Распадитесь, подземелья душныя,
Лягте, вихри, жадные и черные.

Тайна есть, великая, запретная.
Есть обѣты—ихъ нельзя развязывать.
Человѣческая кровь—завѣтная,
Солнцу кровь не велѣно показывать.

Разломись Оно, проклятьемъ цѣльное!
Разлетайся, туча изступленная!
Бейся сердце, каждое,—отдѣльное,
Воскресай, душа освобожденная!

З. ГИППІУСЪ.

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

Яга.

Какъ въ два ряда та хата—
Узоры до земли.
Три сокола, три брата,
Три витязя росли.

Какъ первый черноокій,
А щеки-то заря.
А кудри-лежебоки
Свѣтлѣе янтаря.

Второй—голубоглазый,
А волосы—ни зги,
Прошивы да алмазы
На платьѣ дороги.

А третій желто-рыжій,
Солома и кумачъ.
Веселый да безстыжій,
Неряха и лохмачъ.

И всѣмъ троимъ охота,
Красавицу Ягу
Зазвавши изъ болота,
Любиться на лугу.

У той Яги, у дѣвы,
Лѣсные волоса.
Прилуки да запѣвы,
Змѣиная краса.

Никто ея не можетъ,
Кто видѣлъ, разлюбить:
Тоска-любовь изгложетъ,
Кручины не избыть.

Вотъ первый братъ несется
На сивонькомъ конѣ,
Яга въ болотѣ вьется:
Нагнися, другъ, ко мнѣ!

У друга кровь играетъ,
Съ коня на мохъ скорѣй,
Яга ему ласкаетъ
Колосики кудрей.

И вдругъ съ травы столкнула
Невѣдомо куда,
Змѣею ускользнула,—
Второму череда.

Вотъ мчится синеокій,
А волосы какъ смоль.
— Нагнись ко мнѣ высокій,
Мнѣ сердце приневоль!

И новаго ласкаетъ,
Пылаетъ кровь-руда,
И вдругъ его толкаетъ
Невѣдомо куда.

Стучитъ, трясетъ болото,
Гремитъ и тонетъ гать,
И третьему охота
Съ Ягою поиграть.

Онъ самъ къ Ягѣ на кочку
Валится изъ дупла,
Зоветъ на небо ночку:
Свѣтла бы да тепла!

Но тьма Ягою дѣвой
На дно отведена.
— Ахъ, милы браты, гдѣ вы?
Откликнитесь со дна!

— Твоихъ братовъ, любимый,
Совсѣмъ не знаю я.
Съ тобой на мху одни мы,
Смотри: Яга твоя.

И ласково толкаетъ
Невѣдомо куда.
Толкаетъ и ласкаетъ:
Пылай же, кровь-руда!

А рыжій какъ рванется,
Со мховъ на кочку скокъ,
И смотритъ: змѣйка вьется,
Болотный огонекъ.

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

Русь.

Русь! Что больше, и что ярче,
Что сильнѣй, и что смѣлѣй!
Гдѣ сіяетъ солнце жарче,
Гдѣ сіять ему милѣй?

Поле, поле! Все—раздолье,
Вся душа—кипучій ключъ,
Вѣковой вспѣненный болью,
Напоенный горемъ тучъ.

Да, бѣдна ты и убога,
И несчастна и темна.
Горемычная дорога
Все еще не пройдена.

Но и нѣтъ тебя счастливѣй
На стремительной землѣ,
Нѣту счастья молчаливѣй,
Нѣту доли горделивѣй,
Больше свѣта на челѣ.

У тебя въ глуши родимой
Не народъ, а яръ-кремень,
Гнетъ терпѣлъ невыносимый
Въ темной жизни деревень.

У тебя по чернымъ хатамъ
Потомъ жилистой руки
Днямъ раздольнымъ и богатымъ
Копятъ силу мужики.

У тебя по вешнимъ селамъ
Ходятъ дѣвушки-цвѣты,
Днемъ не смаяны тяжелымъ,
Правдой юности святы.

Горе горькое изжито!
Вся омытая въ слезахъ,
Плугомъ тягостнымъ разрыта,
Солнцу грудь твоя открыта,
Счастье добыто въ бояхъ!

Много воплей запѣвали
Горя русскаго пѣвцы.
И терновые сплетали
Бѣдной родинѣ вѣнцы.

Стало небо загораться,
И пора уже, пора
Бодрой пѣснѣ разыграться,
Звякнуть звонче серебра.

Изъ неволи да на волю,
Въ золотыя времена!

Покидай глухую долю,
Подошла твоя весна.

Здравствуй, міру засіявшій
Алый свѣтъ, огонь-летунъ!
Надъ тобой горитъ возставшій,
Небо заревомъ обнявшій
Богъ побѣды, яръ Перунъ!

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

Полюбовницы.

Древеницы въ лѣсу заплетали
Замурудные мхи-волоса.
Высоко пряди-космы взлетали,
Заметали, мели небеса.

„Поцѣлуй, зацѣлуй до утомы!“
Молвилъ той, что постарше была:
„Залучу въ золотыя хоромы,
Въ жемчуга облеку до чела“.

„Жемчуга моей милой не стоятъ“.
И подругу цѣлуетъ въ уста:
„Мнѣ парчой она небо покроетъ,
Изукраситъ въ цвѣты и цвѣта“.

„Поцѣлуй, зацѣлуй до утомы!“
Молвилъ той, что моложе была:
„Залучу въ золотыя хоромы,
Въ жемчуга облеку до чела“.

— „Жемчуга моей милой не стоятъ“.
И подругу цѣлуетъ въ уста:
„Мнѣ парчой она землю покроетъ,
Изукраситъ въ цвѣты и цвѣта.“

— „Такъ цѣлуйтесь, милуйтесь на волѣ!“
Молвилъ старшей и младшей, двоимъ:
„Закачусь въ многоцвѣтное поле,
Обнимусь съ родникомъ ледянымъ!“

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

Странникъ.

Благословенъ путь сираго странника.
Да славится мірная божья тропа!
Міръ! міръ! пріими изгнанника,
Чья доля—слѣпа.
Овѣйте, вѣтры, могучіе, вольные,
Больную, усталую душу сироты.
Звоните, звоните, звоны колокольные!
Мой свѣтлый ангелъ, сойди съ высоты.
Лѣса родимые, дремучіе, темные,
Меня пріимите, какъ отчій кровъ.
Къ вамъ приходятъ всѣ бездомные,
Всѣ, кто слышитъ великій зовъ.
И вы, поля, просторы волнистые,
Согрѣйте странника на груди своей.
Вамъ поля,—и помыслы чистые,
Вамъ—и черную тягу скорбей.
Благословенъ путь сираго странника.
Да славится мірная божья тропа!
Міръ! міръ! пріими изгнанника,
Чья доля—слѣпа.

ВИКТОРЪ СТРАЖЕВЪ.

Талисманъ.

Родила меня мать въ гололедицу,
Умерла отъ лихого житья.
Но пришла золотая медвѣдица,
Пѣстовала чужое дитя.

Въ полнолунье водила на просѣки,
Ворожила при ясной лунѣ.
И росли золотые волосики
У меня на груди и спинѣ.

Языку научила звѣриному
И священныхъ шептанью дубравъ.
Я въ затонахъ внималъ шелестиному,
Заунывному голосу мавъ.

Но ушла золотая медвѣдица,
На прощанье дала талисманъ.
Оттого-то поется и грезятся
Мнѣ лѣса, и рѣка, и туманъ.

ГР. АЛЕКСѢЙ Н. ТОЛСТОЙ.

Ожиданіе.

Ночь нѣмая, ночь глухая, ночь слѣпая:
Ты тоска ль моя, кручина горевая!

Изомлѣло сердце лютою прилукой,
Ледяной разлукой, огненною мукой.

Пріуныло сердце, изнывая;
Притомилось, неистомное, поджидая,—

Дожидаючи прежде зорь свѣта алаго,
Свѣта въ полночи, дива небывалаго:

Не дождется ли оклика завѣтнаго,
Не заслышитъ ли стука запоздалаго,—

Друга милаго, гостя возвратнаго,
Пріусталаго гостя, обнищалаго,—

Не завидитъ ли свѣта доразсвѣтнаго?
Темной ночью солнца незакатнаго?

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

* * *

Царица смотрѣла заставки—
Буквы изъ красной позолоты.
Зажигала красныя лампадки,
Молилась Богородицѣ Кроткой.

Протекали надъ книгой Глубинной
Синія ночи царицы.
А къ Царевнѣ съ вышки голубиной
Прилетали бѣлыя птицы.

Разсыпала Царевна зерна,
И плескались бѣлыя перья.
Голуби ворковали покорно
Въ терему—подъ узорчатой дверью.

Царевна румянѣй царицы—
Царицы, ищущей смысла.
Въ книгѣ на каждой страницѣ
Золотыя, да красныя числа.

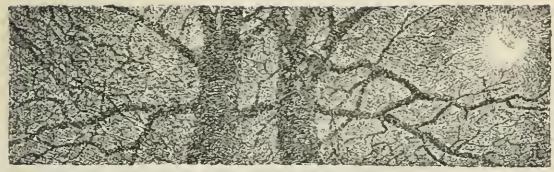
Отворилось облако высоко,
И упала Голубинная книга.
А къ Царевнѣ изъ лазурнаго ока
Прилетѣла воркующая птица.

Царевнѣ такъ томно и сладко—
Царевна-Невѣста, что лампадка.
У царицы синія загадки—
Золотыя, да красныя заставки.

Поклонись, царица, Царевнѣ,
Царевнѣ золотокудрой:
Отъ твоей глубинности древней—
Голубиной кротости мудрой.

Ты сильна, царица, глубинностью,
Въ твоей книгѣ раззолочены страницы.
А Невѣста одной невинностью
Твои числа замолитъ, царица.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.



Живая вода.

Богатыри родные,
Въ васъ свѣтятъ небеса,
Въ васъ водные, степные,
Лѣсные голоса.

Вы дѣтство укачали,
Какъ зимняя мятель
Качаетъ въ снѣжной дали
Загрезившую ель.

Вы въ отрочествѣ жили,
Какъ отсвѣтъ вѣчныхъ силъ,
Какъ стебель давней были,
Который тьму пробилъ.

Вы юность обвѣнчали
Съ нарядною мечтой,
Съ глубинностью печали,
Съ улыбкой золотой.

Когда мечта хотѣла
Быть въ яркой зыби дней,
Вы поглядѣли смѣло,
Жаръ-Птицу дали ей.

Когда въ затонъ мечтанья
Вошла, какъ тѣнь, печаль,
Вы сдѣлали страданье
Прозрачнымъ, какъ хрусталь.

Мгновенья потонули,
Но, жезлъ подъявши свой,
Вы молодость вернули,
И смѣхъ, съ водой живой.

И гдѣ сошлись дороги,
Вашъ образъ—какъ звѣзда.
Богатыри, вы боги,
Вамъ жить и жить всегда.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Вѣдогонь.

Заболотѣла рѣка, покрыты дерномъ въ полѣ распашистыя полосы.

Скошенъ лугъ, убранъ хлѣбъ, конченъ сѣвъ, отошла брусника.

И срывалъ вѣтеръ листья съ деревъ, несъ ихъ, колебля, по воздуху; просушивъ, откатывалъ, шурша, посторонь осиротѣлаго дерева.

Загружалось листьями озеро.

Золотой кудрявый лѣсъ, рудѣя съ каждымъ утренникомъ, рѣдѣлъ съ каждымъ солнышкомъ. Летала паутина вдоль по лѣсу, подымалась цѣпкая до маковки и, скатясь по вѣтвямъ, обскочила кругъ пустыннаго.

По утрамъ, на зарѣ она, промерзая, становилась прозрачнѣй и легче и, свившись червемъ, качалась въ дырявыхъ покинутыхъ гнѣздахъ и тамъ началась вдвое-втрое лѣтошняго.

Доступила на пѣгой кобылѣ дождливая осень—прощальные ясные дни.

* * *

Сонная осень.

По берлогамъ звѣри заснули—имъ тепло мохнатымъ: все будто лѣто.

Вѣтеръ, гуляя по полю и лѣсу, шумитъ на просторѣ.

И Вѣдогони—охранители-духи выходятъ изъ сонныхъ звѣрей, стоятъ, караулятъ берлогу.

Стоять караулить подъ дождемъ у берлоги—скучно, и отъ нечего дѣлать Вѣдогони дерутся другъ съ другомъ даже до смерти.

Бѣда: чей не осилитъ и его поколотятъ—и звѣрь того Вѣдогоня во снѣ самъ собой кончитъ.

Такъ много звѣрей погибаетъ въ осеннюю пору неслышно.

Вѣтеръ все глуше. Ночи длиннѣе. Зазимье.

Счастливый—кто родился въ сорочкѣ—у того тоже есть свой Вѣдогонь—охранитель, какъ у звѣря.

Вотъ, усыпляя, онъ вышелъ мышью изъ сонаго тѣла и бродитъ по бѣлому свѣту: куда-куда ни заходитъ, на какія на горы, на какія на звѣзды. А вотъ и вернулся, и встанетъ счастливый отъ крѣпкаго сна: сказочникъ сказку сложитъ, а пѣсельникъ пѣсню споетъ. Это все Вѣдогонь насказалъ и напѣлъ—сказку и пѣсню.

Счастливый—кто родился въ сорочкѣ, берегись, коли дрема уводитъ, твои дни сочтены: Вѣдогони драчливы—встрѣтятся, сцѣпятся и пошла потасовка, а послѣ, смотришь, и нѣтъ одного. А ты не проснешься.

Такъ немало счастливыхъ гибнетъ въ осеннюю пору неслышно.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

Темь.

О темная Земля!
Ты любишь Солнце; Солнцемъ ты любима.
Мечъ Херувима
Испепелилъ одежды

Твои, вдова Эдема: даръ надежды,
Духъ умоля,
Ты сберегла, опальная Земля!

Данъ Солнцамъ свѣтъ,
И темь—Землямъ. И Духъ вездѣ, страдальный.
Но Мракъ печальный
Утѣшенъ озареньемъ;
И страждетъ Свѣтъ, своимъ свѣтясь горѣньемъ.
Ахъ, дара нѣтъ
Тому, кто—даръ! И кто освѣтитъ—Свѣтъ?

Алчба лучей; алчба
Исполниться; и сирый плачъ вдовицы,
И страсть юницы,
И материнства муки —
Тебѣ даны съ завѣтами Разлуки!
Тебѣ гроба́
И колыбель! тебѣ—небесъ алчба!

Твои, о Мать, сыны—
Съ тобой въ тоскѣ на небо мы взираемъ
За чуждымъ раемъ;
Какъ ты, живемъ надеждой,
И наги мы подъ солнечной одеждой;
Какъ ты—темны,
Твой зрящій сонъ мы зримъ, твои сыны!

Но Небомъ былъ зачатъ
Нашъ темный родъ—Титановъ падшихъ племя.
И солнца сѣмя,
Прозябнувъ въ насъ, освѣтитъ
Твой ликъ, о Мать!.. Ахъ, если Свѣтъ, что
свѣтитъ,—

Въ себѣ распятъ,—
Пусть Духъ распнетъ насъ, кѣмъ твой свѣтъ
зачатъ!

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

* * *

Свѣтлый сонъ, ты не обманешь,
Ляжешь въ утренней росѣ,
Алой пылью тихо встанешь
На закатной полосѣ.

Солнце небо опояшетъ,
Вотъ и вечеръ—весь въ огнѣ.
Зайчикъ розовый запляшетъ
По цвѣточкамъ на стѣнѣ.

На балконѣ, гдѣ алѣютъ
Мхи старинныхъ баллюстрадъ,
Дѣды дремлютъ и лелѣютъ
Сны французскихъ баррикадъ.

Мы внимаемъ ветхимъ дѣдамъ,
Будто статуямъ изъ нишъ:
Сладко вспомнить за обѣдомъ
Старый пламенный Парижъ,

Протянувъ больную руку,
Сладко юнымъ погрозить,
Сладко гладить кудри внуку,
О минувшемъ говорить.

И въ алѣющемъ закатѣ
На балконѣ подремать,
Въ мягкомъ стеганомъ халатѣ
Перебраться на кровать...

Скажутъ:—Поздно, мы устали.
Разойдутся на зарѣ.
Я съ тобой останусь въ залѣ,
Лучикъ ляжетъ на коврѣ.

Милый сонъ, вечерній лучикъ...
Тѣни бархатныхъ рѣсницъ...
Въ золотистыхъ перьяхъ тучекъ
Танецъ нѣжныхъ вечерницъ...

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

Самаканъ.

Въ кругъ дѣвичій посадите,
Гостя чаркой обнесите;
Ой, гусляръ! Ой, гусляръ!

Спой про сокола-финиста,
Про чеканное монисто,
Ой, гусляръ! Ой, гусляръ!

Ладомъ въ ладушки ударимъ,
Краснымъ золотомъ одаримъ;
Ой, гусляръ! Ой, гусляръ!

Струны мои, струны неурывчаты!
Пѣсни, мои пѣсни переливчаты!
Думы мои за море летятъ;
За моремъ три старицы стоятъ,
Старицы клобушныя, да мудрыя,
Спрятали царевну на Словутъ-горѣ.

По морю, по камушкамъ пойду я,
Пѣснями царевну расколдую,
Струны мои серебромъ разсыпятся,
Встанетъ царь-дѣвица въ алой зыбицѣ,
Жемчугомъ расшитый сарафанъ...
Здравствуй ты, царевна-Самаканъ.

Не понять вамъ пѣсни, дѣвицы,
Золотой не разгадать,
И въ царевнинъ теремъ лѣстницы
Ни по что не отыскать.

Поклонился гусляръ до полу,
И пошелъ въ студеную ночь,
Отъ гостей отъ чарки прочь,
И запѣлъ, заплакалъ по полю.

Звѣзды, мои звѣзды, голубыя,
Очи царь-дѣвицы золотыя...

Синее ты, небо, запрокинулось,
Пѣсню мою смертную я кину въ высь
Пѣсню о царевнѣ-Самаканъ:
Сыпь же, вѣй же серебромъ, буранъ.

ГР. АЛЕКСѢЙ Н. ТОЛСТОЙ.

Росянка.

ХЛЫСТОВСКАЯ.

Землица яровая,
Смуглица мать сырая,
Ни зги въ избенкѣ сѣрой.
Иди, иди, поилецъ!
Тряхни водицу съ крылецъ!
Сберемъ водицу съ вѣрой.

Мы заждались,
Стосковались,
Заплетая косы;
Притомились,
Уморились,
Собирая росы —
И надъ каждою росинкой
Приговаривая,
Дружку тонкой хворостинкой
Пріударивая:
Засидѣлись въ дѣвкахъ дѣвки,
Заневѣстились.
Эхъ вы, дѣвки однодневки,
Чѣмъ невѣстились!
Тѣмъ ли пятнышкомъ родимымъ,
Что на спинушкѣ,
Тѣмъ ли крестикомъ любимымъ
Изъ осинушки.
Въ огороженномъ двору,
На осиновомъ колу

Запѣваетъ пѣтушокъ.
Ѣдутъ, ѣдутъ по селу,
Будетъ, будетъ ввечеру
Всякой дѣвкѣ женишокъ.

Сидѣнье земляное,
Окошко слюдяное,
Ни зги въ избенкѣ сѣрой.
Пришелъ, пришелъ поилецъ!
Темно отъ сизыхъ крылецъ...
Ой, дружки, въ Бога вѣруй!

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

* * *

Поля мои,—снопы мои,—
Некошены,—невязаны!
Хожу по нимъ,—гляжу на нихъ,—
А быль ихъ не разсказана.

Безгрозные, безгрезные,
Надъ ними дни маячатся;
Не дѣетъ чаръ скупая ночь—
Стоячая, незрячая.

Не сѣется, не зрѣется
Среди жнивья забытаго.
Жалѣю ли, горюю ли,—
Про то нельзя выпытывать.

Какія-то видѣнія—
Небужены, застужены—
Вздымаются зыбучими
Туманами—курганами...

АДЕЛАИДА ГЕРЦЫКЪ.

Надъ колыбелью.

Наташѣ.

Засни, моя дѣточка милая!
Въ лѣсъ дремучій по камушкамъ мальчика-спаяльчика,
Накрѣпко за руки взявшись и птичекъ пугая,
Уйдемъ мы отсюда, уйдемъ навсегда,
Привѣтливо насъ повстрѣчаютъ красные маки,
Не станетъ царапать дикая роза въ колючкахъ,
Злую судьбу не прокаркнетъ птица-вѣщунья,
И мимо на стулѣ промчится косматая вѣдьма,
Мимо мышиныя крылья просвищутъ Змія съ огненной пастью,
Мимо за медомъ-малиной Мишка пройдетъ косолапый...
Они не такіе...
Не тронутъ.

Засни, моя дѣточка милая!
Убѣгутъ далеко-далеко твои быстрые глазки...
Не морозъ—это солнышко ѣдетъ по зорямъ шелковымъ,
Скрипятъ его золотыя, большія колеса...
Смотри-ка, сколько играетъ камней самоцвѣтныхъ!
Растворяетъ намъ дверку избушка на лапкахъ куриныхъ,
На пяткахъ собачьихъ.
Рѣзное оконце въ красномъ пожарѣ...

Раскрылись желанныя губки,
Свѣтлое личико ангела краше.
Вѣютъ и грѣютъ тихія сказки...
Полночь крадется.
Темная темь залегла по путямъ и дорогамъ.
Гдѣ-то въ трубѣ и за печкой
Вѣтеръ ворчливо мурлычетъ.
Вѣтеръ... ты меня не покинешь?
Дѣточка... милая...

Алексѣй Ремизовъ.

Косари.

На косѣ роса горитъ,
Подъ косой трава свиститъ;
Коростель кричитъ въ болотѣ,
Въ пышномъ полѣ отъ зари
Распотѣшились въ работѣ,
Распотѣли косари.

Солнце пышитъ желтымъ жаромъ
И звенитъ трава подъ жаломъ...
По кошнинѣ лапоткомъ
За переднимъ ходокомъ.

Пѣсни долгія звенятъ,
Красны дѣвки ходятъ въ рядъ;
Растегнулися паневы,
Тѣло бѣлое горитъ...

Звонче пойте, чернобровы,
Только старый ночью спитъ.
Солнце пышитъ желтымъ жаромъ
И звенитъ трава подъ жаломъ...
По кошнинѣ лапоткомъ
За переднимъ ходокомъ.

ГР. АЛЕКСѢЙ Н. ТОЛСТОЙ.

З. Н. ГИППІУСЪ.

Между.

На лунномъ небѣ чернѣютъ вѣтки...
Внизу—чуть слышно шуршитъ потокъ.
А я качаюсь въ воздушной сѣткѣ,
Землѣ и небу равно далекъ.

Внизу—страданье, вверху—забавы,
И боль и радость—мнѣ тяжелы.
Какъ дѣти, тучки, тонки, кудрявы...
Какъ звѣри, люди, жалки и злы.

Людей мнѣ жалко, дѣтей мнѣ стыдно,
Здѣсь—не повѣрятъ, тамъ—не поймутъ.
Внизу мнѣ горько, вверху—обидно.
И вотъ я въ сѣткѣ—ни тамъ, ни тутъ.

Живите, люди! Играйте, дѣтки!
На все, качаясь, твержу я „нѣтъ“...

Одно мнѣ страшно: качаясь въ сѣткѣ,
Какъ встрѣчу теплый, земной разсвѣтъ?

А паръ разсвѣтный, живой и рѣдкій,
Внизу рождаясь, встаетъ, встаетъ...
Ужель до солнца останусь въ сѣткѣ?
Я знаю, солнце меня сожжетъ.

З. ГИППІУСЪ.

Все кругомъ.

Страшное, грубое, липкое, грязное,
Жестко-тупое, всегда безобразное,
Медленно-рвущее, мелко-нечестное,
Скользкое, стыдное, низкое, тѣсное,
Явно-довольное, тайно блудливое,
Плоско-смѣшное и тошно трусливое,
Вязко, болотно и тинно застойное,
Жизни и смерти равно недостойное,
Рабское, хамское, гнойное, черное,
Изрѣдка сѣрое, въ сѣромъ упорное,
Вѣчно лежачее, дьявольски-косное,
Глупое, сохлое, сонное, злостное,
Трупно-холодное, жалко-ничтожное,
Непереносное, ложное, ложное!

Но жалобъ не надо; что радости въ плачѣ?
Мы знаемъ, мы знаемъ: все будетъ иначе.

З. ГИППІУСЪ.

Нить.

Черезъ тропинку въ лѣсъ, въ уютности привѣтной,
Весельемъ солнечнымъ и тѣнью облита,
Нить паутинная, упруга и чиста,
Повисла въ небесахъ; и дрожью незамѣтной
Колеблетъ вѣтеръ нить, порвать пытаясь тщетно;
Она крѣпка, тонка, прозрачна и проста.
Разрѣзана небесъ живая пустота
Сверкающей чертой—струною многоцвѣтной.
Одно неяснее привыкли мы цѣнить.
Въ запутанныхъ узлахъ, съ какой-то страстью ложной,
Мы ищемъ тонкости, не вѣря, что возможно
Величье съ простотой въ душѣ соединить.
Но жалко, мертвенно и грубо все, что сложно;
А тонкая душа—проста, какъ эта нить.

З. ГИППІУСЪ.

Искушеніе.

Я иду. Спотыкаясь и падая ницъ,
Я иду.
Я не знаю, достигну ль до тайныхъ границъ,
Или въ знойную пыль упаду,
Иль уйду, соблазненный, какъ первый въ раю,
Въ говорящій и манящій садъ,
Но одно—навсегда, но одно—сознаю:
Не итти мнѣ назадъ!

Зной горитъ, и губы сухи,
Дали строятъ свой миражъ;
Манятъ тѣни, манятъ духи,
Шепчутъ дьяволы:—„ты нашъ!“

Были сонмы поколѣній,
За толпой въ вѣкахъ толпа,
Ты—въ неистовствѣ явленій,
Какъ въ пучинѣ водъ щепа.
Краткій срокъ ты въ безднахъ дышишь,
Отцвѣтаешь, чуть возникъ;
Что ты видишь, что ты слышишь,
Измѣняетъ каждый мигъ.
Не упомнишь словъ священныхъ,
Сладкихъ сновъ не сбережешь!
Нѣтъ свершеній не мгновенныхъ,
Таетъ истина, какъ ложь.
И сквозь пальцы мудрость міра
Протекаетъ, какъ вода,
И восторгъ блестящій пира
Исчезаетъ навсегда.
Совершивъ свой путь тяжелый,
Съ бою капли тайнъ собравъ,
Ты предъ смертью встанешь голый,
О мудрецъ,—какъ сынъ забавъ!
Если жъ смерть тебѣ откроетъ
Тайны всѣ, что ты забылъ,
Такъ чего жъ твой подвигъ стоитъ!
Такъ зачѣмъ ты шелъ и жилъ!
Все не нужно, что земное,
Шепчутъ дьяволы: „ты—нашъ“.
Я иду въ бездонномъ зноѣ...
Дали строятъ свой миражъ.

„Ты мнѣ отвѣтишь ли, о Сущій,
Зачѣмъ я жажду тѣхъ границъ?
Быть можетъ, ждетъ меня грядущій,
И я предъ нимъ склоняюсь ницъ?

О сердце! въ этихъ тѣняхъ вѣка,
Гдѣ истинъ нѣтъ, иному вѣрь!
Въ себѣ люби сверхчеловѣка...
Явись, нашъ богъ и полузвѣрь!

Я здѣсь свершаю путь безплодный,
Безсмысленный, безцѣльный путь,
Чтобъ наконецъ душой свободной
Ты могъ предъ Вѣчностью вздохнуть.

И чуять проблескъ этой дрожи,
Въ себѣ угадывать твой вздохъ—
Мнѣ всѣхъ иныхъ блаженствъ дороже...
На краткій мигъ, какъ ты, я—богъ!“

г и м н ъ.

Вновь закатъ одѣнетъ
Небо въ багрянецъ.
Горе, кто обмѣнитъ
На вѣнокъ—вѣнецъ.

Мракомъ міръ не скованъ,
Послѣ ночи—свѣтъ.
Тѣмъ, кто коронованъ,
Доли лучшей нѣтъ.

Утреннія зори—
Блескъ небесныхъ крылъ.
Въ этомъ вѣчномъ хорѣ
Богъ васъ возвѣстилъ.

Времени не будетъ,
Ночи и зари...
Горе, кто забудетъ,
Что они—цари!

Все жарче зной. Упавъ на камнѣ,
Я отдаюсь огню лучей,
Но мука смертная легка мнѣ
Подъ этотъ гимнъ, не знаю чей.
И вотъ все явственнѣй, тѣлеснѣй
Ко мнѣ, простершемуся ницъ,
Клонятся, съ умиленной пѣсней,
Изъ волнъ всздушныхъ сонмы лицъ.
О, сколько близкихъ и желанныхъ,
И ты, забытая, и ты!
Въ чертахъ, огнями осіянныхъ,
Какъ не узнать твои черты!
И молніи горятъ сапфиромъ,
Ихъ синій отблескъ—вѣчный свѣтъ,
Мой слабый духъ предъ лучшимъ міромъ
Уже заслышалъ свой привѣтъ!

Но вдругъ подымаюсь я, вольный и дикій,
И тѣни сливаются, гаснутъ въ огнѣ.
Шатаясь, кричу я,—и хриплые крики
Лишь коршуны слышатъ въ дневной тишинѣ.
„Я жизни твоей не желаю, гробница,
Ты хочешь солгать, гробовая плита!
Такъ, значитъ, за гранью—вторая граница,
И смерть, какъ и жизнь, только тѣнь и черта?
Такъ, значитъ, за смертью такой же безплодный,
Такой же безцѣльный, безсмысленный путь?
И то же мечтанье о волѣ свободной?
И та жъ невозможность во мглѣ потонуть?
И нѣтъ намъ исхода! и нѣтъ намъ предѣла!
Исчезнуть, не быть, истребиться нельзя!
Для воли, для духа, для мысли, для тѣла
Единая, та же, все та же стезя!“
Кричу я. И коршуны носятся низко,
Изъ дали таинственный манитъ миражъ,
Тамъ пальмы, тамъ влага, такъ ясно, такъ близко,
И дьяволы шепчутъ со смѣхомъ: „ты нашъ“!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Чортовы качели.

Въ тѣни косматой ели,
Надъ шумною рѣкой
Качаетъ чортъ качели
Мохнатою рукой.

Качаетъ и смѣется,
Впередъ,—назадъ,—
Впередъ,—назадъ,—
Доска скрипитъ и гнется,
О сукъ тяжелый трется
Натянутый канатъ.

Снуетъ съ протяжнымъ скрипомъ
Шатучая доска,
И чортъ хохочетъ съ хрипомъ,
Хватаясь за бока.

Держусь, томлюсь, качаюсь,
Впередъ,—назадъ,—
Впередъ,—назадъ,—
Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
Отъ чорта томный взглядъ.

Надъ верхомъ темной ели
Хохочетъ голубой:
—Попался на качели,
Качайся,—чортъ съ тобой!

Въ тѣни косматой ели
Визжатъ, кружась гурьбой:
—Попался на качели,
Качайся, чортъ съ тобой!

Я знаю, чортъ не броситъ
Стремительной доски,
Пока меня не скоситъ
Грозящій взмахъ руки,

Пока не перетрется
Крутяся, конопля,
Пока не подвернется
Ко мнѣ моя земля.

Взлечу я выше ели
И лбомъ о землю—трахъ!
Качай же, чортъ качели,
Все выше,—выше,—ахъ!

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

* * *

Темной ночью по улицѣ шумной
Пробѣгала съ надеждой безумной

Увидать въ очертаніяхъ встрѣчныхъ
Отраженіе обликовъ вѣчныхъ.

И желанье въ зрачкахъ обнажала.
И искала, искала, искала.

Возвращалась по лѣстницѣ черной
И звонила съ отвагой притворной,

Но за дверью звонокъ оборвался
И упалъ, и звенѣлъ, извинялся.

Отворила старуха, шатаясь,
Мертвецомъ въ зеркалахъ отражаясь.

И ударила руганью четкой,
Замахнулась костлявою плеткой.

И по комнатамъ шаркала глухо
И огнемъ колыхала старуха.

И смотрѣла, какъ нѣжное тѣло
Возникало во мракѣ несмѣло.

А на улицахъ стало темнѣе,
У прохожихъ на сердцѣ смутнѣе.

Зарождались желанья и вяли.
Огоньки въ фонаряхъ потухали.

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

Съ отцомъ родная сидѣла—
Молчали она и онъ;
И въ окна ночь глядѣла...
„Чу“,— молвили оба,—„звонъ“...

И мать, наклонясь, мнѣ шепнула:
„Далече—звонъ... Не дыши!..“
Душа къ тишинѣ прильнула,
Душа потонула въ тиши...

И слышать я началъ безмолвье
(Мнѣ было три весны),—
И сердцу доноситъ безмолвье
Завѣтныхъ звоновъ сны.

И видѣлъ, младенцемъ, я море
(Я росъ отъ морей вдали):
Бѣлѣли на тускломъ морѣ
Въ мерцающей мглѣ корабли.

И кто-то гладь голубую
Показывалъ мнѣ изъ окна:—
И вѣщей душой я тоскую
По чарамъ живого сна.

И видѣлъ я робкихъ оленей
У черной воды ложбинъ,
О, темный ростъ поколѣній,
О, тайный сѣвъ судьбинъ.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

Крысоловъ.

Я на дудочкѣ играю
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Я на дудочкѣ играю,
Чьи-то души веселя.

Я иду вдоль тихой рѣчки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Дремлютъ тихія овечки,
Кротко зыблются поля.

Спите, овцы и барашки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля.
За лугами красной кашки
Стройно встали тополя.

Малый домикъ тамъ таится,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Милой дѣвушкѣ приснится,
Что ей душу отдалъ я.

И на нѣжный зовъ свирѣли,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Выйдетъ словно къ свѣтлой цѣли
Черезъ садъ, черезъ поля.

И въ лѣсу подъ дубомъ темнымъ,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Будемъ ждать въ бреду истомномъ,
Въ часъ, когда уснетъ земля.

Встрѣчу гостью дорогую,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Вплоть до утра зацѣлую,
Сердце лаской утоля.

И смѣнившись съ ней колечкомъ,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Отпущу ее къ овечкамъ,
Въ садъ, гдѣ стройны тополя.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ.

* * *

Быть черною землей. Раскрывъ покорно грудь,
Ослѣпнуть въ пламени сверкающаго Ока
И чувствовать, какъ плугъ, вонзившійся глубоко
Въ живую плоть, ведетъ священный путь.

Подъ сѣрымъ бременемъ небеснаго покрова
Пить всѣми ранами потоки темныхъ водъ,
Быть вспаханной землей .. И долго ждать, что вотъ
Въ меня сойдетъ, во мнѣ распнется Слово.

Быть Матерью-Землей. Внимать, какъ ночью рожь
Шуршитъ про таинства возврата и возмездья,
И видѣть надъ собой алмазныхъ рунъ чертежъ:
По небу черному плывущія созвѣздья.

МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ.

На башнѣ. Смерть.

Вьются ввысь прозрачныя ступени.
Духъ горитъ и дали безъ границъ.
Здѣсь святыхъ сіяющія тѣни,
Шелестъ крылъ и крики бѣлыхъ птицъ.

А внизу глубоко въ древнемъ храмѣ
Вздохъ земли подъемлетъ литія.
Я иду алмазными путями
Жгутъ ступни соборовъ острія.

Подъ ногой сіяющія грозди—
Пыль міровъ и пламя бѣлыхъ звѣздъ...
Вы міры—вы огненные гвозди,
Вѣчный духъ распявшіе на крестъ.

Разорвись завѣса въ темномъ храмѣ!
Разомкнись лазоревая твердь.
Вотъ она,—какъ Ангелъ надъ мірами,
Факелъ жизни—огненная Смерть!

МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ.

Орлу.

Пусть чернь клевещетъ: не умалить
Ей голодъ горнаго крыла!
Орелъ, не вѣрь: змѣя ужалить
Не хочетъ въ облакѣ орла.

Съ безкрылой стоптанная глиной,
Когда-то странница небесъ,
Она взлюбила взмахъ орлиный
Всей памятью былыхъ чудесъ.

Сплелась съ чудовищемъ пернатымъ
И лижетъ изогнутый клювъ,

Чтобъ высоко, кольцомъ крылатымъ
Развороженное сомкнувъ,

Персть обручить и пламень горній—
И, воскресивъ старинный бракъ,
Дохнуть опаснѣй и просторнѣй—
И мертвой кануть въ душный мракъ...

О, если ты—пространствъ наперсникъ
И выше ставишь свой престолъ,
Узнай вождя, мой древній сверстникъ,
Къ инымъ поднебесьямъ, орелъ!

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

ДѢВА-ЖАЖДА.

...Тамъ за лугомъ, подъ кустами, предразсвѣтные враги
Въ часъ отравный зажигаютъ яро-желтые круги,
И на травахъ зацвѣтаютъ чьи-то нѣжные шаги,
Словно пали, все устлали росы-лалы-жемчуги...

Кто-то манитъ въ хороводы измѣненныхъ ночью дѣвъ.
И онѣ, дремотой дома обманувъ родимыхъ гнѣвъ,
Всѣ прозрачныя какъ воды, еле зримы какъ напѣвъ,
Ищутъ ласки, плескомъ пляски сказки-лиліи раздѣвъ.

Медвяныя каплютъ росы, млѣя, вѣя вкругъ куста,
Какъ льняныя свѣтлы косы, смѣлы яркія уста,
Ледяныя ноги босы, и на шеѣ нѣтъ креста;
И пылаетъ, опаляетъ, отравляетъ красота...

Но какъ очи въ страсти краше и чудеснѣй глазъ другихъ,
Такъ и дочь сосѣдки нашей тамъ прелестнѣй всѣхъ нагихъ,

Даже ночь съ алмазной чашей застить блескомъ
чаръ своихъ,
Неразгаданно-желанна въ снахъ-приманахъ доро-
гихъ.

Вмѣстѣ съ дѣвичьей косою заплетенъ любви не-
дугъ;
Вкругъ соблазновъ полосою хороводъ ея подругъ;
И одной ея красою освѣщенъ какъ въ полдень
лугъ,
Только ею ярокъ-жарокъ яро желтый росный кругъ.

Звѣзды—дерзкія рѣсницы; губы—алая руда;
Поцѣлуй улыбкѣ снится,—неусталый никогда;
Руки—взмахи бѣлой птицы; и при ласкахъ безъ
вреда
Ей знакома вся истома для излома внѣ стыда...

Какъ два выпуклыя солнца—спѣлыхъ грудей кру-
тизны,
Бѣлорозовыя розы цѣломудренно видны,
Лона лиліи—наклоны въ нѣгѣ дѣвственной весны,
И сіянья колыханья—расцвѣтанье бѣлизны.

Неизмѣнностью лучистой какъ невѣста—вся она,
Въ неизвѣданности чистой—сокровенный вкусъ вина,
Словно въ дымкѣ золотистой—въ шелкѣ русаго
руна
Цвѣтъ—обнова безъ покрововъ и готовая сполна...

Въ ней въ изгибѣ ли услада, или въ тайнѣ страст-
ныхъ жалъ,
Но погибель и отрада—сладострастный идеалъ;
Тотъ, кто зыби лилій видѣлъ, грань опасную
узналъ;—
Страненъ каждый, кто однажды дѣву-Жажду уви-
далъ!..

Н. АНДРЕЕВЪ.

Соблазнъ.

Великія мнѣ были искушенья
Я головы предъ ними не склонилъ.
Но есть соблазнъ... соблазнъ уединенья...
Его донынѣ я не побѣдилъ.

Зоветъ меня лампада въ тѣсной кельѣ,
Многообразіе послѣдней тишины,
Блаженнаго молчанія веселье—
И нѣжное вниманье сатаны.

Онъ служитъ: то свѣтильникъ зажигаетъ,
То рясу мнѣ поправитъ на груди,
То спавшія мнѣ четки подымаетъ
И шепчетъ: „съ Нами будь, не уходи!

Ужель ты одиночества не любишь?
Уединеніе—великій храмъ.
Съ людьми... ихъ не спасешь, себя погубишь,
А здѣсь, одинъ, ты равенъ будешь Намъ.

Ты будешь и не слышать и не видѣть,
Съ тобою—только Мы да тишина.
Вѣдь тотъ, кто любитъ, долженъ ненавидѣть,
А ненависть отъ Насъ запрещена.

Давно тебѣ моя любезна нѣжность...
Мы вмѣстѣ, вмѣстѣ... и всегда одни;
Какъ сладостна спасенья безмятежность!
Какъ радостны лампадные огни!“

. . . . . .

О, мука! О, любовь! О, искушенья!
Я головы предъ вами не склонилъ.
Но есть соблазнъ,—соблазнъ уединенья,
Его никто еще не побѣдилъ.

З. ГИППІУСЪ.

* * *

Люблю тебя, Ангелъ-Хранитель, во мглѣ—
Во мглѣ, что со мною всегда на землѣ.
За то, что ты свѣтлой невѣстой была,
За то, что ты тайну мою отняла.
За то, что связала насъ тайна и ночь,
Что ты мнѣ—сестра, и невѣста, и дочь.
За цѣпи мои и заклятья твои,
За то, что надъ нами—проклятье семьи.
За то, что не любишь того, что люблю.
За то, что о нищихъ и бѣдныхъ скорблю,
За то, что не можемъ согласно мы жить,
За то, что хочу и не смѣю убить—
Отомстить малодушнымъ, кто жилъ безъ огня,
Кто такъ унижалъ мой народъ и меня,
Кто заперъ свободныхъ и сильныхъ въ тюрьму,
Кто долго не вѣрилъ огню моему!
Кто хочетъ за деньги лишить меня дня,
Собачью покорность купить у меня,—
За то, что я слабъ и смириться готовъ,
Что предки мои—поколѣнье рабовъ,
И нѣжности ядомъ убита душа,
И эта рука не подниметъ ножа...
Но люблю я тебя и за слабость мою,
За горькую долю и силу твою...
Что огнемъ сожжено и свинцомъ залито,—
Того разорвать не посмѣетъ никто!
Съ тобою смотрѣлъ я на эту зарю,
Съ тобой въ эту черную бездну смотрю.
И двойственно намъ предсказанье Судьбы:
Мы—вольныя души! Мы—злые рабы!
Покорствуй! Дерзай! Не покинь! Отойди!
Огонь или тьма—впереди?
Кто кличетъ? Кто плачетъ? Куда мы идемъ—
Вдвоемъ—неразрывны—навѣки вдвоемъ?..
Воскреснемъ? Погибнемъ? Умремъ?

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

* * *

И вотъ—ты идешь
Отъ міра и жизни,
Волнуяся, ждешь
Нездѣшней отчизны,—
Гигантская ширь
Метнется огромно,
Въ лѣсахъ монастырь
Утонетъ укромно,
Вознесшись, кресты
Засвѣтятъ звѣздами,—
Тамъ скроешься ты
Съ туманными снами.
Не будетъ зыбей
Играющей силы—
Однихъ голубей
Полетъ легкокрылый,
Да вѣчный прибой
Разливовъ зеленыхъ,
Да взоръ голубой
Пространствъ просвѣтленныхъ.
И кончится нить
Дней тускло-ненужныхъ,
Ты будешь грустить
Въ видѣньяхъ жемчужныхъ,
Порою вздохнешь,
Томяся невнятно,
Порывно замрешь
Въ моленьи закатномъ.
Года пролетятъ
Незримымъ страданьемъ,
Послѣдній закатъ
Мнѣ вспыхнетъ сіяньемъ.
Просторъ разнесетъ
Призывъ мой смертельный,
Душа изойдетъ
Въ тоскѣ безпредѣльной.

АЛЕКСАНДРЪ ДІЕСПЕРОВЪ.

Въ полѣ.

Чернѣютъ въ даляхъ снѣговыхъ
Верхушки многолѣтнихъ елей
Изъ клокотаній буревыхъ
Сквозныхъ, взлетающихъ метелей.

Вздыхающихъ стенаній гласъ,
Стенающихъ рыданій мука:
Какъ въ грозный полуночи часъ
Припоминается разлука!

Непоправимое мое
Припоминается былое...
Припоминается ея
Лицо холодное и злое.

Пусть вечеромъ теперь она
Къ морозному окну подходитъ
И видитъ: мертвая луна...
И волки, голодая, бродятъ

Въ серебряныхъ, сквозныхъ поляхъ;
И синія ложатся тѣни
Въ заиндевѣвшихъ тополяхъ;
И желтые огни селеній,

Какъ очи строгія, глядятъ,
Какъ дозирающія очи;
И космы блѣдныя летятъ
Въ пространства неоглядной ночи.

И ставни закрывать велитъ...
Какъ пробудившаяся совѣсть,
Ей полуночный вѣтръ твердитъ
Моей глухой судьбины повѣсть.

Прости же, тихій уголокъ,
Тебя я покидаю нынѣ...
О, ледени, морозный токъ,
Въ морозомъ скованной пустынѣ!..

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

Золотое руно.

I.

Золотѣя, эѳиръ прсвѣтится,
И въ восторгѣ сгоритъ.
А надъ моремъ садится
Ускользающій, солнечный щитъ.

И на морѣ отъ солнца
Золотые дрожатъ языки.
Всюду отблескъ червонца
Среди всплесковъ тоски.

Встали груди утесовъ
Средь трепещущей солнечной ткани.
Солнце сѣло. Рыданій
Полонъ крикъ альбатросовъ:

„Дѣти солнца, вновь холодъ безстрастья!
„Закатилось оно—
„Золотое, старинное счастье—
„Золотое руно!“

Нѣтъ сіянья червонца.
Меркнутъ свѣточи дня.
Но вездѣ вмѣсто солнца
Ослѣпительный пурпуръ огня.

II.

Пожаромъ склонъ неба объятъ...
И вотъ аргонавты намъ въ рогъ отлетаній
Трубятъ...
Внимайте, внимайте...
Довольно страданій!
Броню надѣвайте
Изъ солнечной ткани!

Зоветъ за собою
Старикъ аргонавтъ,
Взываетъ
Трубой
Золотою:
„За солнцемъ, за солнцемъ, свободу любя,
„Умчимся въ эеиръ
„Голубой!..“
Старикъ—аргонавтъ призываетъ на солнечный пиръ,
Трубя
Въ золотѣющій міръ.

Все небо въ рубинахъ.
Шаръ солнца почилъ.
Все небо въ рубинахъ
Надъ нами.
На горныхъ вершинахъ
Нашъ Арго,
Нашъ Арго,
Готовясь летѣть, золотыми крылами
Забилъ.
Земля отлетаетъ...
Вино
Міровое
Пылаетъ
Пожаромъ
Опять:
То огненнымъ шаромъ
Блистать
Выплываетъ
Руно

Золотое,
Искрясь.

И блескомъ объятый,
Свѣтило дневное,
Что факеломъ вновь зажжено,
Несясь
Настигаетъ
Нашъ Арго крылатый,

Опять настигаетъ
Свое золотое
Руно...

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

Осенніе пляски.

Волновать меня снова и снова—
Въ этомъ тайная Воля Твоя.
Радость ждетъ сокровеннаго слова,
И ужъ ткань золотая готова,
Чтобъ душа засмѣялась моя.

Улыбается осень сквозь слезы,
Въ небеса отлетаетъ мольба,
И за кружевомъ тонкой березы
Золотая запѣла труба.

Такъ волнуютъ прозрачные звуки,
Будто милый Твой голосъ звенитъ,
Но молчишь ты, поднявшая руки,
Устремившая руки въ зенитъ.

И округлыя руки трепещутъ,
Съ бѣлыхъ плечъ ниспадаютъ струи,
За Тобой въ хороводахъ расплещутъ
Осенницы одежды свои.

Осѣненная рѣющей влагой
Распустила Ты пряди волосъ.
Хороводовъ Твоихъ по оврагу
Золотое кольцо развилось.

Очарованный музыкой влаги,
Не могу я не пѣть,—не плясать.
И не могутъ луга и овраги
Подъ стопой Твоей не сгорать.

Съ нами, къ намъ—легкокрылая младость,
Намъ воздушная участь дана...
И откуда приходитъ къ намъ Радость,
И откуда плыветъ Тишина?

Тишина умирающихъ злаковъ—
Это свѣтлая въ мірѣ пора:
Сонъ, завѣтныхъ исполненный знаковъ,
Что сегодня пройдетъ, какъ вчера.

Что полеты временъ и желаній—
Только всплески дѣвическихъ рукъ,
На землѣ—на зеленой поляніѣ—
Неразлучный и радостный кругъ.

И безбурное солнце не будетъ
Нарушать и гнѣвить Тишину,
И лѣсная трава не забудетъ,
Никогда не забудетъ весну,

И снѣжинки по склонамъ оврага
Заметутъ, заровняютъ края,
Тамъ, гдѣ имъ заповѣдана влага,
Тамъ, гдѣ пляска, гдѣ Воля Твоя.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

Радуги.

Рокоты лирные,
Спектры созвучные,
Славятъ, отвѣтные,
Васъ, огнезвучныя
Струны всемірныя,
Васъ, семицвѣтныя
Арки эѳирныя,
Ярко-просвѣтныя!
Рѣяній знаменья,
Вѣяній вѣстницы,
Райскаго ка́менья
Легкія лѣстницы,—
Васъ, нисхожденія
Отсвѣты блѣдные,
И восхожденія
Двери побѣдныя!
Духа и бренія
Звенія брачныя,
Сны предваренія,
Сны огнезрачные,—
Васъ, семицвѣтныя
Дуги завѣтныя,
Радуги мирныя,
Кольца обѣтныя!

Неба лазурнаго
Тонкія зарева,
Дымныя марева
Сумрака бурнаго
Влажнымъ горѣніемъ
Вы напояете;
Вы растворенiемъ
Свѣтлой прозрачности
Въ молнійной мрачности
Сладко сіяете.
Рая павлинами
Вы возлетаете;

Горы съ долинами
Вы сочетаете;
Вздохами таете
Въ горнихъ селеніяхъ,
Въ буйныхъ стремленіяхъ
Дольними чадами
Надъ водопадами
Вы расцвѣтаете.

О мимолетныя,
Души безплотныя,
Міръ улегчите вы,
Міръ научите вы,
Какъ растворяется
Тайна въ явленіи,
Какъ претворяется
Тѣнь раздѣленія,
Какъ умиряется
Рознь семилучная,
Какъ оперяется
Жертва разлучная;
Какъ однозвучная
Вдругъ озаряется
Жизнь наша бѣдная;
Греза побѣдная
Высью неслѣженной
Въ ткани разрѣженной
Какъ воцаряется,
Какъ сиротливое
Ей увѣряется
Сердце тоскливое;
Какъ отворяется
Крыша тюремная;
Жажда надземная
Какъ одаряется!

Своды кристальные
Стройныхъ обителей,
Смѣлыхъ зиждителей
Замыслы дальные,
Взоры чаруйте намъ,
Сердце врачуйте намъ,

Тайну повѣдайте
Солнца прекраснаго,
Заповѣдь яснаго
Сна заповѣдайте:
Какъ улыбается
Свѣтлость подъ тучами;
Какъ нагибается
Легкость надъ кручами;
Какъ упиваются
Свѣтами зыбкими,
Осіяваются
Цвѣта улыбками
Мглы окрыленныя;
Какъ очищаются
Сумраки красками,
Какъ освѣщаются
Проливней плясками
Склоны зеленые.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

Страстная страсть.

Когда цѣпями голубыми
Блеснули горы въ сердце мнѣ
И въ золотомъ сверкнулъ огнѣ
Дневной просторъ необозримый,

Когда зеленый дымъ осинъ
Пахнулъ мнѣ въ сердце ароматомъ,
Тогда о счастьи, о крылатомъ
Запѣлъ мой духъ въ плѣну долинъ.

О волны горъ, о переливы
Лиловой пѣны облаковъ,
О шопотъ льющихся лѣсовъ,
О колыханье спѣлой нивы,

О чары звѣздъ, объятья тучъ,
Томленье въ ласкахъ небосвода,—
Цѣлуй, цѣлуй меня, природа,
Страстно́ю страстью вновь замучь.

Землетрясеньемъ-содроганьемъ
Меня прижми ко грудямъ горъ,
И въ лоно вязкое озеръ
Вновь засоси глухимъ лобзаньемъ.

О растлѣвай меня, дурмань
Страстно́ю страстью ядовитой,
И прахъ мой, терніемъ повитый,
Бичами смертными изрань.

О растлѣвай меня, блудница,
И на крестѣ своемъ распни,
Въ мое ребро копье воткни
И хохочи надъ плащаницей.

Лежу въ могильныхъ пеленахъ,
Израненъ весь, какъ Тотъ библейскій,
Но не придетъ Аримаѳейскій
И Мироносицы въ слезахъ.

Не надо слезъ. Вѣдь я крылатымъ
Настигнутъ счастьемъ,—счастливъ я.
О поцѣлуй того копья,
О счастье снова быть распятымъ.

О радость мукъ, о счастья плачъ.
Какъ сладко я природой мучимъ.
Любовникъ я въ вѣнцѣ колючемъ,
Она—любовница—палачъ.

КОНСТ. ЭРБЕРГЪ.

ОСИПЪ ДЫМОВЪ.

Осень.

Наступила осень. Какъ?

Недалеко отсюда билось море волнами все лѣто, всю весну и лѣто. Берегъ былъ плоскій, песчаный; оно грохотало мелкими камушками, накидывая ихъ съ послѣдней прозрачной волной и захватывая съ первой обратной. Казалось страннымъ: чего море такъ бьется? И откуда являются волны, все новыя, безъ конца?

Надъ этимъ никто не задумывался, но вотъ 22 іюля, около часу дня, море таки добилось своего: волны выбросили ее на берегъ. Возможно, что онѣ выбрасывали ее постепенно, комковатыми клочь-

ями все лѣто—всю весну и лѣто, но этого никто не зналъ Теперь же все стало ясно. Тѣнь лодки, зарывшейся въ песокъ, легла совсѣмъ не на то мѣсто, что недѣлю назадъ. Въ свѣтломъ, жаркомъ воздухѣ закричалъ пѣтухъ, но уже не напомнилъ дѣтства. Велосипедистъ на пыльномъ шоссе остановился, поднялъ голову, потную шею его обдало внезапно вспорхнувшимъ, какъ воробей, вѣтромъ.

Это была осень. Волны, наконецъ, оттащили ее съ середины океана и выбросили на берегъ.

* * *

Это произошло 22 іюля, въ часъ съ минутами. Свершилось! Осень прыгнула на песокъ, шурша пробѣжала по немъ, заметая слѣды человѣческихъ ногъ, два раза споткнулась, при чемъ схватилась за рябину, и бросилась на деревню. Вотъ тогда-то закричалъ сразу состарившійся пѣтухъ, и, вiясь вокругъ огромнаго подсолнечника, загудѣла согнувшись, какъ баба подъ ношей, мохнатая пчела.

Осень пряталась, выжидая. Гдѣ? Въ очень потаенныхъ мѣстахъ: въ лѣсу подъ опавшими листьями, въ рытвинахъ на полѣ, гдѣ валялись осколки разбитой бутылки, въ измѣнившемся полетѣ птицъ. И, когда поэтъ раскрывалъ свою записную книжку, чтобы закрѣпить нѣжно-некрасивымъ почеркомъ новую риѳму, онъ находилъ осень между бѣлыми листочками, словно кѣмъ-то засушенный цвѣтокъ. Риѳма тяжелѣла и, какъ ударъ вечерняго колокола, тонула въ меланхолическомъ сонетѣ. Или тоже какъ ударъ весломъ по вечернему озеру.

До вечера о н а многое успѣла. Достаточно сказать, что на протяженіи десятковъ квадратныхъ верстъ въ эту ночь выпала густая, крупная, какъ безпричинныя слезы дѣвушки, роса. Объ этомъ даже писали въ нѣкоторыхъ газетахъ.

Ну, а ужъ вечеромъ я ее встрѣтилъ.

* * *

Видите ли, вечеромъ не прячутся, вечеромъ не надо прятаться. Это солнце дѣлитъ и разграничи-

ваетъ и каждому назначаетъ оссбое мѣсто. А при лунѣ всѣ равны. При лунѣ принцъ бесѣдуетъ съ дочерью портного и цѣлуетъ ея руки: бываетъ! Утромъ Маша (дочь портного зовутъ Машей), просыпаясь, чувствуетъ острую, тонкую боль въ пальцахъ; ей кажется, что это уколы иголки, но на самомъ дѣлѣ это—поцѣлуи принца.

Вечеромъ я ее встрѣтилъ—осень; то есть я такъ ее называлъ въ шутку. Но, конечно, это была женщина, какъ всѣ. Даже одинъ разъ пришла съ головной болью и жмурила лѣвый глазъ— вотъ видите.

Странность, пожалуй, была въ томъ, что мы не понимали другъ друга: она не знала по-русски ни слова. Виноватъ, одно слово затвердила:

— Приду.

А для меня шведскій языкъ былъ совершенно чуждъ. Возможно, впрочемъ, что она была не шведкой, а финкой или даже еще другой національности. Не знаю.

Я шелъ мимо вечернихъ дачъ, все было сѣро: такъ какъ разсвѣтъ долженъ былъ заняться рано —то понимаете, не стоило дѣлать особенной темноты.

Уже всѣ спали. Въ садахъ, прижавшись къ частоколу, стояли одинокія человѣческія фигуры и глядѣли на дорогу. Вы замѣтили? Такія одинокія фигуры стоятъ во всѣ ночи до глубокой осени, и луна освѣщаетъ ихъ. Вотъ лежатъ обгорѣлыя балки и жестяной листъ съ крыши. Это цѣлая исторія!.. Тутъ была мелочная лавка, бойко торговала, а конкурентъ ее поджогъ. Теперь здѣсь просвѣтъ на море, гдѣ наискось легла свѣтлая полоса отъ луны. Думаешь: луна такая маленькая и тусклая, а...

Вдругъ она прошла мимо меня, окинувъ строгимъ взглядомъ, какъ будто бросивъ слово на незнакомомъ языкѣ. Я ничего не примѣтилъ, кромѣ этихъ черныхъ, глубокихъ глазъ и сѣрой жизни моей назади. Объясню: потому такъ вспыхиваютъ, обжигая сердце, мимо проходящія женщины, что идутъ онѣ не по тротуару зимняго дня и не по дорогѣ у моря, а появляются, пересѣкая полосу

нашей сѣрой жизни. Прошла—и послѣ нея, какъ траурный шлейфъ все та же сѣрая дорога—дорога нашей жизни. Ну, значитъ, идутъ онѣ не по камнямъ, а близко-близко отъ нашего слабаго, самолюбиваго, непрочнаго и очень одинокаго мужского сердца.

Возвращаясь къ себѣ въ избу, которую нанялъ у финна, я видѣлъ, какъ, прижавшись къ заборамъ, стояли живыя фигуры, словно садовыя украшенія, вродѣ гномовъ, аистовъ, и ждали, ждали...

* * *

Миновало еще нѣсколько росистыхъ ночей, но газеты уже не писали объ этомъ, потому что въ странѣ тогда было неспокойно, и даже многіе говорили: революція. Такъ что подобнымъ не интересовались.

Она приходила ко мнѣ въ мою избу. Сидѣли мы въ сѣняхъ на низкихъ табуретахъ, и очень очень далеко лаяли двѣ собаки. Зимою во фракѣ на пріемѣ или на оффиціальномъ торжествѣ я вдругъ вспоминалъ лунную полосу за обгорѣлыми балками и далекій, ночной лай... да еще вѣтеръ, вѣтеръ, который несется выше человѣческаго роста, не трогаетъ лица, а только листья, а изъ вѣтвей—наиболѣе тоненькія, молодыя.

Вотъ мы сидимъ и говоримъ. Очень странно. Она не понимаетъ ни одного слова, а когда говоритъ она, я смотрю внизъ (я чуть выше ея), на ея волосы и думаю свое. И такъ мы бесѣдуемъ двумя несливающимися монологами, двумя цѣпями мыслей, не переплетающимися въ легко рвущійся діалогъ. А надъ нами вѣтеръ и листья разсказываютъ ночь—какъ будто жуютъ ее—да, это немного некрасиво такъ выражаться, но, если прислушаться, то похоже.

Я никому такъ много не говорилъ, какъ ей. Не было стыдно словъ. Намъ ничто не мѣшало, потому что мы не понимали другъ друга.

— Послушай,—говорилъ я и глядѣлъ на ея

тонкіе, блѣдные при лунѣ пальцы:—мои друзья умираютъ. Это все даровитые, славные люди. Я ихъ любилъ. Когда умеръ первый, я былъ безумно потрясенъ, второй—меньше, а мѣсяцъ назадъ скончался въ чахоткѣ седьмой или восьмой—и я даже не заплакалъ. Вотъ скверно: душа грубѣетъ...

Мы сидимъ на порогѣ въ темнотѣ, черные кусты неподвижны, а листья жуютъ ночь.

Она отвѣчаетъ—я перевожу.

— Ты не первый подходишь ко мнѣ. Каждаго я ждала и думала: мы вмѣстѣ отгадаемъ эту тайну, эту странную тайну любви. Но до сихъ поръ были все фальшивые отгадчики. Чѣмъ больше я обманывалась, тѣмъ грустнѣе становились мои глаза. А вотъ уже морщины на моемъ лбу, и близка зима, я уйду, мы не встрѣтимся...

Я:

— Кто ты такая—я не знаю. Чужая. Но такъ странно и безшумно ты подошла къ моему сердцу. У насъ обоихъ обручальныя кольца на рукѣ, и гдѣ-то сзади жизнь, которая ждетъ насъ, какъ привычное платье. Мы войдемъ въ нее снова, и никому не скажемъ о нашей встрѣчѣ.

Она:

— Умираетъ лѣто, уходитъ молодость. Можно ли было думать, что двадцать лѣтъ назадъ придвинется вотъ эта минута, и мы будемъ сидѣть здѣсь въ сѣверную ночь августа, глядѣть и вспоминать, что двадцать лѣтъ назадъ объ этомъ не думали. Казалось: двадцать лѣтъ,—ахъ, это безконечно, это огромный промежутокъ времени—а вотъ...

Я ее провожаю. Поздно. Она устала. Ея движенія опали, и вѣки полуопущены. Она прекрасна.

Я говорю ей:

— Вы прекрасны.

— Приду,—отвѣчаетъ она по-русски.

У забора въ саду одна запоздавшая тѣнь. Голова окутана. Холодно. Съ моря, какъ туманъ, несетъ тоскою.

Я возвращаюсь. Въ стойлахъ бьетъ ночнымъ

копытомъ лошадь. Скрипитъ что-то: дерево или птица? Или плачетъ Маша, дочь портного—ее покинулъ принцъ.

* * *

Знакомые мнѣ говорятъ: осень. Да. Между деревьями протянулись тонкія, какъ лезвіе сабли, паутины. Играютъ шарманки. Иногда слышишь двѣ-три мелодіи разомъ. Въ фруктовыхъ садахъ около двухъ часовъ дня—самый жаркій моментъ—начинаютъ срываться яблоки одно за другимъ: та—та—трата. По шоссе, уже непыльному, тянутся возы съ мебелью, и на нихъ важно покачивается, какъ баринъ, платяной шкафъ. Трава придавлена, а вѣдь никто по ней не ходилъ.

Восемь дней подъ рядъ лилъ дождь, а когда окончился, намъ, дачникамъ, подали счета—длинные листочки бумаги, на которыхъ расписывается осень.

Вечеромъ я ее ждалъ: нѣтъ. Я укладывался и слушалъ—не придетъ ли? Не пришла. До самаго разсвѣта гудѣли море и лѣсъ. Они все гудѣли, отъ этого дѣлалось холоднѣе.

На моемъ столѣ горѣла свѣча, и въ пламени ея скрючился, страдая тоской, фитиль. Я тушилъ ее и зажигалъ. Подъ босой ногой скрипѣли доски. Страшное одиночество со стиснутыми зубами положило мнѣ на грудь руку.

Заснулъ и снилось счастье. Такое простое, такое далекое. Снился сѣновалъ и мои прежніе двадцать три года, сквозь щели крыши свѣтитъ деревенская луна волшебными четыреугольными кусочками. Больше ничего. Ахъ, Боже мой...

* * *

Уѣхалъ. Все позади. Было ли? Вотъ рисунокъ обоевъ передъ глазами. Жена удачно провезла изъза границы контрабандой перчатки и кружева. Въ карманѣ осенняго пальто нашлись двѣ копейки съ прошлой весны. Стало грустно. Продаютъ газеты.

А вечеромъ—ночью—жена удивленно глядитъ на меня. Она опускаетъ вѣки—какъ похожа не свою покойную мать!

Мы друзья, мы прожили вмѣстѣ рядъ лѣтъ. Мое тѣло какъ будто часть ея—такъ ей кажется. Она удивленно глядитъ на меня, на мою растерянную, безпомощную улыбку, наклоняется ко мнѣ въ сорочкѣ, и голыя, худыя руки обнимаютъ меня. Она прижимается къ моимъ волосамъ, и мы оба тихо раскачиваемся въ бѣломъ, какъ жрецы на праздникѣ, который отмѣненъ... навсегда отмѣненъ. Такъ мы сидѣли на краю нашей кровати.

Вдругъ я чувствую, какъ катится по моему лбу слеза острая, какъ лезвіе сабли, и задѣваетъ мое ухо.

Теперь я понимаю, кто приходилъ ко мнѣ.

Осень... осень...

ОСИПЪ ДЫМОВЪ.

* * *

Умолкаетъ свѣтлый вѣтеръ,
Наступаетъ сѣрый вечеръ,
Воронъ канулъ на сосну,
Тронулъ сонную струну.

Въ сторонѣ чужой и темной
Какъ ты вспомнишь обо мнѣ?
О моей любови скромной
Закручинишься во снѣ?

Пусть душа твоя мгновенна,—
Надъ тобою неизмѣнна
Гордость юная твоя,
Вѣрность женская моя.

Не гони летящій мимо
Призракъ легкій и простой,

Если будешь, мой любимый,
Счастливъ съ дѣвушкой другой...

Ну, такъ съ Богомъ! Вечеръ близокъ,
Быстрый летъ касатокъ низокъ,
Надвигается гроза.
Ночь глядитъ въ твои глаза.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

Жертва.

Принесли мнѣ хлѣбъ и воду,
Дали соли: хлѣбъ да соль!
Помяну-ка мать-природу,
Изобилье дикихъ воль.

Сыпься, бѣлая солица,
Да на этотъ черный хлѣбъ.
(Подожди, тоска-черница:
Я и такъ отъ слезъ ослѣпъ).

Я ли хлѣбомъ не питался,
По болотамъ не бродилъ,
Синимъ небомъ любовался,
Съ темнымъ лѣсомъ говорилъ.

Лейся, тихая водица,
Жертву малую твори.
(Подожди, тоска-черница:
Не видать отъ слезъ зари).

Я ль съ водою не ласкался
По озерамъ и рѣкамъ,
Въ струйкахъ синенькихъ плескался,
Гребъ навстрѣчу рыбакамъ.

Мать-природа, слышишь сына?
Черный хлѣбъ, вода и соль—
Это жертва исполина
Изобилью дикихъ воль.

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

СЕРГѢЙ МАКОВСКІЙ.

Speculum Dianae.

Какъ блѣдный сафиръ въ изумрудной оправѣ,
блеститъ это озеро между холмами,
хранимое гордыми снами,
мечтами о прожитой славѣ.

Теперь все окрестъ и бѣдно и уныло,
тѣнями столѣтій пустыня объята.
Но было здѣсь людно когда-то,
и пышно когда-то здѣсь было.

Вдоль пастбищъ, гдѣ нынѣ сѣрѣютъ бурьяны,
сады и чертоги въ лазурь возносились;
и тамъ, на холмахъ, серебрились
священныя рощи Діаны.

Когда-то, въ тѣни заповѣдной дубравы,
на этой давно опустѣлой вершинѣ,
гдѣ камни бѣлѣются нынѣ,
былъ храмъ въ честь Юпитера-Славы.

Отсюда, какъ богъ въ челнокѣ золотистомъ,
подъ грозное пѣнье побѣдныхъ пэановъ,
подъ звоны литавръ и тимпановъ,
увѣнчанный лавромъ душистымъ,

любимецъ солдатъ, побѣдитель, диктаторъ,
въ откинутой гордо назадъ багряницѣ,
на бѣлыхъ коняхъ, въ колесницѣ,
къ народу спѣшилъ тріумфаторъ.

За нимъ шли патриціи въ яркихъ покровахъ,
сверкали на солнцѣ орлы легіоновъ,
и, молча, безъ жалобъ и стоновъ,
шли варвары слѣдомъ, въ оковахъ.

Шумѣла толпа. И его ссыпали
цвѣтами, вѣнками изъ миртовъ зеленыхъ,
и дѣвы въ прозрачныхъ хитонахъ
его на порогахъ встрѣчали...

СЕРГѢЙ МАКОВСКІЙ.

Буря.

Грозенъ пиръ надъ моремъ чернымъ.
Волны ропотомъ упорнымъ
заглушаютъ голоса.
Вѣтеръ гонитъ ихъ, бушуетъ;
вѣтеръ стонами чаруетъ
грозовыя небеса.

На призывы непогоды,
съ ликованьями свободы,
изо всѣхъ подводныхъ норъ,
небывалые уроды,
собирая хороводы,
выплываютъ на просторъ.

Къ нимъ красавицы морскія,
нереиды молодыя,
на свиданіе спѣшатъ.
Отуманенные влагой,
ихъ глаза горятъ отвагой,
страстью блѣдною горятъ.

Полны нѣги—ихъ извивы;
серебристые отливы—
на зеленой чешуѣ.
Кудри пышныя цвѣтами,
перламутромъ, жемчугами
разукрасили онѣ.

Ночь звенитъ отъ кликовъ чудныхъ.
Вся въ мерцаньяхъ изумрудныхъ
вѣтромъ зыблемая мгла.
Нереиды не боятся,
въ блескахъ молній серебрятся
ихъ змѣистыя тѣла.

Грозенъ пиръ надъ моремъ чернымъ.
Волны ропотомъ упорнымъ
заглушаютъ голоса.
Нереиды не внимаютъ
и смѣются, и купаютъ
въ бѣлой пѣнѣ волоса.

СЕРГѢЙ МАКОВСКІЙ.

Ропотъ.

Твоя душа глухонѣмая
Въ дремучіе поникла сны,
Гдѣ бродятъ, заросли ломая,
Желаній темныхъ табуны.

Принесъ я свѣточъ неистомный
Въ мой звѣздный домъ тебя манить,
Въ глуши пустынной, въ пущѣ дремной
Смолистый сѣвъ похоронить.

Свѣчу, кричу на бездорожьи;
А вкругъ нѣмѣетъ, зовъ глуша,
Не по-людски и не по-божьи
Уединенная душа.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

Изъ „Александрійскихъ пѣсенъ".

МУДРОСТЬ.

I.

Я спрашивалъ мудрецовъ вселенной:
„Зачѣмъ солнце грѣетъ?
Зачѣмъ вѣтеръ дуетъ?
Зачѣмъ люди родятся?"

Отвѣчали мудрецы вселенной:
— Солнце грѣетъ затѣмъ,
Чтобъ созрѣвалъ хлѣбъ для пищи
И чтобы люди отъ заразы мерли.
—Вѣтеръ дуетъ затѣмъ,
Чтобъ приводить корабли къ пристани дальней,
И чтобъ пескомъ засыпать караваны.
— Люди родятся затѣмъ,
Чтобъ разстаться съ милою жизнью
И чтобъ отъ нихъ родились другіе для смерти.

„Почему жъ боги такъ все создали?“
— Потому же,
Почему въ тебя вложили желанье
Задавать праздные вопросы.

II.

Какъ люблю я, вѣчные боги,
Прекрасный міръ!
Какъ люблю я солнце, тростники
И блескъ зеленоватаго моря
Сквозь тонкія вѣтви акацій!
Какъ люблю я книги (моихъ друзей),
Тишину одинокаго жилища,
И видъ изъ окна
На дальніе дынные огороды!
Какъ люблю пестроту толпы на площади,
Крики, пѣнье и солнце,
Веселый смѣхъ мальчиковъ, играющихъ въ мячъ!
Возвращенье домой
Послѣ первыхъ прогулокъ,
Поздно вечеромъ,
При первыхъ звѣздахъ,
Мимо уже освѣщенныхъ гостинницъ
Съ уже далекимъ другомъ!
Какъ люблю я, вѣчные боги,
Свѣтлую печаль,
Любовь до завтра,
Смерть безъ сожалѣнья о жизни,
Гдѣ все мило,
Которую люблю я, клянусь Діонисомъ,
Всею силою сердца
И милой плоти!

М. КУЗМИНЪ.

Пѣсня.

Окно мое высоко надъ землею,
Высоко надъ землею.
Я вижу только небо съ вечернею зарею,—
Съ вечернею зарею.

И небо кажется пустымъ и блѣднымъ,
Такимъ пустымъ и блѣднымъ...
Оно не сжалится надъ сердцемъ бѣднымъ,
Надъ моимъ сердцемъ бѣднымъ.

Увы, въ печали безумной я умираю,
Я умираю,
Стремлюсь къ тому, чего я не знаю,
Не знаю...

И это желаніе не знаю откуда,
Пришло откуда,
Но сердце хочетъ и проситъ чуда,
Чуда!

О, пусть будетъ то, чего не бываетъ,
Никогда не бываетъ:
Мнѣ блѣдное небо чудесъ обѣщаетъ,
Оно обѣщаетъ.

Но плачу безъ слезъ о невѣрномъ обѣтѣ,
О невѣрномъ обѣтѣ.
Мнѣ нужно то, чего нѣтъ на свѣтѣ,
Чего нѣтъ на свѣтѣ.

З. ГИППІУСЪ.

Обручальное кольцо.

ЗАКЛИНАНІЕ.

Солнца эѳирная кровь,
Росный, серебряный слитокъ,
Нѣжность, всторгъ и любовь:
Вотъ онъ—пьянящій напитокъ.

Знай: это—я, это—я,
Это—мои поцѣлуи.
Я зачарую тебя.
Струи, жемчужныя струи!

Если съ улыбкой пройдешь
Лугомъ, межой, перелѣскомъ,
Я въ закипѣвшую рожь
Брызну разсыпчатымъ блескомъ.

Если ты пьешь, чуть дыша,
Вѣнчикомъ розовыхъ губокъ,—
Знай: молодая душа—
Неба взметеннаго кубокъ.

Кубокъ лазурный испей:
Слаще, звончѣй и чудеснѣй
Тамъ—межъ струистыхъ зыбей—
Райскія, райскія пѣсни...

Сердишься, прячешь кольцо,—
Душу грозою наполню:
Ярыя тучи въ лицо
Мечутъ янтарную молнью.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

Въ лѣсу.

Слышу стонъ твой издалече,
Вижу: плачешь на землѣ,
Колыхаютъ слезы плечи,
Скорбь застыла на челѣ.

И цѣлуешь верескъ алый,
Припадаешь, и опять
Подымаешь крикъ усталый
Къ синю небу возлетать:

По травѣ ходилъ по этой,
На цвѣты лѣсовъ глядѣлъ.
Сердца ласковой замѣтой
Сколько сосенокъ одѣлъ.

Какъ питался, любовался,
Красотой лѣсною жилъ;
Голосъ звонкій отдавался,
Съ эхомъ вспыльчивымъ дружилъ.

А теперь—лѣса красивы,
Или нѣтъ—не вижу я.
Слышишь ты мои призывы,
Тамъ, въ тѣснинахъ бытія?

Слышу, вѣрная подруга!
И хожу, хожу, вотъ такъ:
Одного того же круга
Обивая известнякъ,

Выпускаютъ чередою
По дорожкѣ погулять,
Чтобъ натянутой уздою
Вольнымъ сердцемъ помыкать.

Шагу малаго налѣво,
Ни направо не ступи,
А безпомощнаго гнѣва
Силу острую тупи.

Вотъ хожу и вспоминаю
Лѣсъ зеленый да тебя.
А тоска моя шальная
Ходитъ рядышкомъ, знобя.

Слышу стонъ твой издалече.
Вижу: плачешь на землѣ.
Подыми-ка къ небу плечи,
Сгладь морщины на челѣ!

И окинь свободнымъ окомъ
Красоту и бытіе.
Все ль твое въ лѣсу высокомъ?
А твое, такъ и мое.

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

Зной.

Не воздухъ, а золото,
Жидкое золото
Пролито въ міръ.
Скованъ безъ молота,
Жидкаго золота
Не движется міръ.

Высокое озеро,
Синее озеро,
Молча лежитъ.
Зелено-косматое,
Спячкой измятое,
Въ воду глядитъ.

Бѣлые волосы,
Длинные волосы
Небо прядетъ—
Небо безъ голоса,
Звонкаго голоса,
Молча прядетъ.

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

Усталость.

Не дойти мнѣ! не дойти мнѣ! я усталъ! усталъ!
усталъ!
Сушь степей гостепріимнѣй, чѣмъ уступы этихъ
скалъ!

Всюду камни, только камни! мохъ да горная сосна!
Грудь гранита, будь мягка мнѣ! спой мнѣ пѣсню,
тишина!

Вотъ роняю посохъ пыльный, вотъ упалъ, въ пыли
простертъ,
Вотъ лежитъ, какъ прахъ могильный, тотъ, кото-
рый былъ такъ гордъ!

Тамъ, за этимъ сѣрымъ кряжемъ, цѣль моихъ за-
вѣтныхъ дней.
Я не встану первымъ стражемъ у Ея святыхъ
дверей!

Не склонюсь, цѣлуя свято, въ Храмъ ведушую
ступень...
Отъ Востока до Заката надо мной проходитъ день.

Солнце канетъ за уступомъ, ночь протянетъ чер-
ный шелкъ,
И сюда за новымъ трупомъ поползетъ за волкомъ
волкъ.

Долго ль взоръ мой будетъ въ силахъ отражать
ихъ натискъ злой?
Стынетъ кровь въ замерзшихъ жилахъ! словно
факелъ предо мной!

Не дошелъ я! не свершилъ я—подвигъ свой! усталъ!
упалъ!
Чу! шуршатъ угрюмо крылья духовъ мести между
скалъ!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

Пустыня.

Я видѣлъ норвежскіе фьорды съ ихъ жестокой бездушной красой,
Я видѣлъ долину Арагвы, омытую свѣжей росой,
Исландіи берегъ холодный, и Альпъ снѣговые хребты,—
Люблю я Пустыню, Пустыню, царицу земной красоты.

Моря, и долины, и фьорды, и глыбы тоскующихъ горъ
Лишь краткой окутаютъ лаской, на мигъ убаюкаютъ взоръ,
А образъ безмолвной Пустыни, царицы земной красоты,
Войдя, не выходитъ изъ сердца, навѣкъ отравляетъ мечты.

Въ молчаньи песковъ безпредѣльныхъ я слышу невѣдомый шумъ,
Какъ будто въ дали неоглядной встаетъ и крутится самумъ,
Встаетъ, и бѣжитъ, пропадаетъ,—и снова молчанье ростетъ,
И снова миражъ лучезарный обманно узоры плететъ.

И манитъ куда-то далеко незримая чудная власть,
И мысль поднимается къ Небу, чтобъ снова безсильно упасть:
Какъ будто бы Жизнь задрожала, съ напрасной мечтой и борьбой,
И Смерть на нее наступила своею тяжелой стопой.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Хвала человѣку.

Молодой морякъ вселенной,
Міра древній дровосѣкъ,
Неуклонный, неизмѣнный.
Будь прославленъ, Человѣкъ!

По глухимъ тропамъ столѣтій
Ты проходишь съ топоромъ,
Цѣлишь лукомъ, ставишь сѣти,
Торжествуешь надъ врагомъ!

Камни, вѣтеръ, воду, пламя
Ты смирилъ своей уздой,
Взвилъ ликующее знамя
Прямо въ куполъ голубой.

Вѣчно властенъ, вѣчно молодъ,
Въ странахъ Сумрака и Льда,
Пѣть заставилъ вѣщій молотъ,
Залилъ блескомъ города.

Сквозь пустыню и надъ бездной
Ты провелъ свои пути,
Чтобъ не рвущейся, желѣзной
Нитью землю оплести.

Въ древнихъ, вольныхъ Океанахъ,
Гдѣ играли лишь киты,
На стальныхъ левіаѳанахъ
Пробѣжалъ державно ты.

Змѣя, жалившаго жадно
Съ неба выступы дубовъ,
Изловилъ ты, безпощадно,
Неустанный звѣроловъ.

И шипя подъ хрупкимъ шаромъ,
И въ стеклѣ согнутъ въ дугу,
Онъ теперь, покорный чарамъ,
Свѣтитъ хитрому врагу.

Царь несытый и упрямый
Четырехъ подлунныхъ царствъ,

Не стыдясь, ты роешь ямы,
Множишь тысячи коварствъ;—

Но, отважный, со стихіей
Послѣ бьешься съ грудью грудь,
Чтобъ еще надъ новой выей
Петлю рабства захлестнуть.

Вѣрю, дерзкій! ты поставишь
Надъ землей ряды вѣтрилъ.
Ты по прихоти направишь
Бѣгъ въ пространствѣ, межъ свѣтилъ.

И насельники вселенной,
Тѣ, чей путь ты пересѣкъ,
Повторятъ привѣтъ священный:
Будь прославленъ, Человѣкъ!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Узелъ.

Сожму я въ узелъ нить
Межъ сердцемъ и сознаньемъ,
Хочу разъединить
Себя съ моимъ страданьемъ.

И будетъ кровь не течь,
Ползти, сквозь узелъ, глухо.
И будетъ сердца рѣчь
Невнятною для духа.

Пусть, теплое, стучитъ
И бьется, спотыкаясь.
Свободный духъ молчитъ,
Молчитъ не откликаясь.

Храню его полетъ
Отъ всѣхъ путей страданья,
Онъ данъ мнѣ—для высотъ
И счастья созерцанья.

Узломъ себя дѣлю,
Преградой размыкаю.
И если полюблю—
Про это не узнаю.

Покой и тишь во мнѣ,
Я волей кругъ мой сузилъ...
...Но плачу я во снѣ,
Когда слабѣетъ узелъ.

З ГИППІУСЪ.

Горная весна.

Весна вошла въ скитъ бѣлый горъ,
Въ глухихъ снѣгахъ легла.
Весь нагъ и черенъ мой бугоръ.
Изъ глуби дышитъ мгла.

Жизнь затаилъ прозрачный лѣсъ...
О, робкій перекликъ!
О, за туманностью завѣсъ
Плѣнительность уликъ!

О, перекликъ пѣвучихъ душъ,
Протяжный, томный свистъ!..
И пусть дубовъ рыжѣетъ сушь,—
Вотъ, вотъ младенецъ-листъ!

Тѣснясь, пронзаютъ перегной
Мечи стеблистыхъ травъ...
Снѣгъ сизый стынетъ: день за мной
Потухъ въ зубцахъ дубравъ.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

Весна.

Ужъ оттепельный меркнетъ день.
Ужъ синяя на снѣгѣ тѣнь.
Какъ прежде, у окна вдвоемъ
Попыхиваемъ огонькомъ.
Мгла пепельный свой сѣетъ свѣтъ.
Уѣхала она... Но нѣтъ—

Не примиренье, не забвенье
Въ успокоеньи чую я.
Изъ зеркала, грустя, отображенье—
Изъ зеркала киваетъ на меня.
И полосы багровыя огня,
И отблески далекіе селенья,—
Истома улетающаго дня...
Рояль... Ревнивое забвенье.

Я говорю себѣ:
„Другъ, взоръ полуживой закрой:
„Печаленъ кругозоръ сырой,
„Печаленъ снѣговой просторъ
„И снѣговой сосновый боръ,
„И каркающій въ небѣ грачъ,
„И крыши отсырѣвшихъ дачъ,
„И станціонный огонекъ,
„И плачущій вдали рожокъ"...

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

На массовку.

Лѣса вѣковые сосновые,
Луга зеленѣе зеленаго,
И неба, лазурью вспоеннаго,
Края, засмѣяться готовые,
Нѣжно лиловые.

Стволы, побурѣвшіе въ лѣтахъ,
Гордые ржавыми латами,
И между стволами лохматыми,
Въ дальнихъ просвѣтахъ,
Вразбродъ
Рабочій народъ.
Шапки надвинуты, вскинуты
Лица вспотѣвшія,
Всѣ одной радостью двинуты,
Всѣ восхотѣвшіе
Счастья свободнаго.
Міра негоднаго
Путы истлѣвшія
Скинуты.
Пестрыми массами
Движутся, движутся,
Густо на просѣки нижутся.
Въ городѣ дымномъ
Станками, машинами, кассами
Духъ искалѣченъ:
Въ трудѣ заунывномъ
Голодъ всегда обезпеченъ.
Рокотъ и грохотъ и яростный вой
Фабрики, потомъ и кровью живой,
Тамъ, за спиною.
Сердце зардѣлось
Весною.
Въ лѣса захотѣлось,
На волю,
Услышать про новую долю.
Гулко текутъ по оврагу
Моремъ шумливымъ,
Скованы алчнымъ порывомъ,
Снова и снова
Пьютъ заповѣдную брагу—
Воздуха, воли, лучей.
Слова, кипящаго слова,
Смѣлыхъ рѣчей!..
Смолкло. Надъ желтымъ обрывомъ
Ораторъ...

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

Трубный гласъ.

Подъ землею слышенъ ропотъ,
Тихій шелестъ, шорохъ, шопотъ.
Слышенъ въ небѣ трубный гласъ:
—Братъ, вставай же, будятъ насъ.
—Нѣтъ, темно еще повсюду,
Спать хочу и спать я буду,
Не мѣшай же мнѣ, молчи,
Въ стѣну гроба не стучи.

— Не заснешь теперь, ужъ поздно.
Зовъ раздался слишкомъ грозно,
И встаютъ вблизи, вдали,
Изъ разверзшейся земли,
Какъ изъ матерней утробы,
Мертвецы, покинувъ гробы.

— Не могу и не хочу,
Я закрылъ глаза, молчу,
Не повѣрю я обману,
Я не встану, я не встану.
Братъ, мнѣ стыдно—весь я пыль,
Пыль и тлѣнъ, и смрадъ и гниль.

— Братъ, мы Бога не обманемъ,
Всѣ проснемся, всѣ мы встанемъ,
Всѣ пойдемъ на Страшный судъ.
Вотъ, престолъ уже несутъ
Херувимы, серафимы.
Вотъ нашъ царь дориносимый.
О, вставай же,—радъ не радъ,
Все равно ты встанешь, братъ.

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

Титаны.

Къ мраморамъ пергамскаго жертвенника.

Обида! Обида!
Мы—первые боги,
Мы древнія дѣти
Праматери-Геи,—
Великой Земли!
Измѣною братьевъ,
Боговъ Олимпійцевъ,
Низринуты въ Тартаръ,
Отвыкли отъ солнца,
Оглохли, ослѣпли
Во мракѣ подземномъ,
Но все еше помнимъ
И любимъ лазурь.
Обуглены крылья,

И ногъ змѣевидныхъ
Раздавлены кольца,
Тройными цѣпями
Обвиты тѣла,—
Но все еще дышемъ,
И наше дыханье
Колеблетъ громаду
Дымящейся Этны,
И землю, и небо,
И храмы боговъ.
А боги смѣются,
Высоко надъ нами,
И люди страдаютъ,
И время летитъ.
Но здѣсь мы не дремлемъ:
Мы мщенье готовимъ,
И землю копаемъ,
И гложемъ, и роемъ
Когтями, зубами,
И нѣтъ намъ покоя,
И смерти намъ нѣтъ.
Источимъ, пророемъ
Глубокіе корни
Хребтовъ неподвижныхъ
И вырвемся къ солнцу,—
И боги воскликнутъ,
Блѣднѣя, какъ воры:
„Титаны! Титаны!“
И выронятъ кубки,
И будетъ ужаснѣй
Громовъ Олимпійскихъ,
И землю разрушитъ
И небо—нашъ смѣхъ.

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

Поэту.

Ты долженъ быть гордымъ, какъ знамя;
Ты долженъ быть острымъ, какъ мечъ;
Какъ Данте подземное пламя
Должно тебѣ щеки обжечь!

Всего будь холодный свидѣтель,
На все устремляя свой взоръ.
Да будетъ твоя добродѣтель—
Готовность войти на костеръ!

Быть можетъ, все въ жизни лишь средство
Для ярко-пѣвучихъ стиховъ,
И ты съ безпечальнаго дѣтства
Ищи сочетанія словъ.

Въ минуты любовныхъ объятій
Къ безстрастью себя приневоль,
И въ часъ безпощадныхъ распятій
Прославь изступленную боль!

Въ снахъ утра и въ безднѣ вечерней
Лови, что шепнетъ тебѣ Рокъ,
И помни: отъ вѣка изъ терній
Поэта завѣтный вѣнокъ!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Маскарадъ.

Огневой крюшонъ съ поклономъ
Капуцину чортъ несетъ.
Надъ крюшономъ, капюшономъ
Капуцинъ шуршитъ и пьетъ.

Стройный чортъ,—атласный, красный,—
За напитокъ взыщетъ дань,
Пролетая въ нѣжный, страстный,
Граціозный па д'эспань,—

Пролетаетъ, колобродитъ,
Интригуетъ наугадъ.
Тамъ хозяйка гостя вводитъ.
Здѣсь хозяинъ гостьѣ радъ.

Звякнетъ въ полъ желѣзной злостью
Тамъ косы сухая жердь:—
Входитъ гостья, щелкнетъ костью,
Взвѣетъ саванъ: гостья—смерть.

Гость:—нѣмое, роковое
Огневое домино—
Неживою головою
Надъ хозяйкой склонено.

И хозяйка гостя вводитъ.
И хозяинъ гостьѣ радъ.
Гости бродятъ, колобродятъ,
Интригуютъ наугадъ.

Не втерпежъ сѣдому туркѣ:
Смотритъ маскѣ за корсажъ.
Обжигается въ мазуркѣ
Знойной полькой юный пажъ.

Закрутивъ сѣдыя баки,
Надушенъ и умиленъ
Самъ хозяинъ въ черномъ фракѣ
Открываетъ котильонъ.

Вѣя вѣеромъ пуховымъ,
Съ нимъ жена плыветъ вдоль стѣнъ;
И муаромъ бирюзовымъ
Развернулся пышный трэнъ.

Чей-то голосъ раздается:
„Вамъ погибнуть суждено“—
И ужъ въ дальнихъ залахъ вьется,—
Вьется въ вальсѣ домино

Съ милой гостьей: желтой костью
Щелкнетъ гостья: гостья—смерть.
Прогрозитъ и лязгнетъ злостью
Тамъ косы сухая жердь.

Пляшутъ дѣти въ яркомъ свѣтѣ.
Обернулся—никого.
Лишь, віясь, пучокъ конфетти
Съ легкимъ трескомъ бьетъ въ него.

„Злыя шутки, злыя маски"
Шепчетъ онъ, остановясь.
Злыя маски строятъ глазки,
Въ легкой пляскѣ вдаль несясь.

Ждетъ. И бокомъ, легкимъ скокомъ,—
„Вамъ погибнуть суждено"—
Надъ хозяйкой ненарокомъ
Прошуршало домино.

Задрожалъ надъ блѣднымъ бантомъ
Серебристый позументъ;
Но она съ атласнымъ франтомъ
Пролетаетъ въ вихрѣ лентъ.

Въ бирюзу нѣмую взоровъ
Ей пылитъ атласный шарфъ.
Прорыдавъ, несутся съ хоровъ,—
Рвутся струны страстныхъ арфъ.

Подгибаетъ ноги выше,
Въ тактъ выстукиваетъ па,—
Ловитъ бэби въ темной нишѣ—
Ловитъ бэби— grand papa.

Плещетъ бэби дымнымъ тюлемъ,
Выгибая стройный торсъ.
И проносятъ вестибюлемъ
Ледяной, отрадный морсъ.

Та и эта въ ночь изъ свѣта
Выбѣгаетъ на подъѣздъ.
За каретою карета
Тонетъ въ снѣжной пѣнѣ звѣздъ.

Спитъ: и бэби строитъ куры
Престарѣлый grand papa.
Легконогіе амуры
Вкругъ него рисуютъ па.

Только тамъ по гулкимъ заламъ—
Тамъ, гдѣ пусто и темно—
Съ окровавленнымъ кинжаломъ
Пробѣжало домино.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

Діаволъ.

Ѳедору Сологубу.

Я захотѣлъ—и міръ сіяетъ:
Планеты, солнце и земля.
Но день седьмой пустой зіяетъ,
Такъ воля волила моя.

Послушенъ Ягве исполнитель:
Онъ до предѣла сотворялъ,
Чтобы потомокъ отомститель
Оковъ отцовыхъ не сорвалъ;

Чтобъ, изнывая въ заточеньи
И задыхаясь въ красотѣ,
Свои творилъ бы сотворенья
На пресыщенье пустотѣ.

Я неподвижность не нарушу
И съ высоты не снизойду,
Храня незыблемую душу
Въ моемъ невиданномъ аду.

Мелькнутъ вѣка. Озера станутъ,
Гдѣ воздымалися хребты.
Погаснетъ солнце—не престанутъ
Служить мнѣ ангелы мечты.

И замѣню міры иными,
И снова имъ небытіе,
Зане надъ долами земными
Пребудетъ царствіе мое.

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

Заклятый витязь.

День и ночь шумитъ, какъ пьяный,
Непроглядный, старый боръ,
Въ томъ бору среди поляны
Тканый золотомъ шатеръ.

У шатра скакунъ ретивый
Бьетъ копытомъ, машетъ гривой,
А въ разубранномъ шатрѣ
Мертвый витязь на коврѣ.

Темной полночью жаръ-птица
Прилетаетъ въ шуменъ боръ,
Мечетъ искры и садится
Съ долгимъ крикомъ на шатеръ.

Стонетъ витязь, содрогаясь,
Мутнымъ взглядомъ озираясь,
Поднимается съ ковра
И выходитъ изъ шатра.

Ногу въ стремя и за птицей.
Ярый топотъ, свистъ крыла,
Пляшутъ красныя зарницы,
Пляшутъ сосны, пляшетъ мгла.

Хлещутъ вѣтви по шелому,
Не моргнуть коню лихому;
Но едва забрезжитъ свѣтъ,
Бѣлъ шатеръ, а птицы нѣтъ.

Входитъ витязь. Бездыханный
Упадаетъ на коверъ.
И шумитъ, шумитъ, какъ пьяный,
Непроглядный, старый боръ.

АЛЕКСАНДРЪ РОСЛАВЛЕВЪ.

Н. М. МИНСКІЙ.

* * *

„Ты вершины достигъ“,
Прошептали два голоса мнѣ,
И тогда я постигъ,
Отчего мое сердце въ огнѣ,
Отчего мое тѣло горитъ,
А межъ тѣмъ на душѣ такъ легко,
Отчего я усталъ и разбитъ
И усталости радъ глубоко.

Больше многихъ терпѣлъ
Я на трудномъ пути;
Зорче многихъ глядѣлъ
Я на цѣль впереди;
Но насталъ разрѣшающій мигъ
Неземной полноты.
Нѣтъ путей—я достигъ высоты,
Нѣтъ надеждъ—я вершины достигъ.

Вижу пройденный путь предъ собой,
Но его я узнать не могу.
Помню кручи надъ бездной сѣдой,
Помню также цвѣты на лугу.

А теперь—оглянись
На воздушный просторъ;
Долы, бездны слились
Въ одноцвѣтный узоръ;
Изъ утесовъ и кручъ,
Изъ тумановъ и тучъ,
Кто-то смѣлый воздвигъ
Красоту внѣ живой красоты.
Нѣтъ пучинъ: я достигъ высоты,
Нѣтъ цвѣтовъ—я вершины достигъ.

Съ одинокой вершины своей
Я зову въ тишинѣ.
Вы съ далекихъ путей
Приходите ко мнѣ!
Если духъ вашъ въ довольствѣ коснѣлъ,
Безнадежностью васъ уязвлю;
Если духъ вашъ въ лишеньяхъ скорбѣлъ,
Безпечальностью васъ исцѣлю.
На судьбу научу васъ глядѣть,
Какъ на дольный узоръ,
Разорву ея сѣть,
Искуплю вашъ позоръ,
Освящу безъ поста и веригъ.
Въ храмъ введу на краю пустоты.
Тотъ умретъ, кто достигъ высоты,
Тотъ воскресъ, кто вершины достигъ.

Н. М. МИНСКІЙ.

Смерть.

Она печальна у одра болѣзни,
Въ разстанный часъ, при громкомъ плачѣ женъ;
Торжественна въ движеньи похоронъ,
Въ протяжности заупокойной пѣсни;

Грозна предъ плахой, за стѣной тюрьмы;
Мечтательна подъ тѣнью изъ надгробныхъ;
Всесильна на поляхъ сраженій злобныхъ;
Уродлива въ дыханіи чумы.

Но ужасъ смерти, близкой, неотлучной,
Постигъ я лишь наединѣ съ собой,—
Въ мелькань̀и дней подъ лепетъ однозвучный,
Въ усталости души, еще живой,

Въ забвеніи всего, что́ было свято,
Въ измѣнѣ всѣмъ, кого любилъ когда-то.

Н. М. МИНСКІЙ.

Лунное безмолвіе.

Въ лѣсу безмолвіе возникло отъ Луны,
Но внятно чудится дрожаніе струны,
И свѣтъ властительный нисходитъ съ вышины.

Какая сонная надъ лѣсомъ красота,
Какъ четко видится мельчайшая черта,
Какъ стынетъ скованно вонъ та сосна и та.

Воздушно-бѣлыя недвижны облака,
Зеркально-царственна холодная рѣка,
И даль небесная во влагѣ глубока.

Непрерываемо дрожаніе струны,
Ненарушаема воздушность тишины,
Неисчерпаемо вліяніе Луны.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Алмазъ.

Легкою игрою низводящій радугу на землю,
Раздробившій непреклонность слитныхъ зміевыхъ рѣчей,
Мой алмазъ, горящій ярко безпредѣльностью лучей,
Я твоимъ вѣщаньямъ вѣщимъ, многоцвѣтный свѣточъ, внемлю.
Злой Драконъ горитъ и блещетъ, ослѣпляя зоркій глазъ.
Льется съ неба свѣтъ его, торжественно прямой и бѣлый,—
Но его я не прославлю,—я предъ нимъ поставлю смѣлый,
Ограненный, но свободный и холодный мой алмазъ.
Посмотрите, — разбѣжались, развизжались бѣсенята,
Такъ и блещутъ, и трепещутъ,—огоньки и угольки,—
Синій, красный и зеленый, быстры, зыбки и легки.
Но не бойтесь, успокойтесь, — знайте, наше мѣсто свято,
И простите бѣсенятамъ ложь ихъ зыбкую и дрожь.
Злой Драконъ не знаетъ правды, и открыть ее не можетъ.
Онъ волнуетъ и тревожитъ, и томленья наши множитъ,
Но въ глаза взглянуть не смѣетъ, потому что весь онъ—ложь.
Всѣ лучи похитивъ съ неба, лишь одинъ царить онъ хочетъ,
Многоцвѣтный праздникъ жизни онъ таитъ отъ нашихъ глазъ,
Въ яркой маскѣ ликъ свой кроетъ, стрѣлы пламенныя точитъ,
Но хитросплетенье злое разлагаетъ мой алмазъ.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

* * *

Алой кровью истекая въ часъ всемірнаго
томленья,
Съ легкимъ звономъ злыя звенья разжимаетъ
лютый Змѣй.
Умираетъ съ тихимъ стономъ Царь полдневнаго
творенья.
Кровью Змѣя пламенѣя, ты жалѣть его не смѣй.

Близокъ срокъ завороженный размышленья и
молчанья.
Умираетъ Змѣй багряный, Царь безумнаго сіянья.
Онъ царилъ надъ небосклономъ, но насталъ
печальный часъ,
И съ протяжнымъ, тихимъ стономъ Змѣй
пылающій погасъ.

И съ безсильною тревогой окровавленной
дорогой,
Всѣ ключи свои роняя, трупъ Царя влечетъ Заря,
И въ томленьи грусти строгой мѣсяцъ блѣдный и
двурогій
Сѣетъ мглистыя мечтанья, не грозя и не горя.

Если страшно, если больно, если жизни жаль
невольно,—
Что твой ропотъ своевольный! покоряйся,—жить
довольно.
Всѣ лучи померкли въ небѣ, и въ ночной росѣ
ключи,—
И опять Она съ тобою. Слушай, слушай и молчи.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

Второе крещенье.

Открыли дверь мою метели,
Застыла горница моя,
И въ новой снѣговой купели
Крещенъ вторымъ крещеньемъ я.

И, въ новый міръ вступая, знаю,
Что люди есть, и есть дѣла,
Что путь открытъ навѣрно къ раю
Всѣмъ, кто идетъ путями зла.

И женщинъ жалкія объятья
Знакомы мнѣ,—я къ нимъ привыкъ.
И всѣмъ странамъ я шлю проклятья...—
Да будетъ это—первый крикъ.

Я такъ усталъ отъ ласкъ подруги
На застывающей землѣ.
И драгоцѣнный камень вьюги
Сверкаетъ льдиной на челѣ.

И гордость новаго крещенья
Мнѣ сердце обратила въ ледъ.
Ты мнѣ сулишь еще мгновенья?
Пророчишь, что весна придетъ?

Но посмотри, какъ сердце радо!
Заграждена снѣгами твердь.
Весны не будетъ, и не надо:
Крещеньемъ третьимъ будетъ—Смерть.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

Тварь.

Царица вѣчно ясная,
Душа моей души!
Зову тебя, прекрасная,
Зову тебя, спѣши!

Но, знаю, на свиданіе
Придешь ты не одна.
Придетъ мое страданіе,
Мой грѣхъ, моя вина.

И предъ тобой, обиженной,
Склоняться буду ницъ,
И слезы пить униженно
Съ опущенныхъ рѣсницъ.

Прости мнѣ! Безконечности
Въ любви я не достигъ.
Творю тебя не въ вѣчности,
Творю на краткій мигъ.

Приходишь ты, рожденная
Лишь волею моей.
И, волею зажженная,
Погаснешь вмѣстѣ съ ней.

Шатаясь отодвинешься,—
Чуть ослабѣю я...
И молча опрокинешься
Во мглу небытія.

З. ГИППІУСЪ.

* * *

Золотится маковка надъ лѣснымъ хребтомъ.
День со мной встрѣчается золотымъ лучемъ.

Я иду тропинкою и пою псалмы.
А въ лѣсу сбираются рати лютой тьмы.

Волчьимъ глазомъ свѣтится черный Лѣсовикъ.
Вечеръ въ тихой ясности надъ землей поникъ.

ВИКТОРЪ СТРАЖЕВЪ.

Лѣсъ.

По вѣтвямъ надъ смольной мглою темнокрылый богъ
Прокатилъ по скользкимъ хвоямъ, на соснѣ возлегъ,
Обратилъ къ закату блѣдный и звѣриный ликъ...
Сиротливый, слитный, мѣдный сталъ въ чащобахъ крикъ.

Въ долгомъ воѣ шорохъ хвои, рокотъ и прибой;
Стонетъ лѣсъ многоголосый, чуткій и глухой.
И горитъ вѣнецъ граненый въ заревыхъ камняхъ;
И огонь въ тоскливомъ взорѣ, и огонь въ перстняхъ.

У царя въ гудящей хвоѣ не мое ль лицо?
Не царево ли на пальцѣ у меня кольцо?
Рысій богъ въ вѣнцѣ огнистомъ, ты ли внемлешь мнѣ?
Я ль дремлю, дремлю—и слышу мѣдный стонъ въ огнѣ?

Отъ меня ты Слова хочешь, мой лѣсной двойникъ?
Ты къ моей душѣ душою, какъ къ ключу, приникъ!
Жалитъ зовомъ взоръ горящій, — голосъ скованъ мой...
Кто здѣсь темный? Кто здѣсь зрящій? вѣщій,—и нѣмой?

МАРГАРИТА САБАШНИКОВА.

Какъ жизнь понять.

Отъ облака до облака, отъ тучи до ручья
Блуждаетъ жизнь вселенская, и съ ней печаль моя.

Какое воплощеніе какой душѣ найти,
И какъ изъ тѣла, радуясь, въ иное перейти?

Какъ временныя грани бытія переступать,
Чтобъ новой жизнь прошедшая была родная мать?

Куда дѣвать напрасную гордыню бытія,
Когда, засохнувъ верескомъ, змѣей родился я?

И какъ смиреньемъ мудрости сознанье утолить,
Когда, погибнувъ голубемъ, сталъ ящерицей жить?

Блуждаетъ жизнь вселенская, невидима, пока
Не выльется въ плѣнъ берега привольная рѣка.

Все ищетъ плѣна, вольная, чтобъ какъ-нибудь пожить
И хоть на мигъ единственный свое лицо явить.

И путь душѣ блуждающей нигдѣ-то не закрытъ:
Была березкой бѣленькой—вотъ дѣвушкой стоитъ.

И видятся за дѣвушкой былыя чудеса:
Какъ вѣтки, руки гибкія, и слезы, какъ роса.

Отъ облака до облака, отъ тучи до ручья
Блуждаетъ жизнь вселенская, и съ ней любовь моя.

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

Маскарадъ.

Въ глухихъ коридорахъ и залахъ пустынныхъ
Сегодня собрались веселыя маски,
Въ увитыхъ ночными цвѣтами гостиныхъ
Открылись ихъ странныя, дикія ласки.

Надъ ними повисли тяжелыя чары,
Высокія свѣчи горѣли, краснѣя,
И въ темные сны погружалися пары,
Монахъ, арлекинъ, или свѣтлая фея.

Гремѣла веселая музыка вальса
И я танцовалъ съ куртизанкой Содома,
О чемъ-то вздыхалъ я, чему-то смѣялся
И что-то мнѣ было такъ близко знакомо.

Молилъ я подругу: „сними свою маску!
Меня такъ волнуютъ и дразнятъ напѣвы,
Какую роскошную, дивную сказку
Сплетемъ мы съ тобою, о, смуглая дѣва!

Для всѣхъ ты останешься странно-чужою
И лишь для меня безконечно знакома,
И я отъ людей и отъ масокъ сокрою,
Что знаю тебя я, царица Содома!

Ты вся такъ прекрасна и такъ непонятна,
Мнѣ душу измучила вѣчная тайна“...
„Пойдемъ же“, она мнѣ шепнула чуть внятно,
Какъ будто невольно, какъ будто случайно.

И тамъ, гдѣ поднялись въ концѣ коридора
Колонны, похожія больше на сказку,
Она улыбнулась мерцаніемъ взора
И быстрымъ движеньемъ сняла свою маску.

Я вспомнилъ, я вспомнилъ... такія же тѣни,
Такую же дикую дрожь сладострастья
И ласковый вкрадчивый шопотъ: „воскресни“,
„Умри и воскресни для нѣги и счастья“.

Я многое понялъ въ тотъ мигъ сокровенный,
Но страшную клятву мою не нарушу.
Царица, царица! Ты видишь, я—плѣнный.
Возьми мое тѣло, возьми мою душу!

Н. ГУМИЛЕВЪ.

Осень.

Расплела свои косы багряная осень,
Разметала по небу и роснымъ полямъ;
И въ усадьбу безмолвную въ гости пришла,
Обжигая багрянцемъ траву;
Побродила въ саду,
А потомъ поднялась на балконъ,
Чуть коснувшись зыбкихъ перилъ;
Тихо двери толкнула,
Въ комнату тихо вошла,
Золотистымъ пескомъ запылила коверъ,
Красный листъ уронила на фортепіано...

Съ этого часа мы слышали шорохъ ея непрестанный—
Шорохъ, и шелестъ, и шопотъ.

И наши руки соединились нежданно
Безъ новыхъ и всегда невѣрныхъ словъ:
Какъ будто мы повѣсили вѣнокъ изъ красныхъ розъ
На черную, въ желѣзо кованную, дверь,
Что въ склепъ ведетъ,

Гдѣ тлѣютъ милые останки
Мечты-любовницы.

Осенніе дни наступили—
Дни непонятныхъ томленій.
Мы попирали ступени
Страсти осенней.
Въ сердцѣ моемъ, какъ лампада,
Рана неугасимо горѣла;
Чашу осенняго яда
Мы прижимали къ устамъ.
Осень вела насъ змѣиной дорожкою сада
Къ лиліямъ пруда,
На ветхій песчаный откосъ.
И тамъ, надъ водою лилейной и въ розахъ вечернихъ
Мы суевѣрнѣй любили.

И темною ночью,
У томной постели,
У ногъ моей милой,
По новому смерть я любилъ.
Минуты хрустально звенѣли
У края осенней могилы:
Осень и смерть чокались пьянымъ стекломъ.

Къ ногамъ, розовѣющимъ тихо при свѣтѣ лампады,
Жадно уста прижималъ я,
Чашу любовную пилъ.
Опаленный огнемъ преступленій,
На крестѣ вожделѣній распятый,
Въ позорѣ ненужныхъ измѣнъ,
Чашу любовную пилъ.

Въ часъ несказанный объятій
Чуялъ я шопотъ
Осенней предсмертной любви.
И поцѣлуи, какъ острыя иглы,
Жгли и вонзались,
Сплетались въ терновый вѣнецъ.

ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ.

Газэла.

Взглянувъ на темный кипарисъ, пролей слезу, любившій.
Будь ты поденщикъ, будь Гафизъ, пролей слезу, любившій.
Бѣлѣетъ стволъ столба въ тѣни, покоя стражникъ строгій.
Концы чалмы спустились внизъ. Пролей слезу, любившій.
Воркуетъ горлицъ кроткій рой, покой не возмущая;
Священный стихъ обвилъ карнизъ. Пролей слезу, любившій.
Здѣсь сердце, путникъ, мирно спитъ, оно любовью жило,
Такъ нищаго питаетъ рисъ. Пролей слезу, любившій.
Кто бъ ни былъ ты, идя, вздохни, почти Любовь, прохожій,
И, бросивъ набожно нарциссъ, пролей слезу, любившій.
Придетъ ли кто къ могилѣ нѣгъ заросшею тропою
Въ безмолвной скорби темныхъ ризъ? пролей слезу, любившій.

М. КУЗМИНЪ.

Чахлыя сосны.

Хмурятся скалы, оплоты земной тишины:
Вѣтеръ въ пролетахъ свиститъ отъ стѣны до стѣны.

Таинство жизни трепещетъ средь мертвыхъ камней,
Что-то забилось, какъ будто бы тѣни тѣней.

Чахлыя сосны ростутъ на отвѣсной стѣнѣ,
Шепчутъ подъ Солнцемъ, и зябнутъ при тусклой Лунѣ.

Хочется соснамъ на горную высь посягнуть:
Цѣпкіе корни въѣдаются въ твердую грудь.

Скупо ихъ кормятъ бездушныя глыбы скалы.
Съ жадными криками носятся сверху орлы.

Чахлыя сосны безъ влаги ростутъ и ростутъ.
Чахлыя сосны къ Лазури дорогу найдутъ!

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Лица.

О, лица, зрѣлища трущобныхъ катастрофъ,
Глухія карты тягостныхъ путей!
Невольный голосъ вашъ печаленъ и суровъ,
Нѣтъ повѣсти, страшнѣе вашихъ повѣстей.

Какъ разсказать, что разсказалъ мнѣ тотъ старикъ,
Поднявшій до виска единственную бровь?
Когда-то въ страхѣ крикнулъ онъ—и замеръ крикъ,
И равны предъ его зрачкомъ убійство и любовь.

Взгляни на ту, закутанную въ желтый мѣхъ,
Подкрасившую на лицѣ глубокій шрамъ.
Она смѣется. Слышишь яркій, женскій смѣхъ?
Теперь скажи: ты отчего не засмѣялся самъ?

Вотъ перешла дорогу женщина въ платкѣ.
И проситъ денегъ. Дай. Но не смотри въ глаза.
Не то на всякомъ, всякомъ мѣдномъ пятакѣ
Въ углахъ чеканки будетъ рдѣть блестящая слеза.

И даже въ свѣтлый домъ придя къ своимъ друзьямъ,
Нельзя смотрѣть на лица чистыя дѣтей:
Увидишь жизнь отцовъ по губкамъ, глазкамъ и бровямъ—
На бѣломъ мраморѣ слѣды пороковъ и страстей.

Но и старикъ, и женщина, и дѣтскій ликъ
Переносимы, какъ разсказъ о житіи чужихъ.

Но что за ужасъ собственный двойникъ
Въ праздивомъ зеркалѣ! Свой взглядъ въ глазахъ
своихъ!

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

Осенняя любовь.

Когда въ листвѣ сырой и ржавой
Рябины заалѣетъ гроздь;
Когда палачъ рукой костлявой
Вобьетъ въ ладонь послѣдній гвоздь;—

Когда надъ рябью рѣкъ свинцовой,
Въ сырой и сѣрой высотѣ,
Предъ ликомъ родины суровой
Я закачаюсь на крестѣ,—

Тогда—просторно и далеко
Смотрю сквозь кровь предсмертныхъ слезъ,
И вижу: по рѣкѣ широкой
Ко мнѣ плыветъ въ челнѣ Христосъ.

Въ глазахъ—такія же надежды,
И то же рубище на Немъ,
И жалко смотритъ изъ одежды
Ладонь, пробитая гвоздемъ...

Христосъ! Родной просторъ—печаленъ.
Изнемогаю на крестѣ.
И челнъ твой—будетъ ли причаленъ
Къ моей распятой высотѣ?

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

Битва.

Въ лазури проходитъ толпа исполиновъ на битву.
Ужасенъ ихъ обликъ, всклокоченный, каменнобѣлый.
Сурово поютъ исполины сѣдые молитву.
Бросаютъ по воздуху красно—пурпурныя стрѣлы.

Порою товарищъ, всплеснувъ міровыми руками,
безсильно шатается, дружескихъ ищетъ объятій;
порою, закрывшись отъ стрѣлъ дымовыми плащами,
надъ тѣломъ склоняются медленно гибнущихъ братій!..

. . . . . .

Дрожала въ испугѣ земля отъ тяжелыхъ ударовъ.
Метались въ лазури бородъ снѣгоблещущихъ клоки
—и нѣтъ ихъ... пронизанный тканью червонныхъ пожаровъ,
плыветъ многобашенный, городъ, туманно-далекій.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

* * *

Я любуюсь людской красотою,
Но не знаю, что стало бы съ ней,
Вдохновенной и нѣжной такою,
Безъ дыханія жизни моей.

Обращаю къ природѣ я взоры
И склоняю внимательный слухъ,—
Только мой вопрошающій духъ
Оживляетъ нѣмые просторы,—

И, всемірною жизнью дыша,
Я не знаю конца и предѣла:
Для природы моей я—душа,
И она мнѣ—послушное тѣло.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

ЮРГИСЪ БАЛТРУШАЙТИСЪ.

Кочевники.

O ferne Heimat! weisser Schmetterling!
Gerhart Hauptmann.

Качнулись послѣднія стѣны,
Отнынѣ неволя—просторъ,—
Нѣмое стремленье безъ смѣны
И къ далямъ прикованный взоръ!

Уже—за послѣднимъ порогомъ—
Нагіе мы скорбно стоимъ,
Предъ звѣздно-замкнувшимся Богомъ
Съ угрюмымъ алканьемъ своимъ.

Какъ пламя—истома движенья
Внѣ жизни, внѣ будничныхъ вѣхъ...
Какъ горькое пламя—прозрѣнье
Въ убожество смертныхъ утѣхъ!

И полдень и полночь,—безъ грани!
Нашъ духъ разрѣшилъ рубежи.
Отнынѣ намъ въ даляхъ скитаній
Не встрѣтить ни узъ ни межи...

Впередъ!—все впередъ!—по безводнымъ
Пустынямъ блистательной тьмы...
Проклятье и горе свободнымъ,
Имъ вновь не воздвигнуть тюрьмы!

ЮРГИСЪ БАЛТРУШАЙТИСЪ.

Ноктюрнъ.

Часъ полночный... Мигъ неясный...
Скорбный сумракъ... Тишина...
Слабыхъ крыльевъ взмахъ напрасный,
Мысль—какъ колосъ безъ зерна!

Всю-то жизнь, какъ рабъ угрюмый,
Въ тайномъ темномъ рудникѣ
Пролагаю ходы,—трюмы,
Съ тяжкимъ молотомъ въ рукѣ...

Много въ мірѣ насъ стучало,
Роя узкій коридоръ,—
Мы не знаемъ, гдѣ начало
Въ лабиринтѣ нашихъ норъ...

Все то знанье, что отъ вѣка
Милліоны разныхъ рукъ,
Точно сердце человѣка,
Повторяли тотъ же стукъ:

Что въ тюрьмѣ своей гранитной
Бытія не оправдалъ,
Тотъ, чей молотъ стѣнобитный
Безъ упорства упадалъ!..

Вѣкъ идетъ—пройдутъ ихъ сотни,—
Подземелью края нѣтъ!
Только Смерть—нашъ День субботній,—
Блѣдность искры—весь нашъ свѣтъ!

ЮРГИСЪ БАЛТРУШАЙТИСЪ.

Корнями гнѣздится глубоко,
Вершиной восходитъ высоко,
Зеленыя вѣтви уводитъ въ лазурно-широкую даль.
Корнями гнѣздится глубоко въ землѣ,
Вершиной восходитъ къ высокой скалѣ,
Зеленыя вѣтви уводитъ широко въ безмѣрную синюю даль.
Корнями гнѣздится глубоко въ землѣ, и въ бессмертномъ подземномъ огнѣ,
Вершиной восходитъ высоко-высоко, теряясь свѣтло въ вышинѣ,
Изумрудныя вѣтви въ расцвѣтѣ уводитъ въ бирюзовую вольную даль.
И знаетъ веселье,
И знаетъ печаль.
И отъ Моря до Моря раскинувъ свои ожерелья,
Колыбельно поетъ надъ умомъ, и уводитъ мечтаніе въ даль.

Дѣвически вспыхнетъ красивой калиной,
На кладбищѣ горькой зажжется рябиной,
Взнесется упорно, какъ дубъ вѣковой.
Качаясь и радуясь свисту мятели,
Растянется лапчатой зеленью ели,
Сосной перемолвится съ желтой совой.
Осиною тонкой, какъ духъ, затрепещетъ,
Березой засвѣтитъ, березой заблещетъ,

Серебряной ивой заплачетъ листвой.
Какъ тополь, какъ факелъ пахучій, возстанетъ,
Какъ липа іюльская умъ затуманитъ,
Шепнетъ звѣздоцвѣтно въ ночахъ, какъ сирень.
И яблонью цвѣтъ свой разсыплетъ по саду,
И вишеньемъ ластится къ дѣтскому взгляду,
Черемухой нѣжитъ душистую тѣнь.
Раскинетъ рѣзьбу изумруднаго клена,
И долгою пѣсней зеленаго звона
Чаруетъ дремотную лѣнь.

Въ вешней рощѣ, вдоль дорожки,
Ходитъ легкій вѣтерокъ.
На березѣ есть сережки,
На бѣлянѣ сладкій сокъ.

На березѣ бѣлоствольной
Бьются липкіе листки.
Надъ рѣкой весенней, вольной
Зыбко пляшутъ огоньки.

Надъ рѣкою, въ часъ разлива,
Духъ узывчивый бѣжитъ.
Ива, ива такъ красива,
Тонкимъ кружевомъ дрожитъ.

Слышенъ голосъ ивы гибкой,
Какъ русалочій напѣвъ,
Какъ протяжность сказки зыбкой,
Какъ улыбка водныхъ дѣвъ:—

Срѣжь одну изъ вѣтокъ стройныхъ,
Освяти мечтой Апрѣль,
И, какъ Лель, для безпокойныхъ,
Заиграй, запой въ свирѣль.

Не забудь, что возлѣ Древа
Есть кусты и есть цвѣтки,
Въ зыбь свирѣльнаго напѣва
Всѣ запутай огоньки,

Всѣ запутай, перепутай,
Нашъ Славянскій цвѣтъ воспой,
Будь пѣвучею минутой,
Будь веснянкой голубой.

И все ростетъ зеленый звонъ,
И сонъ въ душѣ поетъ:—
У насъ въ поляхъ есть нѣжный ленъ,
И любъ-трава цвѣтетъ.
У насъ есть папороть-цвѣтокъ,
И перелетъ-трава.
Небесно-радостный намекъ,
У насъ есть синій василекъ,
Вся нива имъ жива.
Есть подорожникъ, есть дрема,

Есть ландышъ, первоцвѣтъ.
И нѣтъ цвѣтовъ, гдѣ злость и тьма,
И мандрагоры нѣтъ.
Нѣтъ тяжкихъ кактусовъ, агавъ,
Цвѣтовъ, глядящихъ, какъ удавъ,
Кошмаровъ естества.
Но есть ромашекъ нѣжный свѣтъ,
И сладкихъ кашекъ есть расцвѣтъ,
И есть плакунъ-трава.

А нашъ плѣнительникъ долинъ,
Свѣтящій нѣжный нашъ жасминъ,
Не это ль красота?
А сну подобные цвѣты,
Что безымянны, какъ мечты,
И странны, какъ мечта?

А нашихъ лилій водяныхъ,
Какой восторгъ замѣнитъ ихъ?
Не нужно ничего.
И самыхъ пышныхъ орхидей
Я не возьму за сѣть стеблей
Близъ древа моего.

Не все еще вымолвилъ голосъ свирѣли,
Но лишь не забудемъ, что круглый намъ годъ,
Отъ ивы къ березѣ, отъ вишенья къ ели,
Зеленое Древо цвѣтетъ.

И туча протянется, съ молніей, съ громомъ,
Какъ дьявольскій омутъ, какъ вѣдьмовскій сглазъ
Но Древо есть теремъ, и этимъ хоромамъ
Нѣтъ гибели, вѣченъ ихъ часъ.

Свѣжительны бури, рожденье въ нихъ чуда,
Колодецъ, криница, коверъ-самолетъ.
И вѣчно намъ, вѣчно, какъ сонъ изумруда,
Славянское Древо цвѣтетъ.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Зеленая.

Вся въ зеленомъ, а глаза такъ и зовутъ,
Такъ зовутъ,
Руки гибкія объятія плетутъ.
Вся какъ ива. А уста лобзанья ждутъ,
Такъ и ждутъ,
А рѣсницы очи карія гнетутъ.
Вся лѣсная. А глаза летятъ и жгутъ,
Такъ и жгутъ.
Брови-прутики поломаны вотъ тутъ.
Вся моя ли? Да, моя. И ноги гнутъ,
Такъ и гнутъ
На земь-мать, гдѣ травы сильныя растутъ.

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

Сова.

Есть особый пряный запахъ
Въ лунномъ окликѣ совы,
Въ сонныхъ крыльяхъ, въ мягкихъ лапахъ,
Въ буро-сѣрыхъ, пестрыхъ крапахъ,
Въ позѣ вѣщей головы.
Ночи вѣрная подруга,
Я люблю тебя, сова.
Въ грустныхъ крикахъ запахъ луга,
Вздохи счастья, голосъ друга,
Скорбной вѣчности слова.

БОРИСЪ САДОВСКОЙ.

Грядущіе гунны.

Топчи ихъ рай, Аттила.
Вяч. Ивановъ.

Гдѣ вы, грядущіе гунны,
Что тучей нависли надъ міромъ!
Слышу вашъ топотъ чугунный
По еще не открытымъ Памирамъ.

На насъ ордой опьянѣлой
Рухните съ темныхъ становій—
Оживить одряхлѣвшее тѣло
Волной пылающей крови.

Поставьте, невольники воли,
Шалаши у дворцовъ, какъ бывало,
Всколосите веселое поле
На мѣстѣ троннаго зала.

Сложите книги кострами,
Пляшите въ ихъ радостномъ свѣтѣ,
Творите мерзость въ храмѣ,—
Вы во всемъ неповинны, какъ дѣти!

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и вѣры.
Унесемъ зажженные свѣты,
Въ катакомбы, въ пустыни, въ пещеры.

И что, подъ бурей летучей,
Подъ этой грозой разрушеній,
Сохранитъ играющій Случай
Изъ нашихъ завѣтныхъ твореній?

Безслѣдно все сгибнетъ, быть можетъ,
Что вѣдомо было однимъ намъ,
Но васъ, кто меня уничтожитъ,
Встрѣчаю привѣтственнымъ гимномъ.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Городъ.

Сколько въ Городѣ дверей,—вы подумали объ этомъ?
Сколько оконъ въ высотѣ по ночамъ змѣится свѣтомъ!
Сколько зданій есть иныхъ, тяжкихъ, мрачныхъ, непреклонныхъ,
Однодверчатыхъ громадъ, ослѣпленно-безоконныхъ.

Склады множества вещей, въ жизни будто бы полезныхъ.
Убіеніе души—ликомъ стѣнъ, преградъ желѣзныхъ.
Удавленіе сердецъ—наклоненными надъ нами
Натѣсненьями камней, этажами, этажами.

Семиярусность гробовъ. Ты проходишь коридоромъ.
Предъ враждебностью дверей ты скользишь смущеннымъ воромъ.
Потому что ты одинъ. Потому что камни дышутъ.
А задверныя сердца каменѣютъ и не слышутъ.

Повернется въ дыркѣ ключъ—постучи—увидишь ясно,
Какъ способно быть лицо безподходно-безучастно.
Ты послушай, какъ шаги засмѣялись въ коридорѣ.
Здѣсь живые—сапоги, и безжизненность—во взорѣ.

Замыкайся ужъ и ты, и дыши дыханьемъ Дома.
Будетъ впредь и для тебя тайна комнаты знакома.
Стѣны лѣтопись ведутъ, и о петляхъ повѣствуютъ.
Окна—дьяволовъ глаза. Окна ночи ждутъ. Колдуютъ.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

СЕРГѢЙ КРЕЧЕТОВЪ.

Изгнанникъ.

Обнявъ руками колѣни, изгнанникъ, сижу на холодномъ пескѣ.
Невдалекѣ
Громадой нѣмой чернѣютъ утесы.
Тамъ, въ пещерѣ сырой, меня ждетъ мой темный пріютъ.
Предо мной—многошумное море,
Пустынное море.
Надъ бѣлыми гребнями волнъ скользятъ альбатросы.
О моемъ неумирающемъ горѣ
Волны поютъ.
Бѣлая пѣна ласкаетъ мои блѣдныя ноги.
Въ этотъ часъ
Въ тысячный разъ
Я вспоминаю о миломъ былomъ, что взяли жестокіе боги.

Помню я лѣтнюю ночь... Сладкій запахъ цвѣтовъ...
Шопотъ немолчныхъ струй изъ мѣдной пасти тритона,

Въ лунномъ свѣтѣ горитъ серебромъ бассейна зеркальное лоно,
И тиховѣйна,
Надъ мраморной чашей бассейна
Шепчетъ листва.
„Милый! Люби же! Люби!“ И тѣла опьяненныя,
Восторгомъ и болью сплетенныя,
Росой окропленныя
Объемлетъ трава.

Волны народа—какъ волны морскія.
Живая стихія
Все кругомъ залила стоцвѣтнымъ потокомъ.
Высоко надъ ней,
На золотой колесницѣ, правя четверкой бѣлыхъ коней,
Въ лавровомъ вѣнкѣ, взирая спокойнымъ окомъ,
Стою, вознесенъ надъ всѣми, властитель.
Я—побѣдитель.
Гудитъ земля. То—желѣзный шагъ легіоновъ.
Люди жаждутъ законовъ.
Я дамъ имъ законъ,
Непреложный, подобный граниту.
Въ его защиту
Сто тысячъ мечей сверкнутъ изъ ножонъ.

Волны приходятъ одна за другой. Стелется бѣлая пѣна,
Пѣнныя руны слагаетъ у ногъ. Смыслъ ихъ: „измѣна“.
Жалобенъ крикъ гальціоны надъ темными водными нивами.
Золотыми отливами
Гаснутъ вдали уходящіе блески заката.
Сердце печалью объято.
Нечего ждать мнѣ, жалкому страннику,
Изгнаннику.

СЕРГѢЙ КРЕЧЕТОВЪ.

Среди хищныхъ птицъ.

ФР. НИЦШЕ.

Кто хочетъ здѣсь внизъ,
какъ скоро
поглотитъ того глубина?
Но ты, Заратустра,
Любишь даже бездну,
ты подобенъ въ этомъ ели!—

Которая пускаетъ корни тамъ,
гдѣ сама скала съ трепетомъ
смотритъ въ глубь,—
которая медлитъ у бездны,
гдѣ все вокругъ
стремится внизъ:
среди нетерпѣнія,
дикихъ обваловъ, низвергающагося ручья,
терпѣливо терпя, твердо, молчаливо,
одиноко...

О д и н с к о!
Кто бы отважился
быть гостемъ здѣсь,
быть твоимъ гостемъ?..
Быть можетъ, хищная птица:
которая вцѣпится
непоколебимому страдальцу
злорадно въ волосы,
съ безумнымъ смѣхомъ,
смѣхомъ хищной птицы...

З а ч ѣ м ъ такъ непокслебимо?
— издѣвается она свирѣпо:
нужно имѣть крылья, если любишь бездну...
не нужно висѣть,
какъ ты, повѣшенный!—

О, Заратустра,
лютѣйшій Нимвродъ!

Недавно еще ловецъ перздъ Господомъ,
тенета всяческой добродѣтели,
стрѣла злого!—
Теперь—
уловленный самимъ собою,
своя собственная добыча,
вбуравленный въ самого себя...

Теперь—
одинокій съ собою,
двоящійся въ собственномъ знаніи,
среди ста зеркалъ
искаженный передъ самимъ собою,
среди ста воспоминаній
полный сомнѣній,
усталый отъ каждой раны,
знобимый каждымъ морозомъ,
душимый собственными веревками,
С а м о п о з н а ю щ і й!
с в о й с о б с т в е н н ы й п а л а ч ъ!

Зачѣмъ связалъ ты себя
веревкой своей мудрости?
Зачѣмъ завлекъ ты себя
въ рай древняго змѣя?
Зачѣмъ забрался ты
в ъ с е б я—в ъ с е б я?..
Теперь больной,
который боленъ отъ змѣинаго яда,
узникъ,
вытянувшій тягчайшій жребій;
работающій сгорбясь
въ собственномъ рудникѣ,
внѣдренный въ самого себя,
раскапывающій самого себя,
безпомощный,
окоченѣлый,
трупъ,—
обремененный собою,
обремененный ста грузами,
з н а ю щ і й!

самопознающій!..
мудрый Заратустра!..

Ты искалъ тягчайшаго бремени:
и вотъ нашелъ ты себя,—
ты не отбросишь себя отъ себя...

Подслушивая,
скорчиваясь,
человѣкъ, уже не стоящій прямо!
Ты еще сростешься со своимъ гробомъ,
сросшійся духъ!..

А недавно еще такой гордый,
на всѣхъ ходуляхъ своей гордости!
Недавно еще отшельникъ безъ Бога,
уединившійся вдвоемъ съ дьяволомъ,
багряный принцъ всяческой заносчивости!..

Теперь—
между двумя Ничто,
искривленный
вопросительный знакъ,
усталая загадка—
загадка для хищныхъ птицъ...
— Онѣ ужъ „разгадаютъ“ тебя,
онѣ алчутъ твоей „разгадки“,
онѣ уже рѣютъ вокругъ тебя, ихъ загадки,
вокругъ тебя, повѣшенный!..
О Заратустра!..
Самопознающій!..
Свой собственный палачъ!..

ПЕРЕВ. Н. ПОЛИЛОВА.

Ночь.

Огнемъ трепещетъ ночь, и мракъ-звѣздопоклонникъ
Чуть-чуть колышется подъ говоръ тишины,—
Луною мраморный обрызганъ подоконникъ
И тѣни нашихъ рукъ на немъ удлинены...

Теперь—виднѣе сонъ, теперь—забота краше,
И полусвѣтитъ міръ въ эѳирѣ полутьмы,
И тѣни нашихъ рукъ намъ кажутся не наши,
Какъ будто у окна сошлись не только мы!..

Какъ будто кромѣ насъ—любовнѣй и безсоннѣй
Заслушались мечтой нѣмыя существа,
Что съ небомъ связаны судьбой потусторонней
И шаткой тайною воздушнаго родства!

Для нихъ сплетеньями серебряныхъ извилинъ
Туманится ручей въ полуночномъ огнѣ,
Онъ углубленъ въ себя и грезой обезсиленъ,
И край русалочный онъ видитъ въ полуснѣ.

Привольнѣй облакамъ блестится и живется,
Слышнѣе, какъ цвѣты, задумавшись, цвѣтутъ...
Душа внимательно и жутко спознается
Съ неуловимостью восторговъ и причудъ.

Теперь—виднѣе сонъ, теперь—забота краше,
И полусвѣтитъ міръ въ эѳирѣ полутьмы,
И тѣни нашихъ рукъ намъ кажутся не наши,
Какъ будто у окна сошлись не только мы...

Б. ЛЕСЬМЯНЪ.

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ.

Молодые.

Глашка подхватила Горбатаго за ногу, вправила за постромку и тронула борону сильнымъ, ровнымъ ходомъ. Борона зашуршала, изъ-подъ ней задымилась сентябрьская свѣжая земля и полетѣли комья. Сзади пошла бархатная полоса, атласистая, влажная. Но Глашкѣ интереснѣе впередъ, чѣмъ назадъ. Вонъ тамъ, у дубовой рощи, гдѣ кончается господское поле, двинулся навстрѣчу съ бороной Гаврила. Съ самаго ранняго утра нынче, еще какъ алѣла заря за барской усадьбой и чернѣли въ ней порѣдѣвшія березы, вышли они съ Гаврилой на это поле и вотъ не покладаютъ рукъ. Идти по черноземy тяжко, Глашуха запыхалась, но все же весело, —молодое, могучее, что залегло въ ея пышущемъ тѣлѣ, гонитъ впередъ, къ этой серединѣ, гдѣ они встрѣтятся: вѣрно, у Гаврилы что-нибудь развя-

жется въ упряжкѣ, а, можетъ, и у ней самой, а то просто взглянутъ другъ на друга—тутъ и разговора не надо, само понятно.

— Но, любезные, не плошай!

У Гаврилы кони здоровѣй— Старый Молодой и Рыжка; вонъ онъ какъ претъ, за нимъ не ускородишься, изъ-подъ зубьевъ дымъ коромысломъ.

— Эй, ты, тетеха, заснешь еще!

Но карій его глазъ ласковъ, сразу Глашка узнаетъ въ немъ свое, милое, неотразимое, отчего замлѣваетъ по ночамъ ея дѣвичье сердце.

— Пры-ыткій, лѣшій!

Но уже его и нѣтъ: волна мужественности, жути и радости проплыла, снова они расходятся въ разныя стороны,—она къ дубамъ, онъ къ дорогѣ, взрывая за собой бархатныя пелены. Такъ они ходятъ взадъ-впередъ часами, кружатъ, тянутъ одинъ за другимъ, вздирая непокорную землю, чтобы легче и теплѣй было расти въ ней сѣменамъ. И когда Гаврилина борозда заворачиваетъ, Глашкины лошади сами знаютъ—имъ тоже заворачивать, и самое Глашку несетъ впередъ, все впередъ къ нему та же сладкая волна: какъ легокъ и пахучъ черноземъ подъ упругой ногой! Теплый день выдался, слабосолнечный, тихій, съ глубокимъ вольнымъ духомъ; усадьба тамъ гдѣ-то за рощей, никого не видать вокругъ — можно и пріостановиться на минутку. Да и лошади такъ ловко стали—закрываютъ свои-ми мягкими тушами.

— Гы-ы!

Солнце, внутренняя прелесть распустила ихъ рожи въ улыбку, молодой жаръ захватилъ, а Гаврилины глаза ужъ близко-близко, весь онъ тутъ,— сильный, здоровый богъ.

— А, попалась птица!

Гдѣ же тутъ уйти, да и куда уйдешь отъ дорогихъ темныхъ губъ,—только замрешь вся, бормочешь, а онъ цѣлуетъ, цѣлуетъ, и лошади смирно стоятъ—ждутъ, пофыркиваютъ, да пахнетъ земля, солнце теплѣетъ изъ-за облачковъ.

— Измялъ всю, идолъ, насилу вырвалась!

Но глаза пьяно блистаютъ, и легкой рысью гонитъ Глашка лошадей, она побѣжала бъ, помчалась съ ними въ свѣтломъ скаку, да тяжело бѣднягамъ съ боронами, да и полдни скоро, надо въ усадьбу. Вонъ какъ солнышко ужъ высоко.

И въ усадьбѣ, пока выпрягаютъ лошадей, зубоскалятъ съ работниками, обѣдаютъ въ людской—все то же сіяющее сливаетъ ихъ вмѣстѣ, и хоть Гаврила вышелъ, ушелъ въ барскій домъ за рюмкой водки, все же онъ тутъ, совсѣмъ близко—куда она можетъ дѣться? Пусть они тамъ смѣются: „Глашка заневѣстилась"—мало ли чего брешутъ, ей не до того. Вотъ вышла изъ избы, и солнышко тёпло обдало всю до послѣдней косточки,—даже сладкая дрожь пошла, и вдругъ стало ужасно важно, точно вся полна чего-то самаго большого,—и двинулась медленно, чтобы не расплескать чего. Выѣзжать еще не скоро, можно прилечь вонъ тамъ подъ ракитой, отдохнуть съ поденщицами. Гомонъ, хохотъ. Пляшутъ, веселятся,—но она устала, сладкая жмурь пробѣгаетъ по тѣлу, хочется улыбнуться до самыхъ своихъ нѣдръ—милому дню, Гаврилѣ, дѣвкамъ,—и знаешь, что сейчасъ утонешь въ пылающемъ, томномъ снѣ. А Гаврила ужъ бѣгаетъ, хлопочетъ: огромный, молодой, онъ похожъ въ свои двадцать лѣтъ на ивовый побѣгъ—несуразный и длинный, еще зелено-сочный. Вдругъ не туда пошлютъ скородить? Глашка разлеглась, толстая, знать ничего не знаетъ, а каково, какъ съ ней пошлютъ Митрофана? Пѣтушокъ маленькій, да бойкій—Гаврилѣ тогда прямо зарѣзъ. Лысый Инниховъ, управляющій, смотритъ на него строго:

— Баловать будете, знаю я васъ!

Гдѣ тамъ баловать, выскородятъ все за милую душу—вонъ до обѣда какъ скородили, пусть бы посмотрѣлъ...

Ну, все таки можно, ухъ, слава Богу,—Гаврила мчится къ конюшнѣ, взметнулъ по дорогѣ ногами, какъ косолапый молодой кобель—надо часокъ еще отдохнуть.

Послѣ сна выходятъ на работу розовые, том-

ные; сразу даже не очень поймешь, куда идти, что дѣлать; но ужъ сами собой улыбаются другъ другу, гдѣ жъ сдержать счастье? Повернули бороны вверхъ зубьями—снова туда же, на милую пашню, гдѣ и утромъ были. А вокругъ даже лучше: солнце совсѣмъ вышло изъ облачковъ, день смирный, золотой, и по пашнѣ на прощанье гуляютъ грачи. Вонъ они какіе старые,—съ сѣдыми носами! Важные, роютъ, клюютъ, приподымаютъ головы, чтобы взглянуть на Глашку съ Гаврилой; вѣрно, все видятъ, все понимаютъ.

А тѣ опять за свое. Опять кружатъ по пашнѣ вслѣдъ за боронами, вслѣдъ другъ за другомъ, точно связанные свѣтлой силой, и густо-загорѣлыя Глашкины щеки рдѣютъ вишней. Но стало быть, такъ ужъ дано—и стыдно, и сладко—въ свѣтло-огненномъ туманѣ попираетъ она своей дѣвичьей ногой землю.

„Опять лысый...“—правда, изъ усадебной рощи на низкомъ иноходцѣ, въ шляпѣ—Инниховъ. Ѣдетъ плавно, анаѳема, какъ на стулѣ сидитъ. Ну что жъ, они скородятъ, какъ скородятъ. Вотъ до вечера осталось, все нынче кончатъ. Что, взялъ? Выкусилъ? Думалъ, такъ и поймаешь? Не на такихъ напалъ.

Глашка тихо трясется отъ хохота, Гаврила кажетъ вдогонку дули. Лысый хрѣнъ! Поди тоже съ Глашкой бы пройтись не прочь. Старая псина!

Такъ она и подпуститъ. Дуракъ этотъ Гаврюха, тоже. Одно дѣло съ нимъ цѣловаться, другое Инниховъ. Придумалъ!

— Кати, кати, любезный, и одни управимся!

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ трудно скородить?

Подведутъ лошадей къ опушкѣ рощи, — тамъ оврагъ, и если соскочить съ Глашкой два-три шага внизъ, то не только Инниховъ, самъ Господь Богъ ничего не увидитъ. Да, конечно, цѣлуются не считая, но пойдетъ ли она за него? Это всего важнѣй; мало ли съ кѣмъ онъ не возился на покосѣ, но тутъ серьезнѣй...

— А, Глашуха, пойдешь? Пойдешь?

И Глашуха снова вспыхиваетъ и тонетъ въ смущеніи, потупляетъ милые свои глаза и въ стыдѣ „обымаетъ“ Гаврюшкину шею: его она, его, что тутъ говорить, она прячетъ кумачное лицо на его груди, у твердой его лопатки—сухой, съ запахомъ цыгарки и мужчины.

— Какъ папанька скажетъ...

Но ужъ гдѣ тамъ папанька. Понятно,—онъ ей мужъ, только онъ, дорогой, косолапый Гаврюха. Все равно ни за кого другого не пойдетъ, хоть ты тутъ убей, рѣжь, жги. Развѣ не ждала давно этого, развѣ не мечтала,—по деревенски, по дѣвичьи, возвращаясь съ поденной домой въ Копенки, распѣвая пѣсни въ праздникъ, въ церкви въ воскресенье? О, дѣвичье сердце, молодая душа,—закрутись, взыграй, взмой на великое свое счастье и радость...

Такъ обручились они другъ дружкѣ въ свѣтлый осенній день, при ласковомъ солнцѣ, въ двухъ шагахъ отъ пашни, въ рощѣ. И назадъ вышли ужъ спокойнѣе, уже гораздо важнѣй,—молодой четой. Больше не козловали, не мяли другъ друга и споро ходили до заката за боронами, попирая пашню-сваху. Только издали глядѣли другъ на друга каримъ, любовнымъ взоромъ, да мечтали, какъ будутъ жить, любить.

Когда же закраснѣло солнце, подошло къ чертѣ и осенній вздохъ прошелъ надъ полями,—они съѣхались у дороги, повернули бороны вверхъ зубьями и тронулись. Гавря ловко подхватилъ Глашуху, дорогую свою невѣсту, на руки,—взбросилъ на Рыжку. Она оправилась, сѣла бокомъ, и шажкомъ, чуть дымя пылью, они тронулись.

Сизѣло и багровѣло надъ полемъ; каждый шагъ уводитъ ихъ отъ пашни, отъ тѣхъ десятинъ, что вскорожены не просто боронами—свѣтлыми сердцами. Заскорожено все мягко и глубоко, даже Инниховъ одобрилъ бы; но и пашня, и скородьба, поцѣлуи,—все сзади, лошади шагаютъ впередъ, въ неизвѣстное, въ длинную жизнь,—жены, матери, мужа.

Гаврила прислонился головой къ Глашкиной ногѣ, шагаетъ медленно, въ тактъ Рыжкѣ; Глашуха

гладитъ его по головѣ, и такъ тихонько они подвигаются: какъ будто ввозитъ онъ свое сокровище на осляти въ священный городъ.

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ.

Осенніе голоса.

По обширнымъ полямъ моихъ думъ.
По концамъ многолюдныхъ земель
Вѣялъ въ холодѣ дней моихъ хмель,
Затаенный въ тиши моей шумъ.

И всегда не хотѣлъ я людей.
Я любилъ безпристрастный обзоръ
Стѣнъ, высотъ и степныхъ областей,
Величавый, игривый узоръ.

Я на башни нѣмыя взиралъ,
Я внималъ грохотанью лавинъ
И средь сѣверныхъ явныхъ равнинъ
Я съ осеннимъ дыханьемъ игралъ.

Высока моя пѣснь, высока:
Такъ холодные токи плывутъ,
Легкій дымъ въ небесахъ, облака...
Ни страстей ни унынія путь!

Такъ по нивамъ житейскимъ лечу,
А порой укрываюсь во ржи.
О, дышать вновь и вновь я хочу:
Сказку, вѣтеръ, какъ встарь, мнѣ скажи!

ИВАНЪ КОНЕВСКІЙ.

Ея волосы...

„Ея волосы—пепелъ розовый и пышный на жертвенникѣ.

„Нѣжный лобъ—легкій сводъ надъ пещерами сѣрыхъ глазъ. Страшны свѣтлыя воды! И тяжекъ и ярокъ мѣткій взоръ.

„Полонъ и мягокъ плодъ ея губъ, но неумолима ласковая улыбка. И, какъ красный сокъ ободраннаго граната, пробѣжала кровь подъ тонкую кожу.

„Смерть и жизнь въ пьяномъ сокѣ розоваго плода ея влажныхъ губъ. Фіалъ сокровенный моей безумной любви.

„Какъ подспудный жаръ въ тонкомъ алавастрѣ тлѣющихъ углей, просвѣтилась кровь сквозь нѣжные лепестки ея щекъ.

„Радостно, уже нѣжа, склоняются склоны ея плечъ.

„Покорно выгнулся и стойко зыбкій стебель ея шеи.

„Какъ гроздья золотого винограда и на нихъ упавшіе два лепестка блѣдно-алой розы—ея молодыя ровныя груди, высоко поднятыя любовью, какъ къ солнцу впередъ притянулись.

„Ея тѣло, блѣдное, солнцемъ пронизанное сердце чайной розы, и зыбкое и сильное, какъ высокій вскинувшійся, выгнувшійся тонкій валъ“...

Л. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛЪ.

Закаты.

I.

Даль—безъ конца. Качается лѣниво,
Шумитъ овесъ.
И сердце ждетъ опять нетерпѣливо
Все тѣхъ же грезъ.
Въ печали блѣдной, виннозолотистой,
Закрывшись тучей
И окаймивъ дугой ее огнистой,
Сребристо жгучей,
Садится солнце красно-золотое...
И вновь летитъ
Вдоль желтыхъ нивъ волненіе святое,
Овсомъ шумитъ:
„Душа, смирись: средь пира золотого
„Скончался день.
„И на поляхъ туманнаго былого
„Ложится тѣнь.
„Уставшій міръ въ покоѣ засыпаетъ,
„И впереди
„Весны давно никто не ожидаетъ.
„И ты не жди.
„Нѣтъ ничего... И ничего не будетъ...
„И ты умрешь..
„Исчезнетъ міръ, и Богъ его забудетъ.
„Чего жъ ты ждешь?“
Въ дали зеркальной, огненно-лучистой,
Закрывшись тучей
И окаймивъ дугой ее огнистой
Пунцово-жгучей,

Огромный шаръ, склонясь, горитъ надъ нивой
Багрянцемъ розъ.
Ложится тѣнь. Качается лѣниво,
Шумитъ овесъ.

II.

Я шелъ домой согбенный и усталый,
Главу склонивъ.
Я различалъ далекій, запоздалый
Родной призывъ.
Звучало мнѣ: „Пройдетъ твоя кручина,
„Умчится сномъ".
Я вдаль смотрѣлъ—тянулась паутина
На голубомъ
Изъ золотыхъ и лучезарныхъ нитокъ...
Звучало мнѣ:
„И времена свиваются, какъ свитокъ...
„И все—во снѣ..
„Для чистыхъ слезъ, для радости духовной,
„Для бытія,
„Мой падшій сынъ, мой сынъ единокровный,
„Зову тебя"...
Такъ я стоялъ счастлизый, безотвѣтный.
Изъ пыльныхъ тучъ
Надъ далью нивъ вознесся златосвѣтный,
Янтарный лучъ.

III.

Шатаясь, склоняется колосъ.
Прохладой вечерней пахнетъ.
Вдали замирающій голосъ
Въ безвременье грустно зоветъ.

Зоветъ онъ тревожно, невнятно
Туда, гдѣ воздушный чертогъ,
А тучекъ скользящія пятна
Надъ нивой плывутъ на востокъ.

Закатъ полосою багряной
Блѣднѣетъ въ дали за горой.
Шумитъ въ лучезарности пьяной
Вкругъ насъ океанъ золотой.

И міръ, догорая, пируетъ,
И міръ славословитъ Отца,
А вѣтеръ ласкаетъ, цѣлуетъ.
Цѣлуетъ меня безъ конца.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

Коверъ-самолетъ.

I.

Я лечу. Сапфирной далью
Ясный кругъ земли окрашенъ.
Зазмѣились рѣки сталью.
Забѣлѣли стѣны башенъ.

Мой коверъ, колеблясь, вьется
Надъ сѣдымъ сосновымъ боромъ.
Слышу, слышу крикъ орлиный.
Плещутъ гуси по озерамъ.
Надъ оврагами несется,
Гдѣ медвѣдь трещитъ малиной,
Колыхаясь, мчится къ горамъ.

Надъ сапфирнымъ полукругомъ
Полосы огнистой пламя.
Пахнетъ лѣсомъ, пахнетъ лугомъ,
Пахнетъ желтыми цвѣтами.

Синь и золото въ опушкѣ.
Съ пискомъ пляшутъ мошекъ рои.
Голубыхъ цвѣтовъ завои
Налились, дрожа, слезами.
О веснѣ твердятъ кукушки.
Надъ орѣшникомъ тѣнями
Зашныряли козодои.

Вслѣдъ за сѣрою совою
Промелькну болотомъ ржавымъ.
Полонъ нѣжною тоскою,
Припаду къ вечернимъ травамъ.

II.

Шумитъ узорный самолетъ
Надъ островерхой чащей елокъ.
Порой надъ рѣчкой проплыветъ,
Встревожитъ быстрыхъ перепелокъ.

Черезъ поля, минуя лѣсъ,
Стремится облачной пустыней.
Дракономъ падая съ небесъ,
Несется степью бѣло-синей.

Въ степи насупился курганъ.
Орелъ орлицу призываетъ.
Гдѣ былъ раскинутъ ратный станъ,
Ковыль о призракахъ вздыхаетъ.

Была пора: сюда на бой
Текли за половцами обры,
И долго здѣсь въ травѣ сухой
Бѣлѣли черепы и ребры.

Теперь все тихо. Спитъ бурьянъ.
Забыта быль и небылица,
И только съ крикомъ на курганъ
Летитъ, шумя, сѣдая птица.

III

Со свистомъ крылъ, визгливой тучей
Стрижи надъ башнею взвились.
Она—вѣнецъ скалы могучей,
Ушедшей въ облачную высь.

Туда, гдѣ царственной добычей
Гордится сумрачный утесъ,
Гдѣ вѣчный свистъ и шелестъ птичій,
Мой самолетъ меня принесъ.

Одинъ вишу надъ синей бездной,
Схватясь рукой за край окна.
Тамъ, за рѣшеткою желѣзной,
Склонилась, блѣдная, она.

Спасти ее! Увы,—ширяя,
Мой самолетъ умчался прочь.

Одинъ вишу, изнемогая,
И мнѣ царевнѣ не помочь.

Прости! Подъ визгъ стрижей прощальный,
Срываясь въ бездну съ высоты,
Я вижу образъ твой печальный,
Я слышу, какъ рыдаешь ты.

БОРИСЪ САДОВСКОЙ.

Столицѣ міра.

Въ твоей толпѣ я духомъ не воскресъ,
И въ мигъ, когда все ярче, все капризнѣй
Горѣла мысль о брошенной отчизнѣ—
Я уходилъ къ могиламъ Père Lachaise.

Не все въ нихъ спитъ. И грохотъ митральезъ,
И голосъ пуль, гудѣвшихъ здѣсь на тризнѣ
Навстрѣчу тѣмъ, кто рвался къ новой жизни—
Для чуткаго донынѣ не исчезъ.

Не вѣрь тому, кто скажетъ торопливо:
„Имъ вѣкъ здѣсь спать—подъ этою стѣной".
Зачѣмъ онъ самъ проходитъ стороной,
И смотритъ вбокъ—и смотритъ такъ пугливо?
Не вѣрь тому: убиты—да... но—живы!
И будетъ день: свершится судъ иной...

ЕВГ. ТАРАСОВЪ.

ВИКТОРЪ ГОФМАНЪ.

Туманъ.

Вотъ опять точно бѣлыя пчелы
Налетаютъ пушинки снѣговъ.
Вотъ опять этотъ сумракъ тяжелый
Облѣпилъ вереницы домовъ.

Фонари точно блѣдныя пятна,
Что сейчасъ вотъ размоетъ туманъ.
Безысходный, сѣдой, необъятный,
Онъ ползетъ изъ невѣдомыхъ странъ.

Онъ повисъ на карнизахъ и окнахъ,
Онъ спустился по выступамъ стѣнъ.
Ахъ, въ его безпросвѣтныхъ волокнахъ
Безысходный, мучительный плѣнъ!..

Облѣпили безумныя пчелы,
Искололи до жалобныхъ слезъ.
Узнаю этотъ сумракъ тяжелый,
Это снова проснулся Хаосъ.

Это древняя пѣсня Хаоса,
Это истинный ликъ бытія.
Черныхъ стѣнъ уплываютъ утесы,
Уплываю куда то и я.

Вмѣсто неба—бездонность провала,
Протянувшійся въ вѣчность буранъ.
Все столкнулось, смѣшалось, упало,
Всѣмъ владѣетъ безбрежный туманъ.

Черныхъ стѣнъ въ немъ исчезли утесы;
Въ немъ навѣкъ исчезаю и я.
Это древняя пѣсня Хаоса,
Это истинный ликъ бытія.

ВИКТОРЪ ГОФМАНЪ.

Valse masquée.

I.

Серебристыя волны журчатъ и звенятъ.
Это—вальсъ! Это—вальсъ опьянительный!..
—Какъ блеститъ вашъ нарядъ. Но задумчивый, взглядъ,
Отчего онъ тревожно-мучительный?
Отчего вы тѣмъ взглядомъ въ меня такъ впились,
Что становится мнѣ неувѣренно?..
Серебристыя волны звеня разлились.—
Это—вальсъ перепѣвно-размѣренный.

Что ты здѣсь все скользишь, наблюдательный макъ,
И глядишь и блестишь діадемою?
О, блистательный макъ, я сегодня твой врагъ,
Я журчащей плѣненъ хризантемою,

А еще меня тянетъ въ шуршащій камышъ
Поплескаться вотъ съ тѣми наядами.
Ты ревниво дрожишь, горделиво молчишь
И грозишь оскорбленными взглядами...

—Подымите платокъ. Вы сегодня мой пажъ.
Нѣтъ, не надо, мой милый, единственный.
Этотъ вечеръ—онъ нашъ! О, неправда ль, онъ нашъ,
Этотъ вечеръ желанно-таинственный.
Мы уйдемъ вѣдь потомъ? Мы пойдемъ въ этотъ садъ,
Помнишь, въ садъ съ вырѣзными перилами,
Гдѣ, какъ шепчущій взглядъ, тихо звѣзды дрожатъ,
За дубами старинно-унылыми.

—О, конечно, пойдемъ. Но упорной не будь.
Вѣдь нельзя отстранить неизбѣжное.
О, такъ дай же прильнуть мнѣ на дѣвичью грудь,
Мнѣ покорною будь, моя нѣжная.
Неразрывнѣй всѣхъ узъ станетъ въ мигъ нашъ союзъ
Серебристыя нити завяжутся...
Но зачѣмъ ты дрожишь, говоришь—я боюсь?
Не такъ страшно все это, какъ кажется.

Шелестятъ и скользятъ. Какъ красивъ ихъ нарядъ.
Кто въ плащѣ тамъ, картинно закутанный?
Паутинные волосы блѣдныхъ наядъ
Шаловливыми пальцами спутаны.
Опьяняющій взглядъ. Обжигающій взглядъ.
Ахъ, кружиться такъ сладко-томительно.
Серебристыя волны журчатъ, говорятъ.
Это—вальсъ! Это—вальсъ опьянительный.

II.

—„Предлагаютъ вамъ выборъ и трудный,
Предлагаютъ вамъ выборъ цвѣты“...
Вьется вальсъ упоительно-чудный,
—Вальсъ торжественно-яркой мечты.—

„Счастье страсти тревожной и душной
Или счастіе робкихъ надеждъ?“
И скользнуло вдругъ что-то воздушно
Изъ-подъ строго-опущенныхъ вѣждъ.

—„О, сіятельный макъ, вы коварны.
Но не труденъ, не труденъ отвѣтъ.

Счастье первыхъ надеждъ лучезарно,
Лучезарнѣе счастія нѣтъ.
„Но желаннѣй мнѣ бредъ и безумье,
Зажигающій ярко сердца.—
Страсть, пьянящая страсть безъ раздумья,
Безъ конца".

Льется вальсъ упоительно-вольно,
Льется вальсъ упоительно-юнъ.
Звукамъ биться и сладко и больно
Межъ задѣтыхъ, взволнованныхъ струнъ.

Звукамъ виться просторно, просторно,
Проскользая межъ люстръ и цвѣтовъ,
Приникая къ волнѣ разговорной
Недосказанно-шепчущихъ словъ.

ВИКТОРЪ ГОФМАНЪ.

Убійца лебедей.

ВИЛЬЕ-ДЕ-ЛИЛЬ-АДАНА.

„Les cygnes comprennent les signes".
Victor Hugo. „Les Miserables".

Роясь въ томахъ Естественной Исторіи нашъ знаменитый другъ, докторъ Трибуло Бономе, узналъ, между прочимъ, что „лебеди передъ смертью хорошо поютъ". Въ самомъ дѣлѣ (какъ онъ намъ признался недавно) одна только эта музыка, съ тѣхъ поръ, какъ онъ ее услыхалъ, помогала ему переносить жизненныя разочарованія, а всякая другая казалась чепухой, Вагнеромъ.

— Какимъ образомъ онъ могъ доставить себѣ это изысканное удовольствіе?

А вотъ какъ:

Онъ жилъ въ старинномъ укрѣпленномъ городѣ. Однажды опытный старикъ открылъ въ окрест-

ностяхъ города, въ вѣковомъ запущенномъ паркѣ, подъ тѣнью громадныхъ деревьевъ, старый священный прудъ. По его темному зеркалу скользило двѣнадцать или пятнадцать птицъ. Онъ тщательно изучилъ ихъ повадку, сообразилъ разстояніе, обращая особое вниманіе на чернаго лебедя, ихъ хранителя, который дремалъ убаюканный солнцемъ.

Этотъ черный лебедь всѣ ночи бодрствовалъ, держа гладкій камешекъ въ своемъ длинномъ розовомъ клювѣ; при малѣйшемъ шумѣ, когда угрожала опасность тѣмъ, кого онъ охранялъ, движеніемъ шеи онъ быстро бросалъ камень въ воду, въ середину бѣлаго круга уснувшихъ лебедей: и стая, по его знаку и подъ его предводительствомъ, улетала сквозь мракъ аллей къ отдаленной лужайкѣ или къ фонтану, гдѣ отражаются сѣрыя статуи, или въ какой-нибудь другой пріютъ, хорошо имъ знакомый.

А Бономе долго слѣдилъ за ними въ молчаніи и улыбался имъ.

Развѣ не ихъ послѣдней пѣсней мечталъ онъ, какъ истый цѣнитель, усладить свой слухъ?

Иногда, въ темную осеннюю ночь, ровно въ двѣнадцать часовъ, Бономе, мучимый безсонницей, вдругъ вставалъ, особеннымъ образомъ одѣвался, для того, чтобы вновь и вновь слышать желанную музыку. Костлявый и долговязый докторъ запрятывалъ свои ноги въ непомѣрно большіе резиновые сапоги на мѣху, которые служили продолженіемъ его широкой непромокаемой одежды, также основательно подбитой мѣхомъ; на руки онъ надѣвалъ пару стальныхъ перчатокъ съ гербомъ; эти перчатки были, вѣроятно, принадлежностью какихъ-нибудь средневѣковыхъ доспѣховъ (онъ удачно ихъ купилъ у одного продавца старинныхъ вещей за цѣлыхъ тридцать восемь су: настоящее безуміе!). Затѣмъ онъ надѣвалъ большую шляпу, тушилъ лампу, выходилъ и, положивъ ключъ отъ дома въ карманъ, съ довольнымъ видомъ направлялся къ окраинѣ заброшеннаго парка.

Онъ шелъ по темнымъ тропинкамъ къ убѣ-

жищу своихъ любимыхъ пѣвцовъ. Прудъ былъ неглубокъ; онъ его отлично изслѣдовалъ. Вода доходила ему лишь до пояса.

Подъ сводами прибрежной листвы, онъ заглушалъ свои шаги, ступая на сухія вѣтки съ большой осторожностью.

Придя на самый берегъ пруда, онъ медленно, очень медленно, безъ малѣйшаго шороха, ступалъ сначала одной ногой, потомъ другой и подвигался въ водѣ съ необыкновенной осторожностью; онъ едва рѣшался дышать. Такъ волнуется меломанъ отъ близости ожидаемой каватины. Онъ такъ медленно подвигался, что двадцать шаговъ, которые его отдѣляли отъ дорогихъ цѣвцовъ, онъ дѣлалъ въ два, а иногда въ два съ половиной часа: онъ боялся встревожить тонкую бдительность чернаго стража.

Дыханіе беззвѣздныхъ небесъ печально тревожило верхушки деревъ вокругъ пруда; но Бономе, не развлекаясь таинственнымъ ропотомъ, незамѣтно все подвигался впередъ и такъ успѣшно, что къ тремъ часамъ утра онъ невидимый, находился въ полушагѣ отъ чернаго лебедя, при чемъ тотъ совершенно не чувствовалъ его близости.

Тогда добрый докторъ, улыбаясь въ темнотѣ, царапалъ тихо, очень тихо, поверхность воды вблизи стража, едва касаясь ея концомъ указательнаго пальца средневѣковой перчатки... Его прикосновеніе было такъ нѣжно, что лебедь, хотя и увивленный, не могъ счесть эту смутную тревогу достаточной, чтобы бросить камень. Лебедь слушалъ. Мало-по-малу его душу пронизывала неясная мысль объ опасности, и его сердце, его бѣдное наивное сердце, начинало биться,—тогда Бономе торжествовалъ.

И вотъ прекрасные лебеди, одинъ за другимъ, встревоженные среди глубокаго сна волнистымъ движеніемъ, подымали головы изъ-подъ блѣдныхъ серебряныхъ крыльевъ и, подъ тяжестью тѣни Бономе, впадали въ тоску отъ какого-то смутнаго сознанія смертельной опасности, которая имъ гро-

зила. Но въ своей безконечной нѣжности, они страдали молча, какъ ихъ стражъ—не смѣя улетѣть, такъ какъ камень не былъ брошенъ. И сердца этихъ бѣлыхъ изгнанниковъ начинали биться ударами глухой предсмертной тоски—ударами понятными и ясными для восхищеннаго слуха добрѣйшаго доктора, который, зная хорошо, какія нравственныя муки даетъ имъ одна его близость,—наслаждался, испытывая несравненную дрожь устрашающимъ впечатлѣніемъ, которое производила на нихъ его неподвижность.

— Какъ сладко поощрять художниковъ! говорилъ онъ себѣ.

Три четверти часа продолжался этотъ восторгъ, который онъ не промѣнялъ бы ни на что. Внезапно лучъ утренней звѣзды, скользнувшій сквозь вѣтви, освѣщалъ Бономе, черныя воды и лебедей съ глазами, полными видѣній. Стражъ, обезумѣвшій отъ ужаса, бросалъ камень въ воду...

Слишкомъ поздно!.. Бономе съ дикимъ крикомъ, какъ бы сбрасывая приторно-улыбающуюся маску, устремлялся съ выпущенными когтями въ ряды священныхъ птицъ.—И быстры были объятія желѣзныхъ пальцевъ этого современнаго богатыря, и чистыя, бѣлоснѣжныя шеи двухъ или трехъ пѣвцовъ были свернуты или сломаны ранѣе отлета другихъ вдохновенныхъ птицъ.

Тогда душа умирающихъ лебедей, забывая о добромъ докторѣ, устремлялась къ невѣдомымъ небесамъ съ пѣсней безсмертной надежды, освобожденія и любви.

Разсудительный докторъ улыбался этой сантиментальности, которую онъ не удостоивалъ своего вниманія; какъ серьезный знатокъ, онъ цѣнилъ только одну красоту звука.—Онъ цѣнилъ только странную нѣжность тембра этихъ символическихъ голосовъ, перелагающихъ смерть въ мелодію.

Бономе, закрывъ глаза, вбиралъ въ себя, въ свое сердце, стройныя волны звуковъ; потомъ, шатаясь отъ восторга, онъ взбирался на берегъ, рас-

тягивался навзничь на травѣ въ своихъ теплыхъ непромокаемыхъ одеждахъ.

Такъ этотъ меценатъ нашего времени, изнемогая въ сладострастномъ оцѣпенѣніи, вновь и вновь упивался въ глубинахъ своего существа воспоминаніемъ о восхитительномъ—хотя и нѣсколько отдающимъ устарѣлой торжественностью—пѣніемъ его милыхъ художниковъ.

И, вкушая свой истомляющій экстазъ, онъ добродѣтельно-самодовольно смаковалъ свое тонкое наслажденіе до самаго восхода солнца.

ПЕРЕВ. З. Г-СЪ.

Сосредоточенность.

ИЗЪ Ш. БОДЛЭРА.

Затихни, скорбь моя! Ты долго сумракъ сѣрый
Къ намъ снизойти звала, онъ снизошелъ, и вотъ,—
Весь городъ сумрачной окутанъ атмосферой,—
Однимъ—забвеніе, другимъ—тоска заботъ!

Межъ тѣмъ, какъ смертные толпой развратно-жадной
Адъ угрызеній злыхъ бѣгутъ собрать кругомъ,
И наслажденья бичъ пытаетъ ихъ нещадный,
Дай руку мнѣ, о, Скорбь, уйдемъ отъ нихъ, уйдемъ!..

Взгляни, тѣснятся къ намъ съ небеснаго балкона
Въ одеждахъ прежнихъ дней отшедшіе года,
И Сожалѣніе изъ водъ вечернихъ лона

Намъ улыбается .. О, Скорбь, взгляни туда,
Гдѣ солнце тусклое надъ аркой засыпаетъ,
Гдѣ, саванъ тьмы влача, неслышно ночь ступаетъ!

ЭЛЛИСЪ.

ВИКТОРЪ СТРАЖЕВЪ.

* * *

О, эти мачты кораблей!

Въ нихъ—гулъ стихійный урагана,
Сѣдыя космы океана
И стужа сѣверныхъ зыбей.

О, эти мачты кораблей!

Въ нихъ—штиль у тропиковъ и знойное дыханье
Сухихъ вѣтровъ
У плоскихъ береговъ
И Южнаго Креста спокойное мерцанье.

Въ уютѣ гавани, въ безмолвіи покоя,
Онѣ таятъ величіе извѣданныхъ путей.
Ихъ взоръ—всегда впередъ, и въ рокотѣ прибоя—
Для нихъ желанный зовъ и гордый гимнъ морей.

О, эти мачты кораблей!

ВИКТОРЪ СТРАЖЕВЪ.

* * *

Въ поляхъ, въ тоскѣ, нѣмой, осенней,
Истаялъ пламенный закатъ.
Все утомленнѣй и смиреннѣй
Очей вечернихъ дольній взглядъ.

Легла глубокая истома
На бездыханное жнитво.
Въ скорбящей дали окоёма
Бездонно глухо и мертво.

О, кто тамъ стонетъ по оврагамъ?
Эй, отзовись! Но даль пуста.
Лишь чернымъ, вѣщимъ, злымъ зигзагомъ
Взметнулась вороновъ чета.

ВИКТОРЪ СТАЖЕВЪ.

У КРЕСТА.

На распутьи, въ ровномъ полѣ,
Похилился темный Крестъ.
Я скорблю о скорбной долѣ
У святыни кружныхъ мѣстъ.

Тихой лаской овѣвая,
Вѣтеръ вѣетъ и томитъ.
Скорбь, великая, святая,
Плодно сердце тяготитъ.

Темный Ликъ сурово четокъ.
На устахъ Его—печать.
Я—покоренъ, робокъ, кротокъ.
Тихо сходитъ Благодать.

ВИКТОРЪ СТАЖЕВЪ.

Егорій.

ВОЛЧІЙ ПАСТЫРЬ.

Въ полѣ голодномъ
Страшно и скучно,
Вѣтеръ холодный,
Свищетъ докучно.

Крадется ночью
Стая бирючья;
Сѣрые клочья,
Лапы—что крючья.

Сядутъ въ бурьянѣ,
Молча завоютъ;
Землю въ курганѣ
Лапами роютъ.

Пастырь Егорій
Спитъ подъ землею.
Горькое горе,
Время ночное!

Глянулъ изъ ямы,
Бурый, лохматый;
Двинулъ плечами
Ржавыя латы.

Прянулъ на волка;
Въ степь поскакали.
Съ воемъ, въ потемкахъ
Мясо искали.

Мѣсяцъ изъ тучи
Глянулъ рогами,
Пастырь бирючій
Лязгнулъ зубами.

Горькое горе
Въ полѣ томится.
Ищетъ Егорій,
Чѣмъ поживиться.

Крестится странникъ,
Ставъ на курганѣ.
Носится всадникъ
Въ черномъ бурьянѣ.

ГР. АЛЕКСѢЙ Н. ТОЛСТОЙ.

* * *

Народныя повѣрья—
Неполныя страницы,
Разрозненныя перья
Отъ улетѣвшей птицы.

Она вотъ тутъ сидѣла
На камнѣ самоцвѣтномъ,
И пѣла здѣсь такъ смѣло
О снѣ своемъ завѣтномъ.

О томъ заморскомъ краѣ,
Гдѣ Море съ Небомъ слито,
Гдѣ дума, въ вѣчномъ Маѣ,
Цвѣтами перевита.

Гдѣ свѣтовъ зарожденье,
Гдѣ завершенье мраковъ,
Гдѣ видитъ умъ сплетенье
Всего какъ вѣщихъ знаковъ.

Пропѣла, улетѣла,
Предъ взоромъ лишь зарница,
Лишь видишь—здѣсь блестѣла
Воистину Жаръ-Птица.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Родинѣ.

I.

О Русь! въ тоскѣ изнемогая,
Тебѣ слагаю гимны я.
Милѣе нѣтъ на свѣтѣ края,
О родина моя!

Твоихъ равнинъ нѣмыя дали
Полны томительной печали,
Тоскою дышатъ небеса,
Среди болотъ, въ безсильи хиломъ,
Цвѣткомъ поникшимъ и унылымъ,
Восходитъ блѣдная краса.

Твои суровые просторы
Томятъ тоскующіе взоры
И души, полныя тоской.
Но и въ отчаяньи есть сладость.
Тебѣ, отчизна, стонъ и радость,
И безнадежность, и покой.

Милѣе нѣтъ на свѣтѣ края,
О Русь, о родина моя.
Тебѣ, въ тоскѣ изнемогая,
Слагаю гимны я.

II.

Люблю я грусть твоихъ просторовъ,
Мой милый край, святая Русь.
Судьбы унылыхъ приговоровъ
Я не боюсь и не стыжусь.

И всѣ твои пути мнѣ милы,
И пусть грозитъ безумный путь
И тьмой и холодомъ могилы,
Я не хочу съ него свернуть.

Не заклинаю духа злого,
И, какъ молитву наизусть,
Твержу все тѣ жъ четыре слова:
„Какой просторъ! Какая грусть!“

III.

Печалью, безсмертной печалью
Родимая дышитъ страна.
За далью, за синею далью
Земля весела и красна.

Свобода побѣды ликуетъ
Въ чужой лучезарной дали,
Но русское сердце тоскуетъ
Вдали отъ родимой земли,

Въ безумныхъ, въ напрасныхъ томленьяхъ
Томясь, какъ заклятая тѣнь,
Тоскуетъ о скудныхъ селеньяхъ,
О дымѣ родныхъ деревень.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

Въ голубые священные дни...

Въ голубые, священные дни
Распускаются красные маки.
Здѣсь и тамъ лепестки ихъ—огни—
Подаютъ намъ тревожные знаки.

Скоро солнце взойдетъ.
Посмотрите—
Зори красныя.
Выносите
Стяги ясные.
Выходите
Впередъ,
Дѣвицы красныя.

Краснымъ полымемъ всходитъ Любовь.
Цвѣтъ Любви на землѣ одинаковъ.
Да прольется горячая кровь
Лепестками разбрызганныхъ маковъ.

З. Н. Г.

Язвы гвоздиныя.

Сатана свои крылья раскрылъ, Сатана
Надъ тобой, о родная страна!
И смѣется, носясь надъ тобой, Сатана,
Что была ты Христовой звана.
—„Сколько въ лѣсѣ листовъ, столько въ полѣ крестовъ:
Сосчитай пригвожденныхъ Христовъ!
И Христосъ твой—соромъ: вотъ идутъ на погромъ—
И несутъ Его крестъ съ топоромъ!“
И ликуетъ, лобзая тебя, Сатана,
Что лежишь ты красна и черна:
Какъ гвоздиныя свѣжія раны—красна;
Какъ гвоздиныя язвы—черна.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

Пѣсня изъ земли.

За рудниками и за скалами
Скрыта струя чистой воды.
Въ нее оступился въ тупомъ удивленьи:
Онъ пѣсню слышитъ прорвавшей воды.

Въ серебряномъ звукѣ встрѣчаются струйки,
Весенняя пѣсня въ ночномъ рудникѣ!
Какъ мертвые тянутся стѣны и камни,
Но дивной гармоніи, размѣра невидимаго
Исполнена пѣсня изъ сердца земли.

Какъ скалы, проходятъ народы земные,
Сердца ихъ покрыты слоями песковъ,
Вѣками пласты осѣдали на груди,
Мѣстами лишь въ шахтѣ стоитъ землекопъ!

Но дивный родникъ за мертвящей стѣною...
Суровый рабочій, онъ вспомнилъ весну,
Сіяетъ цвѣтами и воздухъ и небо,
И мнится—цвѣтетъ и лепечетъ кирьга.

Чу! ропщутъ, какъ буря, ученые люди,—
Что мечтанье обманъ, не живетъ ни къ чему,—
Но трудъ землекопа разрушитъ всѣ стѣны
И міръ весь откроетъ для пѣсенъ воды.

А. ДОБРОЛЮБОВЪ.

Страданія.

Какъ въ знойный день студеная вода,
Какъ медленныя острыя лобзанья,
Отрадны въ жизни мнѣ мои страданья.
О, если бъ я могла страдать всегда!

Пускай весь міръ—падучая звѣзда,
Пускай на мигъ и горе и желанья—
Одна изъ всѣхъ вновь перешла за грань я—
Мнѣ жизнь милѣй на мигъ, чѣмъ навсегда.

Я знаю, радость тяжелѣй печали.
Она веселья мнѣ не принесла,
Страданія для душъ колокола:
О вѣчности твердятъ, влекутъ насъ въ дали...

Страданья безконечны. Оттого
Въ нихъ отраженнымъ видимъ божество.

Л. ВИЛЬКИНА.

С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ.

Береговое.

ОТРЫВКИ.

Въ это утро горы молились такъ:
Тебѣ, Додневный, Который творилъ насъ, ликуя;
Тебѣ, Безкрайный, нами вспоившій даль;
Тебѣ, приковавшій насъ къ высотѣ навѣкъ,
Мы, безглагольныя, поемъ хвалу!

Онѣ были свѣжія, розовыя отъ выступавшаго солнца, розовыя и синія тамъ, гдѣ легли складки на ихъ покрывалахъ. Утро украло у нихъ тяжесть, и онѣ сгрудились, какъ зыбкія облака: вотъ-вотъ сдвинутся съ мѣстъ и поплывутъ по небу, сквозному молочно-бѣлому, розовыя съ синимъ.

Пахло отъ нихъ можжевельникомъ и сосной, мохомъ и днями творенья.

Горы ближе были какъ соколы,—острыя, застывшія, съ круглыми втянутыми головами, сизыя, и по нимъ прямыя темныя трещины, какъ перья. Сторожили всѣ выходы кругомъ, сидя на обрывахъ, глядѣли въ море. Вѣка неслышно залегли въ ихъ морщинахъ. Карабкались по откосамъ жесткіе кусты и мирно усаживались внизу, какъ бородавки. Бѣлая дорога тонко змѣилась по нимъ, какъ потерянная кѣмъ-то нитка. Въ самое море по-поясъ вошли лысыя, сѣрыя скалы, совсѣмъ голыя, распластанныя, точно приготовились плыть къ горизонту и собирали силы.

На небѣ съ моря, все пронизанное свѣтомъ, все тканное изъ тумановъ, повисло отлетавшее крыло ночи и задержалось, слушая пугливо, какъ молились горы.

Море не молилось въ это утро; море никогда не молилось, но оно было все, какъ одна невнятная оплотнѣвшая молитва. Это просто застыли звуки, рѣявшіе когда-то вверху, и упали внизъ, а внизу слились въ безпокойную музыку красокъ, въ ожиданіе, жалость, страхъ и смутную дрожь, отъ вѣчнаго холода на днѣ.

Оно было теперь тихое, голубое. Круглыя полосы брызнули по немъ, какъ струны... Что оно играло на нихъ ночью?.. Чаша, полная до кра́евъ жизнью и смертью, и все это тамъ, внизу, въ полусвѣтѣ и тишинѣ. Милліоны рожденій безъ криковъ, милліоны смертей безъ могилъ, и все это тамъ, далеко отъ глазъ, внизу.

Оно было лѣнивое въ это утро, улыбалось, жмурясь отъ солнца... Можетъ быть, будетъ плакать къ вечеру, бросать въ берега горы изъ бѣлыхъ слезъ, но теперь все оно въ просторномъ, мягкомъ, голубомъ съ лентами и кружевами.

Запахъ отъ него свѣжій, соленый, или это водоросли гніютъ, выброшенныя прибоемъ, и воздухъ отъ нихъ затхлый, сырой, полный міазмами, —нельзя понять.

Такъ много на немъ блестящихъ точекъ и струй, драгоцѣнныхъ камней и стеклярусъ въ длинныхъ ожерельяхъ,—больно глазамъ отъ блеска.

Ловитъ солнце и прячетъ, прячетъ жадно и нагло, и смѣется, какъ смѣются дѣти, и снова ловитъ бездной короткихъ рукъ, а на днѣ все также холодно и темно, и не слышно криковъ ни при рожденіи ни передъ смертью.

Утро прорвало узкую длинную щель между моремъ и небомъ и, ворвавшись съ разгону, разбѣжалось по морю, какъ на тонкихъ конькахъ, разлетѣлось, какъ пухъ, толкая небо дальше и выше. Небо отшатнулось, растерявъ облака, скопленныя за ночь, такія изсиня-черныя, неуклюжія, смѣшныя, похожія на толстыя стѣны, полуразрушенныя ночной канонадой. Горы тоже проступили едва, точно и ихъ потеряло небо,—густыя, мутныя, какъ облака, сырыя, всѣ сверху до-низу напоенныя ночными влажными снами, еще рвущіяся куда-то, еще мягкія, не обведенныя кованной чертой, за которую нельзя.

Горы были страшны теперь на разсвѣтѣ. Глубина земли, тяжелая нѣмотою, поднялась теперь и проступила сквозь ихъ ребра такая испуганная, прижатая, широко глядѣла кругомъ, не видя, слушала, не слыша. Этотъ часъ, когда небо уходитъ отъ земли, взлетая, и начинается новый день,—часъ, когда запертое, трущобное тянется къ свѣту, чтобы опрокинуться при первыхъ же лучахъ и провалиться въ глубину такимъ же глухимъ и темнымъ,—почему радостенъ этотъ часъ?

Терпкій, какъ вино, и такой же густой и пьяный часъ, когда открываются вѣки, ждутъ: мигъ—и разсыплются искрами своды изъ радугъ. Но сводовъ нѣтъ.

Это было вчера и будетъ завтра: тамъ, гдѣ облака, какъ разломанныя стѣны, стелются лукавыя полосы, красныя, желтыя, всѣ еще жмурыя,

сырыя, какъ только что вымытыя длинныя платья, повѣшенныя для просушки. Надъ ними пыльная, мягкая муть, точно остановился и повисъ ураганъ изъ сѣрыхъ мотыльковъ,—муть, въ которой утонуло небо и море внизу и горы.

Гдѣ-то тамъ, за крутымъ отгибомъ шли лучи. Кто посмѣлъ бы сказать, что они совсѣмъ не придутъ или придутъ не скоро?

Море лежало внизу, докипая. Оно было задернуто неразсказаннымъ, увядшее и темное, какъ губы распятаго, которыя все тянулись, все искали чьихъ-то губъ въ толпѣ, и не нашли.

Отъ него еще густо пахло травами со дна. Гдѣ-то росли длинныя, ползучія, всѣ спутанныя, переслоенныя слизью,—теперь выбросило ихъ на берегъ, какъ ночную боль.

Стало сонно, что было безумно ночью, мрѣло устало, заволоклось,—не видно было въ густомъ поту,—идутъ или нѣтъ къ берегамъ волны. Подымалась откуда-то бездна короткихъ рукъ, хватала ихъ, комкала, топила, какъ женщина рветъ съ себя и швыряетъ нарядъ, надъ которымъ смѣялись. Но уходили изъ-подъ рукъ какія-то упрямыя и все еще стучали о камни. Вдоль берега пѣнилась извилистая, чуть живая кайма: умретъ, когда встанетъ день.

Крѣпость выплыла изъ своей скалы, стала маленькой, нѣжной, очень робкой, застѣнчивой, точно непомѣрно трудно было ей вылѣзть изъ камня, и трудно подобрать зубецъ къ зубцу, и поставить башни въ отвѣсъ. Ставила, чеканя узоръ пробоинъ, тихо подтягивала стѣны, сползшія внизъ, разняла обломки, охорашивалась, глядя по сторонамъ,—пустая могила, зарастающая полынью.

Обрѣзъ круглой башни наверху уже очертилъ себя и отъ скалы и отъ неба и снова, какъ вчера и какъ тысячи дней назадъ, уперся въ море. Казалось, что это для него одного изъ мутной синевы выявляются и твердѣютъ разбросанные обломки; если бы не онъ, давно бы лежали мирными грудами щебня.

Лучи пробивались медленно, слоями, шутя сдергивали, что набросила ночь, обнажили море вплоть до горизонта, чуть голубое, насмѣшливо-голубое, и сонно-брезгливое, затаенно-дышащее мертвой жутью, но готовое во всю ширину улыбнуться сейчасъ, шевельнуть беззвучнымъ цвѣтнымъ стеклярусомъ, кружевами, дешевымъ наборомъ лентъ. Прояснили берегъ; выдвинулся онъ, бородавчатый отъ каменныхъ глыбъ, еще не очнувшійся, холодный, влажный, какъ вихристый корабельный юнга, котораго, проходя мимо, пинкомъ разбудилъ боцманъ; зарыться бы куда-нибудь въ пустые мѣшки, и спать бы,—нельзя; холодно, ротъ раздираетъ отъ зѣвоты; сейчасъ онъ расправитъ члены, кое-какъ умоется у крана и замелькаетъ по палубѣ.

Горы ближнія и дальнія безжалостно привинтили къ проваламъ. Вотъ онѣ раскинулись, какъ развалины дворцовъ, всѣ изъ красокъ и взмаха, окостенѣли,—уродливыя или прекрасныя, какъ сказать?

Въ это новое утро горы молились такъ:

Тебѣ, для бездонной мудрости Котораго нѣтъ слова;

Тебѣ, для безумной радости Котораго нѣтъ смѣха;

Тебѣ, для великой печали Котораго нѣтъ слезъ, поемъ хвалу мы, безглагольныя!

С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ.

Уговоръ.

О, дѣвочка-цвѣтокъ съ лучистыми глазами,
Ты мнѣ открыла все, довѣрившись на мигъ,
И нѣжный уговоръ безмолвно между нами,
Какъ тихій поцѣлуй, таинственно возникъ.

О, я подозрѣвалъ, и мнѣ всегда казалось,
Что лишь случайно ты средь насъ, среди людей,
Цвѣткомъ задумчивымъ всегда ты оставалась,
Любимцемъ свѣтлыхъ зорь и ласковыхъ дождей.

Давно замѣтилъ я въ тебѣ какъ будто плѣнность,
Какъ будто ты не здѣсь, какъ будто ты въ бреду.
О, я подозрѣвалъ въ тебѣ прикосновенность
Цвѣтамъ загадочнымъ въ задумчивомъ саду.

О, дѣвочка-цвѣтокъ, какъ счастливъ я сознаньемъ,
Что тайной странною теперь владѣю я.
Теперь я, какъ и ты, живу очарованьемъ
Двойного счастія, двойного бытія.

Надъ міромъ встала ночь. И нѣтъ лунѣ запретовъ.
Я помню уговоръ. И я давно въ саду.
Я къ каждому цвѣтку въ мерцаньи блѣдныхъ свѣ-
товъ,
Взволнованный мечтой, подкравшись, припаду.

Вотъ шорохъ пробѣжалъ и скрылся въ сонныхъ
травахъ.
Зачѣмъ? Что значитъ онъ? Не твой ли это зовъ?
Но какъ узнать тебя средь тысячи лукавыхъ,
Манящихъ, ласковыхъ, смѣющихся цвѣтовъ?

Душа тебя зоветъ съ волненьемъ и мольбою.
Ты—здѣсь, ты гдѣ-то здѣсь. Я знаю, ты близка.
О, дай найти тебя, дай мнѣ побыть съ тобою,—
Дай мнѣ побыть цвѣткомъ вблизи тебя, цвѣтка!

ВИКТОРЪ ГОФМАНЪ.

ДИМ. КРАЧКОВСКІЙ.

Акварельные рисунки.

1) МАЛЬЧИКЪ НА БЕРЕГУ ПРУДА.

Вотъ онъ сидитъ, маленькій мальчикъ, на берегу пруда и стругаетъ палочку. Огромный, какъ широкое озеро, раскинулся прудъ по серединѣ стараго лѣса, и молчитъ прудъ, какъ молчитъ и лѣсъ этотъ, какъ молчитъ и синее небо—только облака бѣлыя ползутъ по синему небу, да мельница шумитъ тамъ, за спиною мальчика, и большое колесо ея тяжело ворочается, скрипитъ, и съ лопастей колеса серебряныя струи низвергаются въ черный омутъ. Что тамъ въ темномъ омутѣ? Что тамъ подъ мшистымъ колесомъ? Водоросли, камушки, можетъ быть разноцвѣтныя стекольца синія и ярко-желтыя, а можетъ быть маленькій черепъ полевой мыши, свалившейся въ воду. Рыбки скользятъ между водорослями, стеклышками, камешками и черепомъ полевой мыши, сверкнутъ чешуею и опять нѣтъ ихъ, и опять скрипитъ черное колесо—мшистое и тяжелое.

Мальчикъ уже отстругалъ половину палочки. Кора липкая, палочка бѣлая и тоже липкая. Мальчикъ подымаетъ голову и смотритъ на поверхность воды. Бѣжитъ, бѣжитъ одна тихая волна, бѣжитъ, набѣгаетъ на песокъ, вздрагиваетъ травка, и круги расходятся по водѣ. Вдругъ вмѣстѣ съ волною летитъ высоко, высоко въ небѣ птица. Она все приближается. Мальчикъ подымаетъ голову, запрокидываетъ ее и, когда запрокидываетъ, не видитъ уже ни волны, ни палочки, ни травки, а только синее небо и плывущую въ небѣ птицу. Вдругъ летитъ цѣлый рой мошкары, и вся мошкара въ золотыхъ лучахъ золотая, она кружится надъ водою, между стеблями травы и листьями лопуховъ. Мальчикъ смотритъ на мошкару и, когда смотритъ, вдругъ обращаетъ вниманіе на стукъ мельницы, прислушивается, поворачиваетъ голову и видитъ, что по дорогѣ ѣдетъ повозка съ мѣшками муки, лошадь тяжело переступаетъ съ ноги на ногу, мужикъ дергаетъ веревочными возжами и причмокиваетъ губами. Но такъ какъ и мужика и мельницу мальчикъ хорошо знаетъ и приглядѣлся къ нимъ, онъ опять принимается стругать палочку и любитъ эту палочку, очень любитъ потому, что она бѣлая, липкая и такъ хорошо пахнетъ.

Золотая мошкара все кружится надъ лопухами и водою, фигура мужика, который идетъ за повозкой съ мѣшками муки, часто часто мелькаетъ среди деревьевъ, а потомъ скрывается, и нѣтъ уже шагающаго мужика.

2). ПЕЙЗАЖЪ.

Вотъ онъ самый незатѣйливый пейзажъ, но самый дорогой русскому сердцу.

Когда пройдешь много шаговъ по узкой межѣ, потомъ раза два три перепрыгнешь черезъ узкія канавки, потомъ притронешься ногою къ черепу лошади съ оскаленными зубами, потомъ свернешь влѣво и услышишь какой-то отдаленный крикъ,—увидишь, какъ клиномъ врѣзывается въ поле березовый лѣсъ, въ кружево его бѣлыхъ деревьевъ смотритъ голубое

небо, а на одномъ кускѣ этого голубого неба, словно нарисованъ далекій домикъ, а за домикомъ бѣлая церковка съ синимъ куполомъ. Изъ-за горизонта надвигается гряда облаковъ. Широко раздвигается гряда, ничего не бойся—вѣдь широко русское небо, есть гдѣ раздвинуться ей. Плывутъ облака тяжелыя, кудрявыя, словно гонцы небеснаго царя—и, хотя знакома имъ русская убогость, хотя знакомо имъ русское несчастье, но такъ велика мощь небеснаго царя, который посылаетъ ихъ, бѣлыхъ небесныхъ гонцовъ, что спокойно плывутъ они надъ широкой равниной и надвигаются на березовый лѣсъ.

А онъ стоитъ стройный, молодой: въ просвѣтахъ стѣны деревьевъ виднѣется голубое небо съ церковкой и золотымъ крестомъ, а въ двухъ шагахъ отъ березокъ лежитъ черепъ лошади съ оскаленными зубами и широкой, мертвой улыбкой.

3). ЯСТРЕБЪ.

Высоко въ небѣ летитъ ястребъ. Онъ даже не летитъ, а стоитъ въ зенитѣ синяго купола и только иногда шарахнется то вправо, то влѣво, чтобы опять застыть на одномъ мѣстѣ, какъ разъ надъ твоею головою.Зоркими глазами онъ обозрѣваетъ всю землю и ему, могучему, выпало счастье на долю, счастье одновременнаго созерцанія полей и луговъ, и селеній, и крестьянина, который идетъ вслѣдъ за своею лошадью, и мальчика съ хворостиной въ рукѣ, окруженнаго гусями. И поэтому онъ такъ неподвиженъ, поэтому, всмотрѣвшись въ развернувшуюся панораму, онъ уже не можетъ оторвать своихъ глазъ отъ этой красоты. И вдругъ взвивается онъ, вдругъ отклоняетъ свой полетъ въ сторону и видитъ новые, далекіе горизонты. Онъ видитъ бѣлый помѣщичій домъ, по двору ходитъ насѣдка съ цыплятами, видитъ рощу владѣтельнаго князя, на скамейкѣ въ аллеѣ сидитъ дѣвушка въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, изъ-подъ платья выглядываетъ ея ножка въ черномъ чулкѣ и свѣтло-коричневой туфлѣ, и читаетъ дѣвушка книгу. Вдругъ шарахнется ястребъ совсѣмъ въ сторону и тогда видитъ, какъ по какой-

то сельской дорогѣ идетъ процессія: несутъ гробъ, передъ гробомъ идетъ священникъ, за гробомъ старики-родные. Кто же въ гробу? Тамъ, вѣроятно, такая же дѣвушка, какъ и та, которая сидитъ на скамейкѣ въ тѣни рощи владѣтельнаго князя. Но та сверкаетъ радостью, любовью и восторгомъ жизни, а эта, не менѣе прекрасная, мертва и неподвижна.

Въ небѣ, какъ волны въ морѣ, ходятъ волны вѣтра и ястребъ слышитъ жужжаніе:

—Жу-жу-жу!—Мощно расправляетъ свои крылья и хочетъ взлетѣть такъ высоко, чтобы коснуться своимъ крыломъ самого Создателя.

4). МѢСЯЦЪ.

Онъ стоитъ надъ лѣсомъ и однимъ своимъ лезвіемъ ухватывается за верхушку деревьевъ.

Онъ любитъ тишину и въ тишинѣ подымается все выше и выше.

—Тише, тише,—шепчутъ деревья,—мѣсяцъ подымается.

—Тише, тише,—шепчутъ травы,—мѣсяцъ подымается.

—Тише, тише,—шепчутъ воды,—мѣсяцъ подымается.

И, поднявшись, онъ уходитъ назадъ, грустный, поблѣднѣвшій, такъ недолго любовавшійся спящей землею.

ДИМ. КРАЧКОВСКІЙ.

Элегическая сюита.

I.

За-полночь, завывающей зимой,
Безъ блестокъ, и звѣздъ, и луны,
Когда ты возвращаешься домой
И видишь, что окна темны,—

Еще ты приближаешься и ждешь:
Рядъ оконъ засвѣтитъ вотъ-вотъ...
Но чуешь засмѣявшуюся ложь—
И сердце во мракъ упадетъ

И, слившись съ заполуночной зимой,
Поймешь ты и то, что темно;
Спокойно ты постигнешь, что домой
Вернуться душѣ не дано.

II.

КОНЕЦЪ МАРТА.

Пятно туманной луны
Маячитъ въ выси туманной.
А снѣгъ, дыша умиленностью,
Исходитъ каплями благостными.

Подъ снами нашими тягостными
И здѣсь весенней влюбленностью—
Больною, тусклой, обманной—
Мы всѣ—уже—влюблены.

III.

ИСТОМА.

Душенъ яркій зной,
Никнешь головою.
Папоротникъ сквозной
Съ ласковостью живою—
Словно сонъ, колышится;
Ты подъ нимъ въ забывчивости;
Чувствуется и слышится
Снящееся въ расплывчивости.

Тихо взоръ замкнулъ
Ты зарей пурпурной.
Вслушивайся же въ гулъ
Жизненности лазурной—
Въ сны благоуханные,
Легкіе и тягостные,
Призрачные, нежданные,
Солнечные и благостные.

IV.

Когда я въ августѣ, въ закатный часъ, иду
Въ моемъ запущенномъ мечтательномъ саду,
И этотъ ясный часъ различно—одинаковъ
Въ покровѣ, рѣющемъ на купахъ мальвъ и маковъ,

На листьяхъ и цвѣтахъ, на небѣ и землѣ,—
И я среди цвѣтовъ качаюсь на стеблѣ,
И тихо насъ манитъ, прозрачной дремой вѣя,
Лилово-свѣтлая плѣнительная фея.

ЮРІЙ ВЕРХОВСКІЙ.

Пустыня.

Въ пустынѣ солнечной, пескомъ заметены,
Стоятъ, покорные тысячелѣтнимъ думамъ,—
Старинный обелискъ, изъѣденный самумомъ
И камни желтые разрушенной стѣны.

Недвиженъ тяжкій зной. А ночью съ долгимъ шумомъ
Встаетъ песчаный вихрь. Бѣлѣетъ ликъ луны.
Пустыня зыблется, вздымаетъ валуны.
И спятъ развалины видѣніемъ угрюмымъ.

Блуждаетъ возлѣ нихъ голодный ягуаръ,
И царственно взойдя на свѣтлыя ступени,
Ложится и слѣдитъ отчетливыя тѣни.

И тихъ пустынный міръ. И смотритъ лунный шаръ
На пыль его надеждъ, на смерть его твореній
И думаетъ о томъ—какъ блѣденъ онъ и старъ.

ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ.

Тѣни.

I.

Тѣни ночныя, въ васъ тайны созвучья;
Образы дня—вы понятны, какъ риѳмы.
Ночью земля и прекраснѣй и лучше;
Грезы—надъ міромъ парящія нимфы—
Вьются туманами,
Звуками стелятся—
Смутными чарами,
Полными шелеста.

За деревьями—плачущій мѣсяцъ,
За туманами—нѣжная даль,
А въ душѣ—властно-нѣжащихъ пѣсенъ
Безмятежно-жемчужная гладь...
Міръ проснется съ рыданьемъ
Подъ лучами суровыми,
Золотыми цѣпями
Разсвѣта окованный.

II.

Свѣтитъ мѣсяцъ,
Кричитъ коростель,
Липы цвѣтутъ;
Тишина съ ея звуками
Дышитъ прохладой душистой
Изъ сада въ окно.
На небѣ, чуть-чуть серебристомъ
Отъ луннаго свѣта,
Яркіе—темные контуры липъ.
Стоятъ онѣ тѣсно, сливаясь,—
Недвижно-живыя—
И внемлютъ молчанію ночи,
Пріявшему звуки въ себя:
И дальней мельницы шумъ,
И дыханье, и шорохъ,
И шопотъ сада...

Мѣсяцъ мечтаетъ,
Скрипитъ коростель,
Дышатъ цвѣтущія липы.
За ними—за ночью
Нѣтъ мысли, нѣтъ жизни дыханья;
Все жизнью ночи живетъ,
Все созерцанья исполнено:
Мѣсяцъ живетъ только свѣтомъ своимъ,
Всю природу объемлющимъ,
Слившимся съ нею.
Для темныхъ липъ
Свѣтлое небо, и мѣсяцъ,
И біеніе жизни вокругъ—
Все—для нихъ и все—передъ ними,
Здѣсь, въ этой ночи и въ нихъ.
А дальняя мельница
Слушаетъ шумъ своихъ водъ,
Слившійся съ звуками ночи—
И живетъ: этой ночью—шумомъ своимъ.
Коростель, погруженный
Въ таинство ночи,
Въ звукахъ своихъ изливается
Передъ собой—какъ и садъ,
Вмѣщающій жизнь въ своихъ звукахъ,
Тѣняхъ, ароматахъ;

Но и они, какъ и все,
Сливаются съ ночью единой.
За нею же нѣтъ ни міра ни жизни.
Она—себя созерцаетъ,
Въ ней—мысль, и трепетъ, и жизнь:
Свѣтитъ мѣсяцъ,
Кричитъ коростель,
Влажно-душистыя липы цвѣтутъ.

ЮРІЙ ВЕРХОВСКІЙ.

Благословеніе.

ИЗЪ Ш. БОДЛЭРА.

Когда Псэтъ, по волѣ провидѣнья,
Явился въ міръ,—испуганная мать,
Сжавъ кулаки, полна богохуленья,
Дитя и небо стала проклинать:
„Ахъ, лучше бъ комъ до омерзѣнья гадкихъ
Живыхъ ехиднъ на свѣтъ я родила!
Тотъ проклятъ часъ, та ночь восторговъ краткихъ,
Когда позоръ я мужу зачала!
Но если Богъ посмѣшищемъ народа
Меня одну избралъ изъ матерей,
И не могу я гнуснаго урода
Швырнуть въ огонь украдкой отъ людей,—
О, я отмщу за муки униженья!
Я гнѣвъ небесъ на даръ ихъ перелью:
Я такъ скручу несчастное растенье,
Что почки всѣ въ зародышѣ убью!“
Такъ, день и ночь питаться желчью рада,
Не въ силахъ цѣль предвѣчную понять,
Уже впередъ готовитъ въ нѣдрахъ ада
Себѣ костеръ озлобленная мать.
Но сирота, подъ тайною охраной
Самихъ небесъ, несетъ свой тяжкій крестъ:
Во всемъ, что пьетъ, онъ нектаръ пьетъ румяный,

Во всемъ, что ѣстъ, амброзію онъ ѣстъ.
Съ пролетной тучкой весело болтаетъ,
Играетъ съ вѣтромъ, съ птичкой полевой
И съ ней поетъ... И съ грустью наблюдаетъ
Хранитель-ангелъ смѣхъ его живой!
Онъ весь—любовь... Но холодъ подозрѣнья
Идетъ за нимъ: за то, что кротокъ онъ,
Ему дарятъ обиды и гоненья,—
Такъ любо всѣмъ его послушать стонъ!
Въ его вино и хлѣбъ его мѣшаютъ
Плевки съ золой; и все, чего рукой
Коснется онъ, брезгливо отвергаютъ,—
Его слѣды обходятъ стороной.
. . . . . .
Его жена на площадяхъ публичныхъ
Не устаетъ хвастливо говорить:
„Онъ дышитъ мной! Я идоловъ античныхъ
Хочу собой для міра воскресить!
Вся въ золото одѣнусь; благовонный
Заставлю нардъ мнѣ жечь и ѳиміамъ;
Въ его душѣ колѣнопреклоненной,
Какъ божеству, себѣ воздвигну храмъ.
А, утомясь кощунственной забавой,
Я коготь свой безумцу покажу
И, въ грудь вонзивъ, со смѣхомъ путь кровавый,
Какъ гарпія, до сердца проложу.
И это сердце розовое выну,
Какъ изъ гнѣзда дрожащаго птенца,
И на обѣдъ любимой кошкѣ кину
И трепетомъ упьюсь его конца“.

Въ ночной тиши Поэтъ благочестивый
Лучистый взоръ возводитъ къ небесамъ,
И свѣтъ горитъ въ его душѣ правдивой,
Прощенья свѣтъ неистовымъ врагамъ:
—„Благословенъ Дающій намъ страданья,
Въ пустынѣ зла источникъ водъ живыхъ!
Какъ сталь въ огнѣ, въ горнилѣ испытанья
Нашъ крѣпнетъ духъ для радостей святыхъ,
Я знаю: тамъ, гдѣ Ты царишь, блистая,
Есть уголокъ и для моихъ скорбей,

И позовешь меня Ты въ кущи рая
На праздникъ Силъ, Престоловъ и Властей.
Онъ правъ, Твой судъ! Даетъ вѣнецъ нетлѣнный
Лишь путь креста, мученій и тревогъ,
И дань нужна со всѣхъ міровъ вселенной,
Чтобъ мой сплести мистическій вѣнокъ!
Забытый блескъ прославленной Пальмиры,
Богатства горъ и глубины морей,
Всѣ перлы ихъ, алмазы и сапфиры—
Потонутъ въ мигъ въ огнѣ его лучей!
Онъ будетъ свитъ не смертными руками
Изъ чистыхъ струй нездѣшняго огня,
Того огня, передъ которымъ пламя
Людскихъ очей—лампада въ блескѣ дня!

П. Я.

Среди враговъ.

ИЗЪ ФР. НИЦШЕ.

Мой чередъ... На мѣстѣ лобномъ
Петля страшная виситъ,
Молча въ нетерпѣньи злобномъ
Вкругъ толпа враговъ стоитъ;

Молча съ бородою красной
Всталъ палачъ передо мной,
Но смѣется разумъ мой,—
„Все я знаю, все—напрасно!“

Я смѣюсь, въ лицо врагу
Я кричу—„я жилъ страдая,
Непрестанно умирая,
Умереть я не могу!..

Сотни разъ живой скелетъ,
Жалкій червь во тьмѣ могилы—
Вновь я жизнь и духъ, и свѣтъ,
И дыханье новой силы!..“

ЭЛЛИСЪ.

* * *

Несказа́ннымъ объятый, стою надъ холоднымъ затономъ.
Уходящая въ себя, глубокая тишь...
Внимаю тихимъ, кристальнымъ звонамъ.
Откуда они?.. Не знаю. Дрожитъ камышъ.
Плачетъ лилія.
Нѣжная... бѣлоснѣжная...
Жителей горнихъ воскрылія,
Высоко, тамъ, гдѣ раскинулась лазурь безмятежная,
Вѣютъ, воздушныя... неуловимыя... бѣлыя..
Мольбы несмѣлыя,
Дѣвственно-чистыя,
Рвутся изъ сердца и въ дали лучистыя
Тихо летятъ...
Тихо скользятъ онѣ, словно ночной ароматъ
Сонныхъ цвѣтовъ, очарованныхъ тайной затона,—
Охваченныхъ дымкой предутреннихъ сновъ,
Влюбленныхъ цвѣтовъ.
Къ выси подъемлю я очи.
Тамъ, изъ глубинъ небосклона,
Въ сумракѣ ночи,
Призракъ, весь лучезарный, сходитъ на землю...
Это Печаль...
Подруга моя! Тебѣ ли я снова внемлю?
Тебѣ ли? О, Золотая! Улыбкою свѣтлой ты озаряешь безконечную даль,
Баюкая сердце усталое...
Словно опять въ колыбели,
Я засыпаю... Въ жизни такъ мало я
Счастія зналъ... Успокой... Обними... Обмани...
Въ душу глубокими взорами очей твоихъ темныхъ взгляни...
Сонъ неразгаданной Вѣчности снова навѣй...
Обними... Успокой... И согрѣй...

ВЛ. ЛИНДЕНБАУМЪ.

* * *

И. С. Щукину.

Вспомни о нашемъ послѣднемъ свиданіи,
Подъ небомъ печальнымъ
Зеленѣющей Даніи,
Гдѣ разносятся чайки рыданія,
Споря съ оркестромъ купальнымъ.

Вечеромъ дали
Станутъ невѣрнѣй, туманнѣй.
Въ окнахъ рояли
Нѣжно сольются съ словами простого романса
О ранней
Смерти влюбленнаго Ганса.
Въ Даніи горе
Станетъ прозрачнѣй и тише:
Между зеленыхъ каштановъ сверкаетъ такъ ласково море;
Мягко звонятъ колокольни и высятся острыя крыши.

Вечеромъ сядь подъ плакучей, развѣсистой ивой,
И Андерсена
Вспомнишь разсказъ ты тоскливый—
О томъ, какъ измѣна
Бѣднаго, добраго Ганса убила.
Подъ ивой,
Тамъ, гдѣ ребенкомъ онъ съ нею бывалъ на свиданіи,
Да, подъ зеленою ивой задумчивой Даніи
Бѣднаго парня могила.

Данія!
Помнитъ ли нынѣ твое вѣчно сѣрое море
Про всемірное, вѣчное горе,
Про глухія страданія
Принца печальнаго, въ черномъ беретѣ, со шпагой?
Или уснуло оно, погребенное влагой
Волнъ, что сѣрѣютъ и въ небо уходятъ, спокойныя?
Все неподвижно; пестрѣютъ домовъ черепицы,
Въ лазури плескаются флаги,
Льются оркестра созвучія стройныя,
И проносятся сѣрыя птицы.

Да, но когда океанъ свою даль затуманитъ,
Смолкнетъ тревога докучная жизни вседневной,
Образъ печальнаго принца подъ мѣсяцемъ встанетъ—
Призракъ тоскующій, жаждущій мести и гнѣвный.

Да, золотыя преданія
Ты сохранила, страна безысходной неволи!
Небо неясное, воздухъ больныхъ меланхолій—
Зеленая Данія!

СЕРГѢЙ СОЛОВЬЕВЪ.

Тоска.

Вотъ на струны больныя, скользнувши, упала слеза.
Душу грусть обуяла.
Все въ тоскѣ отзвучало.
И темны небеса.

О Всевышній, мнѣ грезы, мнѣ сладость забвенья подай.
Безнадежны моленья.
Похоронное пѣнье
Наполняетъ нашъ край.

Кто-то Грустный мнѣ шепчетъ, чуть слышно вздыхая: „Покой"...
Свищетъ вѣтеръ, рыдая...
И пою, умирая,
Отъ тоски самъ не свой...

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

* * *

Все, что я ненавижу, совмѣстилось во мнѣ,
И горю я въ позорѣ, въ нестерпимомъ огнѣ.

Всѣ слова презираю я свои и дѣла:
Нѣтъ въ нихъ паѳоса жизни,—ни геройства, ни зла.

Если я увлекаюсь,—самъ себѣ я смѣшонъ.
Я себя презираю, исполняя законъ.

Я боюсь улыбнуться—потревожить змѣю
И изъ зеркала вижу всю срединность свою.

Отвратительно все мнѣ, чѣмъ я сытъ, какъ одѣтъ,
Развлеченья, заботы—полусонъ, полубредъ.

Ненавистны изгибы тайныхъ мыслей моихъ—
Этихъ демоновъ лживыхъ, этихъ карликовъ злыхъ.

Ненавистно мнѣ тѣло, и живущій въ немъ страхъ —
Эти голоды, боли, эти крики впотьмахъ.

О, покончить бы разомъ мнѣ съ собой навсегда,
Оборвать, какъ цѣпочку, золотые года!

Но лежитъ незаряженъ на столѣ револьверъ
И тихонько мнѣ шепчетъ: „лицемѣръ, лицемѣръ".

Такъ горю, не сгорая, я въ позорѣ—огнѣ.
Все, что мнѣ ненавистно, совмѣстилось во мнѣ.

П. СЛАНСКІЙ.

Они.

Звенятъ, поютъ, проходятъ мимо,
Ихъ не постичь, ихъ не догнать,
Во мглу скользятъ неуловимо—
И возвращаются опять...

Игра и дымность въ ихъ привѣтѣ,
Отсвѣты мыслей; тѣни словъ...
Они—таинственныя дѣти
Еще несозданныхъ міровъ.

Не жизнь они—но жажда жизни,
Не звуки—только дрожь струны.
Своей мерцающей отчизнѣ
Они, крылатые, вѣрны.

А я, разумный и безвластный,
Заворожить ихъ не могу,
Остановить ихъ летъ неясный,
Зажечь на этомъ берегу.

Я только слышу—вьются, вьются,
Безвольный трепетъ я ловлю;
Играютъ, плачутъ и смѣются,
А я, безвластный,—ихъ люблю.

З. ГИППІУСЪ.

Изъ „Вечеровыхъ пѣсенъ".

День обезсилѣлъ, и запахъ багряный
Молча смежилъ огневые глаза.
Саваномъ бѣлымъ нависли туманы,
Сводомъ церковнымъ взнеслись небеса.
Звѣзды зажглись, и суровы и пышны,
Словно огни погребальные свѣчъ.
Вѣтеръ прерывистый, вѣтеръ чуть слышный,
Быстро лепечетъ прощальную рѣчь.
Съ сумракомъ вмѣстѣ склоняюсь у гроба
Шумно прошедшаго, яркаго дня,
Смолкните въ сердцѣ,—и радость и злоба!
Миръ и печаль,—осѣните меня!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

ШАРЛЬ БОДЛЭРЪ.

Чужестранецъ.

ИЗЪ Ш. БОДЛЭРА.

— Скажи, загадочный человѣкъ, кого любишь ты больше всего: отца, мать, сестру, брата?

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери, ни сестры, ни брата.

— Друзей?

— Вы пользуетесь словомъ, смыслъ котораго оставался для меня до сихъ поръ неизвѣстнымъ.

— Родину?

— Я не знаю, подъ какой широтой она находится.

— Красоту?

— Я бы охотно любилъ ее, если бы она была божественной и безсмертной.

— Золото?

— Я ненавижу его, какъ вы ненавидите Бога.

— Тогда что же любишь ты, удивительный чужестранецъ?

— Я люблю облака... облака, которыя проносятся тамъ... волшебныя облака!

ПЕРЕВ. М. ВОЛКОВЪ.

Человѣкъ и море.

ИЗЪ Ш. БОДЛЭРА.

Какъ зеркало своей запо́вѣдной тоски,
Свободный Человѣкъ, любить ты будешь Море—
Всегда!—себя любить въ безбе́режномъ просторѣ,
Чьи бездны, какъ твой духъ безу́держный,—горьки;

Свой темный ликъ ловить въ отсвѣтности зыбей
Пустымъ объя́тіемъ, и сердца ропотъ гнѣвный
Съ весельемъ узнавать въ ихъ злобѣ многозѣвной,
Въ неукротимости немолкнущихъ скорбей.

Вы оба замкнуты, и скрытны, и темны.
Кто, Человѣкъ, про то, что́ ты на днѣ, повѣдалъ?
Кто клады нѣдръ твоихъ исчислилъ и развѣдалъ,
О Море?.. Жадные ревнивцы глубины!

Что жъ долгіе вѣка безъ устали, скупцы,
Яритесь въ распрѣ вы? Такъ оба безпощадны,
Такъ вы убійственны, такъ сердцемъ кровожадны,
О братья-вороги, о вѣчные борцы!

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

Красота.

ИЗЪ Ш. БОДЛЭРА.

Стройна я, смертные, какъ греза изваянья,
И грудь, что каждаго убила въ часъ его,
Поэту знать даетъ любовь и съ ней терзанье,
Безгласно-вѣчное, какъ вѣчно вещество.

Въ лазури я царю какъ сфинксъ непостижимый;
Какъ лебедь блѣдная, какъ снѣгъ я холодна;
Недвижна Красота, черты здѣсь нерушимы;
Не плачу, не смѣюсь, мнѣ смѣна не нужна.

Поэты предъ моимъ побѣдно-гордымъ ликомъ
Всѣ дни свои сожгутъ въ алканіи великомъ,
Духъ изучающій пребудетъ вѣкъ смущенъ;

Есть у меня для нихъ, послушныхъ, обаянье,
Два чистыхъ зеркала, гдѣ міръ преображенъ:
Глаза, мои глаза, бездонное сіянье.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Балконъ.

ИЗЪ Ш. БОДЛЭРА.

Мать воспоминаній, нѣжная изъ нѣжныхъ,
Всѣ мои восторги! весь призывъ мечты!
Ты воспомнишь чары ласкъ и сновъ безбрежныхъ
Прелесть вечеровъ и кроткой темноты.
Мать воспоминаній, нѣжная изъ нѣжныхъ.

Вечера при свѣтѣ угля золотого,
Вечеръ на балконѣ, розоватый дымъ.
Нѣжность этой груди! существа родного!
Незабвенность словъ, чей смыслъ неистребимъ,
Въ вечера при свѣтѣ угля золотого.

Какъ красиво солнце вечеромъ согрѣтымъ.
Какъ глубоко небо! въ сердцѣ сколько струнъ!
О, царица нѣжныхъ, озаренный свѣтомъ,
Кровь твою вдыхалъ я, весь съ тобой и юнъ.
Какъ красиво солнце вечеромъ согрѣтымъ.

Ночь вокругъ сгущалась дымною стѣною,
Я во тьмѣ твои угадывалъ зрачки,
Пилъ твое дыханье, ты владѣла мною,
Ногъ твоихъ касался братскостью руки.
Ночь вокругъ сгущалась дымною стѣною.

Знаю я искусство вызвать мигъ счастливый,
Прошлое я вижу возлѣ ногъ твоихъ.
Гдѣ жъ искать я буду нѣги горделивой,
Какъ не въ этомъ тѣлѣ, въ чарахъ ласкъ твоихъ?
Знаю я искусство вызвать мигъ счастливый.

Эти благовонья, клятвы, поцѣлуи,
Суждено ль имъ встать изъ безднъ, запретныхъ
намъ,
Какъ восходятъ солнца, скрывшись на ночь въ
струи,
Ликомъ освѣженнымъ вновь свѣтить морямъ?
—Эти благовонья, клятвы, поцѣлуи!

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Взоры.

ИЗЪ М. МЕТЕРЛИНКА.

О эти бѣдные усталые взгляды!
И ваши и мои!
И тѣ, которые исчезли, и тѣ, которые будутъ,
И тѣ, которые не достигнутъ бытія, но все же
существуютъ.
Иные изъ нихъ какъ будто посѣщаютъ бѣдныхъ въ
воскресный день.

Иные подобны безпріютнымъ больнымъ.
Иные, какъ ягнята на лугу, покрытомъ холстами.
А эти необычайные взоры!
Подъ сводами однихъ какъ бы присутствуешь при
казни дѣвственницы въ запертомъ залѣ,
Другіе заставляютъ думать о невѣдомыхъ печаляхъ!
О крестьянахъ у фабричныхъ оконъ,
О садовникѣ, сдѣлавшемся ткачемъ,
О лѣтнемъ полднѣ въ музеѣ восковыхъ фигуръ,
О мысляхъ королевы, смотрящей на больного въ
саду,
О запахѣ камфоры въ лѣсу,
О принцессѣ, запертой въ башню въ праздничный
день,
О долгомъ плаваніи въ водахъ теплаго канала.
Сжальтесь надъ взорами, которые робко движутся,
какъ больные, выходящіе въ поле,
Сжальтесь надъ взглядами раненаго, обращенными
къ хирургу
И похожими на палатки подъ грозою!
Сжальтесь надъ взглядами искушаемой дѣвствен-
ницы.
(О! млечныя рѣки утекутъ и исчезнутъ во мракѣ!
И лебеди умерли среди змѣй!)
Сжальтесь надъ взглядами дѣвственницы, готовой
пасть!
Принцессы, покинутыя въ безконечныхъ болотахъ!
И эти глаза, въ которыхъ освѣщенныя суда на
всѣхъ парусахъ уходятъ въ бурю!
И жалкіе взоры, страдающіе отъ невозможности
быть въ иномъ мѣстѣ!
Сколько страданій едва различимыхъ, но столь
разныхъ!
Тѣ, которыхъ никто никогда не пойметъ!
И эти бѣдные взоры, почти нѣмые,
И эти бѣдные взоры, что шепчутъ,
И эти бѣдные задушенные взоры!..
Среди иныхъ кажется,—что находишься въ замкѣ,
превращенномъ въ больницу!
Другіе же подобны палаткамъ, лиліямъ войны,
разбитымъ на монастырской лужайкѣ!

А множество другихъ похожи на раненыхъ, за которыми ухаживаютъ въ теплицѣ!
А множество другихъ похожи на сестеръ милосердія на суднѣ, гдѣ нѣтъ больныхъ!
О! видѣть всѣ эти взоры!
Принимать всѣ эти взоры!
Истощать свои взоры имъ навстрѣчу.
И съ тѣхъ поръ потерять возможность сомкнуть глаза!

ALLEGRO.

Учитель.

ОСКАРА УАЙЛЬДА.

Когда тьма окутала землю, Іосифъ Аримаѳейскій, съ сосновымъ факеломъ въ рукѣ, спустился съ холма въ долину. Онъ направлялся къ себѣ въ домъ.

И на жесткихъ камняхъ Долины Отчаянія онъ увидѣлъ колѣнопреклоненнаго юношу, нагого и плачущаго. Цвѣта меда были его волосы, а тѣло—какъ бѣлый цвѣтокъ; но онъ шипами изранилъ свое тѣло и, вмѣсто короны, посыпалъ волосы пепломъ.

И обладавшій большимъ имуществомъ сказалъ нагому и плачущему юношѣ:—Я не удивляюсь тому, что горе твое такъ велико; потому что, безъ сомнѣнія, Онъ былъ праведный человѣкъ.

Юноша отвѣчалъ:—Я плачу не о Немъ, а о себѣ. И я превращалъ воду въ вино, исцѣлялъ прокаженныхъ и слѣпымъ возвращалъ зрѣніе. Я ходилъ по водамъ и изъ жителей пещеръ я изгонялъ бѣсовъ. Въ пустынѣ, гдѣ не было пищи, я кормилъ голодныхъ и поднималъ умершихъ изъ ихъ тѣсныхъ домовъ; по моему приказанію на глазахъ у множества людей безплодная смоковница засохла. Все, что дѣлалъ этотъ человѣкъ, дѣлалъ и я. И все-таки они меня не распяли...

ПОЛЬ ВЕРЛЭНЪ.

Привычная мечта.

ИЗЪ ПОЛЯ ВЕРЛЭНА.

Мнѣ часто видится завѣтная мечта:
Безвѣстной женщины любимой и желанной,
Но каждый разъ она и не совсѣмъ не та
И не совсѣмъ одна,—и это сердцу странно.

Но ею я любимъ любовью неустанной!
Для ней одной, увы! моя душа чиста,
Для ней одной въ душѣ свѣтлѣетъ, что туманно,
И счастье мнѣ даютъ одни ея уста.

Смугла она? блѣдна? красива?—я не знаю.
Но имя мнѣ звучитъ нѣжнѣй, чѣмъ имена
Всѣхъ тѣхъ, кого я зналъ, когда былъ близокъ раю.

Въ манящемъ голосѣ она таитъ одна
Всѣ звуки голосовъ, отторгнутыхъ утратой,
И тихій взоръ ея подобенъ взору статуй.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Серенада.

ИЗЪ П. ВЕРЛЭНА.

То не голосъ трупа изъ могилы темной,—
Я передъ тобой.
Слушай, какъ восходитъ въ твой пріютъ укромный
Голосъ рѣзкій мой.

Слушай, мандолинѣ душу открывая,
Какъ звенитъ струна:
Про тебя та пѣсня, льстивая и злая,
Мною сложена.

Я спою про очи: блескъ ихъ переливный—
Золото, ониксъ.
Я спою про Лету грудей, и про дивный
Темныхъ кудрей Стиксъ.

То не голосъ трупа изъ могилы темной,—
Я передъ тобой.
Слушай, какъ восходитъ въ твой пріютъ укромный
Голосъ рѣзкій мой.

Тѣло молодое, какъ и подобаетъ,
Много восхвалю:
Вспомнивъ, какъ роскошно плоть благоухаетъ,
Я ночей не сплю.

И, кончая пѣсню, воспою лобзанья
Этихъ алыхъ губъ,
И твою улыбку на мои страданья,
Ангелъ! душегубъ!

Слушай, мандолинѣ душу открывая,
Какъ звенитъ струна:
Про тебя та пѣсня, льстивая и злая,
Мною сложена.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

* * *

ИЗЪ П. ВЕРЛЭНА.

Надъ пустыней снѣжной
Бѣглый свѣтъ мерцаетъ;
Скуку нагоняетъ
Видъ ея безбрежный.

Не блеснетъ украдкой
Лучъ на тверди мѣдной.
Послѣ жизни краткой
Умеръ мѣсяцъ блѣдный.

Надъ землей вставая
Низкой сѣрой тучей,
Дремлетъ лѣсъ могучій,
Головой кивая.

Не блеснетъ украдкой
Лучъ на тверди мѣдной.
Послѣ жизни краткой
Умеръ мѣсяцъ блѣдный.

Хриплыя вороны,
Волкъ съ семьей голодной,
Отъ земли холодной
Нѣтъ вамъ обороны!

Надъ пустыней снѣжной
Бѣглый свѣтъ мерцаетъ;
Скуку нагоняетъ
Видъ ея безбрежный.

М. НОВИЧЪ.

* * *

ИЗЪ П. ВЕРЛЭНА.

Каминъ мерцающій, отъ лампы свѣтъ лѣнивый,
Чело склоненное подъ думой молчаливой,
Закрытые тома́, шумъ, смѣхъ, вечерній чай
И въ глубинѣ очей прекрасныхъ свѣтлый рай!..
Истома легкая и радость ожиданья...—
И въ тишинѣ ночной восторги и лобзанья!..
О милый, нѣжный сонъ, повсюду ты со мной,
Пусть мимо дни ползутъ, ты вѣрный спутникъ мой!..

ЭЛЛИСЪ.

Маленькія старушки.

ИЗЪ Ш. БОДЛЭРА.

I.

Въ изгибахъ сумрачныхъ старинныхъ городовъ,
Гдѣ самый ужасъ, все полно очарованья,
Часами цѣлыми подстерегать готовъ
Я эти странныя, но милыя созданья!

Уродцы слабые со сгорбленной спиной
И сморщеннымъ лицомъ, когда-то Эпонинамъ,
Лаисамъ и онѣ равнялись красотой...
Полюбимъ ихъ теперь! Подъ ветхимъ кринолиномъ

И рваной юбкой отъ холода дрожа,
На каждый экипажъ косясь пугливымъ взоромъ,
Ползутъ онѣ, въ рукахъ заботливо держа
Завѣтный ридикюль съ поблекнувшимъ узоромъ.

Неровною рысцей безпомощно трусятъ,
Подобно раненымъ волочатся животнымъ;
Какъ куклы съ фокусомъ, прохожаго смѣшатъ,
Выдѣлывая па́ движеньемъ безотчетнымъ...

Межъ тѣмъ, глаза у нихъ буравчиковъ острѣй—
Какъ въ ночи лунныя съ водою ямы, свѣтятъ:
Прелестные глаза неопытныхъ дѣтей,
Смѣющихся всему, что яркаго замѣтятъ!

Васъ поражалъ размѣръ и схожій видъ гробовъ
Старушекъ и дѣтей? Какъ много благородства,
Какую тонкую къ изящному любовь
Художникъ мрачный—Смерть вложила въ это
сходство!

Наткнувшись иногда на немощный фантóмъ,
Плетущійся въ толпѣ по набережной Сены,
Невольно каждый разъ я думаю о томъ—
Какъ эти хрупкіе, разстроенные члены

Сумѣетъ гробовщикъ въ свой ящикъ уложить...
И часто мнится мнѣ, что это еле-еле
Живое существо, наскучившее жить,
Бредетъ, не торопясь, къ вторичной колыбели...

Рѣкой горючихъ слезъ, потокомъ безъ конца
Прорыты вашихъ глазъ бездонные колодцы,
И прелесть тайную, о милые уродцы,
Находимъ въ нихъ бѣдой вскормленныя сердца!

II.

Но я... Я въ нихъ влюбленъ!—Мнѣ васъ до боли
жалко,
Садовъ ли Тиволи вы легкій мотылекъ,
Фраскати ль стараго влюбленная весталка,
Иль жрица Таліи, чье имя зналъ раекъ.

Ахъ! многія изъ васъ, на днѣ самой печали
Умѣя находить благоуханный медъ,
На крыльяхъ подвига, какъ боги, достигали
Смиренною душой заоблачныхъ высотъ!

Однѣхъ родимый край повергъ въ пучину горя,
Другихъ свирѣпый мужъ скорбями удручилъ,
А третьимъ сердце сынъ-чудовище разбилъ,—
И слезы всѣхъ, увы, составили бы море!

III.

Какъ наблюдать любилъ я за одной изъ васъ!
Въ часы, когда заря вечерняя алѣла
На небѣ, точно кровь изъ ранъ живыхъ сочась,—
Въ укромномъ уголку она одна сидѣла.

И чутко слушала богатый мѣдью громъ
Военной музыки, который наполняетъ
По вечерамъ сады и боевымъ огнемъ
Уснувшія сердца согражданъ зажигаетъ.

Она еще пряма, бодра на видъ была
И жадно пѣснь войны суровую вдыхала:
Глазъ расширялся вдругъ порой, какъ у орла,
Чело изъ мрамора, казалось, лавровъ ждало...

IV.

Такъ вы проходите черезъ хабсъ столицъ
Безъ слова жалобы на гнетъ судьбы неправой,
Толпой забытою святыхъ или блудницъ,
Которыхъ имена когда-то были славой!

Теперь въ людской толпѣ никто не узнаетъ
Въ васъ грацій старины, терявшихъ счетъ побѣдамъ;
Прохожій пьяница къ вамъ съ лаской пристаетъ
Насмѣшливой, гамэнъ за вами скачетъ слѣдомъ.

Стыдясь самихъ себя, вы бродите вдоль стѣнъ,
Пугливы, скорчены, блѣдны, какъ привидѣнья,
Еще при жизни—прахъ, полуостывшій тлѣнъ,
Давно созрѣвшій ужъ для вѣчнаго нетлѣнья!

Но я, мечтатель,—я, привыкшій каждый вашъ
Невѣрный шагъ слѣдить тревожными очами,
Невѣдомый вамъ другъ и добровольный стражъ,—
Я, какъ отецъ дѣтьми, тайкомъ любуюсь вами...

Я вижу вновь разсвѣтъ погибшихъ вашихъ дней,
Неопытныхъ страстей неясныя волненья;
Чрезъ вашу чистоту самъ становлюсь свѣтлѣй,
Прощаю и люблю всѣ ваши заблужденья!

Развалины! Мой міръ! Свое прости вамъ вслѣдъ
Торжественно я шлю при каждомъ разставаньи.
О, Евы бѣдныя восьмидесяти лѣтъ,
Увидите ль зари вы завтрашней сіянье?..

П. Я.

СТЕФАНЪ МАЛЛАРМЕ.

Изъ поэмы „Иродіада".

ИЗЪ СТ. МАЛЛАРМЕ.

О зеркало! Холодная вода,
Кристаллъ унынія, застывшій въ льдистой рамѣ.
О, сколько разъ въ отчаяньи, часами
Усталая отъ сновъ и чая грезъ былыхъ,
Опавшихъ, какъ листы, въ провалы водъ твоихъ,
Сквозила изъ тебя я тѣнью одинокой...
Но, горе! Въ сумерки, въ водѣ твоей глубокой
Постигла я тщету своей нагой мечты...

МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ.

Феноменъ будущаго.

ИЗЪ СТ. МАЛЛАРМЕ.

Надъ міромъ, кончающимся отъ дряхлости, блѣдное небо какъ бы собирается исчезнуть вмѣстѣ съ облаками. Обрывки обветшалаго багрянца закатовъ блекнутъ въ рѣкѣ; она дремлетъ на горизонтѣ, затонувшемъ въ лучахъ и водѣ. Деревья скучаютъ; подъ ихъ листвой—побѣлѣвшей скорѣе отъ праха времени, чѣмъ отъ дорожной пыли—возвышается парусинный наметъ показывателя древностей. Въ ожиданіи сумерекъ уже зажжены фонари; отблески ихъ оживляютъ лица несчастной толпы, побѣжденной неумирающимъ недугомъ и грѣхомъ вѣковъ. Мужчины тѣснятся возлѣ своихъ тщедушныхъ сообщницъ, обремененныхъ жалкими плодами, при которыхъ погибнетъ земля. Къ солнцу, погружающемуся въ воду точно съ возгласомъ отчаянія, обращены умоляющіе взоры; среди тревожнаго безмолвія раздается простая зазывная рѣчь:

„Здѣсь нѣтъ вывѣски, приманивающей обѣщаніемъ того зрѣлища, которое васъ ожидаетъ внутри, такъ какъ въ наше время не нашлось ни одного живописца, способнаго изобразить хотя ничтожную тѣнь его. Я привезъ живую Женщину былыхъ временъ, огражденную отъ разрушительнаго вліянія лѣтъ при помощи верховной науки. Лицо, какъ бы озаренное кровавою наготой губъ, обрамлено — съ изяществомъ волнистой ткани—чѣмъ-то безумнымъ, своеобразнымъ и простодушнымъ, какимъ-то золотымъ ореоломъ! Она называетъ это волосами. Вмѣсто ненужной одежды, у нея есть тѣло. Глаза—похожіе на рѣдкостные камни!—превзойдены видомъ этого благодатнаго тѣла, которое какъ бы смотритъ подъятыми къ небу персями, словно наполненными млекомъ вѣчной жизни, и гладкими ногами, сохранившими бѣлизну первобытной морской соли“.

Мужья спѣшатъ войти, вспоминая своихъ несчастныхъ супругъ,—плѣшивыхъ, хилыхъ, отврати-

тельныхъ; печальныя женщины также хотятъ посмотрѣть, изъ любопытства.

Когда всѣ осмотрятъ благородное существо пережитокъ какой-то уже заклейменной проклятіемъ эпохи, одни отойдутъ равнодушно, не имѣя силъ понять, другіе же переглянутся сокрушенно, съ удрученнымъ сердцемъ и влажными отъ слезъ рѣсницами. А поэты тѣхъ временъ, почувствовавъ, что вновь разгораются потускнѣвшіе очи, направятся къ своимъ лампамъ, съ разсудкомъ, опьяненнымъ на мгновеніе смутной жаждой славы; плѣненные неотступнымъ напѣвомъ размѣренныхъ звуковъ, они забудутъ, что существуютъ въ эпоху, которая пережила красоту.

ПЕРЕВ. Л. К.

Земля.

I.

Въ небѣ серебряномъ звонъ колокольный,
Утренній воздухъ прохладенъ и тихъ;
Съ неба сойдетъ ко мнѣ свѣтлый, безбольный,
Солнце—мой мужъ, мой женихъ...

Паромъ овѣянная,
Пóтомъ взлелѣянная,
Вся ли я прахъ?
Хлѣбомъ засѣянная
Вся въ бороздахъ.

Солнечность, солнечность, въ лоно
Свято ко мнѣ снизойди!
Утро весеннее такъ благовонно,
Буйно-томительный день впереди!

II.

Замеръ вдали и синѣется—
Росами дымно-овѣянный лѣсъ.
Солнечность вѣчная сѣется
Съ блѣдной, молочной лазури небесъ.

Дѣвственно-черная, вся обнаженная,
Мать замерла.
Мукамъ покорная, вся распаленная,
Плоть свою дѣтямъ на трудъ предала.

Солнечность, солнечность вешняя,
Сѣмя во мнѣ напои!
Въ мірѣ живая и въ мірѣ вся здѣшняя
Солнцу я раны раскрыла свои.

III.

Ярость упала. Солнце устало,
Рѣки подернулись бѣлымъ туманомъ.
Тѣнь отъ востока широко сбѣжала,
Пала на землю къ зіяющимъ ранамъ.

Встали, подвиглись надъ ними прохлады,
Силы яремныя снова растутъ,
Снова готовятся таинства страды,
Дѣется древній, таинственный трудъ.

Сладостно сѣмени въ плоти пріимчивой,
Силѣ молитесь родящаго чрева!
Въ нѣгѣ вечерней, въ нѣгѣ разымчивой,
Мать возститъ вамъ сторицей посѣвы.

ЛЕОНИДЪ СЕМЕНОВЪ.

* * *

Къ утру родилось въ глуби бездонной
Море-дитя;
Счи раскрыло, зритъ полусонно
Вверхъ на меня.

Въ зыбкѣ играетъ, робко пытая
Силы свои;
Тянется къ выси, тянется къ краю,
Ловитъ лучи.

Рядится въ блестки, манитъ невинно
Неба лазурь,—
Сердцемъ не чаетъ скорби пустынной,
Будущихъ бурь.

Родичи-горы чутко лелѣютъ
Утра туманъ,
Въ страдномъ молчаньи смотрятъ, какъ зрѣетъ
Чадо-титанъ...

Къ морю-младенцу низко склоняюсь
Съ ясной душой,
Взмытые влагой камни ласкаю
Теплой рукой.

АДЕЛАИДА ГЕРЦЫКЪ.

Исповѣдь художника.

ИЗЪ Ш. БОДЛЭРА.

Какъ глубоко западаетъ въ душу умираніе осенняго дня; оно пронзаетъ душу до боли! Да, бываютъ чарующія чувства,—хоть и неясныя, и смутныя, они въ то же время и сильны и напряжены; но нѣтъ острія, пронзающаго душу глубже, чѣмъ остріе безпредѣльности.

Велико очарованіе утопать взоромъ въ безбрежности небесъ и моря! Кругомъ уединеніе, тишина, выше всѣхъ сравненій дѣвственная чистота лазури; вонъ вдали парусъ, чуть замѣтный, брезжитъ на горизонтѣ... Ничтожный и одинокій, какъ похожъ онъ на мое неизлѣчимое существо... однообразно шумитъ прибой; все окружающее мыслитъ мною, или я мыслю о немъ (такъ скоро теряется свое собственное „я“

въ этомъ величіи созерцанія); итакъ, они мыслятъ, но мыслятъ образами и звуками, безъ всякихъ нашихъ дедукцій, софизмовъ и силлогизмовъ.

Но рождаются ли эти мысли во мнѣ, или разливаютъ ихъ вокругъ себя предметы,—онѣ скоро дѣлаются слишкомъ напряжены. Чрезмѣрная сила этого наслажденія вызываетъ боль и физическое страданіе. Нервы черезчуръ натянулись и отвѣчаютъ на нихъ только острымъ, тяжелымъ содроганьемъ.

И вотъ глубина неба меня уже тревожитъ; меня гнететъ его чистота. Безчувственность моря, недвижность всей окружающей картины будятъ въ душѣ негодованіе... О, неужто надобно или вѣчно страдать или вѣчно бѣжать прочь отъ красоты? Природа, безучастная колдунья, въ борьбѣ съ человѣкомъ ты всегда одержишь верхъ, всегда будешь праздновать побѣду. Пусти же меня! Довольно тебѣ издѣваться надъ моей гордостью и моими желаніями!

Постигать красоту—это значитъ бороться въ неравномъ поединкѣ, гдѣ художникъ, еще не побѣжденный въ концѣ, уже кричитъ отъ страха.

ПЕРЕВ. А. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

* * *

Я твоя всѣмъ нетронутымъ тѣломъ,
Я твоя всей влюбленной душой,
Овладѣй мной рѣшеніемъ смѣлымъ,
Я хочу быть любима тобой.

Я съ тобою неслышно, незримо,
Гдѣ ты дышишь, тамъ жизнь моя.
Я хочу быть тобою любима.
О, мой другъ, я твоя, я твоя!

G. B.

АНРИ ДЕ-РЕНЬЕ.

Вѣнокъ.

ИЗЪ А. ДЕ-РЕНЬЕ.

Изнеможенныя, поникнувъ головою,
Въ молчаньи сумерекъ, нетвердою стопою
Изъ жизни суетной идутъ мои Мечты.
Онѣ шли туда съ довѣрчивой зарею
И возвращаются теперь изъ темноты.
И тихо, по одной, подходятъ, избѣгая
Моихъ пытливыхъ глазъ, дрожа и отступая
Предъ взоромъ трепетнымъ—въ глубь вѣчной тем-
. ноты.
Да, это все онѣ, мои Мечты былыя,
Теперь усталыя, поникшія, нѣмыя,
Когда-то близкія! Еще въ моихъ ушахъ
Звучитъ ихъ радостный, поспѣшный, легкій шагъ,
Которымъ шли онѣ, спускаясь къ жизни дальной...
Что жъ совершили вы?
—Гдѣ твой бокалъ хрустальный,
Мечта объ истинѣ! онъ полонъ до краевъ?
—О, нѣтъ! твои уста горятъ, рука разжата,
И съ ѣдкой горечью неутоленныхъ сновъ,

Указываешь ты у ногъ твоихъ, безъ словъ,
Осколки хрусталя!..—А ты, дитя! когда-то
Вся—жизнь, вся—яркій смѣхъ, гдѣ ты скиталась днемъ?
Но ты шатаешься?! съ распущенной косою,
Въ одеждѣ праздничной, забрызганной виномъ,
Блѣдна, отяжелѣвъ,—ты ль это предо мною?
Прочь, ты, чужая мнѣ!—А ты, съ худымъ лицомъ,
Такимъ измученнымъ! зачѣмъ, въ порывѣ муки,
Къ груди таинственно ты прижимаешь руки?
Тамъ прячется змѣя—и ненависти ядъ
Тебѣ вливаетъ въ кровь!—А гдѣ же твой нарядъ,
Мечта величія? увы! въ твоей котомкѣ
Лохмотья пурпура и скипетра обломки!
—И ты, огнемъ страстей горѣвшая мечта!
Ты возвращаешься, ужалена въ уста,
Обезображена, покрыта грязью липкой,
Съ отчаяньемъ въ груди и съ мертвою улыбкой!

О, что вы сдѣлали, Мечты мои, со мною!
О, что вы сдѣлали съ собой, мои Мечты!

Но ты,—ты, чистая, единственная, ты,
Что не пришла ко мнѣ, одна изъ всѣхъ, съ зарею,
Меня покинувшихъ,—къ тебѣ, хотя бъ цѣною
Всей жизни, скорбь мою и пѣснь я понесу!
Ты скрылась, тихая, въ задумчивомъ лѣсу
И тамъ въ безмолвіи сидишь одна, нагая,
У ногъ босыхъ Любви, и богъ Любви, лаская,
Даритъ тебѣ цвѣты и самъ беретъ, склоняясь,
И оба нѣмы вы, цвѣтами лишь мѣняясь,
И пальцы вашихъ рукъ плетутъ, у липы мшистой,
Для васъ, для васъ двоихъ—одинъ вѣнокъ душистый.

И. И. ТХОРЖЕВСКІЙ.

Двойная элегія.

ИЗЪ А. ДЕ-РЕНЬЕ.

Мой нѣжный другъ, гдѣ голубь ворковалъ,
Я крикомъ совъ испугана полночнымъ.
Могильный холмъ покрытъ ковромъ цвѣточнымъ,
Что̀ подъ землей твой хладный прахъ соткалъ.
Мой скорбный взглядъ огнемъ сжигаютъ слёзы,
Уста твое отсутствіе томитъ.
Вернись, молю! Въ саду волшебной грёзы
Твой тихій шагъ такъ мягко прозвучитъ.
Ты будешь босъ, и старъ твой обликъ милый:
Далекъ сюда отъ Стикса тяжкій путь...
Подъ нашъ фонтанъ придешь ты отдохнуть
И слушать смѣхъ и плачъ его унылый.

Я жду тебя! Твой прибранъ старый домъ:
Хрустальныхъ чашъ сверкаютъ переливы,
Вино и хлѣбъ, и фиги, и оливы;
И масломъ дверь умаслена кругомъ,
Чтобъ распахнуть ее тебѣ беззвучно.
Свѣтильникъ взявъ, съ тобою неразлучно
По лѣстницѣ мы въ комнату взойдемъ.
Тебя привелъ изъ дальняго скитанья,
Изъ царства грёзъ волшебный мощный сонъ.
И будетъ намъ, восторгомъ напоенъ,
Такъ страненъ звукъ горячаго лобзанья.
Ты здѣсь со мной пришелецъ той страны,
Гдѣ вдоль рѣки тростникъ не шевелится
И мертвенъ плескъ встревоженной волны.
Но ты, мой другъ, ты долженъ возродиться:
Моя любовь прогонитъ смерти сны!
Ты оживешь, погаснетъ освѣщенье,
И я часовъ остановлю движенье.

Оставь часы и лампы не туши.
Нашъ старый садъ опять шатромъ тѣнистымъ
Украситъ домъ, покинутый въ глуши.
Но не прильнуть ужъ мнѣ къ струямъ сребристымъ
Фонтана, звонко бьющаго въ тиши.
Лобзанья жгутъ, пока лишь губы живы.

Оставь вино и фиги и оливы:
Они для устъ, что́ плоть еще и кровь.
Мой жалкій прахъ въ могилѣ истлѣваетъ,
Въ загробномъ мірѣ тѣнь моя витаетъ,
И если въ старый домъ войду я вновь,
Куда зовутъ всей силою желанья
Меня души твоей воспоминанья,
Ты не склонишь, какъ прежде, на плечо
Ко мнѣ главы: я призракъ безъ названья!
Ты плоть мою оплачешь горячо.
Но всей душой, и вѣрной и унылой,
Въ мечтахъ учись меня не покидать,
Земной любви на тѣнь не обращать,
Свиданья ждать покорно за могилой.

Н. ИЛЬЯШЕНКО.

* * *

ИЗЪ Ф. ВІЕЛЕ-ГРИФФИНА.

Встань!—Жизнь утомлена,
Пусть сладко спитъ она
Въ твоихъ объятьяхъ; томно и устало
Красавица пусть дремлетъ до зари.
А ты—вставай! Во тьмѣ неуловимой
Тебя зоветъ Мечта;
Она зоветъ, и таетъ, мчится мимо...
О, кинься вслѣдъ за ней
На тайную, манящую дорогу!
Иль нѣтъ тебѣ къ чудесному путей!
Мечта неуловима,
Она исчезнетъ—къ Богу.

Ступай! Оставь здѣсь все.
Возьми свой посохъ. Изъ земной любви,
Растущей каждый часъ и ненасытной,
Возьми одно: желанье.—И лети!
Мечта зоветъ, и таетъ, мчится мимо,
Она зоветъ лишь разъ.

Бросайся въ сумракъ! Бездна ли страшна?
Смѣлѣй, не медли!
— Поздно!.. поздно!..
Жизнь пробудилась; чуткій сонъ любви
Разслышалъ все. Опять объятья Жизни
Тебя зовутъ для новыхъ, жгучихъ ласкъ...
Ты опоздалъ! Еще одно мгновенье
Мечта зоветъ,—и ускользаетъ прочь,
Одна, какъ тѣнь,
Съ нѣмымъ презрѣньемъ...

Теперь—

Сжимай въ объятьяхъ дорогую Жизнь!
Безъ счета, безъ конца
Цѣлуй ее. Будь сильнымъ,
Будь властелиномъ Жизни и творцомъ!
Ты не ушелъ за бѣглою Мечтой,
За призракомъ, туманнымъ и зовущимъ
Къ чудесному и къ тайнѣ,—такъ вернись,
Вернись къ прекрасной и любимой Жизни!
Увѣковѣчь въ ней твой единый мигъ!
Изъ свѣтлыхъ сновъ ея и сердца мертвой муки
Создай одинъ, но гармоничный стихъ.
Пускай тебя волнующіе звуки
Переживутъ, и съ новою весной
Звенятъ всегда то смѣхомъ, то рыданьемъ,
Когда зеленый лѣсъ
Въ своей листвѣ смѣющейся и зыбкой
Одѣнется приманками любви,—

И пой, свѣтясь безпечною улыбкой!

И. И. ТХОРЖЕВСКІЙ.

Изъ цикла „Майская встрѣча".

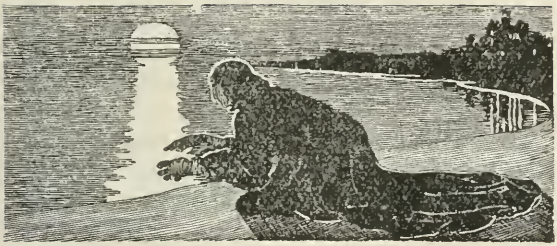
II.

Вотъ пришла въ зеленой шляпкѣ,
Принесла весны въ охапкѣ,
Звонко-синяго стекла...
Смѣхомъ вдругъ стекло разбилось.
Покатилось
И запрыгало осколками
Серебристыми, колкими:
Смѣется—
Весенняя,
Голубая...
А потомъ все пропало,
Томно стало—
Устала.
И увѣрила пепельнымъ взглядомъ,
Шевельнула портьерой,
И ушла, прошелестѣвъ нарядомъ,
Синей юбкой и вуалью коричнево-сѣрой.
До свиданья!

IV.

Отъ нихъ возвращаясь, мы вмѣстѣ идемъ.
Лѣстница мягкимъ покрыта ковромъ.
Тонетъ твой шагъ въ нежилой пустотѣ,
Кажется, нѣтъ никого въ темнотѣ,
Кажется, въ воздухѣ постланъ коверъ.
Страшно, не знаю, со мной ли твой взоръ.
Спичка на мигъ освѣтитъ лицо...
Ахъ, если бъ дальше ушло крыльцо,
Ахъ, если бъ не было близкихъ дверей,
Если бъ швейцаръ не нашелъ ключей!

ПОТЕМКИНЪ.



Два странника.

Кто онъ? Повѣдай мнѣ, о странникъ! Много разъ
У этихъ водъ, на берегу далекомъ,
Молился онъ въ раздумiи глубокомъ
И ночь благословлялъ, не замѣчая насъ.
Слова его мольбы—необычайны.
Печаль нездѣшняя въ напѣвѣ ихъ звучитъ.
Его усталый взоръ ласкаетъ и грозитъ,
Исполненный любви, грѣха и тайны.

Кто онъ? Какiе сны онъ чуетъ въ тишинѣ?
Въ какую даль стремится и откуда?
Я спрашивалъ людей... И отвѣчали мнѣ:
„Избранникъ онъ, дитя небесъ и чуда.
Его устами Богъ незримый говоритъ.
Иди къ нему. Молись его видѣньямъ.
Тебя утѣшитъ онъ отраднымъ пѣньемъ,
Страданiя твои мечтой заворожитъ“.
„Онъ мученикъ—другiе отвѣчали—
Гонимый завистью и злобою людской.
Иди къ нему. Пойми его печали.
Утѣшь его тоску отзывною тоской“.
И я хотѣлъ идти къ нему смиренно,

Чтобъ сердце передъ нимъ довѣрчиво раскрыть,
И я хотѣлъ всю скорбь души его испить,
Какъ жгучій ядъ изъ чаши драгоцѣнной...
Но чьи-то голоса мнѣ прошептали: „Нѣтъ!
Не вѣрь ему. Волшебникъ онъ лукавый
И лжецъ“...

—О странникъ! Судъ людей былъ правый!
Я узнаю его. Избранникъ тотъ—поэтъ.
Иди къ нему. Онъ жизнь свою даруетъ
Неяснымъ призракамъ, витающимъ надъ нимъ,
Онъ тотъ, кого съ мольбой безшумный серафимъ
Въ уста, какъ другъ таинственный, цѣлуетъ.
Иди къ нему. Молись его видѣньямъ.
И если ты, какъ онъ, чужой земнымъ страстямъ,
Томишься на землѣ по дальнимъ небесамъ—
То, можетъ быть, насытивъ грудь мученьемъ,
Въ мученьи ты найдешь отдохновенный храмъ.
Но если ты томимъ великой жаждой
Борьбы и подвиговъ, волненій и страстей,
Но если мракъ и трепетъ жизни каждой
Сливаются съ душой отзывчивой твоей,
И если можешь ты безъ сожалѣнья,
Безъ ужаса сказать—для жизни жизнь дана,
И улыбаться ей, и пить ее до дна,
До глубины послѣдняго мгновенья—
Тогда живи безъ грезъ; отдайся весь борьбѣ
За счастье и за жизнь. Твоей земной судьбѣ
Не нуженъ рай, поэта рай чудесный.
Поэта манитъ призракъ безтѣлесный,
Обрывы мертвые влекутъ его къ себѣ.

О странникъ, знай, когда онъ воспѣваетъ
Словами страстными любви могучій бредъ,
Когда земную скорбь отъ низменныхъ суетъ
Онъ къ жалости и къ жертвѣ призываетъ—
Быть можетъ, дальше онъ отъ жизни и людей,
Чѣмъ Богомъ и людьми отверженный злодѣй.
Ни жалости ни гнѣва онъ не знаетъ.
И кто бы ни былъ онъ, безумецъ иль герой,
Отъ первыхъ, чистыхъ думъ и до могилы
Поэтъ—безсильный рабъ великой силы,

Владѣющей его смятенною душой.

О странникъ! Въ небесахъ непостижимыхъ
Есть звѣзды дальнія, чужія для земли.
Глубокія моря волнуются вдали,
У береговъ, земнымъ очамъ незримыхъ.
Поэтъ—дрожащій лучъ тѣхъ призрачныхъ міровъ,
Упавшій къ намъ слезой любви и горя.
Поэтъ—волна таинственнаго моря,
Забытая Творцомъ у нашихъ береговъ.
И оттого, въ тиши своихъ страданій,
Внимая голосамъ, неслышнымъ никому,
Онъ вызываетъ міръ воспоминаній
Изъ смутной глубины, невѣдомой ему.
И оттого, блуждая думой плѣнной
Въ холодномъ царствѣ сновъ, онъ вѣчно одинокъ
И оттого въ часъ скорби вдохновенной
Онъ плачетъ, какъ дитя, и грезитъ, какъ пророкъ...

СЕРГѢЙ МАКОВСКІЙ.

Опьяняйтесь.

ИЗЪ Ш. БОДЛЭРА.

Нужно быть день и ночь опьяненнымъ. Это—важнѣе всего, это—первый вопросъ нашей жизни. Чтобъ не испытывать безжалостнаго гнета времени, которое давитъ вамъ плечи и клонитъ васъ къ землѣ, нужно вѣчно опьяняться.

Но чѣмъ же? Виномъ, поэзіей или красотой добра—все равно, чѣмъ хотите, но только опьяняйтесь. И если порой на ступеняхъ дворца, на зеленѣющей травѣ оврага, въ нѣмомъ одиночествѣ вашей обители—вы проснетесь на мигъ, замѣчая, что опьяненіе ослабѣваетъ или проходитъ—спросите у вѣтра, у волны, у звѣзды, у птицы, у часовъ, у всего, что летаетъ, что стонетъ, что мчится, что поетъ и говоритъ, спросите: который часъ: и вѣтеръ, и волна, и звѣзда, и птица, и часы вамъ отвѣтятъ: „часъ, когда нужно опьяняться!“

Опьяняйтесь, чтобъ не стать рабами и жертвами времени, безъ конца опьяняйтесь! Виномъ, поэзіей или красотой даже—чѣмъ хотите.

ПЕРЕВ. Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

Весенняя муза.

Когда мнѣ жизнь стокрылая вручила тайны нить,
Во храмъ къ жрецамъ вступила я — должна была вступить—

Тамъ совершалось вѣрное служеніе вѣкамъ:
Бряцали лиры мѣрныя, пѣлъ синій ѳиміамъ...

То длился культъ таинственный, великій, но былой:
Былъ мертвымъ богъ единственный, воспѣтый ихъ хвалой!

Вотъ—статуи, вотъ—муміи, вотъ—пышный саркофагъ...
Стояла я въ раздуміи, не въ силахъ сдѣлать шагъ.

И здѣсь казалась ложною та мысль, что, кромѣ сна,
Есть гдѣ-нибудь тревожная, зеленая весна.

Но ты мнѣ, о Весенняя, на міръ раскрыла дверь—
Живу въ душистой сѣни я съ тобой самъ-другъ теперь.

Какъ дѣти беззаботны мы, какъ дикари—наги
И плясками налетными чертимъ въ лугахъ круги.

Иль, сѣвъ на холмъ развлаженный, подъ голубую ель,
Перебирая скважины, возьму въ уста свирѣль.

Прильнувъ своимъ запястіемъ къ перстамъ невѣрныхъ рукъ,
Ты учишь съ гордымъ счастіемъ рождать великій звукъ.

Твоимъ весельемъ душу я да напою навѣкъ!
И пусть ликуетъ, слушая тѣ пѣсни, человѣкъ!

ЛЮБОВЬ СТОЛИЦА.

За рѣчью.

Souvenir, souvenir, que me veux-tu?
Verlainne.

Подступаетъ предслезная дрожь,
Срывъ звенящаго голоса...
Чуть колышется спѣлая рожь,
Отдѣляется колосъ отъ колоса.

Манитъ въ тѣнь удлиненную стогъ
Сѣна слабо душистаго.
Изнемогъ. Подошелъ и прилегъ.
Барабанитъ кузнечикъ неистово.

Подошла. И присѣла. И взоръ
Затѣнила рѣсницами,
Оглядѣвъ желтоватый узоръ,
Испещренный согбенными жницами.

Вновь затворы опушенныхъ вѣждъ
Свѣтозарно раздвинула;
Взоромъ полнымъ безплотныхъ надеждъ,
Отуманеннымъ взоромъ окинула.

Не колыхнется спѣлая рожь,
Колосъ ластится къ колосу...
Подступила предслезная дрожь,
Близокъ срывъ напряженнаго голоса...

ВЛ. ПЯСТЪ.

* * *

Прискакала дикой степью
На вспѣненномъ скакунѣ.
— Долго ль будешь лязгать цѣпью?
— Выходи плясать ко мнѣ!

Рукавомъ въ окно мнѣ машетъ,
Краснымъ крикомъ зажжена,
Такъ и манитъ, такъ и пляшетъ
И ласкаетъ скакуна.

— А, не хочешь! Ну, такъ съ Богомъ!
Пыль клубами завилась...
По тропамъ и по дорогамъ
Въ чистомъ полѣ понеслась...

Не меня ты любишь, Млада,
Дикой вольности сестра!
Любишь краденые клады,
Полуночный свистъ костра!

И въ степяхъ, среди тумана,
Ты страшна своей красой—
Разметавшейся вдоль стана
Рыжей спутанной косой!

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

На разсвѣтѣ.

Сплю и слышу сквозь сонъ комариное пѣнье,
Вздохи травъ, пѣтуховъ отдаленные крики.
Все летятъ и летятъ за мгновеньемъ мгновенья,
Кажутъ памяти сонной забытые лики.

Съ воспаленной подушки лицо подымая,
Вижу въ розовыхъ окнахъ дыханье разсвѣта.
Догорѣла заря серебристаго мая,
Разгорается утро огнистаго лѣта.

Зажигаютъ его золотистыя зори,
Зазываютъ его соловьи да кукушки,
И луговъ голубое, лиловое море
Полусоннаго манитъ съ горячей подушки.

БОРИСЪ САДОВСКОЙ.

Троицынъ день.

Дочь лѣсника незабудки рвала въ осокѣ
Въ Троицынъ день;
Вѣночки плела надъ рѣкой, и купалась въ рѣкѣ
Въ Троицынъ день;
И блѣдной русалкой всплыла въ бирюзовомъ вѣнкѣ.

Гулко топоръ застучалъ по засѣкѣ лѣсной
Въ Троицынъ день;
Лѣсникъ съ топоромъ выходилъ за смолистой сосной
Въ Троицынъ день;
Тоскуетъ и тужитъ и тешетъ онъ гробъ смоляной.

Свѣчка въ свѣтлицѣ средь темнаго лѣса блеститъ
Въ Троицынъ день;
Подъ образомъ блеклый вѣночекъ надъ мертвой груститъ
Въ Троицынъ день.
Боръ шепчется глухо. Рѣка въ осокѣ шелеститъ.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

* * *

Голосъ твой умолкъ давно.
Стало пусто и темно.
Кто-то сказку досказалъ
И покинулъ мертвый залъ.

Свѣтъ потушенъ. Я одинъ.
Въ складкахъ спущенныхъ гардинъ
Заблудился лучъ луны—
Испугался тишины.

Сердце брошено во тьму...
Больно сердцу моему...
Грежу прошлымъ и тобой
И считаю мѣрный бой...

Это старые часы
Въ свѣтѣ лунной полосы
Будутъ плакать до утра,
Плакать завтра, какъ вчера...

ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ.

* * *

Будь юной, дерзкою царицей,
Завороженной красотой,
Съ тяжелой, сонною рѣсницей
И съ властной наготой.

О, будь какъ ночь грѣха тревожна.
Мученій, ласки не жалѣй,
И дай мнѣ все, что дать возможно
На праздникѣ страстей.

Будь львицей хитрой и проворной...
Дитя коварства и огня!
Тебѣ любовью непокорной
Не покорить меня.

Будь ясно-тихой и печальной,
Какъ зо́ри раннею весной,
Съ душой прозрачной, нѣжно-дальной,
Какъ сумракъ голубой.

Будь робкимъ, сказочнымъ созданьемъ,
Стыдливой лиліей полей.
Томи мечтательнымъ признаньемъ
Нерадостныхъ очей.

Покорной будь и будь призывной,
Живи любя, люби во снѣ...
Покорности, о призракъ дивный,
Не надо мнѣ!

СЕРГѢЙ МАКОВСКІЙ.

РЕНЭ ГИЛЬ.

Колыбельная.

ИЗЪ Р. ГИЛЯ.

Мой милый, спи,—усни: въ тиши, въ тѣни
Глаза сомкни...

Твой аистъ сытъ,—молчитъ: среди ракитъ
На крышѣ спитъ...

Пора уснуть.—усни: ко мнѣ на грудь
Прильни, забудь...

Тебя не ждетъ—твой котъ: поетъ сквозь сонъ,
Мурлычетъ онъ...

Въ тиши, въ тѣни—усни: прильни на грудь,
Все позабудь...

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Соотвѣтствія.

ИЗЪ Ш. БОДЛЭРА.

Природа—дивный храмъ, и въ ней столпы живые
Съ невнятнымъ ропотомъ сдержали сводъ небесъ.
Природа—символовъ давно извѣстныхъ лѣсъ,
Они киваютъ намъ задумчиво—нѣмые..

Протяжный отзвукъ въ ней на все звучитъ,
Какъ эхо грустное, сливаясь и слабѣя,
То погасаетъ онъ, то свѣтитъ пламенѣя,—
Въ немъ цвѣтъ и звукъ съ благоуханьемъ слитъ;

Есть чистый ароматъ, какъ нѣжной флейты пѣнье,
Какъ тѣло дѣтское, полей зеленыхъ видъ,
—Есть пышный ароматъ—онъ будитъ вдохновенье,

Въ немъ безконечное съ душою говоритъ...
Какъ мускусъ и бензой и ѳиміама волны
Онъ восторгаетъ духъ побѣдной силы полный.

ЭЛЛИСЪ.

* * *

ИЗЪ П. ВЕРЛЭНА.

Рояль, гдѣ нѣжныхъ рукъ не замерли лобзанья,
Бѣлѣетъ въ смутной мглѣ вечерняго огня,
И съ легкимъ шелестомъ, чуть крыльями звеня,
Напѣвъ чарующій, старинный, безъ названья,
Порхаетъ, словно стыдъ пугливый затая,
Въ стѣнахъ, гдѣ все хранитъ ея благоуханье.

Откуда эта зыбь и шопотъ колыбели?
Что такъ мой бѣдный духъ и нѣжитъ и живитъ?
О чемъ мнѣ эта пѣснь, ласкаясь, говоритъ?
О чемъ звенитъ напѣвъ наивной ритурнели?
Напѣвъ, что у окна открытаго скользитъ
И гаснетъ тамъ, въ саду, гдѣ звуки пролетѣли?

А. КУБЛИЦКАЯ-ПІОТУХЪ.

Душа теплицы.

ИЗЪ М. МЕТЕРЛИНКА.

Проходятъ предъ взорами вновь вереницы.
Душа въ заточеньи, подъ зыбкимъ стекломъ,
Цвѣтетъ, расцвѣтаетъ въ плѣну голубомъ,
И тянутся стебли до кровли теплицы.
Теплица живой, но усталой души!
О, эти желанья мои безъ отвѣта!
О, лиліи, ждущія полнаго свѣта!
На тихой водѣ въ полуснѣ камыши!
О, какъ бы желалъ я—найти подъ забвеньемъ
Закрытыхъ очей, утомленныхъ отъ слезъ,
Давно пожелтѣвшіе вѣнчики грезъ,
Пройти къ полумертвымъ, забытымъ растеньямъ.
Я жду, что засохшія листья вотъ-вотъ
Опять оживутъ предъ моими очами,
Я жду, что луна голубыми перстами
Въ молчаньи раскроетъ мнѣ замкнутый входъ.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

* * *

ИЗЪ Ж. МОРЕАСА.

Не говори, смѣясь: „жизнь—праздникъ!“ Умъ глупца
Иль безсердечіе—въ невѣжествѣ безпечномъ.
Но бойся вымолвить: „жизнь—горе безъ конца“...
Тобой владѣетъ гнѣвъ, а онъ не будетъ вѣчнымъ!

Нѣтъ: смѣйся, какъ весной въ зеленыхъ вѣткахъ день;
Рыдай, какъ океанъ, мучительно угрюмый;
Живи. И скажешь ты, объятый вѣшей думой:
„Да, это много—жить; но это все—лишь тѣнь...“

И. И. ТХОРЖЕВСКІЙ.

Въ моей душѣ—волшебный храмъ цвѣтовъ...
Не подходи! Тамъ бѣлыхъ астръ мечтанья,
И пѣсни розъ, и взгляды висильковъ,
И лилій царственныхъ святое созерцанье.
Не подходи... ты не поймешь цвѣтовъ!

Не подходи... Не говори со мной!
Оставь меня... пока не слышатъ астры
И васильки твой смѣхъ и голосъ твой.
Они умрутъ тогда... Твой смѣхъ такой земной,
И голосъ твой... Тебя не любятъ астры!

Не говори! Я тишину прошу,
Чтобъ тишина еще безмолвнѣй стала.
Я шорохъ думъ моихъ и звуки слезъ гашу,
Чтобъ рѣчь цвѣтовъ яснѣе мнѣ звучала.
Не подходи, не говори, прошу...

Сегодня рано, съ солнечнымъ лучомъ,
Моя душа наполнилась. Земная,
Ты не поймешь... И если ты, страдая,
Мнѣ станешь говорить о сердцѣ, о быломъ,—
Я не пойму—ты мнѣ теперь чужая.

Не говори со мной... Одинъ лишь мигъ,—
И вновь я нищъ,—скупые злые люди!..
Не разрушай чертоговъ золотыхъ,
Не заглушай мольбы о свѣтломъ чудѣ...
Я ихъ люблю за то, что тѣла нѣтъ у нихъ,—

То души выросли на тонкихъ стебелькахъ.
Смотри, вотъ василекъ довѣрчивый и ясный.
Онъ синій, потому что добрый. Въ небесахъ
Разъ добрый ангелъ жилъ. И Богъ въ его глазахъ
Увидѣлъ гнѣва тѣнь и злобы холодъ властный;

Чтобъ упрекнуть его, Онъ создалъ василекъ.
Что шепчешь ты, мой синій, добрый, милый?..
Дрожишь, боишься ты?.. И я боюсь, цвѣтокъ!
И я боюсь ихъ всѣхъ съ ихъ суетой унылой;
Ты знаешь,—я люблю не ихъ, я ихъ далекъ...

Я Лилію люблю. То будетъ въ вечеръ синій,—
Мы въ храмъ войдемъ, въ великій, синій храмъ,
Гдѣ сводъ изъ звѣздъ. И будетъ мѣсяцъ намъ
Свой лить серебряный, прозрачный ѳиміамъ,
И храмъ откроетъ намъ незримыя святыни.
Я Лилію люблю... Насъ въ предвечерній часъ
Благословитъ подсолнечникъ склоненный,
Зашепчетъ садъ, красой ея смущенный,
Заплачутъ яблони отъ радости за насъ
Слезами бѣлыми...
...Въ кортежѣ безконечномъ
Мы шествуемъ... И впереди—она,
Великолѣпна, царственна, блѣдна,—
Принцесса Лилія въ нарядѣ подзѣнечномъ...
На свадьбу я людей не стану звать,—
Не надо глазъ завистливыхъ и хмурыхъ;
Цвѣты, одни цвѣты! Весь дворъ придетъ, вся знать.
Тамъ астры бѣлыя въ придворныхъ куафюрахъ
Подружками ей будутъ; георгинъ,
Весь въ пестромъ бархатѣ, служить герольдомъ
станетъ,
Свидѣтелемъ,—гарлемскій гражданинъ,
Утонченный тюльпанъ. Тамъ гимнъ веселый грянетъ.
Намъ звонкій хоръ изъ ландышей лѣсныхъ
И маргаритокъ, дѣвушекъ простыхъ.
Нарциссъ, шиповники, левкои съ ноготками
При свѣтѣ факельномъ настурцій огневыхъ
Всѣ будутъ въ эту ночь у Лиліи гостями.
А маки гордые пажами будутъ ей,—
Горящіе и доблестью и страстью.
Я Лилію люблю!.. Всю ночь среди полей
Пусть колокольчики звенятъ о нашемъ счастьи!..
И въ ясной тишинѣ, въ чертогѣ голубомъ
Я счастливъ буду лаской бѣлоснѣжной.
И станетъ плакать лютикъ надъ ручьемъ
Отъ желтой ревности и горечи мятежной!
А ночь пройдетъ—и съ солнечнымъ лучомъ
Мой синій міръ растаетъ...
О, земная!
Ты не поймешь... И если ты, страдая,
Мнѣ станешь говорить о сердцѣ, о быломъ,—

Я не пойму,—ты мнѣ теперь чужая...

. . . . . .

Не подходи, ты не поймешь цвѣтовъ!..

Т. АРДОВЪ.

Дѣдушка.

Голосъ. Дымитъ каминъ.
Въ розовомъ свѣтѣ
Рядъ запыленныхъ картинъ.

Дѣдушка. Слушайте, дѣти!
Вездѣ была тоска...

Голосъ. Кто-то плачетъ, дрожитъ...
Подъ напоромъ вѣтра доска
О заборъ стучитъ.

Дѣдушка. Въ небѣ горѣла звѣзда,
Красна, какъ огонь.
Зачѣмъ вы дрожите всегда?!
Дѣтей не тронь!
Возвышался рядъ могилъ,
И чернѣли онѣ.
Кто-то лампады гасилъ.
Голубые горѣли огни.

Мама. На креслѣ старый дѣдъ
Лепечетъ въ ночной тишинѣ.
Онъ видѣлъ десятки лѣтъ:
Ихъ, вновь проживаетъ во снѣ.

Голосъ. Подъ напоромъ вѣтра доска
Объ заборъ стучитъ.
Стукнула чья-то рука!

Дѣти. Дѣдушка! Дѣдушка спитъ?!.

Голосъ. Завылъ подъ окнами песъ.
Холодный вѣтеръ пошелъ.
Кто-то что-то унесъ!
Кто-то кого-то увелъ!..

А. Л. МИРОПОЛЬСКІЙ.

Вельзевулъ.

Пусть Михаиломъ гордъ въ вѣкахъ Іегова.
Я равнодушенъ къ вамъ, враждебные владыки.
Пусть розой Астаротъ вѣнчался мѣдноликій;
Пусть безъ конца звучатъ хвалебныя слова
Астартѣ женственной; пусть славитъ танецъ дикій
Молоха мрачнаго, похожаго на льва.
Моя перунами увита голова.
Я—Вельзевулъ. Я—неба князь великій...
О, только ты одинъ, мой властный, гордый братъ,
Съ челомъ плѣнительнымъ, увѣнчаннымъ звѣздою,
Своей улыбкою мнѣ не даешь покою!
Я знаю, для кого привѣтливо горятъ
Глаза Обманчивой. Клянусь моей судьбою,
Лазурноокая, я притяну Твой взглядъ!

АЛ. КОНДРАТЬЕВЪ.

Рыцарь съ цѣпью.

Слышу гулъ и завыванье призывающихъ роговъ.
И я снова конквистадоръ, покоритель городовъ.
Точно рабъ, я былъ закованъ, жилъ, униженный,
въ плѣну
И забылъ, неблагодарный, про могучую весну.
А она пришла, ступая надъ рубинами цвѣтовъ,
И, ревнивая, разбила сталь мучительныхъ оковъ.
Я опять иду по скаламъ, пью студеныя струи;
Подъ дыханьемъ океана раны зажили мои.
Но вступая, обновленный, въ неизвѣстную страну,
Ничего я не забуду, ничего не прокляну.
И, чтобъ помнить каждый подвигъ, и возвышенность,
и степь,
Я къ серебряному шлему прикую стальную цѣпь.

Н. ГУМИЛЕВЪ.

* * *

Я тонкая вѣха
На каждомъ пути.
Каскадами смѣха
Зову я придти.

Ты ждешь? Ты считаешь
Слѣды по песку?
Придешь и узнаешь
Тоску и Тоску...

На время сверкну я
Звенящей рѣкой,
На мигъ позову я—
На вѣки ты мой.

Лѣснымъ водопадомъ
Умчу, не любя.
Къ незримымъ преградамъ
Притисну тебя.

Подводные камни
Тебя загрызутъ,
И кровью уста мнѣ
Зажмутъ и зальютъ.

Кровавой усмѣшкой
На мигъ засмѣюсь,
И тонкою вѣшкой
Опять обернусь.

Чье сердце рыдаетъ?
Кого завлеку?
Придетъ и узнаетъ
Тоску и Тоску...

ПОТЕМКИНЪ.

ВИЛЬЕ-ДЕ-ЛИЛЬ-АДАНЪ.

Гласъ народа.

Большой смотръ войскамъ на Елисейскихъ Поляхъ!

Двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній разъ было это видѣніе. Лѣтнее солнце ломало свои длинныя, золотыя стрѣлы о крыши домовъ и главы церквей старой столицы. Миріады стеколъ отражали ослѣпительные лучи: народъ, облитый пыльнымъ свѣтомъ, наполнялъ улицы, чтобы видѣть армію.

Передъ папертью Собора Богоматери на высокомъ деревянномъ складномъ стулѣ, сложивъ колѣни и скрестивъ руки подъ надписью, говорившей о его несомнѣнной слѣпотѣ, сидѣлъ столѣтній Нищій, въ черныхъ лохмотьяхъ, глава парижской Бѣдноты, и печальное лицо его, пепельнаго цвѣта, изборожденное землистыми морщинами, было пятномъ тѣни на окружавшемъ его торжествѣ.

Всѣ эти люди развѣ не были его ближними? Проходившіе въ радости развѣ не были его брать-

ями? Не тотъ же ли это Родъ Человѣческій? Вѣдь у него не все было отнято: Божій храмъ остался ему кровомъ и государство признало за нимъ право быть слѣпымъ.

Обладая этимъ титуломъ и оффиціально занимая мѣсто, обѣщавшее ему вѣрную милостыню, онъ владѣлъ правомъ избранія и былъ равенъ намъ во всемъ, кромѣ Свѣта.

И человѣкъ этотъ, запоздалый среди живыхъ, изрекалъ отъ времени до времени монотонную жалобу, глубокій вздохъ всей своей жизни изливая въ словахъ:

„Пожалѣйте бѣднаго слѣпца!“

Вокругъ него при могучихъ звукахъ набата тамъ, за стѣной, закрывающей его глаза, топотъ кавалеріи, порой звонъ колоколовъ, крики, смѣшанные съ салютами пушекъ, съ гордыми криками команды, шумъ стали, громы барабановъ, отмѣчающихъ каждый проходящій полкъ, вся шумиха славы доходила до него. Его обостренный слухъ ловилъ шелестъ знаменъ, тяжелыми бахромами касавшихся латъ. И въ умѣ стараго плѣнника темноты вызывались тысячи молній ощущеній, неясныхъ и уже предчувствованныхъ имъ. Онъ по догадкѣ узнавалъ, что́ лихорадочно возбуждало сердца и мысли этого Города.

И народъ, очарованный, какъ и всегда, смѣлостью и удачей, выкрикивалъ дикимъ воплемъ свое минутное желаніе:

„Да здравствуетъ Императоръ!“

Но среди криковъ этой торжествующей бури поднимался затерянный голосъ у мистической рѣшетки. Старикъ, поднявъ свои мертвые зрачки къ небу, забытый тѣмъ народомъ, истинное желаніе котораго онъ одинъ выражалъ, желаніе, скрытое подъ криками „ура!“, монотонно повторялъ фразу, теперь полную тайны:

„Пожалѣйте бѣднаго слѣпца!“

Большой смотръ войскамъ на Елисейскихъ Поляхъ.

Десять лѣтъ пролетѣло со времени блеска того торжества! Тотъ же шумъ, тѣ же голоса, тотъ же дымъ! Но взрывъ общественной радости былъ

тише, и тѣнь отягощала взоры. Восторженныя восклицанія чередовались на этотъ разъ съ отдаленными перекатами баттарей нашихъ фортовъ. И, настороживъ слухъ, народъ старался уловить отвѣтъ приближающихся вражескихъ пушекъ.

Военачальникъ проѣзжалъ, улыбаясь всѣмъ, на своемъ породистомъ иноходцѣ. Народъ, успокоенный той довѣрчивостью, которую ему внушаетъ безукоризненная осанка, смѣнялъ патріотическія пѣсни салютами въ честь этого солдата.

Но слова прежняго бѣшенаго привѣтствія измѣнились: народъ, внѣ себя, такъ выражалъ свое минутное желаніе:

„Да здравствуетъ Республика!“

А тамъ, на порогѣ храма, можно было различить одинокій голосъ Лазаря. Выразитель скрытой мысли народа не измѣнялъ суровости своей постоянной жалобы.

Истинная душа праздника, поднявъ угасшіе глаза къ небу, онъ восклицалъ въ минуту молчанія полнымъ убѣдительности голосомъ:

„Пожалѣйте бѣднаго слѣпца!“

Большой смотръ войскамъ на Елисейскихъ Поляхъ.

Девять лѣтъ прошло со времени потускнѣвшаго блеска этого торжества.

О! тотъ же рокотъ! тотъ же лязгъ оружія! то же ржаніе коней! Еще тише, чѣмъ въ прошлый разъ, но все же крикливо.

„Да здравствуетъ Коммуна!“ кричалъ народъ навстрѣчу пролетавшему вѣтру.

А голосъ столѣтняго Избранника Несчастія повторялъ тамъ, на священномъ порогѣ, свой припѣвъ, выражая единственную мысль этого народа. Покачивая головой по направленію къ небу, онъ стоналъ во мракѣ:

„Пожалѣйте бѣднаго слѣпца!“

Два раза луна совершила свой кругъ, когда при послѣднихъ звукахъ набата Главнокомандующій регулярныхъ войскъ государства дѣлалъ смотръ своимъ двумстамъ тысячъ солдатъ, ружья которыхъ—

увы!—еще дымились послѣ печальной междуусобной войны. Устрашенный народъ кричалъ, глядя на горящія зданія:

„Да здравствуетъ Маршалъ!“

Тамъ въ сторонѣ, возлѣ священной ограды, неизмѣнный Голосъ, голосъ ветерана человѣческой Нищеты, повторялъ машинально-скорбное и безжалостное моленіе:

„Пожалѣйте бѣднаго слѣпца!“

Съ тѣхъ поръ, изъ года въ годъ, отъ одного смотра къ другому, отъ однихъ криковъ къ другимъ, какое бы имя въ своихъ привѣтствіяхъ ни бросалъ народъ въ случайность пространства, тѣ, которые прислушивались внимательно къ шумамъ земли, всегда различали, въ самый разгаръ революціонныхъ криковъ и непосредственно за ними слѣдующихъ воинственныхъ торжествъ, далекій Голосъ, Голосъ истинный, внутренній Голосъ символическаго страшнаго Нищаго, бдящаго въ ночи, возвѣщающаго, когда часъ истинный настанетъ для народа, неподкупнаго стража совѣсти гражданъ, того, кто возстановляетъ во всей цѣлостности сокровенную молитву Толпы и завершаетъ ея вздохъ.

Непреклонный Первосвященникъ Братства, почетный представитель физической слѣпоты, онъ былъ безсознательнымъ посредникомъ, никогда не переставая умолять божественное милосердіе за своихъ равныхъ по разуму братьевъ.

И когда у народа, упоеннаго звуками трубъ, колоколовъ и пушекъ, остается смущеніе отъ тщеславной шумихи, и когда онъ напрасно старается лживо восторженными кликами скрыть отъ самого себя свое истинное желаніе, Нищій, поднявъ голову къ небу и воздѣвъ руки, ощупью, въ своихъ великихъ потемкахъ, поднимается на вѣчномъ порогѣ Церкви и—голосомъ все бо́льшаго и бо́льшаго сокрушенія, который, кажется, достигаетъ дальше звѣздъ,—продолжаетъ выкрикивать свои пророческія слова:

„Пожалѣйте бѣднаго слѣпца!“

Лебедь.

СОНЕТЪ СТ. МАЛЛАРМЕ.

Безсмертный, дѣвственный, властитель красоты,
Ликующимъ крыломъ ты разобьешь ли нынѣ
Былое озеро, гдѣ спитъ, окованъ въ иней,
Полетовъ ясный ледъ, не знавшихъ высоты?

О, лебедь прошлыхъ дней, ты помнишь: это ты!
Но тщетно, царственный, ты борешься съ пустыней:
Уже блеститъ зима безжизненныхъ унынiй,
А странъ, гдѣ жить тебѣ, не создали мечты.

Бѣлѣющую смерть твоя колеблетъ шея,
Пространство властное ты отрицаешь, но
Въ ихъ ужасы крыло зажато, все слабѣя.

О призракъ, въ этой мглѣ мерцающiй давно!
Ты облекаешься презрѣнья сномъ холоднымъ,
Въ своемъ изгнанiи,—ненужномъ и безплодномъ!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Сплинъ.

ИЗЪ Ш. БОДЛЭРА.

Вотъ осень, жизни врагъ заклятый, разливаетъ
Изъ урны и морозъ, и страшный мракъ ночной
На старомъ кладбищѣ обильною струей,
И смерть безжалостной рукою разсѣваетъ.

Мой исхудавшiй котъ свой сонъ позабываетъ
И крадется къ ковру, нарушивъ свой покой;
По желобу бредетъ невѣрною стопой
Духъ стараго поэта и рыдаетъ,—

И вторитъ колоколъ рыданьямъ сиротливымъ,
Въ огнѣ дымятъ дрова шипѣнiемъ тоскливымъ,
Часы хрипятъ... Межъ тѣмъ, игрою заняты,

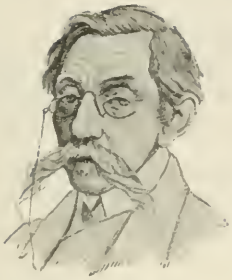
Наслѣдiе жалкое водянки застарѣлой,
Валетъ и дама пикъ болтаютъ вечеръ цѣлый
О днякъ былой любви, увядшей красоты.

ЭЛЛИСЪ.

Волшебная скрипка.

Милый мальчикъ, ты такъ веселъ, такъ свѣтла
твоя улыбка,
Не проси объ этомъ счастьи, отравляющемъ міры,
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,
Что такое темный ужасъ начинателя игры.
Тотъ, кто взялъ ее однажды въ повелительныя руки,
У того исчезъ навѣки безмятежный свѣтъ очей,
Духи ада любятъ слушать эти царственные звуки,
Бродятъ бѣшеные волки по дорогѣ скрипачей.
Надо вѣчно пѣть и плакать этимъ струнамъ, звонкимъ струнамъ,
Вѣчно долженъ биться, виться обезумѣвшій смычекъ,
И подъ солнцемъ, и подъ вьюгой, подъ бѣлѣющимъ буруномъ,
И когда пылаетъ западъ, и когда горитъ востокъ.
Ты устанешь, и замедлишь, и на мигъ прервется пѣнье,
И ужъ ты не сможешь крикнуть, шевельнуться и вздохнуть,
Тотчасъ бѣшеные волки въкровожадномъизступленьи
Въ горло вцѣпятся зубами, станутъ лапами на грудь,
Ты поймешь тогда, какъ злобно насмѣялось все, что пѣло,
Въ очи взглянетъ запоздалый, но властительный испугъ.
И тоскливый смертный холодъ обовьетъ какъ тканью тѣло,
И невѣста зарыдаетъ, и задумается другъ.
Мальчикъ, дальше, здѣсь не встрѣтишь ни веселій ни сокровищъ,
Но я вижу ты смѣешься, эти взоры—два луча...
На, владѣй волшебной скрипкой, посмотри въ глаза чудовищъ,
И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача.

Н. ГУМИЛЕВЪ.



ЭМИЛЬ ВЕРХАРНЪ.

Женщина на перекресткѣ.

ИЗЪ Э. ВЕРХАРНА.

— Женщина въ черномъ!
Чего жъ тебѣ ждать,
День за днемъ, опять и опять,
Со взоромъ упорнымъ?

— Надежды черныя, какъ свора черныхъ псовъ,
Опять пролаяли на сумрачныя луны,
На луны черныя моихъ зрачковъ!
И груди вновь—восторжены и юны,
И ставятъ паруса, чтобъ мчаться въ черный рай!
Что за валгалла изступленныхъ фурій
Иль что за кони, вздыбленные бурей,
Мои уста и груди,—отвѣчай!

— Женщина въ черномъ!
Чего жъ тебѣ ждать,
Опять и опять,
Со взоромъ упорнымъ?

— Да! я вонзающая зубы!
Понявъ погибельность свою,

Какъ знакъ конца кладу я губы...
Я погибаю иль гублю!

Готова къ ласкамъ ежечасно,
Я блескомъ ихъ озарена.
Прохожій! я, какъ смерть, прекрасна
И всенародна, какъ она.

Ко мнѣ подходитъ каждый смѣло,
Желанья насыщаетъ онъ
На пышномъ катафалкѣ тѣла
При яркомъ свѣтѣ похоронъ.

Я всѣмъ даю мои томленья,
Я всѣхъ пьяню у входа въ храмъ.
Моей любви богохуленья—
Встаютъ, какъ факелъ, къ небесамъ!

Въ вѣкахъ я высюсь древней башней!
И люди у желѣзныхъ вратъ
Стучатся, покупая брашна,
Хоть, можетъ быть, тѣ брашна—ядъ.

Неотразимо упоенье
Моихъ ночей для душъ больныхъ:
Мое имъ сладко отвращенье
Къ ихъ ласкамъ и къ презрѣнью ихъ.

Да, такъ! вамъ сладко ненавидѣть
Во мнѣ—позоръ и ужасъ вашъ,
И вдругъ въ своей душѣ увидѣть
Мой черно-пурпурный миражъ!

— Женщина въ черномъ!
Чего жъ тебѣ ждать,
Опять и опять,
Со взоромъ упорнымъ?

— Вотъ солнце старое, сдаваясь передъ тьмой,
Бросаетъ золото дождемъ по мостовой,
И городъ тянется, змѣясь во мглѣ огнями
Домовъ и фонарей, куда влечетъ магнитъ
Предвѣчный: Женщина! И онъ вдали стоитъ
На горизонтѣ передъ вами!
И лаютъ вновь, какъ свора черныхъ псовъ,

Надежды черныя на сумрачныя луны,
На луны черныя моихъ зрачковъ!
И груди вновь—восторжены и юны,
И ставятъ паруса, чтобъ мчаться въ черный рай.
Все тѣло у меня не изъ огня ль и злата?
И не въ просторы ли набата
Я волоса мои кидаю,—отвѣчай!
Какой пожаръ, мечты какія
Меня влекутъ въ часы ночные
И здѣсь бросаютъ предъ тобой,
Царицей грозной и рабой?

— Женщина въ черномъ,
Со взоромъ упорнымъ,
Чего жъ тебѣ ждать,
Опять и опять?

— Я жду прихода рокового
Того, кто долженъ быть со мной!
Его безумія нѣмого
Ждетъ изступленный трепетъ мой.
Мое въ восторгѣ рвется тѣло
Къ рукамъ, сейчасъ пролившимъ кровь.
Какъ всѣ, и этотъ приметъ смѣло
Мою продажную любовь!
Да, я—соблазнъ непобѣдимый!
Такъ кто жъ сегодня мой любимый?

— Женщина въ черномъ,
Со взоромъ упорнымъ,
Кого жъ ты ждешь?

— Того, чей окровавленъ ножъ.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Осенній вечеръ.

ИЗЪ Э. ВЕРХАРНА.

Въ дикой скачкѣ тучи скачутъ,
Тучи въ пляскѣ завились...
Эй, луна, берегись!
Мгла гудитъ и разрывается,
И деревья на поляхъ
То застонутъ, то заплачутъ—
Выгибаются...
Эй, луна, берегись!
Желтый ликъ больной луны
Мертвый палъ въ зеркальность пруда,
Раздробясь о грань волны,
Окруженный блѣдной просинью...
Это вѣтеръ свадьбу правитъ съ осенью.
Эй, луна, берегись!
Какъ тяжелый всадникъ рвется ураганъ,
Въ двери бьетъ размашисто и хлестко
И гуляетъ буйный—
Распаленъ и пьянъ
Съ рыжей осенью по дальнимъ перекресткамъ.
Эй, луна, берегись!
Этотъ ликъ—святой и чистый—
Звѣздъ лампады, нимбъ лучистый—
Здѣсь не къ мѣсту средь разгула
Буйнаго, тяжелаго,
Тамъ, гдѣ осень съ вѣтромъ
Потеряли голову...
Въ судорогахъ объятій
Вздохи все короче.
Безпредѣльность ночи...
Да лишь лѣсъ кричитъ изъ вихря и тумана
Подъ ударами ночного урагана.
Эй, луна, берегись!
Рыщутъ псы и липнетъ грязь на лапахъ.
Отъ полей идетъ сырой и пьяный запахъ
И на югъ, на сѣверъ, на востокъ—повсюду
Разлилось дыханье похоти и блуда,
Какъ кошмаръ прерывистый и рьяный!

Вѣтеръ съ осенью распутною и пьяной
Въ буйныхъ судорогахъ упали и сплелись.
Эй, луна, берегись!
И собаки воютъ точно волки...

МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ.

Мельница.

ИЗЪ Э. ВЕРХАРНА.

Подъ небомъ сумрачнымъ, пропитаннымъ печалью,
Устало движутся два мельничныхъ крыла—
Понуро, медленно... Сѣрѣетъ ночи мгла.
Печальны взмахи крылъ надъ безпріютной далью!

Съ утра волочатся тѣ крылья—двѣ руки!—
Вздымаясь, падая съ безмолвною мольбою;
И сѣрый парусъ ихъ дрожитъ глухой тоскою,
И все мертво кругомъ, въ объятіяхъ тоски.

Устали облака отъ тягостныхъ скитаній;
Безцвѣтный умеръ день, въ тяжеломъ забытьи;
Вдаль, къ мертвымъ небесамъ уходятъ колеи,
И въ сонный мракъ слились деревьевъ очертанья.

У ската сѣраго прижались шалаши
Семьею жалкою, лохматою и бѣдной;
И слабый огонекъ висячей лампы мѣдной
Порой дрожитъ въ окнѣ... Ни звука. Ни души.

Одни лишь окна тѣ въ пустынѣ безпредѣльной
За старой мельницей испуганно слѣдятъ.
Она все движется, и крылья все дрожатъ,—
И никнутъ, онѣмѣвъ, въ усталости смертельной.

И. И. ТХОРЖЕВСКІЙ.

Межъ нивъ.

Почиваютъ золотыя,
Благодатныя, святыя
Нивы вдоль пути.
Только небо все да нивы...
Часъ смиренный, сиротливый!
Время спать идти.

Тихо мы бредемъ до дому
И ввѣряемся сѣдому
Морю спѣлыхъ нивъ.
Убаюкиваетъ съ лаской
Зыбь ихъ, думной, сизой краской
Боль угомонивъ.

Тамъ овецъ плетется стадо
Въ хлѣвъ свой: дома лишь отрада!
По угламъ—пора.
Минулъ часъ дневного пыла:
Солнце, просіявши, скрыло
Свѣтъ свой до утра.

Утро... о разсвѣтъ волшебный!
Навѣвайте сонъ цѣлебный,
Волны нивъ, на насъ,
И про утро намъ шепчите,
И въ гнѣздѣ насъ заключите
Въ этотъ тихій часъ.

Лейте миръ и упованье,
Такъ что съ солнцемъ разставанье
Силъ въ насъ не убьетъ.
Дремля на яву, кончаемъ
Жизнь, и лишь разсвѣта чаемъ.
Такъ нашъ духъ поетъ.

ИВАНЪ КОНЕВСКІЙ.

Они почуяли.

Маленькая драма въ трехъ дѣйствіяхъ.

ШАРЛЯ ВАНЪ-ЛЕРБЕРГА.

Морису Метерлинку.

Въ оркестрѣ похоронный маршъ. Глухая барабанная дробь. Звукъ рога вдалекѣ. Барабанная дробь. Короткій церковный мотивъ въ органѣ. Многократные и глухіе удары. Поднимается занавѣсъ.

Сцена представляетъ комнату очень бѣдной хижины. Направо стоитъ приспособленная къ стѣнѣ большая кровать съ балдахиномъ и занавѣсками изъ черной саржи. Въ серединѣ задней стѣны дверь; налѣво окно съ спущенной шторой. Около кровати маленькій столикъ; на немъ Распятіе, среди двухъ зажженныхъ свѣчей желтаго воска.

Бурная ночь. Дождь хлещетъ въ стекла. Издалека доносится свистъ вѣтра среди деревьевъ и лай собаки. При поднятіи занавѣса сцена кажется пустой, и она освѣщена только двумя мерцающими восковыми свѣчами. Снова слышны удары въ дверь. Молодая дѣвушка стремительно встаетъ съ кровати, выражая ужасъ всѣми своими движеніями. Она полуодѣта, въ рубашкѣ, съ распущенными бѣлокурыми волосами.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Дочь. Кто тамъ?

Голосъ снаружи. Я.

Дочь. Кто вы?

Голосъ. Я!

Дочь. Это не имя. Кто вы?

Голосъ. Ахъ! но... Я человѣкъ, вы это прекрасно знаете.

Дочь. Я никого не жду.

Голосъ съ кровати. Дочка, что это за шумъ?

Дочь. Матушка, это вѣтеръ.—Вы пришли ко мнѣ?

Голосъ. Разумѣется, не къ вамъ, крошка, разумѣется, не къ вамъ.

Мать. Нѣтъ, правда, я слышу что-то.

Дочь. Если вы не скажете вашего имени, я не отворю.

Голосъ. Но... но... этого нельзя сказать. Я человѣкъ съ водою.

Дочь. Человѣкъ съ водой?

Голосъ. Ну, да. Послушайте!

Слышно бульканье выливаемой воды.

Мать. Дочка, я слышу воду. Я слышу, что-то льется.

Дочь. Человѣкъ съ водой?

Голосъ. Ну, да, и съ губкой.

Дочь. Съ губкой?.. Мнѣ ничего этого не надо.

Голосъ. Простите, крошка, простите... Это для того, чтобы обмыть.

Мать. Кто это, дочка?

Дочь. Матушка... это... нищій... нищій проситъ милостыню.

Мать. А-а! Ну такъ подай ему. Бѣднякъ! Пусть онъ войдетъ и отдохнетъ. Въ такую ночь! Ахъ, Боже мой!

Стукъ въ дверь.

Дочь. Нѣтъ!—Матушка, я боюсь, мало ли кто можетъ прійти.

Мать. Это не хорошо, что ты говоришь, это не хорошо, нужно ему открыть дверь; дай ему хлѣба.

Стукъ въ дверь.

Дочь. Нѣтъ!—Я боюсь тѣхъ, кто приходитъ ночью, матушка; быть можетъ, это воръ.

Мать. Дочка, нужно открыть, слышишь ты, нужно открыть! Кто тамъ? улыбаясь. Ахъ! мать хорошо знаетъ, кто это, дочка. Она знаетъ этотъ звукъ.

Стукъ въ дверь.

Дочь встревоженная. Ты знаешь, кто это?

Мать. А какъ же? Кому же это быть, какъ не нашему доброму Господину. Онъ охотится ночью. И вотъ онъ захотѣлъ ѣсть и пить, онъ усталъ. Открой ему, дочка, открой ему поскорѣй. Я слышу топотъ его черныхъ коней!

Лошадиный топотъ въ отдаленіи.

Дочь. Что это за шумъ, вы не одни?

Голосъ. Разумѣется, я одинъ! и нѣтъ никакого шума... Ахъ, да... можетъ быть, правда, тамъ внизу... Это отъ тѣхъ, кто идетъ за мной... Но откройте же.

Стукъ въ дверь.

Дочь. Уходите!

Голосъ. Такъ вы не хотите открыть?

Дочь. Я никогда не открою.

Голосъ. Ну, хорошо, я подожду.

Мать. Всѣ говорятъ, дочка: завтра, завтра; да, но еще, еще кто тамъ? Онъ хочетъ ждать? То, чего не знаетъ одинъ, то знаетъ другой, чего не видитъ одинъ, то видитъ другой, и это великій грѣхъ и неразумiе... Дочка, такъ онъ ушелъ, что я не слышу его больше?

Дочь смотря на дверь. Да, мать... да... да... онъ ушелъ.

Мать. А! Да хранитъ его Господь и Святая Дѣва!.. Что за погода тамъ, снаружи... Поди сюда, дочка, помолимся за него, за этого бѣдняка среди ночи, прочтемъ Отче Нашъ и тройную молитву. Поверни немножко крестъ ко мнѣ, вотъ такъ... такъ.

Слышно, какъ двѣ женщины шепчутъ молитвы, слышенъ шелестъ четокъ въ рукахъ старухи. Дождь хлещетъ въ окна.

Медленно бьетъ десять часовъ.

Слышно, какъ лаетъ собака. Дочь задуваетъ свѣчи. На сценѣ темнота.

Звукъ рога вдалекѣ. Барабанная дробь. Органъ. Многократные удары. Свѣчи опять зажжены, и видно, какъ молодая дѣвушка стоитъ у кровати, неподвижная, въ позѣ ожиданія, съ лицомъ, обращеннымъ къ двери.

Стукъ въ дверь.

Дочь стремительно бросаясь къ двери. Ахъ замолчите же, замолчите! Мать спитъ теперь.

Стукъ въ дверь.

Голосъ снаружи. Это мнѣ все равно!

Дочь. Вы сказали, что вы подождете.

Голосъ со взрывами смѣха. Я? Я только что пришелъ!

Дочь. Что? А развѣ это не вы только что были здѣсь?

Голосъ. Конечно, не я.

Мать. Дочка, я слышу шумъ.

Дочь по направленію къ двери. Это неправда.

Голосъ. Вотъ еще что!

Мать. Дочка, я слышу, что-то шевелится.

Дочь. Кто же вы?

Голосъ. Но...

Мать. Да, тамъ есть что-то, да!..

Дочь. Я никого не жду.

Мать прислушиваясь. Да, да, что-то тамъ трется, тамъ вотъ, тамъ, подъ дверью; конечно, что-то тамъ ползетъ. Что это тамъ, дочка?

Дочь. Это ночная птица, матушка. Кто же вы?

Голосъ. Но... я человѣкъ съ бѣльемъ.

Дочь. Человѣкъ съ бѣльемъ?

Голосъ. Да.

Мать. Но, нѣтъ, дочка, но, нѣтъ, я слышу, кто-то говоритъ. Кто это тамъ, это не твой голосъ, не твой; но нѣтъ, тамъ кто-то есть! Кто тамъ, дочка?

Дочь. Матушка, я же говорю тебѣ, что тамъ ничего нѣтъ.

Мать. Да, да, тамъ кто-то есть.

Стукъ въ дверь.

Ты слышишь? Стучатъ въ дверь. Кто тамъ? Спроси, кто тамъ.

Дочь. Матушка, это человѣкъ, который заблудился и спрашиваетъ, какъ ему пройти.

Мать. Ахъ, сохрани его Господь! въ такую ночь, ахъ Боже мой! Открой ему поскорѣй, дочка, этому бѣдняку, пусть онъ отдохнетъ и поѣстъ немножко. Ахъ, Боже мой! Послушай.

Стукъ въ дверь.

Ахъ! нужно ему открыть! Это, дочка, долгъ милосердія. Пойди.

Дочь. Матушка, я боюсь, это ужъ второй разъ, мало ли кто можетъ прійти.

Мать. Не бойся, дочка, это доброе дѣло, и слѣдуетъ дѣлать добрыя дѣла.

Стукъ въ дверь.

Дочь по направленію къ двери. Нѣтъ!

Мать. Ты не слышишь лошадей?

Дочь. Что это за шумъ?

Голосъ. Нѣтъ никакого шума... Ахъ! тамъ внизу... Я не знаю, нѣтъ, это отъ тѣхъ, что тамъ идутъ.

Мать. Но, дочка, послушай, что-то трется тамъ, подъ дверью.

Дочь быстро. Это дождь бьетъ въ дверь, матушка.

Стукъ въ дверь.

Нѣтъ!

Мать. Но, нѣтъ, твоя мать не глуха, она слышитъ, какъ трава растетъ. Это шумъ отъ чего-то, что волочится, ахъ, да, теперь я знаю, да! Это прекрасная Госпожа наша изъ замка, что тамъ, прекрасная Госпожа на лошади; она пришла! Вѣдь она обѣщала? Да, да, конечно, дочка, это она, я очень хорошо слышу, это она, открой ей поскорѣй!

Стукъ въ дверь.

Дочь по направленію къ двери. Нѣтъ! Приблизившись къ своей матери и взявъ ее за руки. Ахъ, матушка, я боюсь тѣхъ, кто приходитъ ночью.

Мать послѣ нѣкотораго молчанія и смотря ей въ глаза. Почему, дочка? Христосъ съ нами.

Дочь. Ахъ! матушка, что съ тобою, ты такъ дрожишь?

Мать. Это я отъ радости, дочка, что Она тамъ.

Стукъ въ дверь.

Дочь. Я не открою!

Голосъ. А! Чортъ побери!

Мать. Это приходитъ къ намъ желанная гостья.

Дочь. Не дрожи такъ, матушка.

Мать прерывающимся голосомъ. Но это плохо, это, охъ, охъ! охъ! это плохо... это, не къ добру, охъ, охъ!.. я говорила тебѣ, что нужно... открыть! охъ! что нужно от...крыть! открыть!

Стукъ въ дверь.

Голосъ. Такъ значитъ, вы, не хотите открыть?

Дочь. Нѣтъ! уходите.—О! что съ тобой, матушка, у тебя руки совсѣмъ холодныя?

Голосъ. Ну, хорошо, я подожду!

Дочь. Я никогда не открою.

Голосъ. Ну, это мы еще посмотримъ.

Дочь. О! матушка, ты...

Мать задыхаясь и кашляя. Дочка, я видѣла прекрасный сонъ, охъ! подними немножко подушку... да! прекрасный сонъ! Я была въ раю... кашляя и въ саду... кашель всѣ ангелы дѣлая двумя руками жестъ, какъ будто она собирается танцовать... танцовали! напѣвая я со Святой Дѣвой... все время изображая жестами, прежде чѣмъ сказать я танцовала... посреди; кашель праздникъ, прекрасный праздникъ, охъ! охъ! охъ! Она дѣлаетъ страшныя усилія, чтобы подняться.

Дочь удерживая ее и стирая потъ съ ея лица. Мать! о, матушка!

Мать. Среди райскихъ цвѣтовъ... кашель послѣ нѣкотораго молчанія и переходя на другое. Развѣ она удалилась, что я ея не слышу больше?

Дочь глядя на дверь. Да, мать, да... да... Онъ ушелъ.

Мать. Да хранитъ ее Господь своимъ святымъ воинствомъ.

Дочь. Да, матушка, я помолюсь за него.

Мать позволяя себя уложить, медленно. Да... нужно молиться за Нее... нужно молиться за Нее глубокій вздохъ молиться Святой Дѣвѣ Маріи въ ея обители. Кашель. Прочтемъ Отче Нашъ и тройную молитву. Подвинь немного Распятіе, я что-то его плохо вижу. Да, вотъ такъ, да.

Слышно, какъ онѣ шепчутъ молитвы. Еще слышенъ шелестъ четокъ и кашель. Шумитъ дождь, бьющій въ стекла.

Медленно бьетъ одиннадцать часовъ.

Слышно, какъ лаетъ собака. Дочь задуваетъ свѣчи. На сценѣ темнота.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Барабанная дробь. Звукъ рога вдалекѣ. Мотивъ въ органѣ. Усиленный стукъ въ дверь. Въ полной темнотѣ.

Дочь. Ахъ! Боже мой! ахъ, Боже мой! Замолчите же вы! Какой ужасъ, моя мать умретъ отъ страха!

Стукъ въ дверь.

Голосъ снаружи. Вотъ и я!

Дочь. Но умоляю васъ, замолчите, умоляю васъ, о, Боже мой!

Голосъ. Ну, чего тамъ! Вотъ и я здѣсь!

Стукъ въ дверь.

Дочь. Но чего же вамъ нужно?

Голосъ. Чего? войти!

Стукъ въ дверь.

Дочь. Вѣдь вы мнѣ обѣщали подождать до утра!

Голосъ раздражаясь смѣхомъ. Ахъ, скажите, пожалуйста! Я только что пришелъ! Не правда ли, эй, вы?

Мать. Дочка, зажги свѣчу.

Свѣтъ.

Дочь. Это неправда!

Голосъ. Ахъ! чортъ побери! Что вы, смѣетесь, что-ль, здѣсь надо мной?

Мать. Дочка, зажги и другую свѣчу, вѣдь Она тамъ пришла.

Свѣтъ усиливается.

Голосъ. Что же вы не впустите меня къ себѣ?

Дочь. Мнѣ васъ не нужно.

Голосъ. Хорошо, хорошо; каждому свой чередъ! Я тутъ вовсе и не для васъ пришелъ, вотъ оно что!

Мать осматривая печально комнату. Мой домъ недостоинъ принять ее.

Голосъ. А! вотъ какъ! Отворите вы мнѣ, наконецъ, или я вышибу дверь?

Мать. Но, дочка... подними занавѣску... и впусти солнышко... такъ все-таки будетъ немного получше здѣсь. Раскрывая руки радостнымъ жестомъ. Пусть все будетъ, какъ въ праздникъ, вѣдь Она сейчасъ войдетъ.

Дочь. Хорошо, матушка. Она поднимаетъ штору. Освѣщенное окно, тѣнь похоронныхъ дрогъ на стѣнѣ.

Мать. Что это за тѣнь?

Дочь. Ахъ!..

Она быстро опускаетъ занавѣску.

Мать. Дочка, возьми святой воды.

Дочь беря кропильницу и кропило и обращаясь къ двери. Нѣтъ! Кто же вы?

Голосъ. Но, чортъ побери! Человѣкъ... съ этой вещью..

Дочь кропя направо, налѣво, передъ собою и на дверь. При каждомъ ея шагѣ глухой стукъ въ дверь; мать крестится. Послѣ нѣкоторого молчанія. Съ какой вещью?

Голосъ. Я человѣкъ съ гробомъ, да!

Дочь испуская крикъ. Ахъ! человѣкъ...

Голосъ. Да, да, быть можетъ, меня не ждали?

Мать задыхающимся голосомъ. Открой ей дверь, дочка. Она можетъ войти.

Дочь. Матушка, это не госпожа... это... кто-то... спасается отъ преслѣдованія и ищетъ убѣжища.

Мать хриплымъ голосомъ. Открой Ей, поскорѣе, дочка, охъ! охъ! открой... Ей поскорѣе, поскорѣе, охъ! охъ! Она—желанная гостья. Охъ, воды, дай мнѣ воды!

Голосъ. Чортъ возьми, какая это тяжесть!

Стукъ въ дверь.

Мать. Ахъ, я задыхаюсь, дочка... гдѣ Распятіе?.. я его уже не вижу больше, да, да, нужно Ей отворить дверь.

Голосъ. Такъ онъ весь намокнетъ.

Стукъ въ дверь.

Мать. Поди, накрой на столъ... постели самую хорошую скатерть. Ударяя себя въ грудь. Вотъ здѣсь, вотъ какъ разъ здѣсь! Хриплымъ голосомъ. О-о... поди, поди, нарви цвѣточковъ, да... Она тамъ... открой же Ей.

Неистовые удары въ дверь.

Голосъ. Приходится выломать дверь!

Мать. Да, тамъ, я Ее вижу, я Ее узнаю, о, прекрасная Госпожа наша.

Новые удары въ дверь.

Голосъ. Ну, чего же вы тамъ, эй, вы?

Голоса на улицѣ.

Мать хриплымъ голосомъ. Прекрасная Госпожа наша... у меня передъ глазами, видишь ты теперь двери... ихъ уже нѣтъ. Открой.

Удары въ дверь. Слышно, какъ дверь трещитъ.

Да, у ней что-то тамъ есть, что-то тамъ на плечѣ.

Она крестится.

Дочь. Охъ, матушка!

Голосъ. Коль это нужно, такъ вотъ вамъ!

Удары въ дверь и трескъ.

Дочь. Уходите, уходите же, кто бы вы тамъ ни были! Уходите, говорю вамъ, я не открою двери, говорю я вамъ, никогда, никогда, никогда! Вы при-

шли, что ль, убить мою мать, да? Трескъ. Вы, что ль, принесли намъ съ собою смерть, да? Ахъ, Боже мой! Но что же я вамъ такого слѣлала? Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой!

Удары и трескъ. Она падаетъ на колѣни передъ дверью, рыдая.

Мать дѣлая невѣроятныя усилія, чтобы подняться. Войдите, прекрасная Госпожа наша, день насталъ, и я готова.

Дочь на колѣняхъ и съ поднятыми руками. О! о! я боюсь, перестаньте, молю васъ! мы—бѣдныя женщины. У насъ ничего нѣтъ. Моя мать больна. Вѣдь не за нами вы пришли, не правда ли? Вы—не злодѣи. Я вамъ открою дверь, но скажите, вѣдь у васъ есть состраданіе, не правда ли? Вы не хотите смерти моей бѣдной матери?.. Удары и трескъ усиливаются. Горячій споръ снаружи. Старуха начинаетъ хрипѣть ужаснымъ образомъ. Молодая дѣвушка бросается на колѣни передъ кроватью своей матери. Ахъ, матушка, успокойся же, что съ тобой, не хрипи такъ, я умираю отъ страха, я у ногъ твоихъ, рядомъ съ тобой! матушка, посмотри, посмотри на меня, это я, твой ангелочекъ! почему ты мнѣ больше ужъ не отвѣчаешь?

Мать. Кто ты, ангелочекъ?

Голосъ. Пора! Пора!

Страшные удары и трескъ.

Дочь продолжая стоять на колѣняхъ, у кровати. Но вы не войдете, ни вы, ни другіе!

Голосъ. Посмотримъ!

Усиленные удары. Кусочекъ дерева отскакиваетъ отъ внутренней стороны двери и падаетъ въ комнату. Въ продолженіе всего слѣдующаго снаружи происходитъ споръ.

Дочь. О, матушка, какъ ты дрожишь, руки у тебя, какъ ледъ, не бойся, посмотри, тебя охраняетъ твой дорогой ангелочекъ, не бойся, они не сдѣлаютъ тебѣ ничего дурного, развѣ ты меня уже не узнаешь? О, не смотри на меня такъ, твоимъ

неподвижнымъ взоромъ, матушка, я боюсь теперь тебя!

Слышно ржаніе лошадей.

Мать улыбаясь и прижимая дочь къ своей груди въ то время какъ правой рукой она показываетъ на дверь Это карета!

Грохотъ тяжелой кареты, которая останавливается у двери. Свѣтъ мелькаетъ мимо дверной щели. Шумный споръ. Слышны отрывки фразъ, вперемежку съ ругательствами:

„Что такое? Что такое? Не хотятъ отворить?"

„Дверь закрыта. О, та-та-та!.. Гдѣ же онъ? Нужно вышибить дверь!"

„Совсѣмъ мокрый! Это трупъ! Это трупъ!

Новый натискъ на дверь съ усиленными ударами.

Мать которая слушала все это съ открытымъ отъ удивленія ртомъ. Святая Дѣва Марія!

Дочь. Матушка, это я тебя обнимаю, посмотри и благослови меня! Матушка, ты въ моихъ объятіяхъ, о, посмотри на меня, посмотри же!

Неистовый шумъ снаружи. Дверь подъ напоромъ подается. Дочь бросается на дверь и отталкиваетъ ее назадъ своими руками. Борьба. Ужасная суматоха.

Медленно бьетъ полночь.

Всѣ голоса снаружи, съ облегченіемъ. Ахъ!..

При послѣднемъ ударѣ полночи старуха испускаетъ страшный хриплый крикъ, и молодая дѣвушка бросается отъ двери, въ отчаяніи, къ кровати съ распростертыми руками, въ то время какъ дверь, уступая напору, падаетъ за ней вслѣдъ съ грохотомъ и гаситъ обѣ свѣчи сильнымъ холоднымъ дуновеніемъ.

ЗАНАВѢСЪ.

ПЕРЕВ. С. А. ПОЛЯКОВЪ.

Молитва.

О жизни, догорѣвшей въ хорѣ
На темномъ клиросѣ Твоемъ.
О Дѣвѣ съ тайной въ свѣтломъ взорѣ
Надъ осіяннымъ алтаремъ.

О томныхъ дѣвушкахъ у двери,
Гдѣ вѣчный сумракъ и хвала.
О дальней Мэри, свѣтлой Мэри,
Въ чьихъ взорахъ—свѣтъ, въ чьихъ косахъ—мгла.

Ты дремлешь, Боже, на иконѣ
Въ дыму кадильницъ голубыхъ.
Я предъ тобою, на амвонѣ,
Я—сумракъ улицъ городскихъ.

Со мной весна въ твой храмъ вступила,
Она со мной обручена.
Я—голубой, какъ дымъ кадила,
Она—туманная весна.

И мы подъ сводомъ вѣемъ, вѣемъ,
Мы стелемся надъ алтаремъ.
Мы надъ народомъ чары дѣемъ.
И Мэри свѣтлую поемъ.

И дѣвушки у темной двери,
На всѣхъ ступеняхъ алтаря—
Какъ засвѣтлѣвшая отъ Мэри
Передзакатная заря.

И чей-то душный тонкій волосъ
Скользитъ и вѣетъ вкругъ лица,
И на амвонѣ женскій голосъ
Поетъ о Мэри безъ конца.

О розахъ надъ ея иконой,
Гдѣ вѣчный сумракъ и хвала.
О Дѣвѣ дальней, благосклонной,
Въ чьихъ взорахъ—свѣтъ, въ чьихъ косахъ—мгла.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

ЖОРЖЪ РОДЕНБАХЪ.

Болѣзнь.

ИЗЪ Ж. РОДЕНБАХА.

Болѣзнь намъ тихое даетъ уединенье,
И я ее сравню съ усталымъ челнокомъ,
Который спитъ въ водѣ, безъ вѣтра, безъ движенья,
Привязанъ къ берегу веревкою съ кольцомъ.

Все лѣто онъ скользилъ по возмущенной влагѣ,
Подъ пѣсни шумныя лазурный сводъ дробя.
Потѣшные огни да праздничные флаги
Вотъ все, что каждый день онъ видѣлъ вкругъ себя.

Насталъ октябрь; теперь челнокъ съ молчаньемъ
друженъ,
Теперь вокругъ него синѣетъ небосклонъ.
Свободенъ сталъ челнокъ: онъ никому не нуженъ!
И, всей землѣ чужой, онъ небомъ окруженъ!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

* * *

ИЗЪ Ж. РОДЕНБАХА.

Сегодня я страдалъ въ испуганныхъ мечтахъ,
Слѣдя, какъ испускалъ букетъ свой вздохъ послѣдній.
Вдали былъ отъ меня онъ въ комнатѣ сосѣдней,
Куда его я снесъ, невольный чуя страхъ.
Казалось, что вода заботливою лаской
Продлитъ въ букетѣ жизнь еще на цѣлый день.
Увы! глоксиніи съ серебряной окраской
Кончались въ сумеркахъ, поблекшія какъ тѣнь,
И погасалъ вѣнецъ букета бѣлоснѣжный!
И ты, мой духъ, смотрѣлъ съ тоскою безнадежной,
Какъ вянетъ жизнь твоя, теряя всѣ мечты,
И осыпается, какъ нѣжные цвѣты.
Надъ гибелью цвѣтовъ я въ грусти безконечной
И въ размышленіи провелъ остатокъ дня:
Въ ихъ жалкой участи и въ тайнѣ ихъ сердечной
Мой собственный удѣлъ являлся для меня.
О ваза грустная! она—альковъ стеклянный;
Сквозь окна вѣтерокъ давалъ прохладу ей,
Но въ спазмахъ сладостныхъ кончался тѣмъ скорѣй
Чахоточный букетъ, почти ужъ бездыханный,
А бѣдные цвѣты роняли свой уборъ,
Какъ будто кашляя, на сумрачный коверъ.
О сладость! умереть, какъ будто засыпая,—
—Цвѣты вѣдь не грустятъ передъ своимъ концомъ,—
Исчезнуть, въ сумеркахъ спокойныхъ утопая,
Едва окрашенныхъ желтѣющимъ лучомъ!

С. ГОЛОВАЧЕВСКІЙ.

Лебеди.

ИЗЪ Ж. РОДЕНБАХА.

Лебедей прекрасныхъ гордая семья
Вѣчно ищетъ кубокъ Ѳульскаго царя...

По водѣ неподвижной канала
Они плаваютъ, грусти полны...
Нѣтъ, найти они кубокъ должны,—
Даръ любви, что измѣны не знала!..
И мечта ихъ—спустившись до дна,
Видѣть чашу, что скрыла волна!..

Лебедей прекрасныхъ гордая семья
Вѣчно ищетъ кубокъ Ѳульскаго царя!..

Нѣтъ, не въ волны бурливаго моря
Бросилъ царь, вспоминая любовь,
Чашу слезъ, неутѣшнаго горя!..
Вотъ столпились всѣ лебеди вновь...
Неужели мечта ихъ свершится?
Иль вода здѣсь отъ слезъ солона
И въ ней горечи много таится,—
Точно моря подъ ней глубина?

Лебедей прекрасныхъ гордая семья
Вѣчно ищетъ кубокъ Ѳульскаго царя!..

ЮРІЙ ВЕСЕЛОВСКІЙ.

Похоронный звонъ.

ИЗЪ ИВ. ЖИЛЬКЭНА.

О звонъ тяжелый, монотонный,
Звонъ отдаленный,
Похоронный!

И тихій звонъ по днямъ унылымъ,
По днямъ проклятымъ,
Днямъ постылымъ,

О звонъ желѣзный, звонъ печальный,
Тревожный, слезный,
Погребальный!..

О звонъ, несущій въ часъ молитвы
Раскаты битвы,
Стоны битвы!!.

Печальный звонъ, греми, гуди же
И внятнѣе и ближе,
Ближе!

Пусть звонъ вѣщаетъ погребальный,
Что близокъ, близокъ мракъ печальный,
Мракъ печальный!

Пусть внемлетъ воздухъ потрясенный,
Звонъ похоронный,
Монотонный!

Греми жъ надъ нами суднымъ громомъ,
Какъ надъ Содомомъ,
Надъ Содомомъ!

Пусть рухнетъ городъ нашъ проклятый,
Огнемъ объятый,
Весь объятый!

Греми карающимъ набатомъ
Надъ каждымъ ложемъ, надъ развратомъ,
Надъ развратомъ!

Надъ каждымъ мерзостнымъ притономъ
Раздайся стономъ,
Перезвономъ!

Надъ башней, молніей спаленной
Испепеленной,
Опаленной!

. . . . . .

Да не сквернятъ Дары святые,
Во храмѣ духи проклятые
Въ часъ литургіи!..

И надъ убійствомъ и надъ тьмою
Греми проклятьемъ и чумою,
И чумою!

Рази невѣрныхъ, словно молотъ,
Зови къ нимъ голодъ,
Смерть и голодъ!

Надъ страшной бездной, злобной бездной,
Греми, какъ кличъ войны желѣзной,
Кличъ желѣзный!

Но нѣтъ отвѣта на упреки,
О звонъ далекій,
Одинокій!

Не такъ ли я зову всечасно,
Звоню всечасно
И напрасно!..

ЭЛЛИСЪ.

Ужасъ.

ИЗЪ Э. ВЕРХАРНА.

Въ равнинахъ ужаса, на сѣверъ обращенныхъ,
Сѣдой пастухъ дождливыхъ ноябрей
Трубитъ несчастіе у сломанныхъ дверей
Свой кличъ къ стадамъ давно похороненныхъ.
Кошара изъ камней тоски моей былой
Въ поляхъ моей страны унылой и проклятой,
Гдѣ вьется ручеекъ, поросшій блѣдной мятой,
Усталой, скучною, беззвучною струей.
И овцы черныя съ пурпурными крестами
Идутъ послушныя и огненный баранъ
Какъ старые грѣхи послушными рядами.
Сѣдой пастухъ скликаетъ ураганъ...
Какія молніи сплететъ намъ нынче пряха?
Мнѣ жизнь глядитъ въ глаза и пятится отъ страха.

МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ.

***

ИЗЪ Ж. РОДЕНБАХА.

Едва угаснетъ день, непримиримый врагъ,
Къ намъ страхи смутные несетъ вечерній мракъ;
Повитый трауромъ, луною озаренный,
Какъ кошка, будетъ онъ терзать и мучить насъ,
Онъ топитъ, какъ каналъ, нашъ разумъ покоренный;
И радость рѣзвая въ вечерній, страшный часъ,
Какъ нѣжныхъ розъ букетъ, въ безсильи увядаетъ.
Лишь мракъ свой черный ядъ повсюду разольетъ,
Съ тѣнями ночи онъ сливается,—и вотъ
Къ намъ на́ сердце покровъ зловѣщій упадаетъ;
Веселый блескъ зеркалъ печальный крепъ покрылъ,
И оскорбленный свѣтъ къ окошку отступаетъ,
Гдѣ кружева гардинъ—какъ саваны могилъ...
Смертельно-сладкій ядъ вечерній мракъ разлилъ,
Неизъяснимое растетъ въ душѣ волненье,
Полетъ свободныхъ душъ коснется на мгновенье
Трепещущихъ сердецъ. Владыка, мощный Страхъ
Рой призраковъ родитъ на пологахъ постели;
Вкругъ запахъ чувственный въ подушкахъ, простыняхъ,
И ранки лампъ во мглѣ вечерней покраснѣли;
Струится кровь тѣней, онѣ дрожатъ, толпой
Отъ свѣта робкихъ лампъ поспѣшно ускользая...
—Вотъ крылья опалилъ пугливыхъ мошекъ рой,
И кажется, что имъ отмщаетъ мракъ ночной
За то, что ихъ мечта манила, обѣщая
Въ томъ свѣтѣ воскресить лучъ солнца золотой!

ЭЛЛИСЪ.

МОРИСЪ МЕТЕРЛИНКЪ.

Душа ночи.

ИЗЪ М. МЕТЕРЛИНКА.

Ночь тихо близится къ концу.
Душа устала отъ печали,
Мечты отъ тщетныхъ думъ устали.
Ночь тихо близится къ концу...

Приди и прикоснись къ лицу!
Тѣхъ пальцевъ ждетъ мое лицо,
Тѣ пальцы—словно ангелъ снѣжный...
Приди и принеси кольцо;

Коснись меня; прохладой нѣжной
Повѣй въ горящее лицо.
Чтобъ я не умеръ, не угасъ
При солнцѣ, въ первый яркій часъ,
Коснись меня рукой цѣлебной,
И окропи росой волшебной
Орбиты воспаленныхъ глазъ..

Я вижу: лебеди скользятъ,
Плывутъ въ волнахъ за рядомъ рядъ
И тянутъ шеи, изнывая;
Больные бродятъ вдоль оградъ,
Послѣдніе цвѣты срывая.

Приди ко мнѣ въ послѣдній часъ,
Твоя рука—какъ ангелъ снѣжный!
Коснись моихъ усталыхъ глазъ,
Травы изсохшей мертвыхъ глазъ...

Какъ овцы дремлютъ безмятежно!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Изъ „Пятнадцати пѣсенъ"

М. МЕТЕРЛИНКА.

II.

А если онъ возвратится,
Что должна ему я сказать?
— Скажи, что я и до смерти
Его продолжала ждать.

А если онъ спроситъ, гдѣ ты?
О, что я скажу въ отвѣтъ!
— Отдай ему этотъ перстень,
Ничего не сказавъ въ отвѣтъ.

А если онъ удивится,
Почему такъ темно теперь?
— Укажи погасшую лампу,
Укажи открытую дверь.

А если онъ спрашивать будетъ
О томъ, какъ свѣтъ угасалъ?
— Скажи, что я улыбалась,—
Чтобъ только онъ не рыдалъ!

А если онъ и не спроситъ,
Должна ли я говорить?
— Взгляни на него съ улыбкой,
И позволь ему позабыть.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

* * *

VI.

Дѣвы, повязки неся на глазахъ,
(Прочь удалите златыя повязки!)
Дѣвы, повязки неся на глазахъ,
Ищутъ судьбу на далекихъ путяхъ.

Въ часъ полудневный открыли онѣ
(О, сохраните златыя повязки!)
Въ часъ полудневный открыли онѣ
Входъ во дворецъ на лугу, въ вышинѣ.

Жизни онѣ прошептали привѣтъ
(Крѣпче стяните златыя повязки!)
Жизни онѣ прошептали привѣтъ
И не вернулись: имъ выхода нѣтъ.

Л. В.

* * *

VI.

Кто-то мнѣ сказалъ,
(О, дитя, мнѣ страшно!)
Кто-то мнѣ сказалъ:
Часъ его насталъ.
Лампу я зажгла,
(О, дитя, мнѣ страшно!)
Лампу я зажгла,
Близко подошла.

Въ первыхъ же дверяхъ,
(О, дитя, мнѣ страшно!)
Въ первыхъ же дверяхъ
Пламень задрожалъ.
У вторыхъ дверей,
(О, дитя, мнѣ страшно!)
У вторыхъ дверей
Пламень зашепталъ.
У дверей послѣднихъ,
(О, дитя, мнѣ страшно!)
Вспыхнувъ только разъ,
Огонекъ угасъ.

О. Н. ЧЮМИНА.

* * *

VIII.

Были у ней золотыя короны,
Кому ихъ, всѣ три, подарила она?

Она подарила первую матери:
Золотыя тенета купила она
И ее держала въ оковахъ все лѣто.

Она подарила вторую возлюбленнымъ:
Серебряной вязи купили они
И ее держали въ оковахъ всю осень.

Она подарила послѣднюю дочери:
Желѣзныя цѣпи купила она
И ее держала въ оковахъ всю зиму.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

* * *

XI.

О, мать, кто крадется ко мнѣ?
Они пришли предупредить...
—О, дочь моя, дай руку мнѣ.
Корабль готовится отплыть.

О, мать моя, намъ нужно ждать...
Опасность очень велика?
—Не бойся, дочь моя, пока...
Корабль собрался уѣзжать.

О, мать моя, Она стоитъ.
Она берется за окно;
—Не бойся, дочь моя, все спитъ;
Корабль плыветъ уже давно.

О, мать, я слышу голоса...
И чей-то шопотъ слышу я.
—Они въ пути, о дочь моя;
Корабль ужъ поднялъ паруса.

На звѣздахъ, мать, Ея покровъ;
Она стучитъ ко мнѣ въ окно...
—О, дочь, то тѣнь отъ парусовъ,
Само открылося окно.

О, мать моя, ужъ свѣтъ погасъ,
Ея дыханье здѣсь сейчасъ...
—Корабль уплылъ уже въ моря,
О комъ твердишь ты, дочь моя?

ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ.

ПѢСНЯ МАДОННЫ.

XV.

Всякой плачущей душѣ,
Бѣдной грѣшницѣ мгновенья,
Простираю въ лонѣ звѣздъ
Руки съ благостью прощенья.

Грѣхъ не можетъ больше жить,
Гдѣ любовь, грустя, вздохнула.
Духъ не можетъ умереть,
Гдѣ любовь слезой блеснула.

Если жъ тѣмъ, кто полюбилъ,
Суждено съ дороги сбиться,
Слезы ихъ текутъ ко мнѣ
И не могутъ заблудиться.

Л. ВИЛЬКИНА.

О неужели въ мірѣ нѣтъ...

ИЗЪ Ф. ВІЕЛЕ-ГРИФФИНА.

О неужели въ мірѣ нѣтъ
Чего-то истинно святого:
—Улыбки, пѣсни давнихъ лѣтъ,
Луча надъ моремъ золотого,

Чего-то дорогого намъ:
—Слезы иль книги незабвенной,
Чела, желаннаго губамъ,
Иль крика гордости мгновенной,

Чего-то высшаго:—стиха
Иль шопота въ тиши вечерней,
Пусть—подвига, иль пусть—грѣха,
Короны иль вѣнца изъ терній,

Что для души могло бы быть
Ея душой, ея святыней,
Сіяло намъ въ земной пустынѣ,
И стоило того, чтобъ жить!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

ПЬЕРЪ ЛУИСЪ.

Изъ „Пѣсенъ Билитисъ".

ПЬЕРА ЛУИСА.

НОЧНЫЯ РОЗЫ.

Когда на небѣ воцаряется ночь, міръ принадлежитъ намъ и богамъ. Мы идемъ отъ полей къ источникамъ, черезъ темную чащу на лѣсныя прогалины, куда ни забредутъ наши обнаженныя ноги.

Звѣздочки даютъ вполнѣ достаточно свѣта такимъ, какъ мы, маленькимъ тѣнямъ. Иной разъ подъ склоненными книзу вѣтвями находимъ мы спящую лань.

Но всего лучше ночью—мѣсто извѣстнос намъ лишь однимъ, оно влечетъ насъ къ себѣ черезъ лѣсъ. Это кустъ таинственныхъ розъ.

Ибо нѣтъ ничего на землѣ, что было бъ пріятнѣй ночного дыханья божественныхъ розъ... Почему же однако, когда я была одинока, мнѣ не случалось быть опьяненной ихъ ароматомъ?

ПЕРЕВ. АЛ. КОНДРАТЬЕВЪ.

Мой первый подарилъ мнѣ ожерелье, ожерелье изъ жемчужинъ, равныхъ по цѣнѣ цѣлому городу, съ дворцами, храмами, сокровищами и рабами.

Второй слагалъ мнѣ стихи. Онъ говорилъ, что волоса у меня черны, какъ ночь, а глаза мои лазурны, какъ утро.

Третій былъ такъ прекрасенъ, что собственная мать краснѣла, даря ему поцѣлуи. Руками своими онъ обнималъ мнѣ колѣни и прижималъ уста къ моимъ обнаженнымъ стопамъ.

А ты... ты ничего не говорилъ мнѣ, ничего не дарилъ, ибо ты бѣденъ. Ты даже не красивъ, но ты тотъ, кого я люблю!

ПЕРЕВ. АЛ. КОНДРАТЬЕВЪ.

Цирцея.

ИЗЪ Ш. ЛИКОНТ'А.

Годъ миновалъ. Мы пьемъ среди твоихъ владѣній,
Цирцея!—долгій плѣнъ.
Мы слушаемъ полетъ размѣрныхъ повтореній,
Не зная перемѣнъ.

И погрузясь, какъ мы, въ забвеніе о смѣнѣ
И мѣсяцевъ и лѣтъ,
Неувядающій—краса твоихъ владѣній—
Благоухаетъ цвѣтъ.

И вѣнчики цвѣтовъ, таясь, полураскрыли
Истомныя уста,
И вѣчной свѣжестью и дикихъ розъ и лилій
Сіяетъ чистота.

Пусть чаша ихъ страшна для насъ, неутолимыхъ,
Пусть въ этой чашѣ ядъ!
Пусть, медленно прильнувъ, уста цвѣтовъ любимыхъ
Насъ гибелью поятъ.

Подъ формой странною скрывая образъ плѣнный,
Отъ чаръ, какъ мы, вкусивъ,
Межъ нами кружатся, глядятъ на насъ смиренно
Стада косматыхъ дивъ.

Безцѣльна красота сплетеній въ гривахъ строгихъ
Ихъ всклоченныхъ головъ,
И все еще въ тѣни ихъ душныя берлоги,
Гдѣ, грѣясь, пахнетъ кровь.

Здѣсь львы укрощены—надъ ними благовонный
Волосъ простерся шелкъ.
И тигръ у ногъ твоихъ—послушный и влюбленный,
И леопардъ, и волкъ.

Для зоркихъ рысьихъ глазъ и для пантеры пестрой
Здѣсь сонъ и забытье.
Надъ ними въ сладкой мглѣ струитъ свой запахъ острый
Любовное питье.

О, ясные сады, гдѣ обаянье дремлетъ,
Гдѣ тигръ ползетъ у ногъ,
Гдѣ, вспыхнувъ на концѣ чешуйчатаго стебля,
Родится злой цвѣтокъ,

Гдѣ на песокъ аллей, прохладный и сыпучій,
Въ вечерній, свѣжій часъ,
Въ лазурной чешуѣ, мясистый и колючій,
Драконъ ползетъ, клубясь.

Но даль морей ясна. Прости, чудесный островъ,
Для сновъ иной страны!
Вонъ острый волнорѣзъ подъемлетъ красный остовъ,
Мы завтра—плыть должны.

Мы склонимъ безъ труда, вслѣдъ киммерійской тѣни,
Тройную мѣдь кормы,
Туда, гдѣ сорвались подземныя ступени,
Зѣвая, въ царство тьмы.

Нашъ кормщикъ у руля; не знаютъ страха груди.
Скользи, корабль, скользи...
Тотъ, кто узналъ тебя, Цирцея! не забудетъ
Къ безмолвію стези.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

Ворота новобрачныхъ.

ИЗЪ А. ДЕ-РЕНЬЕ.

Забрезжила заря въ дали небесъ прозрачной,—
Возьми расписанный свѣтильникъ восковой,
Который озарялъ восторги ночи брачной.
Вчера, когда обрядъ исполнивъ вѣковой,

Мы вмѣстѣ съ шествіемъ порогъ переступили,
То провожатые намъ факелъ засвѣтили
И ими уголь былъ возложенъ на очагъ.
Сулитъ грядущее намъ радость или мракъ—

Оно для насъ одно и то же съ той минуты,
Хотя бы выросли одни кусты цикуты
Тамъ, гдѣ любуемся мы розами теперь.
Пробрался первый лучъ въ растворенную дверь.

Вставай! Горитъ востокъ въ сіяньи блѣдно-аломъ,
Надѣнь дорожный плащъ и перстень твой съ опаломъ,
И съ факеломъ въ рукѣ—мы выйдемъ за порогъ.
А если надъ землей лежитъ покровъ тумана—

Дай руку мнѣ твою, чтобъ поддержать я могъ
Въ пути шаги твои. Вкругъ стараго фонтана
Мы трижды обойдемъ, гдѣ вся обнажена,
Спитъ нимфа юная, въ струи погружена.

Вотъ разливается заря по небосводу,
Свѣтильникъ погрузи, ненужный больше, въ воду.

Пойдемъ на взморье мы иль въ лиственную сѣнь,
За аркою воротъ намъ блещетъ ясный день,

И пусть легко звучитъ подъ аркой изъ гранита
Пѣвучій шагъ людей, которымъ жизнь открыта.

О. Н. ЧЮМИНА.

Ворота жрицъ.

ИЗЪ А. ДЕ-РЕНЬЕ.

О жрицы, до колѣнъ вы поднимите ваши
Одежды легкія, залитыя свѣтло
Заката отблескомъ румянымъ, и чело
Вѣнчайте розами. Съ собой возьмите чаши,
Гдѣ черныхъ бабочекъ и пчелокъ золотыхъ
Изображенья есть. Волну кудрей густыхъ
Предъ зеркаломъ, смѣясь, вы заплетите въ пряди,
Кристалъ разбейте тотъ, изъ чьей зеркальной глади
Вашъ ликъ смѣющійся глядѣлъ лишь мигъ назадъ;
Въ лучистомъ сумракѣ изъ храма по двѣ въ рядъ
Вы выйдите затѣмъ. Пускай зефиръ свободно
Играетъ тканями покрововъ дорогихъ;
Молчаніе храня, и на плечахъ нагихъ
Богини статую неся поочередно,
Пройдите городомъ, гдѣ съ нею ежегодно
Вы совершаете медлительный обходъ.
Напейтесь изъ ручья подъ пальмою высокой,
Когда же двинетесь обратно въ тьмѣ глубокой,
О жрицы, бойтесь вы неровностей дорогъ.
Склоните головы у каменнаго входа,
Дабы вы не могли переступивъ порогъ—
Богини статую разбить объ арку свода.

О. Н. ЧЮМИНА.

Версаль.

ИЗЪ А. САМЭНА.

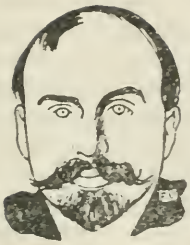
I.

О Версаль, въ часъ заката мечтой прихотливой
Я стремлюсь къ твоимъ пышнымъ, душистымъ садамъ!
Чарамъ лѣта конецъ: по зеленымъ листамъ
Осень бронзу кидаетъ рукой торопливой.
Я хотѣлъ бы унылый и пасмурный день
Провести, наблюдая—какъ сонныя воды
Кроетъ листъ золотой, какъ со смертью природы
Постепенно ложится печальная тѣнь.
Милы мнѣ въ грустный часъ твоего увяданья
Тополей пирамиды, узоръ цвѣтниковъ,
Гдѣ Людовика нынче не слышно шаговъ,
И въ бассейнахъ воды пожелтѣлой журчанье.
Ты отходишь такъ царственно тихо, безъ словъ,
Словно лилія блекнетъ отъ смерти дыханья.

II.

Паркъ покинули граціи. Сумракъ террасъ
Иногда оглашается звукомъ стенанья;
Тѣнь скользитъ... мраченъ трауръ ея одѣянья—
Это геній уже отживающихъ расъ.
О дворецъ! Мощь твоей красоты величавой
Безсознательно въ сердцѣ потомства живетъ.
Ты прекрасенъ, когда лучъ заката зажжетъ
Въ твоихъ окнахъ зеркальныхъ свой отблескъ кровавый.
Славныхъ дней ты свидѣтель, роскошный дворецъ—
Огонекъ не потухшій подъ пепломъ суровымъ!
Чудный вечеръ... Версаль... Ночь пришла, наконецъ...
И сжимается сердце предчувствіемъ новымъ,
Когда въ мракѣ я слышу дней будущихъ стонъ,
Разрушающій стѣны прошедшихъ временъ.

Н. ИЛЬЯШЕНКО.



МАРСЕЛЬ ШВОБЪ.

Септима.

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА.

МАРСЕЛЯ ШВОБА.

Септима была рабыня въ городѣ Гадруметѣ, подъ солнцемъ Африки. И мать ея, Амоена, была рабыней, и мать той была тоже рабыней, и всѣ онѣ были прекрасны и безвѣстны. И подземные боги открыли имъ напитокъ любви и смерти.

Городъ Гадруметъ былъ бѣлый, и камни дома, гдѣ жила Септима, бѣлые съ розоватымъ отливомъ.

Песокъ прибрежья былъ усѣянъ раковинами, приносимыми теплымъ моремъ отъ самой земли Египта, съ того мѣста, гдѣ семь устій Нила изливаютъ илъ семи разныхъ цвѣтовъ. Въ приморскомъ домѣ, гдѣ жила Септима, было слышно, какъ умираютъ серебряные гребни Средиземнаго моря, а у подножія дома вѣеръ блестящихъ лазоревыхъ линій простирался до самаго горизонта.

Руки Септимы были въ ладоняхъ окрашены золотомъ, а концы пальцевъ—нарумянены. Губы ея пахли миррой, и едва трепетали подрисованныя вѣки. Такой ходила она по дорогѣ предмѣстій, нося въ жилище работниковъ мягкіе хлѣбы въ корзинѣ.

Септима полюбила одного юношу, свободнаго, Секстилія, сына Діонисія.

Но не позволено быть любимыми тѣмъ, кто знаетъ подземныя тайны, ибо подвластны онѣ врагу любви, имя которому Антэросъ. И какъ Эросъ правитъ блескомъ глазъ и остритъ наконечники стрѣлъ, такъ Антэросъ отвращаетъ взгляды и утоляетъ боль отъ ранъ. Это—благодѣтельный богъ, живущій среди мертвыхъ. Онъ не жестокъ, какъ тотъ. Онъ владѣетъ непентесомъ, цвѣтомъ лиліи, дающимъ забвеніе. Зная, что любовь есть худшая изъ земныхъ болей, онъ ненавидитъ любовь и лѣчитъ отъ любви. Но онъ безсиленъ изгнать Эроса изъ занятаго имъ сердца. И тогда онъ захватываетъ сердце любимаго. Такъ борется Антэросъ съ Эросомъ. Вотъ отчего Секстилій не могъ полюбить Септимы.

Только Эросъ поднесъ факелъ къ груди посвященной, Антэросъ, разгнѣванный, овладѣлъ тѣмъ, кого она хотѣла любить.

Септима узнала о побѣдѣ Антэроса по опущеннымъ взорамъ Секстилія.

И когда пурпуровая дрожь охватила вечерній воздухъ, она вышла на дорогу, ведущую отъ Гадрумета къ морю. Это—мирная дорога, гдѣ влюбленные пьютъ финиковое вино, опершись на гладкія стѣны гробницъ. Легкій восточный вѣтеръ овѣваетъ ароматомъ кладбище. Молодая луна, еще туманная, здѣсь бродитъ неувѣренно. Много бальзамированныхъ мертвыхъ покоятся въ склепахъ около Гадрумета. Тамъ же спала Фоинисса, сестра Септимы, рабыня, какъ и она, умершая шестнадцати лѣтъ, прежде чѣмъ кто-либо изъ мужчинъ вдохнулъ ея ароматъ.

Гробница Фоиниссы была узка, какъ ея тѣло, камень давилъ ея груди, обвитыя пеленами. У самаго лба ея длинная плита стояла передъ ея невидящимъ взглядомъ. Съ потемнѣвшихъ губъ еще срывалось дыханіе ароматовъ, которыми ее умастили. На вѣщей рукѣ блестѣлъ обручъ зеленаго золота и въ немъ два блѣдныхъ невѣрныхъ рубина. Въ сво-

емъ безплодномъ снѣ она вѣчно грезила о томъ, чего не знала никогда.

Подъ дѣвственной бѣлизною новой луны, вдоль узкой гробницы сестры, Септима припала къ милосердой землѣ, и плакала, и билась головой объ изваянную гирлянду. Она прижалась устами къ отверстію, куда совершали возліянія, и страсть ея достигла предѣла. „О, сестра,—говорила она,—отвратись отъ сна и внимай мнѣ. Маленькая лампада, что озаряетъ первые часы умершихъ, погасла. Изъ твоихъ пальцевъ выскользнулъ сосудъ цвѣтного стекла, который мы тебѣ дали. Нить ожерелья порвалась и золотыя зерна разсыпались вокругъ шеи. Все наше—не для тебя уже, и Тотъ, Кто носитъ ястреба на головѣ, теперь владѣетъ тобою. Выслушай меня, ибо имѣешь ты власть донести мои слова. Иди въ обитель, которую ты знаешь, и умоли Антэроса. Умоли богиню Гаторъ. Умоли того, чье разсѣченное тѣло море несло въ ящикѣ до самаго Библоса. Сестра моя! Сжалься надъ невѣдомой тебѣ болью. Семью звѣздами халдейскихъ маговъ я заклинаю тебя. Во имя подземныхъ владыкъ, призываемыхъ въ Карѳагенѣ—Іао, Абріао, Салбаалъ, Батбаалъ—прими мое заклинаніе. Сдѣлай, чтобы Секстилій, сынъ Діонисія, былъ снѣдаемъ любовью ко мнѣ, Септимѣ, дочери матери нашей Амоены. Пусть онъ сгораетъ ночами. Пусть ищетъ меня возлѣ твоей гробницы, о Фоинисса! Или уведи насъ обоихъ во всемогущее жилище мрака. Моли Антэроса заледенить наше дыханіе, если не хочетъ онъ, чтобы воспламенилъ его Эросъ. Благоухающая усопшая, прими возліяніе моего голоса. Ашраммашалала!“

Тотчасъ дѣва, сбвитая пеленою, съ незакрытыми зубами, всзстала и опустилась подъ землю.

И Септима, оробѣвшая, бѣжала межъ саркофаговъ. До второй стражи она оставалась среди мертвецовъ. Она слѣдила за убѣгающей луной, она отдавала грудь соленымъ жаламъ морского вѣтра. Ее обласкало первое золото дня. Потомъ пошла она обратно въ Гадруметъ, и длинная ея голубая одежда развѣвалась позади.

Между тѣмъ Фоинисса, со своимъ негнущимся тѣломъ, блуждала въ подземныхъ пространствахъ. Но Имѣющій ястреба на головѣ не принялъ ея моленія, и богиня Гаторъ осталась недвижной на своемъ разукрашенномъ ложѣ. И не могла Фоинисса найти Антэроса, ибо не знала желаній. Но въ увядшемъ своемъ сердцѣ она ощутила жалость, какую мертвые питаютъ къ живущимъ.

И вотъ на вторую ночь, въ часъ, когда мертвецы получаютъ свободу для волхвованій, съ ногами, обвитыми пеленою, она шла по улицамъ Гадрумета.

Грудь Секстилія мѣрно вздымалась во снѣ при каждомъ вздохѣ, и лицо его было обращено къ потолку, расчерченному ромбами. И мертвая Фоинисса, въ благовонныхъ пеленахъ, сѣла возлѣ него. У нея не было ни внутренностей ни мозга, но въ груди было вложено ея изсохшее сердце.

Въ тотъ мигъ Эросъ поборолъ Антэроса и овладѣлъ бальзамированнымъ сердцемъ Фоиниссы. Тотчасъ пожелала она тѣла Секстилія, чтобы лежало оно между нею и сестрою Септимою въ жилищѣ мрака. Фоинисса прильнула своими окрашенными губами къ живымъ устамъ Секстилія, и жизнь отлетѣла отъ него, какъ дымъ.

Оттуда пришла она къ рабынѣ Септимѣ и взяла ее за руку. И спящая Септима повиновалась рукѣ сестры. И поцѣлуй Фоиниссы и пожатіе руки Фоиниссы почти въ одинъ часъ принесли смерть Септимѣ и Секстилію. Таковъ былъ печальный конецъ борьбы Эроса съ Антэросомъ. И подземнымъ владыкамъ достались разомъ—рабыня и свободный.

Секстилій покоится въ некрополѣ Гадрумета между заклинательницей Септимой и сестрой ея, дѣвственной Фоиниссой.

Текстъ заклинанія начертанъ на свинцовой таблицѣ, свернутъ и прибитъ тѣмъ гвоздемъ, что опустила Септима черезъ отверстіе для возліяній въ гробницу сестры своей.

ПЕРЕВ. ЛИДІЯ РЫНДИНА.

Крестовый походъ дѣтей.

Марселя Швоба.

Разсказъ маленькой Алисы.

Я не могу больше идти, какъ слѣдуетъ, такъ какъ мы находимся теперь въ пылающей странѣ, куда насъ привезли два злыхъ человѣка изъ Марселя. А сначала насъ качало на морѣ, въ одинъ темный день, при молніи на небѣ. Но мой маленькій Евстафій ничего не боялся, такъ какъ онъ ничего не видѣлъ и я держала его за руки. Я его очень люблю и пришла сюда изъ-за него. Ибо я не знаю, куда мы идемъ. Уже такъ давно мы вышли. Нѣкоторые говорили намъ о городѣ Іерусалимѣ, который на концѣ моря, и о нашемъ Господѣ Іисусѣ, Который насъ тамъ приметъ. А Евстафій хорошо знаетъ Спасителя нашего Іисуса Христа, но онъ не зналъ, что такое Іерусалимъ, не зналъ никакого города, никакого моря. Онъ пошелъ, подчиняясь голосамъ, и онъ слышалъ ихъ каждую ночь. Онъ слышалъ ихъ ночью благодаря тишинѣ, ибо онъ не отличаетъ ночи отъ дня. Онъ разспрашивалъ меня объ этихъ голосахъ, но я ничего не могла сказать ему. Я ничего не знаю, но только мнѣ тяжело за Евстафія. Мы шли рядомъ съ Николаемъ, Аленомъ и Денисомъ: но они сѣли на другой корабль, и, когда солнце снова взошло, кораблей уже не было. Увы, что случилось съ ними? Мы снова съ ними встрѣтимся, когда придемъ къ Господу Іисусу. Это еще очень далеко. Говорятъ, какой-то великій царь призываетъ насъ, и въ его власти весь городъ Іерусалимъ. Въ этой странѣ все бѣлое,—дома и одежды, а лица женщинъ завѣшены покрывалами. Бѣдный Евстафій не можетъ видѣть этой бѣлизны, но я ему разсказываю о ней, и онъ радуется. Ибо онъ говоритъ, что это признакъ конца. Господь Іисусъ бѣлый. Маленькая Алиса очень устала, но она держитъ Евстафія за руку, чтобы онъ не упалъ, и ей некогда думать объ усталости. Мы отдохнемъ сегодня вечеромъ, и Алиса заснетъ, какъ обыкновенно, возлѣ

Евстафія, и если голоса насъ не покинули, она попробуетъ разслышать ихъ въ тишинѣ свѣтлой ночи. И она будетъ держать Евстафія за руку, до самаго бѣлаго конца великаго пути, ибо ей нужно показать ему Господа. И конечно Господь сжалится надъ терпѣніемъ Евстафія и позволитъ Евстафію взглянуть на себя. И быть можетъ, тогда Евстафій увидитъ маленькую Алису.

ПЕРЕВ. БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ.

Одинъ.

Онъ на западъ глядитъ—солнце къ морю спускается,
Свѣтитъ по морю краснымъ огнемъ.
Онъ застылъ на скалѣ—ветхій плащъ развѣвается
Отъ холоднаго вѣтра на немъ.

Опираясь на мечъ, онъ глядитъ на багровую
Чешую безпредѣльныхъ зыбей.
Но не видитъ онъ волнъ—только думу суровую
Означаютъ изгибы бровей.

Древенъ міръ. Онъ древнѣй. Плащъ Одина какъ вретище,
Ржа вѣковъ—на желѣзномъ мечѣ...
Черный воронъ Хугинъ, скорбной Памяти дѣтище,
У него на плечѣ.

ИВАНЪ БУНИНЪ.

* * *

Подъ звучными волнами
Полночной темноты
Далекими огнями
Колеблются мечты.
Мнѣ снится, будто снова
Цвѣтетъ любовь моя,
И счастія земного
Какъ прежде жажду я.
Но пѣсней не бужу я
Красавицу мою,
И жажду поцѣлуя
Томительно таю.

Обвѣянный прохладой
Въ нѣмомъ ея саду
За низкою оградой
Тихохонько иду.
Глухихъ ищу тропинокъ,
Гдѣ травы проросли,—
Чтобъ жалобы песчинокъ
До милой не дошли.
Движенья замедляю
И пѣсни не пою,
Но сердцемъ призываю
Желанную мою.

И, сердцемъ сердце чуя,
Она выходитъ въ садъ.
Глаза ея тоскуя,
Во тьму мою глядятъ.

Въ ночи ея безсонной
Внезапныя мечты,—
Въ косѣ незаплетенной
Запутались цвѣты.
Мнѣ снится: передъ нею
Безмолвно я стою,
Обнять ее не смѣю,
Таю любовь мою.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

Парижъ.

И я къ тебѣ пришелъ, о городъ многоликій,
Къ просторамъ площадей, въ открытые дворцы;
Я полюбилъ твой шумъ, всѣ уличные крики:
Напѣвъ газетчиковъ, бичи и бубенцы;
Я полюбилъ твой міръ, какъ сонъ, многообразный
И вѣчно дышащій, мучительно живой...
Твоя стихія—жизнь, лишь въ ней твои соблазны.
Ты на меня дохнулъ—и я навѣки твой.

Порой казался мнѣ ты безпощадно старымъ,
Но чаще ликовалъ, какъ рѣзвое дитя,
Въ вечерній тихій часъ по меркнущимъ бульварамъ
Межъ оконъ блещущихъ людской потокъ катя.
Рядами сжатыми летѣли экипажи,
И росъ людской приливъ... Сверкали вензеля
Огнистыхъ вывѣсокъ... Таинственною пряжей
Вкругъ яркихъ фонарей сплетались тополя...
И эти тысячи и тысячи прохожихъ
Я сознавалъ волной, текущей въ новый вѣкъ.
И жадно я слѣдилъ теченье вольныхъ рѣкъ,
Самъ—капелька на днѣ въ ихъ каменистыхъ ложахъ.

А ты стоялъ во мглѣ—могучимъ, какъ судьба,
Колоссомъ, давящимъ безчисленныя рати...
Но не скудѣлъ пэанъ моихъ безумныхъ братій,
И Города съ Людьми не падала борьба...

Когда же, утомленъ видѣньями и свѣтомъ,
Искалъ пріюта я—меня манилъ соборъ,
Давно прославленный торжественнымъ поэтомъ...
Какъ сладко здѣсь мечталъ мой воспаленный взоръ!
Какъ были сладки мнѣ узорчатыя стекла,
Розетки въ вышинѣ—сплетенья звѣздъ и лицъ!..
За ними суета невольно гасла, блекла,
Предъ вѣчностью душа распростиралась ницъ...
Забывъ напѣвъ псалмовъ и тихій стонъ органа,
Я видѣлъ только свѣтъ, святой калейдоскопъ,
Лишь краски и цвѣта сіяли изъ тумана...
Была иль будетъ жизнь? и колыбель? и гробъ?
И начиналъ миражъ вращаться вкругъ, смѣняя
Всѣ краски радуги, всѣ отблески огней.
И краски были міръ. Въ глубокихъ безднахъ рая
Не эти ль образы, вѣка, не утомляя,
Ласкаютъ взоръ ликующихъ тѣней?

А тамъ, за Сеной, былъ еще пріютъ священный.
Кругообразный храмъ и въ безднѣ саркофагъ,
Гдѣ, отдѣленъ отъ всѣхъ, спитъ императоръ плѣнный,—
Суровый нашъ пророкъ и роковой нашъ врагъ!
Сквозь окна льется свѣтъ то золотой, то синій,
Неяркій, слабый свѣтъ, таинственный, какъ мгла,
Прозрачнымъ знаменемъ дрожитъ онъ надъ святыней,
Сливаясь съ вѣяньемъ орлинаго крыла!
Чѣмъ дольше здѣсь стоишь, тѣмъ все кругомъ безгласнѣй,
Но въ жуткой тишинѣ растетъ беззвучный громъ,
И оживаетъ все, что было дѣтской басней,
И съ невозможностью стоишь къ лицу лицомъ!
Онъ вѣкомъ властвовалъ, какъ парусомъ матросы,
Онъ милліонамъ душъ указывалъ ихъ смерть;
И сжали вдругъ его стѣной тюрьмы утесы,
Какъ кровля, налегла расплавленная твердь.

Заснулъ онъ во дворцѣ—и взоръ открылъ въ темницѣ,
И умеръ, не понявъ, прошелъ ли страшный сонъ...
Иль онъ не миновалъ? ты грезишь, что въ гробницѣ?
И вдругъ войдешь сюда—съ жезломъ и въ багряницѣ,—
И предъ тобой падемъ—мы ницъ, Наполеонъ!

И эти крайности!—все буйство жизни нашей,
Средневѣковый міръ, величье страшныхъ дней—
Парижъ, ты съединилъ въ своей священной чашѣ,
Готовя страшный ядъ изъ пѣсенъ и идей!
Ты человѣчества—Мальстремъ. Напрасно люди
Мечтаютъ отъ твоихъ вліяній ускользнуть!
Ты долженъ все смѣшать въ чудовищномъ сосудѣ.
Блеститъ его рѣзьба, незримо таетъ муть.
Ты властно всѣхъ берешь въ зубчатыя колеса
И мелешь души всѣхъ, и вѣешь легкій прахъ.
А слезы вѣчности кропятъ его, какъ росы...
И ты стоишь, Парижъ, какъ мельница, въ вѣкахъ!
Въ тебѣ возможности, въ тебѣ есть духъ движенья,
Ты вольно окрыленъ, и вольныхъ крыльевъ тѣнь
Ложится и теперь на наши поколѣнья,
И стать великимъ днемъ здѣсь можетъ каждый день.
Плотины баррикадъ вонзалъ ты смѣло въ стѣны
И замыкалъ потокъ мятущихся временъ,
И раздроблялъ его въ красивыхъ брызгахъ пѣны.
Онъ дальше убѣгалъ, разбитъ, преображенъ.
Вторгались варвары въ твой сжатый кругъ, крушили
Завѣтные углы твоихъ святыхъ дворцовъ,
Но былъ невластенъ мечъ надъ тайной вѣчной были:
Какъ фениксъ, ты взлеталъ изъ дыма, живъ и новъ.
Парижъ—не весь въ домахъ, и въ томъ иль въ этомъ ликѣ:
Онъ часть исторіи, идея, сказка, бредъ.
Свое безсмертіе ты понялъ, о великій,
И бреду твоему исчезновенья—нѣтъ!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Глухимъ путемъ, неѣзженнымъ,
На блѣдномъ склонѣ дня,
Иду въ лѣсу оснѣженномъ,
Печаль ведетъ меня.

Молчитъ дорога странная,
Молчитъ невѣрный лѣсъ...
Не мгла ползетъ туманная
Съ безжизненныхъ небесъ—

То вьются хлопья снѣжные,
И, мягкой пеленой,
Безшумные, безбрежные,
Ложатся предо мной.

Пушисты хлопья бѣлые,
Какъ пчелъ веселыхъ рой,
Играютъ хлопья смѣлые
И гонятся за мной,

И падаютъ, и падаютъ...
Къ землѣ все ближе твердь...
Но странно сердце радуютъ
Безмолвіе и смерть.

Мѣшается, сливается
Дѣйствительность и сонъ,
Все ниже опускается
Зловѣщій небосклонъ—

И я иду и падаю,
Покорствуя судьбѣ,
Съ невѣдомой отрадою
И мыслью—о тебѣ.

Люблю недостижимое,
Чего, быть можетъ, нѣтъ...
Дитя мое любимое,
Единственный мой свѣтъ!

Твое дыханье нѣжное
Я чувствую во снѣ,

И покрывало снѣжное
Легко и сладко мнѣ.

Я знаю, близко вѣчное;
Я слышу стонетъ кровь...
Молчанье безконечное...
И сумракъ... и любовь.

З. ГИППІУСЪ.

Раковины.

ИЗЪ П. ВЕРЛЭНА.

Я пестрыхъ раковинъ причудливый узоръ
Люблю по цѣлымъ днямъ разсматривать прилежно:
Въ нихъ прелесть новую всегда находитъ взоръ...

Въ безмолвномъ гротѣ, тамъ, гдѣ я любилъ такъ нѣжно,
Такъ много раковинъ... Вотъ пурпуръ на одной,
То—кровь горячая души моей мятежной,

Что вспыхнула и страсть зажгла въ душѣ другой!..
А эта—такъ блѣдна, такъ смотритъ грустно, томно,
Что разомъ вспомнилъ я печальный обликъ твой,

Когда разсердишься порой на взглядъ нескромный!..
А эта такъ мила, нѣжнѣе я бъ назвалъ
Одно твое ушко, здѣсь въ сторонѣ укромной

Какъ будто шейки сгибъ... но вдругъ я задрожалъ!..

ЭЛЛИСЪ.

ЭДГАРЪ ПО.

Маска красной смерти.

ЭДГАРА ПО.

„Красная Смерть“ давно уже опустошала страну. Никакая чума никогда не была такой роковой и чудовищной. Ея воплощеніемъ и печатью была кровь—красный цвѣтъ и ужасъ крови. Болѣзнь начиналась острыми болями и внезапнымъ головокруженіемъ; затѣмъ черезъ поры просачивалась торопливыми каплями кровь, и наступала смерть. Яркокрасныя пятна, распространявшіяся по тѣлу и въ особенности по лицу жертвы, были проклятіемъ, которымъ эта моровая язва мгновенно лишала больного помощи и состраданія его ближнихъ; весь ходъ болѣзни, съ ея развитіемъ, возростаніемъ и концомъ, былъ дѣломъ получаса.

Но Принцъ Просперо былъ веселъ и безтрепетенъ и мудръ. Послѣ того, какъ его владѣнія были наполовину опустошены, онъ созвалъ тысячу веселыхъ и здоровыхъ друзей изъ числа придворныхъ рыцарей и дамъ, и удалился съ ними въ строгое уединеніе, въ одно изъ своихъ укрѣпленныхъ аббатствъ. Обширное зданіе было дѣтищемъ собственной фан-

тазіи принца, эксцентричной, но величественной. Вокругъ аббатства шла высокая плотная стѣна. Въ стѣнѣ были желѣзныя двери. Придворные, войдя сюда, принесли горнъ и тяжелые молоты, и спаяли засовы. Они рѣшились устранить всякую возможность вторженія внезапныхъ порывовъ отчаянія извнѣ и лишить безуміе возможности вырваться изнутри. Аббатство было съ избыткомъ снабжено необходимыми жизненными припасами. При такихъ предосторожностяхъ придворные могли смѣяться надъ заразой. Внѣшній міръ долженъ былъ заботиться о себѣ самъ А пока—скорбѣть или размышлять—было безуміемъ. Принцъ не забылъ ни объ одномъ изъ источниковъ наслажденія. Тамъ были шуты, импровизаторы, музыканты, танцовщики и танцовщицы, тамъ были красавицы, было вино. Всѣ эти услады и безопасность были внутри. Внѣ была „Красная Смерть".

Это было къ концу пятаго или шестого мѣсяца затворнической жизни, и въ то время, какъ чума свирѣпствовала за стѣнами самымъ неукротимымъ образомъ—Принцъ Просперо пригласилъ свою тысячу на маскированный балъ, отличавшійся самымъ необыкновеннымъ великолѣпіемъ.

Что за пышно-чувственную картину представлялъ изъ себя этотъ маскарадъ! Но я хочу прежде сказать о комнатахъ, гдѣ происходило празднество. Ихъ было семь—царственная анфилада. Во многихъ дворцахъ, однако, такія анфилады образуютъ длинную и прямую перспективу, при чемъ створчатыя двери съ той и съ другой стороны плотно прилегаютъ къ стѣнамъ, и, такимъ образомъ, взглядъ безпрепятственно можетъ прослѣдить всю перспективу отъ начала до конца. Здѣсь же было нѣчто совершенно иное, какъ и слѣдовало ожидать отъ герцога, при его любви ко всему п р и ч у д л и в о м у. Покои были расположены неправильно, такимъ образомъ, что взгляду открывалось сразу только одна комната. Черезъ каждые двадцать-тридцать ярдовъ слѣдовалъ рѣзкій поворотъ, и при каждомъ поворотѣ новый эффектъ. Направо и налѣво, въ

срединѣ каждой стѣны, высилось узкое готическое окно, выходившее въ закрытый коридоръ, который тянулся, слѣдуя всѣмъ изгибамъ анфилады. Въ этихъ окнахъ были цвѣтныя стекла, при чемъ окраска ихъ мѣнялась въ соотвѣтствіи съ господствующимъ цвѣтомъ той комнаты, въ которую открывалось окно. Такъ, напримѣръ, крайняя комната съ восточной стороны была обита голубымъ, и окна въ ней были ярко-голубыя. Во второй комнатѣ и обивка и украшенія были пурпурнаго цвѣта, и стѣны здѣсь были пурпурными. Третья вся была зеленой, зелеными были и окна. Четвертая была украшена и освѣщена оранжевымъ цвѣтомъ, пятая—бѣлымъ, шестая—фіолетовымъ. Седьмой залъ былъ весь задрапированъ чернымъ бархатомъ, который покрывалъ и потолокъ и стѣны, ниспадая тяжелыми складками на коверъ такого же цвѣта. Но только въ этой комнатѣ, въ единственной, окраска оконъ не совпадала съ окраской обстановки. Стекла здѣсь были ярко-краснаго цвѣта—цвѣта алой крови. Нужно сказать, что ни въ одномъ изъ семи чертоговъ не было ни лампъ, ни канделябровъ среди многочисленныхъ золотыхъ украшеній, расположенныхъ тамъ и сямъ, или висѣвшихъ со сводовъ. Во всей анфиладѣ комнатъ не было никакого источника свѣта: ни лампы, ни свѣчи; но въ коридорахъ, примыкавшихъ къ покоямъ, противъ каждаго окна стоялъ тяжелый треножникъ съ жаровней, онъ устремлялъ свои лучи сквозь цвѣтныя стекла, и ярко освѣщалъ внутренность этихъ чертоговъ. Такимъ путемъ создавалось цѣлое множество пестрыхъ фантастическихъ видѣній. Но въ черной комнатѣ, находившейся на западѣ, эффектъ огнистаго сіянія, струившагося черезъ кровавыя стекла на темныя завѣсы, былъ чудовищенъ до крайности, и придавалъ такое странное выраженіе лицамъ тѣхъ, кто входилъ сюда, что немногіе изъ общества осмѣливались вступать въ ея предѣлы.

Именно въ этомъ покоѣ стояли противъ западной стѣны гигантскіе часы изъ эбенового дерева. Ихъ маятникъ покачивался изъ стороны въ сторону съ глухимъ, тяжелымъ, монотоннымъ звукомъ;

и когда минутная стрѣлка пробѣгала кругъ циферблата, и приходило мгновеніе, возвѣщающее какой-нибудь часъ, часы испускали изъ своихъ бронзовыхъ легкихъ звонъ, отчетливый, и громкій, и протяжный, и необыкновенно музыкальный, звонъ такой особенный и выразительный, что, по истеченіи каждаго часа, музыканты оркестра должны были на мгновенье прекращать свою музыку, чтобы слушать этотъ звонъ; и фигуры, кружившіяся въ вальсѣ, замедляли свои движенія, и въ весельи всего этого шумнаго общества наступало быстрое смятеніе и, покуда часы, звеня, говорили, было видно, что самые безумные блѣднѣли, что самые престарѣлые и степенные проводили по лбу руками, какъ бы смущенные мечтой или размышленіемъ; но когда отзвуки совершенно замирали, легкій смѣхъ мгновенно овладѣвалъ собраніемъ; музыканты глядѣли другъ на друга и улыбались, какъ бы извиняясь за свою нервность и свое неразуміе, и тихимъ шопотомъ клялись другъ другу, что, когда опять раздастся бой часовъ, онъ въ нихъ не вызоветъ подобныхъ ощущеній, и потомъ, по истеченіи шестидесяти минутъ (которыя обнимаютъ три тысячи шестьсотъ секундъ убѣгающаго времени), снова раздавался бой часовъ, и снова наступало то же смятеніе и трепетъ и размышленія, какъ прежде.

Но, несмотря на все это, пышный праздникъ продолжался и дикій разгулъ не уставалъ. Вкусъ у герцога былъ совершенно особенный. Онъ тонко понималъ цвѣта и эффекты. Онъ презиралъ фешенебельную *благопристойность*. Въ его планахъ было много дерзкой стремительности, его замыслы были озарены варварскимъ блескомъ. Нѣкоторые считали его сумасшедшимъ. Его приближенные знали достовѣрно, что это—не такъ. Нужно было только его видѣть и слышать, нужно было только съ нимъ соприкасаться, чтобы быть *увѣренным* ъ, что это не—такъ.

Въ значительной части, онъ руководилъ самъ всѣми этими живыми украшеніями, волновавшимися въ семи чертогахъ, въ величественной обстанов-

къ ночного праздника; и это его вкусомъ былъ опредѣленъ характеръ масокъ. Конечно, тутъ было много причудливаго. Много было блеска и ослѣпительности, и пикантнаго, и фантастическаго—много того, что мы видѣли потомъ въ „Эрнани“. Были фигуры-арабески съ непропорціональными членами. Были безумныя фантазіи, сумасшедшіе наряды. Было много красиваго, безпутнаго, страннаго, были вещи, возбуждающія страхъ, было не мало того, что могло бы возбуждать отвращеніе. Словомъ, въ этихъ семи чертогахъ бродили живые сны. Они искажались—эти сны—то здѣсь, то тамъ, принимая окраску комнатъ, и какъ бы производя музыку оркестра звуками своихъ шаговъ и ихъ отзвуками. И, время отъ времени, опятъ бьютъ эбеновыя часы, стоящіе въ бархатномъ чертогѣ; и тогда, на мгновеніе, все утихаетъ и все молчитъ, кромѣ голоса часовъ. Сны застываютъ въ своихъ очертаніяхъ и позахъ. Но бронзовое эхо замираетъ—оно длится только мигъ—и тихій сдержанный смѣхъ стремится вослѣдъ улетающимъ звукамъ. И снова, волной, разростается музыка, и сны опять живутъ, и сплетаются, кружатся еще веселѣе, чѣмъ прежде, принимая окраску разноцвѣтныхъ оконъ, черезъ которыя струятся лучи изъ треножниковъ. Но въ комнату, лежащую на крайней точкѣ къ западу изъ всѣхъ семи, не осмѣливается больше войти ни одинъ изъ пирующихъ; ибо ночь проходитъ; и свѣтъ все болѣе красный струится черезъ стекла цвѣта алой крови; и чернота траурныхъ ковровъ устрашаетъ; и если кто осмѣлится ступить на траурный коверъ, тому близкіе эбеновые часы посылаютъ заглушенный звонъ, болѣе торжественный въ своей выразительности, чѣмъ какіе-либо звуки, достигающіе слуха тѣхъ, кто безпечно кружится въ другихъ отдаленныхъ чертогахъ, исполненныхъ кипящаго веселья.

А въ этихъ чертогахъ толпа кишитъ и пульсъ бьется здѣсь лихорадочно. И бѣшено проносились мгновенья разгульнаго празднества, пока, наконецъ, не начался бой часовъ, возвѣщающій полночь. И

тогда, какъ я сказалъ, музыка умолкла; и фигуры, кружащіяся съ вальсѣ, застыли неподвижно; и все безпокойно замерло, какъ прежде. Но теперь тяжелый маятникъ долженъ былъ сдѣлать двѣнадцать ударовъ; и потому-то, быть можетъ, случилось, что больше мысли, съ большимъ временемъ, проскользнуло въ души тѣхъ, кто размышлялъ, между тѣхъ, кто веселился. И, быть можетъ, также, по этой причинѣ нѣкоторые изъ толпы, прежде чѣмъ послѣдній отзвукъ послѣдняго удара потонулъ въ безмолвіи, успѣли замѣтить замаскированную фигуру, которая до тѣхъ поръ не привлекала ничьего вниманія. И вѣсть объ этомъ новомъ гостѣ распространилась кругомъ вмѣстѣ съ звуками шопота, и, наконецъ, все общество было охвачено какимъ-то гуломъ, или ропотомъ, выражавшимъ сперва неодобреніе и удивленіе—а потомъ страхъ, ужасъ и отвращеніе.

Весьма понятно, что въ собраніи призраковъ, подобномъ тому, которое я описалъ, нужно было что-нибудь незаурядное, чтобы вызвать такое впечатлѣніе. Дѣйствительно, карнавальный разгулъ въ этотъ поздній часъ ночи былъ почти безграниченъ; однако, новый гость перешеголялъ всѣхъ, и вышелъ даже за предѣлы того свободнаго костюма, который былъ на принцѣ. Въ сердцахъ тѣхъ, кто наиболѣе безпеченъ, есть струны, которыхъ нельзя касаться, не возбуждая волненія. И даже для тѣхъ безвозвратно потерянныхъ, кому жизнь и смерть равно представляются шуткой, есть вещи, которыми шутить нельзя. На самомъ дѣлѣ, все общество, повидимому, глубоко чувствовало теперь, что въ костюмѣ и въ манерахъ пришлеца не было ни остроумія ни благопристойности. Незнакомецъ былъ высокъ и костлявъ, и съ головы до ногъ онъ былъ закутанъ въ саванъ. Маска, скрывавшая его физіономію, до такой степени походила на лицо окоченѣвшаго трупа, что самый внимательный взглядъ затруднился бы открыть обманъ. Все это, однако, веселящіеся безумцы могли бы снести, если и не одобрить. Но гость былъ такъ дерзокъ, что при-

нялъ выраженіе Красной Смерти. Его одежда была запачкана к р о в ь ю—его широкій лобъ и всѣ черты обрызганы ярко-красными пятнами, говорящими объ ужасѣ.

Когда взглядъ Принца Просперо обратился на это видѣніе (которое прогуливалось въ толпѣ, между пляшущихъ, медленно и торжественно, какъ бы желая полнѣе выдержать роль), всѣ замѣтили, какъ въ первую минуту лицо его исказилось рѣзкой дрожью страха или отвращенія; но въ слѣдующее же мгновеніе чело его вспыхнуло отъ гнѣва.

„Кто посмѣлъ?“ спросилъ онъ хриплымъ голосомъ придворныхъ, стоявшихъ около него—„кто посмѣлъ оскорбить насъ этой кощунственной насмѣшкой? Схватить его и снять съ него маску! Пусть намъ будетъ извѣстно, кого мы повѣсимъ при восходѣ солнца на стѣнныхъ зубцахъ!“

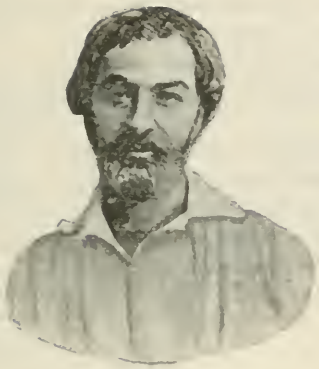
Эти слова Принцъ Просперо произнесъ въ восточной голубой комнатѣ. Они громко и явственно прозвучали черезъ всѣ семь комнатъ—ибо принцъ былъ бравымъ и могучимъ человѣкомъ, и музыка умолкла по мановенію его руки.

Въ глубокой комнатѣ стоялъ принцъ, окруженный группой блѣдныхъ придворныхъ. Сперва, когда онъ говорилъ, въ этой группѣ возникло легкое движеніе по направленію къ непрошенному гостю, который въ это мгновеніе былъ совсѣмъ близко, и теперь, размѣренной величественной походкой, приближался все болѣе и болѣе къ говорящему. Но какой-то неопредѣленный страхъ, внушенный безумной дерзостью замаскированнаго, охватилъ всѣхъ, и въ толпѣ не нашлось никого, кто осмѣлился бы наложить на незнакомца свою руку; такимъ образомъ онъ безъ помѣхи приблизился къ принцу на разстояніе какого-нибудь шага; и покуда многолюдное собраніе, какъ бы движимое однимъ порывомъ, отступало отъ центровъ комнатъ къ стѣнамъ, онъ безпрепятственно, но все тѣмъ же торжественнымъ размѣреннымъ шагомъ, отличавшимъ его сначала, продолжалъ свой путь, изъ голубой комнаты въ пурпурную—изъ пурпурной въ зеленую—изъ зеле-

ной въ оранжевую—и потомъ въ бѣлую—и потомъ въ фіолетовую—и никто не сдѣлалъ даже движенія, чтобы задержать его. Тогда-то Принцъ Просперо, придя въ безумную ярость и устыдившись своей минутной трусости, бѣшено ринулся черезъ всѣ шесть комнатъ, между тѣмъ какъ ни одинъ изъ толпы не послѣдовалъ за нимъ, по причинѣ смертельнаго страха, оковавшаго всѣхъ. Онъ потрясалъ обнаженнымъ кинжаломъ, и приближался съ бурной стремительностью, и между нимъ и удаляющейся фигурой было не болѣе трехъ-четырехъ шаговъ, какъ вдругъ незнакомецъ, достигнувъ крайней точки бархатнаго чертога, быстро обернулся и глянулъ на своего преслѣдователя. Раздался рѣзкій крикъ—и кинжалъ, сверкнувъ, скользнулъ на черный коверъ, и, мгновенье спустя, на этомъ ковръ, объятый смертью, распростерся Принцъ Просперо. Тогда, собравши все безумное мужество отчаянія, толпа веселящихся мгновенно ринулась въ черный покой, и, съ дикой свирѣпостью хватая замаскированнаго пришлеца, высокая фигура котораго стояла прямо и неподвижно въ тѣни эбеновыхъ часовъ, каждый изъ нихъ задыхался отъ несказаннаго ужаса, видя, что подъ саваномъ и подъ мертвенной маской не было никакой осязательной формы.

И тогда для всѣхъ стало очевиднымъ присутствіе Красной Смерти. Она пришла, какъ воръ въ ночи; и одинъ за другимъ веселящіеся пали въ этихъ пиршественныхъ чертогахъ, обрызганныхъ кровавой росой, и каждый умеръ, застывъ въ той позѣ, какъ упалъ; и жизнь эбеновыхъ часовъ изсякла вмѣстѣ съ жизнью послѣдняго изъ веселившихся; и огни треножниковъ погасли; и тьма, и разрушеніе, и Красная Смерть простерли надъ всѣмъ свое безбрежное владычество.

ПЕРЕВ. К. Д. БАЛЬМОНТЪ.



УОТЪ УИТМАНЪ

Городская мертвецкая.

ИЗЪ УОТА УИТМАНА.

У городской мертвецкой—
Праздно бродя, пробираясь подальше отъ шума,—
Я, любопытный, замедлилъ шаги...
Вижу—отверженный трупъ, проститутка
На мокромъ простерлась полу, никому не нужна.
О святыня! о женщина! женское тѣло! вижу тѣло,
гляжу на него одинокій.
Оцѣпенѣлая тишь не смущаетъ меня, ни вода, что
льется изъ крана,
Ни трупный смрадъ.
О этотъ домъ, дивный домъ, изящный, прекрасный
домъ—
Развалившійся,
Этотъ безсмертный домъ, большій, чѣмъ всѣ наши
зданія,
Этотъ прекрасный и страшный развалина-домъ,—
Обитель души,—самъ душа,—

Домъ, избѣгаемый всѣми,—
Прими же дыханье одно губъ задрожавшихъ моихъ
И эту слезу одинокую,
Какъ поминки отъ меня уходящаго,
Ты, сокрушенный, разваленный домъ, домъ грѣха
и безумья,
Ты, мертвецкая страсти,
Домъ жизни, недавно смѣющійся, шумный,
Но и тогда уже мертвый,
Звенѣвшій и дивно украшенный домъ,
Но мертвый, мертвый, но мертвый.

К. ЧУКОВСКІЙ.

Непокорный.

ИЗЪ Ш. БОДЛЭРА.

Крылатый серафимъ, упавъ съ лазури ясной
Орломъ на грѣшника, схватилъ его, кляня,
Трясетъ за волосы, и говоритъ: „Несчастный!
Я—добрый ангелъ твой! узналъ ли ты меня?

„Ты долженъ всѣхъ любить любовью неизмѣнной:
Злодѣевъ, немощныхъ, глупцовъ и горбуновъ,
Чтобъ милосердіемъ ты могъ соткать смиренно
Торжественный коверъ для Господа шаговъ!

„Пока въ твоей душѣ есть страсти хоть немного,
Зажги свою любовь на пламенникѣ Бога,
Какъ слабый лучъ прильни къ предвѣчному лучу!“

И ангелъ, грѣшника терзая безпощадно,
Разитъ несчастнаго своей рукой громадной,
Но отвѣчаетъ тотъ упорно: „Не хочу!“

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Крылья легкія раскину,
Стѣны воздуха раздвину,
Страны дольнія покину.

Вейтесь, искристыя нити,
Льдинки звѣздныя, плывите,
Вьюги снѣжныя, вздохните!

Въ сердцѣ—легкія тревоги,
Въ небѣ—звѣздныя дороги.
Среброснѣжные чертоги.

Сны метели свѣтлозмѣйной,
Пѣсни вьюги легковѣйной,
Очи дѣвы чародѣйной.

И какія-то печали
Издали,
И туманныя скрижали
Отъ земли.
И покинутые въ дали
Корабли.

И какіе то за мысомъ
Паруса.
И какіе-то надъ моремъ
Голоса.

И вверху смежаетъ очи
Лишь одна.

И расплеснутъ межъ мірами,
Надъ забытыми пирами
Кубокъ долгой страстной ночи—
Кубокъ темнаго вина.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

Обвалъ.

Въ степи, съ обрыва на сто миль
Морская ширь открыта взорамъ.
Внизу, въ стремнинѣ—глина, пыль,
Щепа и кости съ мелкимъ соромъ.

Гудѣли ночью тополя,
Въ дремотѣ море бушевало—
Вдругъ тяжко охнула земля,
Весь берегъ дрогнулъ отъ обвала!

Сегодня тамъ стоятъ, глядятъ,
И алой, бѣлой павиликой
На со́лнцѣ зонтики блестятъ
Надъ бездной пѣнистой и дикой.

Никто не зналъ, что здѣсь—погостъ...
Да и теперь—кому онъ нуженъ!
Весенній вѣтеръ свѣжъ и простъ,
Онъ только съ молодостью друженъ!

Внизу—щепа, гробы въ пыли...
Да море берегъ коситъ, коситъ
Серпами волнъ—и отъ земли
Далеко соръ ея уноситъ!

ИВАНЪ БУНИНЪ.

* * *

„Лѣто Господне—благопріятно".
Всходитъ гость на высокое крыльцо.
Все откроется, что было непонятно.
Видишь въ чертахъ его знакомое лицо?

Намъ этотъ годъ пусть будетъ високоснымъ,
Бѣлымъ камнемъ отмѣченъ этотъ день.
Все пройдетъ, что окажется наноснымъ.
Сядетъ путникъ подъ сладостную сѣнь.

Сердце вѣщее мудро веселится:
Знаетъ, о знаетъ, что близится пора.
Гость надолго въ домѣ поселится,
Свѣтъ горитъ до поздняго утра.

Сладко вести полночныя бесѣды—
Слышитъ любовь небесныя слова.
Утромъ вмѣстѣ пойдемъ мы на побѣды—
Мечъ будетъ остръ, надежна тетива.

М. КУЗМИНЪ.

***

ИЗЪ Ф. ГРЕГА.

Слишкомъ много я плакалъ! Печали мои
Мнѣ чужими—и легкими стали.
На призывъ ихъ былой, полный тайнъ и любви,
На ихъ шопотъ изъ мрака печали
Не откликнусь я сердцемъ; нѣтъ въ сердцѣ любви,
Нѣтъ въ глазахъ моихъ слезъ для печали.

Еле помнятся мнѣ,—смутно помнитъ душа
Тѣ печали, тѣ страстныя рѣчи,—
Словно давнія, давнія встрѣчи!
Я любилъ ихъ, быть можетъ, волненьемъ дыша;
Но теперь я не жду ихъ; закрылась душа;
Чужды ей эти позднія рѣчи...

И. И. ТХОРЖЕВСКІЙ.

* * *

Темныя пропасти ада.
Хаоса волнъ отголоски.
Грознаго вѣчнаго Гада
Тихіе всплески.

Пѣной покрытыя морды
Змѣй седмиглавый Эреба
Выставилъ, мощный и гордый,
Въ сторону Неба.

Фыркая, царь Океана
Въ высь на святыя созвѣздья
Злобно глядитъ изъ тумана,
Въ жаждѣ возмездья.

Тварей и чадъ первозданныхъ
Ратью безчисленной полны,
Ропщутъ въ мелодіяхъ странныхъ
Хаоса волны.

Чьи то ужасныя тѣни
Встали надъ бездной уныло.
Слышны укоры и пени:
„Гдѣ жъ твоя сила?

„Скоро ль надъ адскою бездной
„Ты, вознеся твое тѣло,
„Въ битву со стражею звѣздной
„Ринешься смѣло?

„Скоро ль въ лазури безбрежной
„Царствовать станешь со славой,
„Ночи властитель мятежный,
„Змѣй седмиглавый?!“...

АЛ. КОНДРАТЬЕВЪ.

ОСКАРЪ УАЙЛЬДЪ.

Изъ „Саломеи".

ОСКАРА УАЙЛЬДА.

Большая терасса во дворцѣ Ирода. Напротивъ—огромная лѣстница. Налѣво, въ глубинѣ, старый водоемъ съ оградой изъ зеленой бронзы. Лунный свѣтъ.

. . . . . .

Иродъ. Саломея, Саломея, пляшите для меня. Я васъ умоляю, пляшите для меня. Мнѣ грустно сегодня вечеромъ. Да, мнѣ очень грустно сегодня вечеромъ. Когда я вошелъ сюда, я поскользнулся въ крови, а это дурная примѣта, и я слышалъ, я увѣренъ, что я слышалъ взмахи крыльевъ въ воздухѣ, взмахи исполинскихъ крыльевъ. Я не знаю, что это должно означать.. Мнѣ грустно сегодня вечеромъ. Поэтому пляшите для меня. Пляшите для меня, Саломея, умоляю васъ. Если вы для меня будете плясать, то вы можете требовать отъ меня все, что хотите, и я дамъ вамъ. Да, пропляшите для меня, Саломея, и я все дамъ вамъ, что вы потребуете, будь это половина моего царства.

Саломея вставая. Вы мнѣ дадите все, что я потребую, тетрархъ?

Иродіада. Не пляшите, дочь моя.

Иродъ. Все, будь это половина моего царства.

Саломея. Вы клянетесь, тетрархъ?

Иродъ. Я клянусь, Саломея.

Иродіада. Дочь моя, не пляшите.

Саломея. Чѣмъ вы клянетесь, тетрархъ?

Иродъ. Жизнью моей, вѣнцомъ моимъ, богами моими. Все, что вы пожелаете, я дамъ вамъ, будь это половина моего царства, если вы только будете плясать для меня. О, Саломея, Саломея, пляшите для меня!

Саломея. Вы поклялись, тетрархъ.

Иродъ. Я поклялся, Саломея.

Саломея. Все, что я потребую, будь это половина вашего царства.

Иродіада. Не пляшите, дочь моя.

Иродъ. Будь это половина моего царства. Царицей ты будешь, прекрасная Саломея, если только тебѣ угодно будетъ потребовать половину моего царства. Не правда ли, она будетъ прекрасной царицей?.. А! Здѣсь холодно! Здѣсь дуетъ очень холодный вѣтеръ, и я слышу... почему слышу я въ воздухѣ эти взмахи крыльевъ? О! можно подумать, что какая-то птица, большая черная птица рѣетъ надъ террасой. Почему я не могу видѣть эту птицу? Взмахи крыльевъ ея ужасны. Вѣтеръ отъ взмаховъ ея крыльевъ ужасенъ. Это холодный вѣтеръ.. Но нѣтъ, совсѣмъ не холодно. Наоборотъ, очень жарко. Слишкомъ жарко. Я задыха́юсь. Полейте мнѣ на руки воды. Дайте мнѣ снѣгу поѣсть. Разстегните мою мантію. Скорѣе, скорѣе, разстегните мою мантію... Нѣтъ. Оставьте ее. Это мнѣ больно отъ моего вѣнка, отъ моего вѣнка изъ розъ. Эти цвѣты какъ будто изъ огня. Они обожгли мнѣ чело. Онъ срываетъ съ головы вѣнокъ и бросаетъ его на столъ. А, наконецъ, я могу дышать. Какъ красны эти лепестки. Они—какъ пятна крови на скатерти. Это ничего. Нельзя искать знаменій во всемъ, что видишь. Это дѣлаетъ жизнь невозможной. Лучше было бы сказать, что пятна крови столь же прекрасны, какъ и лепестки розъ. Гораздо

лучше было бы такъ сказать... Но не будемъ объ этомъ говорить. Теперь я счастливъ. Я очень счастливъ. Я имѣю право быть счастливымъ, не правда ли? Ваша дочь будетъ плясать для меня. Вѣдь правда, вы будете плясать для меня, Саломея? Вы обѣщали плясать для меня.

Иродіада. Я не хочу, чтобы она плясала.

Саломея. Я буду плясать для васъ, тетрархъ.

Иродъ. Вы слышите, что говоритъ ваша дочь. Она будетъ плясать для меня. Это хорошо, Саломея, что вы будете плясать для меня. И когда вы кончите плясать, не забудьте потребовать отъ меня все, что захотите. Все, что вы захотите. Я дамъ вамъ, будь это половина моего царства, я поклялся, не правда ли?

Саломея. Вы поклялись, тетрархъ.

Иродъ. И я никогда не нарушалъ своего слова. Я не изъ тѣхъ, кто нарушаетъ свое слово. Я не умѣю лгать. Я рабъ своего слова, и слово мое есть слово царя. Царь Каппадокійскій всегда лжетъ, но онъ вѣдь не настоящій царь. Онъ—трусъ. Кромѣ того, онъ мнѣ деньги долженъ и не хочетъ платить. Онъ даже оскорбилъ моихъ пословъ. Онъ говоритъ очень обидныя вещи. Но цезарь распнетъ его, когда онъ вернется въ Римъ. Я увѣренъ, что цезарь распнетъ его. А если нѣтъ, онъ и такъ умретъ, съѣденный червями. Пророкъ предрекъ это. Ну, что жъ, Саломея, что вы ждете?

Саломея. Я жду, чтобы мои рабыни принесли мнѣ благовонія и семь покрывалъ и сняли съ меня сандаліи.

Рабыни приносятъ благовонія и семь покрывалъ и снимаютъ съ ногъ Саломеи сандаліи.

Иродъ. А! Вы будете плясать босая! Это хорошо! Это хорошо! Ваши маленькія ноги будутъ, какъ бѣлыя голубки. Онѣ похожи на маленькіе бѣлые цвѣточки, что пляшутъ на деревѣ... Ахъ, нѣтъ! Она будетъ плясать въ крови. На землѣ кровь. Я не хочу, чтобы она плясала въ крови. Это было бы очень дурное предзнаменованіе.

Иродіада. Что вамъ до того, что она будетъ плясать въ крови? Вы вѣдь ходили по крови, вы...

Иродъ. Что мнѣ до того? Ахъ! Посмотрите на луну. Она стала красной. Она стала красной, какъ кровь. А! Пророкъ вѣдь это предсказалъ. Онъ предсказалъ, что луна станетъ красной, какъ кровь. Не правда ли, онъ это предсказалъ? Вы всѣ это слышали. Луна стала красной, какъ кровь. Вы этого не видите?

Иродіада. Я это отлично вижу, и звѣзды падаютъ на землю, словно зеленые плоды смоковницы, не такъ ли? И солнце становится чернымъ, какъ власяница, и царей земныхъ объялъ ужасъ. Это, по крайней мѣрѣ, видно. Хоть разъ въ жизни пророкъ оказался правъ... Царей земныхъ объялъ ужасъ... Однако, вернемся. Вы больны. Въ Римѣ подумаютъ, что вы обезумѣли. Вернемся, я вамъ говорю.

Голосъ Іоканаана. Кто тотъ, что грядетъ изъ Эдома, что грядетъ изъ Босры въ одеждѣ, окрашенной въ пурпуръ, сверкая въ красотѣ своего одѣянія и шествуя во всемогуществѣ силы? Почему одежды ваши окрашены въ багрянецъ?

Иродіада. Вернемся. Голосъ этого человѣка приводитъ меня въ изступленіе. Я не хочу, чтобы моя дочь плясала, пока онъ тамъ кричитъ. Я не хочу, чтобы она плясала, пока вы на нее такъ смотрите. Однимъ словомъ, я не хочу, чтобы она плясала.

Иродъ. Не вставай, супруга моя, царица моя, это безполезно. Я не уйду, пока она не проплящетъ. Пляшите, Саломея, пляшите для меня!

Иродіада. Не пляшите, дочь моя.

Саломея. Я готова, тетрархъ.

Саломея пляшетъ пляску семи покрывалъ.

Иродъ. А! Это великолѣпно! Это великолѣпно! Вы видите, ваша дочь проплясала для меня. Подойдите, Саломея! Подойдите, чтобы я могъ наградить васъ. О! я хорошо плачу плясуньямъ. Тебѣ я хорошо заплачу. Я дамъ тебѣ все, что ты пожелаешь. Что хочешь ты, говори!

Саломея становясь на колѣни. Я хочу, чтобы мнѣ сейчасъ же принесли на серебряномъ блюдѣ...

Иродъ смѣясь. На серебряномъ блюдѣ? Ну, да, конечно, на серебряномъ блюдѣ. Она очаровательна, не правда ли? Что жъ вы хотите, чтобы вамъ принесли на серебряномъ блюдѣ, дорогая и прекрасная Саломея, вы, что прекраснѣе всѣхъ дѣвушекъ Іудеи? Что жъ вы хотите, чтобы вамъ принесли на серебряномъ блюдѣ? Скажите мнѣ! Что бы это ни было, вамъ дадутъ его. Мои сокровища принадлежатъ вамъ. Что же это такое, Саломея?

Саломея вставая... Голова Іоканаана.

Иродіада. А! Это хорошо сказано, дочь моя.

Иродъ. Нѣтъ, нѣтъ...

Иродіада. Это хорошо сказано, дочь моя.

Иродъ. Нѣтъ, нѣтъ, Саломея. Вы этого не требуете отъ меня. Не слушайте вашей матери. Она всегда даетъ вамъ плохіе совѣты. Не надо ея слушать.

Саломея. Я не слушаю мою мать. Для собственнаго удовольствія я прошу голову Іоканаана на серебряномъ блюдѣ. Вы поклялись, Иродъ, не забудьте, что вы поклялись.

Иродъ. Я знаю. Я поклялся своими богами. Я хорошо это знаю. Но я умоляю васъ, Саломея, потребуйте отъ меня что-нибудь другое. Потребуйте отъ меня половину моего царства, и я дамъ вамъ его. Но только не требуйте отъ меня того, что вы потребовали.

Саломея. Я требую отъ васъ голову Іоканаана.

Иродъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу.

Саломея. Вы поклялись, Иродъ.

Иродіада. Да, вы поклялись. Всѣ васъ слышали. Вы поклялись передъ всѣми.

Иродъ. Молчите. Не съ вами я говорю.

Иродіада. Моя дочь совершенно права, требуя голову этого человѣка. Онъ изрыгалъ на меня всякія хулы. Онъ сказалъ обо мнѣ ужасныя вещи.

Видно, что она очень любитъ свою мать. Не уступайте, дочь моя. Онъ поклялся, онъ поклялся.

Иродъ. Молчите, не говорите со мной.—Послушайте, Саломея, надо быть разумной, не правда ли? Не правда ли, надо быть разумной? Я никогда не былъ суровъ къ вамъ. Я васъ всегда любилъ... Быть можетъ, я васъ слишкомъ любилъ. Итакъ, не требуйте отъ меня этого. Это ужасно, чудовищно требовать отъ меня этого. Въ сущности, я не думаю, что вы это серьезно требуете. Голова обезглавленнаго человѣка, это нѣчто уродливое, не правда ли? Это не такая вещь, на которую должна смотрѣть дѣвушка. Какое это можетъ доставить вамъ удовольствіе? Никакого. Нѣтъ, нѣтъ, вы этого не хотите... Послушайте меня одно мгновеніе. У меня есть изумрудъ, большой круглый изумрудъ, что прислалъ мнѣ любимецъ цезаря. Если вы посмотрите сквозь этотъ изумрудъ, то можете увидѣть все, что происходитъ на огромномъ отдаленіи. Самъ цезарь носитъ точно такой же, когда онъ идетъ въ циркъ. Но мой больше. Мой — самый большой изумрудъ на свѣтѣ. Не правда ли, вамъ хочется его? Потребуйте, и я вамъ дамъ его.

Саломея. Я требую голову Іоканаана.

Иродъ. Вы не слушаете мѣня, вы не слушаете меня. Дайте же мнѣ сказать, Саломея.

Саломея. Голову Іоканаана.

Иродъ. Нѣтъ, нѣтъ, вы этого не хотите. Вы это мнѣ говорите только, чтобы помучить меня за то, что я на васъ смотрѣлъ цѣлый вечеръ. Ну, да, это такъ. Я на васъ смотрѣлъ цѣлый вечеръ. Ваша красота смутила меня. Ваша красота страшно смутила меня и я глядѣлъ на васъ слишкомъ. Но я этого больше не буду дѣлать. Не надо смотрѣть ни на людей ни на вещи. Надо смотрѣть только въ зеркала. Ибо зеркала показываютъ намъ однѣ лишь маски... О! о! вина! мнѣ пить хочется.. Саломея, Саломея, будемъ друзьями. Наконецъ, смотрите... Что я хотѣлъ сказать! Что такое? А! Я вспомнилъ.. Саломея! Нѣтъ, подойдите ближе

ко мнѣ. Я боюсь, что вы меня не услышите... Саломея, вы знаете моихъ бѣлыхъ павлиновъ, моихъ прекрасныхъ бѣлыхъ павлиновъ, что расхаживаютъ въ саду среди миртъ и высокихъ кипарисовъ. Ихъ клювы позолочены, и зерна, что они клюютъ, позолочены также, и ноги ихъ окрашены въ пурпуръ. Когда они кричатъ, идетъ дождь, и когда они распускаютъ свои хвосты показывается на небѣ луна. Они ходятъ парами среди кипарисовъ и черныхъ миртъ и у каждаго есть рабъ, который присматриваетъ за нимъ. Иногда они летаютъ между деревьями, иногда они лежатъ на лужайкѣ и вокругъ пруда. Нѣтъ во всемъ мірѣ столь чудесныхъ птицъ. Нѣтъ царя на свѣтѣ, у кого были бы столь чудесныя птицы. Я увѣренъ, что у самого цезаря нѣтъ столь прекрасныхъ птицъ. Такъ слушайте! Я подарю вамъ пятьдесятъ моихъ павлиновъ. Они будутъ слѣдовать за вами всюду и среди нихъ вы будете словно луна въ большомъ бѣломъ облакѣ... Я вамъ всѣхъ подарю. У меня ихъ только сто, и нѣтъ на свѣтѣ царя, у котораго были бы павлины подобные моимъ, но я вамъ подарю всѣ. Только освободите меня отъ моего слова и не требуйте отъ меня того, что вы потребовали. Онъ осушаетъ кубокъ вина.

Саломея. Дайте мнѣ голову Іоканаана.

Иродіада. Хорошо сказано, дочь моя! Вы смѣшны со своими павлинами.

Иродъ. Замолчите. Вы всегда кричите. Вы кричите, какъ хищный звѣрь. Не надо такъ кричать. Вашъ голосъ раздражаетъ меня. Замолчите, я вамъ говорю... Саломея, подумайте о томъ, что вы дѣлаете. Этотъ человѣкъ, быть можетъ, посланъ Богомъ. Я увѣренъ, что онъ посланъ Богомъ. Это святой человѣкъ. Перстъ Божій коснулся его. Богъ вложилъ въ его уста ужасныя слова. Во дворцѣ, какъ и въ пустынѣ, Богъ неотступно съ нимъ... По крайней мѣрѣ, это возможно. Никто не знаетъ, но возможно, что Богъ за него и съ нимъ. Поэтому, быть можетъ, если онъ умретъ, со мной случится

несчастье. Наконецъ, онъ сказалъ же, что въ день, когда онъ умретъ, съ кѣмъ-то случится несчастье. Это можетъ случиться только со мной. Вспомните, когда я входилъ сюда, я поскользнулся въ крови. Кромѣ того, я услышалъ взмахи крыльевъ въ воздухѣ, взмахи исполинскихъ крыльевъ. Это очень дурныя предзнаменованія. И были еще другія. Я увѣренъ, что были еще другія, хотя я ихъ и не видѣлъ. Такъ вотъ, Саломея, вы не хотите же, чтобы со мной случилось несчастіе? Вы этого не хотите. Такъ вотъ, послушайте меня.

Саломея. Дайте мнѣ голову Іоканаана.

Иродъ. Вотъ видите, вы не хотите меня слушать. Но будьте спокойны, я самъ очень спокоенъ. Я совершенно спокоенъ. Слушайте! У меня здѣсь спрятаны драгоцѣнныя украшенія, которыхъ даже ваша мать никогда не видѣла, драгоцѣнности совсѣмъ необычайныя. У меня есть жемчужное ожерелье въ четыре ряда. Можно подумать, это луны, окованныя серебряными лучами. Можно подумать, это пятьдесятъ лунъ, уловленныхъ въ золотую сѣть. Нѣкая царица носила его на своей бѣлой, какъ слоновая кость, груди. И ты, когда надѣнешь его, ты будешь столь же прекрасна, какъ царица. У меня есть аметисты двухъ родовъ. Одни черны, какъ вино. Другіе красны, какъ вино, разбавленное водой. У меня есть топазы, желтые, какъ глаза тигровъ, и топазы розовые, какъ глаза голубей, и топазы зеленые, какъ глаза кошекъ. У меня есть опалы, которые горятъ всегда очень холоднымъ пламенемъ, есть опалы, которые наводятъ печаль на душу и боятся темноты. У меня есть ониксы, похожіе на зрачки мертвой. У меня есть лунные камни, которые мѣняются, когда мѣняется луна, и которые блѣднѣютъ, когда они видятъ солнце. У меня есть сапфиры, большіе, какъ яйца, и синіе, какъ синіе цвѣты. Въ нихъ волнуется море, и луна никогда не мутитъ синеву ихъ волнъ. У меня есть хризолиты и бериллы, у меня есть хризопрасы и рубины, у меня есть сардониксы и гіацинты и халцедоны, и

я вамъ отдамъ всѣ, да, всѣ, и прибавлю еще много другихъ вещей. Царь Индійскій только что прислалъ мнѣ четыре опахала, сдѣланныя изъ перьевъ попугаевъ, а царь Нумидійскій—одѣяніе изъ страусовыхъ перьевъ.У меня есть кристаллъ, на который не позволено смотрѣть женщинамъ и на который даже юноши могутъ взглянуть только послѣ того, какъ ихъ сѣкли розгами. Въ перламутровомъ ларцѣ у меня есть три чудесныхъ бирюзы. Если ихъ надѣть на чело, можно представить себѣ вещи, которыя не существуютъ, а если ихъ носить въ рукѣ, можно сдѣлать женщинъ безплодными. Это сокровища великой цѣнности. Это сокровища, которымъ нѣтъ цѣны. И это не все. Въ эбеновомъ ларцѣ у меня есть два янтарныхъ кубка, похожихъ на золотыя яблоки. Если въ эти кубки врагъ насыплетъ яду, они дѣлаются похожи на серебряныя яблоки. Въ ларцѣ, выложенномъ янтаремъ, у меня есть сандаліи, выложенныя стекломъ. У меня есть одѣянія изъ Серрской страны и браслеты, украшенные карбункулами и зеленчаками изъ города Эвфрата... Наконецъ, чего хочешь ты, Саломея? скажи мнѣ, что ты желаешь, и я дамъ тебѣ это. Я дамъ тебѣ все, что ты у меня потребуешь, кромѣ одного. Я дамъ тебѣ все, что имѣю, кромѣ одной жизни. Я дамъ тебѣ облаченіе первосвященника. Я дамъ тебѣ завѣсу отъ Святая Святыхъ.

Іудеи. О! О!

Саломея. Дай мнѣ голову Іоканаана.

Иродъ опускаясь на свое сѣдалище. Дать ей то, что она требуетъ! Воистину, она дочь своей матери. Первый воинъ приближается. Иродіада снимаетъ съ руки тетрарха перстень смерти и отдаетъ его воину, который тотчасъ же относитъ его палачу. У палача испуганный видъ. Кто взялъ мой перстень? У меня былъ перстень на правой рукѣ. Кто выпилъ мое вино? У меня въ кубкѣ было вино. Кубокъ былъ полонъ вина. Кто-нибудь выпилъ его! О! Я увѣренъ, что съ кѣмъ-нибудь случится несчастье. Палачъ спускается въ водоемъ. Ахъ! Почему я далъ слово? Цари никогда не должны давать слова. Если они его не сдержи-

ваютъ, это ужасно. Если они его сдерживаютъ, это столь же ужасно...

Ироді а да. Я нахожу, что дочь моя хорошо поступила.

Иродъ. Я увѣренъ, что случится несчастіе.

Саломея наклоняется надъ водоемомъ и слушаетъ. Ни звука. Я ничего не слышу. Почему не кричитъ онъ, этотъ человѣкъ? А! если бы кто-нибудь пытался меня убить, я кричала бы, я отбивалась бы, я не хотѣла бы страдать... Бей, бей, Нааманъ. Бей, я говорю тебѣ!.. Нѣтъ. Я ничего не слышу. Тамъ ужасное молчаніе. А! Что-то упало на землю. Я слышала, какъ что-то упало. Это мечъ палача. Онъ боится, этотъ рабъ! Онъ уронилъ свой мечъ. Онъ не смѣетъ убить его. Онъ трусъ, этотъ рабъ! Надо послать воиновъ. Она видитъ пажа Иродіады и обращается къ нему. Подойди сюда! Ты былъ другомъ того, кто умеръ, не правда ли? Такъ вотъ, еще не довольно мертвыхъ. Скажите воинамъ, чтобы они спустились туда и принесли мнѣ то, что я требую, то, что обѣщалъ мнѣ тетрархъ, то, что мнѣ принадлежитъ. Пажъ отступаетъ. Она обращается къ воинамъ. Подойдите сюда, воины. Спуститесь въ этотъ водоемъ и принесите мнѣ голову этого человѣка. Солдаты отступаютъ. Тетрархъ, тетрархъ, прикажите вашимъ солдатамъ принести мнѣ голову Іоканаана. Огромная черная рука, рука палача, показывается изъ водоема, держа на серебряномъ щитѣ голову Іоканаана. Саломея ее схватываетъ. Иродъ закрываетъ свое лицо плащомъ. Иродіада улыбается и опахивается опахаломъ. Назареяне опускаются на колѣни и начинаютъ молиться. А! Ты не хотѣлъ позволить мнѣ поцѣловать твой ротъ, Іоканаанъ. Такъ вотъ! Я его сейчасъ поцѣлую. Я укушу его своими зубами, какъ кусаютъ зрѣлый плодъ. Да, я поцѣлую твой ротъ, Іоканаанъ. Я сказала тебѣ это, не правда ли? я сказала тебѣ это. Такъ вотъ! Я поцѣлую его теперь!... Но почему ты не смотришь на меня, Іоканаанъ? Твои глаза, что были такъ ужасны, что были такъ полны гнѣва и презрѣнія, они теперь закрыты? Открой свои глаза! Подними

свои вѣки, Іоканаанъ! Почему ты не смотришь на меня? Ты боишься меня, Іоканаанъ, и потому не хочешь на меня смотрѣть!.. И твой языкъ, что былъ словно красная змѣя, источающая яды, онъ ужъ не шевелится, онъ ничего теперь не говоритъ, Іоканаанъ, эта красная ехидна, что изрыгала на меня свой ядъ. Это странно, не правда ли? Почему эта красная ехидна не шевелится больше?.. Ты не хотѣлъ меня, Іоканаанъ. Ты отвергъ меня. Ты говорилъ мнѣ бранныя слова. Ты обошелся со мной, какъ съ распутной, съ блудницей, со мной, Саломеей, дочерью Иродіады, царевной Іудейской! Такъ вотъ, Іоканаанъ, я еще живу, а ты мертвъ и голова твоя принадлежитъ мнѣ. Я могу съ ней сдѣлать все, что хочу. Я могу бросить ее собакамъ и птицамъ воздуха. То, что оставятъ собаки, съѣдятъ птицы въ воздухѣ... Ахъ! Іоканаанъ, Іоканаанъ, ты былъ единственный человѣкъ, котораго я любила. Всѣ другіе мужчины внушаютъ мнѣ отвращеніе. Но ты, ты былъ прекрасенъ. Твое тѣло было колонной изъ слоновой кости на серебряномъ подножьи. Это былъ садъ, полный голубей и серебряныхъ лилій. Оно было серебряной башней, украшенной щитами изъ слоновой кости. Не было ничего на свѣтѣ столь же бѣлаго, какъ тѣло твое. Не было ничего на свѣтѣ столь же чернаго, какъ волосы твои. На всемъ свѣтѣ не было ничего столь же краснаго, какъ ротъ твой. Твой голосъ былъ кадильницей, испускавшей странные ароматы, и когда я смотрѣла на тебя, я слышала странную музыку! Ахъ! Почему ты не посмотрѣлъ на меня, Іоканаанъ? За твоими руками и твоими хулами ты скрылъ свое лицо. Ты надѣлъ на глаза свои повязку того, кто хочетъ видѣть своего Бога. Ну, вотъ, ты видалъ Его, твоего Бога, Іоканаанъ, а меня, меня... Меня ты никогда не видѣлъ. Если бъ ты увидалъ меня, ты полюбилъ бы меня. Я, я видѣла тебя, Іоканаанъ, и я полюбила тебя. О! Какъ я полюбила тебя! И все еще я люблю тебя, Іоканаанъ. Я люблю только тебя... Я жажду твоей красоты. Я алчу твоего тѣла. И ни вино

ни плоды не могутъ утолить желанія моего. Что мнѣ теперь дѣлать, Іоканаанъ? Ни рѣки ни большія воды не могутъ погасить мою страсть. Я была царевной, ты отвергъ меня. Я была дѣвой, ты лишилъ меня дѣвственности. Я была цѣломудренной, ты влилъ огонь въ мои жилы... Ахъ! Ахъ! Почему ты не посмотрѣлъ на меня, Іоканаанъ? Если бъ ты посмотрѣлъ на меня, то полюбилъ бы меня. Я знаю, что ты полюбилъ бы меня, и тайна любви больше, чѣмъ тайна смерти. Лишь на любовь надо смотрѣть.

Иродъ. Она чудовищна, твоя дочь, она совершенно чудовищна. То, что она сдѣлала, по истинѣ великое преступленіе. Я увѣренъ, что это преступленіе противъ невѣдомаго Бога.

Иродіада. Я одобряю то, что сдѣлала моя дочь, и хочу теперь остаться здѣсь.

Иродъ вставая. А! заговорила супруга-кровосмѣсительница! Идемъ! Я не хочу оставаться здѣсь. Идемъ, я говорю тебѣ. Я увѣренъ, что случится несчастіе. Манасей, Иссахаръ, Осія! Потушите факелы. Я ничего не хочу видѣть. Я не хочу, чтобы меня что нибудь видѣло. Потушите факелы! Спрячьте луну! Спрячьте звѣзды! Укроемся въ нашемъ дворцѣ, Иродіада. Я начинаю бояться.

Рабы тушатъ факелы. Звѣзды исчезаютъ. Большое черное облако проходитъ передъ луной и совсѣмъ скрываетъ ее. На сценѣ становится совершенно темно. Тетрархъ начинаетъ подниматься по лѣстницѣ.

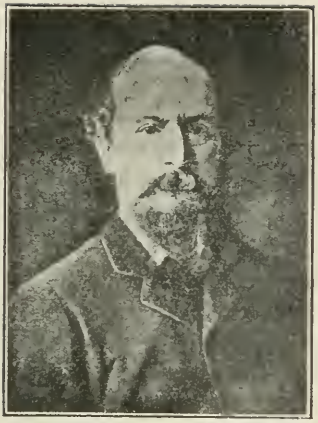
Голосъ Саломеи. А! Я поцѣловала твой ротъ, Іоканаанъ, я поцѣловала твой ротъ! Былъ острый вкусъ на губахъ твоихъ. Былъ ли это вкусъ крови!.. Но, быть можетъ, это былъ вкусъ любви. Говорятъ, что у любви острый вкусъ... Но все равно. Все равно. Я поцѣловала твой ротъ, Іоканаанъ, я поцѣловала твой ротъ.

Лунный лучъ падаетъ на Саломею и освѣщаетъ ее.

Иродъ оглядываясь и видя Саломею. Убейте эту женщину!

Воины бросаются и щитами своими раздавливаютъ Саломею, дочь Иродіады, царевну Іудейскую.

ПЕРЕВ. М. ЛИКІАРДОПУЛО.



АЛЬЖЕРОНЪ СУИНБЕРНЪ.

На Сѣверномъ морѣ.

ИЗЪ Ч. А. СУИНБЕРНА.

Земля молчаливѣй развалинъ,
И море мрачнѣе, чѣмъ смерть,
Здѣсь вѣтеръ гнѣвливъ и печаленъ,
Не красится розами твердь;
Цвѣтовъ не рождаетъ пустыня,
Пустыня рождаетъ туманъ,
Уставши, лежитъ, какъ рабыня,
А царь—Океанъ.

Здѣсь негдѣ стадамъ пріютиться,
Въ лугахъ ни коровъ ни овецъ;
Безъ сна и безъ пѣсенъ здѣсь птицы,
Здѣсь вѣтеръ—безсонный бѣглецъ;
Безслѣдно проносятся крики,
Какъ молніи, птицы летятъ,

Здѣсь Море и Смерть,—два владыки
Всевластно царятъ.

Какъ царь съ молчаливой подругой,
У Смерти лежитъ Океанъ,
Онъ вѣчно дрожитъ отъ испуга,
Онъ страшною близостью пьянъ;
Блестятъ Его бѣлыя ризы,
Какъ съ выси мутнѣющей дождь;
Въ Немъ слава ея и капризы,
А въ Ней Его мощь.

Она улыбается гордо,
Ея Онъ присутствію радъ:
Какъ темною ночью аккорды
Полногласно ихъ рѣчи звучатъ.
„Ты убьешь меня, Смерть, для забавы,
Но я весь, весь наполненъ тобой!“—
„Океанъ, о мой Страшный! Кровавый!
О, мой братъ дорогой!“

Годъ рождаетъ живыя мгновенья,
А хоронятъ нѣмые вѣка;
Сердце смерти не знаетъ прощенья,
А Его не устанетъ рука.
Смерти хохотъ и ропотъ и голодъ
Разжигаютъ въ Немъ дикую страсть:
На корабль Онъ направилъ свой молотъ
И, какъ волкъ, свою пасть.

Нѣтъ спасенья отъ Моря и Смерти,
Нѣтъ спасенья отъ хляби морской!
Нѣтъ убѣжища, люди, повѣрьте
Нѣтъ Вамъ гавани, кромѣ одной,
Той, гдѣ вѣтеръ утихнетъ лукавый,
Гдѣ спокойныя воды молчатъ,
Гдѣ, какъ сталью подбитыя травы,
Мертвецы тихо спятъ.

Сосчитать волны въ морѣ не можетъ
Даже вѣтеръ – владыка валовъ:
Сколько волнъ онъ на морѣ встревожитъ,
Столько спитъ тамъ на днѣ мертвецовъ.

На чужбинѣ ли мы иль въ отчизнѣ,
И которые лучше живутъ,
Тѣ изъ насъ, что на якоряхъ жизни,
Или тѣ, что плывутъ?

Н. ВАСИЛЬЕВЪ.

Сентиментальная прогулка.

ИЗЪ П. ВЕРЛЭНА.

Таяло солнце въ прощальныхъ лучахъ;
Нимфъ водяныхъ пышноцвѣтныя лица
Грустно блѣднѣли на темныхъ водахъ,
Чуть колыхая свои вереницы.
Шелъ я одинъ съ безысходной тоской
Вдоль береговъ, гдѣ раскинулись ивы.
Тусклый туманъ выросталъ предо мной,
Призракъ неясный, сырой и тоскливый.
Горько я плакалъ, и птицы рѣчной
Словно въ отвѣтъ раздавались призывы
Вдоль береговъ, гдѣ раскинулись ивы,
Гдѣ я бродилъ съ безысходной тоской.
И погрузились въ сумракъ безмолвный
Блѣднсе небо и грустныя волны,
И пышноцвѣтныя лица цвѣтовъ,
Нимфъ водяныхъ межъ густыхъ тростниковъ.

А. КУБЛИЦКАЯ-ПІОТТУХЪ.

* * *

ИЗЪ П. ВЕРЛЭНА.

Въ слезахъ моя душа,—
Подъ проливнемъ селенье;
Унынiемъ дыша,
О чемъ груститъ душа?

Потоки дождевые
По кровлямъ, по землѣ!
Въ минуты скуки злыя
О, пѣсни дождевыя!

О, слезы безъ причинъ
Въ душѣ, что провожаетъ
Измѣны безъ кручинъ!
Мой трауръ безъ причинъ.

Вотъ горшее страданье:
Не знаешь, отчего,
Чужда очарованья,
Душа полна страданья!

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

Лѣсныя пѣсни.

ВЪ ГЛУБИНѢ ТЕМНОСТВОЛЬНОЙ.

Строгихъ сосенъ кресты вознесенные,
Мшистыхъ елей сѣдое подножье...
Затерялись тропы потаенныя,
Залучило меня бездорожье!

Древнiй лѣсъ мой, призывно-вздыхающiй,
Напои меня свѣжестью смольной!
Съ вешнимъ взоромъ, съ душою незнающей,
Я одна—въ глубинѣ темноствольной.

Точно вѣетъ молитва пустынная
Здѣсь, во храмѣ твоемъ неоглядномъ!
Предъ тобой моя радость безвинная
Тихо свѣтится свѣтомъ лампаднымъ.

Надъ вѣтвями, въ шуршаньяхъ сплетенными,
Блещутъ выси, лазурно и строго.
Облаками воздушно-вспѣненными
Огневая клубится дорога.

Какъ въ вѣнцѣ ихъ, зарей ожемчуженномъ,
Вспыхнулъ отблескъ далекаго рая,—
Такъ и въ сердцѣ моемъ неразбуженномъ
Зацвѣтаетъ мечта заревая.

И бросаюсь я въ травы узорныя,
Имъ повѣдать безбольную думу,
И услады вдыхать неповторныя,
Отдаваясь зеленому шуму...

О, стеблей легковѣйныхъ касаніе,
О, въ безлюдьи поющія струи!—
Златозвонныхъ ручьевъ ликованіе,
Златоустыхъ цвѣтовъ поцѣлуи!

М. ПОЖАРОВА.

Къ землѣ.

Въ разсвѣтный вечеръ окно открою,
Навстрѣчу росамъ и вѣтру мглистому.
Мое Страданье, вдвоемъ съ тобою
Молиться будемъ разсвѣту чистому.

Я знаю: сила и созиданье
Въ послѣдней тайнѣ,—въ ея раскрытіи.
Теперь—мы двое, мое Страданье,
Но будемъ Два мы,—въ одномъ совитіи.

И съ новымъ ликомъ, безъ рабства счастью,
Въ лучахъ страданья, въ тѣни влюбленности,
Къ разсвѣтнымъ росамъ пойдемъ со властью,
Разбудимъ росы отъ смертной сонности.

Сойдемъ туманомъ, веселымъ дымомъ,
Прольемся въ небѣ зарею алою,
Зажжемъ желаньемъ неутолимымъ
Больную землю, сестру усталую...

Нѣтъ не къ сестрѣ мы—къ Землѣ-Невѣстѣ
Пойдемъ съ дарами всесильной ясности,
И если нужно—сгоримъ съ ней вмѣстѣ,
Сгоримъ мы трое въ огнѣ всестрастности.

З. ГИППІУСЪ.

Ночи.

Чуть воютъ псы сторожевые.
Сегодня тамъ же, гдѣ вчера,
Кочевій скудныхъ дѣти злыя,
Мы руки грѣемъ у костра.

И дико смотритъ исподлобья
Пустыхъ ночей глухая сонь.
Въ дыму рубиновые хлопья,
Свистя, гремя, кружитъ огонь.

Молчитъ пустыня. Въ даль безъ звука
Колючій вѣтеръ гонитъ прахъ,—
И нашихъ пѣсенъ злая скука
Язвя кривится на губахъ...

Чуть воютъ псы сторожевые.

ВЛАДИСЛАВЪ ХОДАСЕВИЧЪ.

ФРИДРИХЪ НИЦШЕ.

Слава и Вѣчность.

ИЗЪ ДІОНИСОВЫХЪ ДИФИРАМБОВЪ.

I.

Какъ долго сидишь ты уже
на своемъ злополучіи?
Берегись! ты еще высидишь мнѣ
яйцо,
яйцо василиска
изъ твоего долгаго горя.

Чего пробирается Заратустра вдоль горы?—

Недовѣрчивый, покрытый нарывами, мрачный,
долго подстерегавшій—
но внезапно ставшій молніей,
свѣтлый, страшный ударъ
небу изъ бездны:
— у самой горы трясутся
внутренности...

Гдѣ ненависть и молнія
слились въ одно, п р о к л я т ь е—,
на горахъ живетъ теперь гнѣвъ Заратустры,
какъ грозовая туча, пробирается онъ своей дорогой.

Прячьтесь же, у кого есть послѣдняя кровля!
Забирайтесь въ постели, вы, нѣженки!
Громы гремятъ надъ сводами,
дрожатъ всѣ стѣны и балки,
сверкаютъ молніи и сѣрно-желтыя истины—
Заратустра п р о к л и н а е т ъ...

II.

Эта монета, которою
платятъ всѣ,
с л а в а—,
въ перчаткахъ дотрогиваюсь я до этой монеты,
съ отвращеніемъ бросаю я ее себѣ подъ ноги.

Кто хочетъ быть оплаченнымъ?
Продажные...
Кто продается, тотъ хватаетъ
жирными руками
эту всесвѣтную погремушку, славу!

Х о ч е ш ь купить ихъ?
Они всѣ продажны.
Но предлагай много!
звени полнымъ кошелькомъ!
— иначе ты у к р ѣ п и ш ь ихъ,
иначе ты укрѣпишь ихъ добродѣтель...

Они всѣ добродѣтельны.
Слава и добродѣтель—это риѳмуется.
Пока люди живутъ,
они платятъ за шумиху добродѣтели
шумихой славы—,
міръ ж и в е т ъ этимъ шумомъ...

Передъ всѣми добродѣтельными
хочу я быть должникомъ,

хочу считаться повиннымъ во всякомъ великомъ долгѣ!
Передъ всѣми рупорами славы
мое честолюбіе становится червемъ—,
въ средѣ такихъ людей мнѣ хочется
быть самымъ и з м е н н ы м ъ...

Эта монета, которою
платятъ всѣ,
слава—,
въ перчаткахъ дотрогиваюсь я до этой монеты,
съ отвращеніемъ бросаю я ее себѣ подъ ноги.

III.

Тише!—
О великомъ... я вижу великое!..
нужно молчать
или говорить возвышенной рѣчью:
говори возвышенной рѣчью, моя восхищенная
мудрость!

Я обращаю взоръ вверхъ—
тамъ волнуются моря свѣта:
— О, ночь, о, молчаніе, о, шумъ, подобный гробовой
тишинѣ!..

Я вижу знаменіе—,
изъ отдаленнѣйшихъ далей
приближается, медленно искрясь, ко мнѣ созвѣздіе...

IV.

Высшее свѣтило бытія!
Скрижаль вѣчныхъ изваяній!
Ты приходишь ко мнѣ?—
Чего никто не видѣлъ,
твоей нѣмой красоты,—
какъ? она не убѣгаетъ отъ моихъ взоровъ?—

Щитъ необходимости!
скрижаль вѣчныхъ изваяній!
—но вѣдь ты уже знаешь:
что́ ненавидятъ всѣ,
что́ только я люблю:
— что ты в ѣ ч н а,

— что ты необходима!—
Моя любовь возжигается
вѣчно лишь отъ необходимости.
Щитъ необходимости!
высшее свѣтило бытія!
—котораго не достигаетъ ни одно желаніе,
котораго не оскверняетъ ни одно „нѣтъ“,
вѣчное „да“ бытія,
вѣчно я есмь твое „да“:
ибо я люблю тебя, о, вѣчность!..

ПЕРЕВ. Н. ПОЛИЛОВЪ.

Послѣдняя воля.

ИЗЪ ДІОНИСОВЫХЪ ДИѲИРАМБОВЪ.

Такъ умереть,
какъ видѣлъ я нѣкогда умирающимъ его—,
друга, который металъ божественно
молніи и взоры въ мою темную юность:
—своенравный и глубокій,
въ битвѣ пляшущій—,
среди воиновъ самый веселый,
среди побѣдителей самый тяжелый,
на своей судьбѣ стоящій судьбою,
твердый, разсудительный, предупредительный—:
дрожащій оттого, что онъ побѣдилъ,
ликующій оттого, что онъ побѣдилъ умирая—:
умирающій повелѣвая,
— а повелѣлъ онъ уничтожать...
Такъ умереть,
какъ нѣкогда видѣлъ я умирающимъ его:
побѣждающимъ, уничтожающимъ...

ПЕРЕВ. Н. ПОЛИЛОВЪ.

Огоньки.

Весело смѣются
Жизни огоньки,
Яркой лентой вьются
Искры, язычки...

Пламя застилаетъ
Грусть-тоску, печаль,
Сердце замираетъ,
Рвясь куда-то вдаль...

Длинной вереницей
Огоньки бѣгутъ,
Вольной, пѣвчей птицей
Радость намъ поютъ...

Кровь быстрѣетъ въ жилахъ,
Радостно такъ жить...
Здравствуй, все, что въ силахъ
Вѣрить и любить...

. . . . . Тлѣютъ, догорая,
Жизни огоньки,
Рвется грудь, страдая,
Полная тоски...

Въ длинныхъ скорбныхъ звукахъ
Смерти слышенъ зовъ...
Сердце стонетъ въ мукахъ
Тягостныхъ оковъ...

Гаснетъ, зеленѣя,
Слабый огонекъ,
Умираетъ, тлѣя,
Грустенъ, одинокъ...

Оборвались струны,
Замеръ сладкій звонъ.
Жизни голосъ юный
Превратился въ стонъ...

. . . . . Огонекъ подрялся
Слабый невзначай...
Вспыхнулъ... и прервался.
Смерть идетъ... прощай.

МИХАИЛЪ ГАЛЬПЕРИНЪ.

Опять.

Я хотѣлъ бы тебя заласкать вдохновеніемъ,
Чтобъ мои надъ тобой трепетали мечты,
Какъ стремится ручей мелодическимъ пѣніемъ
Заласкать наклонившихся лилій цвѣты,
Чтобы съ каждымъ нахлынувшимъ новымъ мгновеніемъ
Ты шептала: „Опять! Это—ты! Это—ты!“

О, я буду воздушнымъ и нѣжно-внимательнымъ.
Буду вкрадчивымъ,—только не бойся меня,
И къ непознаннымъ снамъ, такъ желанно-желательнымъ,

Мы уйдемъ чрезъ сліяніе ночи и дня,
Чтобъ угаданный свѣтъ былъ какъ будто гадательнымъ,
Чтобъ мы оба зажглись отъ того же огня.

Я тебя обожгу поцѣлуемъ томительнымъ,
Несказаннымъ—однимъ—поцѣлуемъ мечты,
И блаженство твое будетъ сладко-медлительнымъ,
Между ночью и днемъ, у завѣтной черты,
Чтобъ, закрывши глаза, ты въ восторгѣ мучительномъ
Прошептала: „Опять! Ахъ, опять! Это—ты!“

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

ПЕТЕРЪ АЛЬТЕНБЕРГЪ.

Первобытная.

ПЕТЕРА АЛЬТЕНБЕРГА.

Ночью въ кафе. Четыре часа утра.
За однимъ столомъ сидятъ семь ночныхъ гулякъ и, какъ туристы на Риги, ждутъ разсвѣта—золотой, розовой зари.

Но воздухъ здѣсь далеко не горный.

„Гуляка"—это человѣческая машина, выбитая изъ колеи. Она начинаетъ останавливаться на ходу, бросается направо, налѣво, понапрасну расходуетъ силу, опрокидывается и лежитъ неподвижно, какъ пьяница въ уличной грязи.

Эти люди сидятъ, пропиваютъ гроши, говорятъ, говорятъ, похваляются и все больше пьянѣютъ. Бьются объ закладъ, горячатся и ссорятся.

За другимъ столомъ сидятъ извозчики. Они грубы, неповоротливы и молчаливы. Очень рѣдко, почти никогда, не разгораются ихъ страсти. Все какъ бы сковано въ нихъ. Они все вымещаютъ на лошадяхъ. „Ну, ты, дьяволъ!..“ Ударъ ногой въ животъ. Но дьяволъ сидитъ здѣсь въ ресторанѣ, или въ другомъ мѣстѣ. Бѣдное животное только представитель его. Всѣ страсти срываются на лошадяхъ.

Молодая дѣвушка съ прекраснымъ блѣднымъ лицомъ поникла надъ столомъ, за которымъ сидитъ блѣдный молодой человѣкъ.

—Что съ вами?—спросилъ молодой человѣкъ и прикоснулся къ ея красивой бѣлой рукѣ.

—Я боюсь,—сказала дѣвушка.

—Что нужно отъ васъ этому субъекту?

—Ничего!.. Я боюсь, что онъ меня побьетъ, когда я выйду на улицу. Я не хочу домой, я боюсь. Мнѣ совсѣмъ не надо, чтобъ меня любили. Мнѣ нужны только деньги, хорошія платья. А онъ меня будетъ бить.

— Пойдемте со мной,—сказалъ молодой человѣкъ и поднялся съ мѣста.

У него пробудилось глубокое сочувствіе къ ней за то, что уста ея вѣщали искреннія, правдивыя слова души, хотя и грубой, какъ сама природа.

„Мнѣ не нужно, чтобъ меня любили... Мнѣ нужны только деньги, хорошія платья“... Это восхищало его.

Онъ любилъ тѣхъ, чья рѣчь полностью выражаетъ сущность ихъ природы. Онъ любилъ, чтобъ звучала сама природа человѣка, а не отдѣльный инструментъ, какъ флейта или кларнетъ, изъ которыхъ можно по желанію извлечь любой звукъ. А потомъ бросить.

По этому нельзя узнать, каковъ человѣкъ. Онъ бросаетъ инструментъ— и все обрывается. Онъ— музыкантъ, а не человѣкъ... Человѣкъ не можетъ перестать звучать. Онъ всегда долженъ пѣть свою человѣческую душу, хотя бы тихо, чуть слышно... И если она грубая—пѣть грубо...

А эти культурные люди играютъ то, что имъ вздумается...

Пусть прежде всего будетъ правда. А изъ нея можетъ потомъ произрасти и красота! Да, можетъ.

Такъ думалъ онъ. Онъ довольствовался одной правдой.

— Вотъ я какая!—говорила она, и это восхищало его.

Онъ думалъ:—Это земля въ мѣловомъ періодѣ. Что будетъ дальше?

Вотъ почему взялъ онъ ее подъ свою охрану, сталъ ея рыцаремъ.

Она повисла на его рукѣ, прижалась къ нему изъ страха передъ своимъ Петруччіо.

— Мнѣ не надо, чтобъ меня любили,—шептала она.

Было пять часовъ утра. Кому знакомо уличное утро? Эта ранняя утренняя жизнь жалкихъ людей, промѣнявшихъ мягкое тепло постели на холодный воздухъ за 30 крейцеровъ, за 40, за 60... Изъ булочныхъ несется чудесный, теплый запахъ. Что еще? На душѣ нерадостно. Какъ непохоже все это на то состояніе, которое испытываютъ люди, когда солнце струитъ и разсыпаетъ на улицахъ теплый свѣтъ, трепеща лучами...

Онъ привелъ молодую дѣвушку къ себѣ домой. У него была маленькая комната, но она носила печать его личности. Во-первыхъ, она всегда была пропитана запахомъ айвы, которая лежала въ углу, въ деревянномъ ящикѣ. Во-вторыхъ, чистотой своей она напоминала фламандскую живопись, а на окнахъ висѣли красивыя занавѣски, прозрачныя, вязаныя, какъ старинныя брюссельскія кружева. Надъ кроватью висѣла великолѣпная гравюра „Тайная вечеря“ Гебгарда. На мѣстѣ лица Іуды, на фонѣ полуоткрытой двери была наклеена толстая золотая медаль съ художественно вырѣзанной на ней головой Спинозы.

— Этотъ смываетъ позоръ того. Онъ покрываетъ его своимъ чистымъ золотомъ, искупаетъ его.

Таковъ былъ смыслъ этого.

Молодой человѣкъ положилъ нѣсколько щепокъ душистаго смолистаго дерева въ широкую свѣтло-зеленую печь. Потомъ зажегъ ихъ и положилъ сверху рядъ чистыхъ сухихъ дровъ.

Скоро пламя разгорѣлось. Въ комнатѣ стало тепло и уютно.

Молодая дѣвушка сидѣла обнаженная въ углу, у печки.

Молодой человѣкъ сидѣлъ за своимъ столомъ, противъ нея, и писалъ въ тетради.

De pudore. Стыдливость! Быть можетъ, это лишь сознаніе той пропасти, которая лежитъ между тѣмъ, чѣмъ мы должны и можемъ быть физически, и тѣмъ, что мы есть. Мы тоскуемъ о нашемъ собственномъ „я“, которое изуродовано жизненными тисками. Эта тоска называется стыдливостью. Не смотрите на меня, люди, каковъ я есть! Мы стыдимся всего того, что разрушаетъ наше я, что препятствуетъ его расцвѣту. Это грусть о томъ, что мы еще не „послѣдніе“, не „богоподобные“... Но что скрывать тебѣ, если ты стала собственнымъ идеаломъ, если ты сіяешь, какъ воплощенная идея?! Ты опять въ раю, и опять обнажаешь себя, какъ прежде... Красота убиваетъ стыдъ! Быть можетъ, это чувство заложено въ насъ для того, чтобъ мы своимъ совершенствомъ преодолѣвали его. Если ты таковъ, какимъ долженъ быть— сбрось съ себя всѣ покровы, побѣдоносный!

— Что вы тамъ пишите?—спросила дѣвушка.

Онъ прочелъ ей и объяснилъ слова.

— Это—вы,—сказалъ онъ,—я только списалъ это съ васъ.

— Это правда, я люблю свое тѣло,—сказала она—я чту его, какъ святыню, и очень о немъ забочусь. Для него нужно, напримѣръ, чтобъ я долго спала и чтобъ никто меня не будилъ; ему нужна простая легкая пища и еще многое другое. Когда я просыпаюсь—печь у меня уже топится, и въ комнатѣ тепло. Посреди комнаты стоитъ большая ванна съ холодной ключевой водой. Весело

вскакиваю я съ постели прямо въ воду и лежу въ ней пять минутъ. И потомъ—назадъ въ постель... Ахъ, цѣлый жизненный потокъ струится во мнѣ!.. Потомъ я встаю. Мнѣ бываетъ очень весело... Потомъ я ѣмъ куриный бульонъ съ тремя яичными желтками, потомъ морскую рыбку и рокфоръ. Я пью только чистую воду, не курю. Разъ одинъ господинъ сказалъ мнѣ, что я типъ эгоистки. Но кому я этимъ доставляю удовольствіе—себѣ, или тѣмъ, кто думаетъ: если ты таковъ, какимъ должнъ быть—сбрось съ себя покровы, побѣдоносный!?

И она стояла передъ нимъ, улыбаясь, во всей своей красотѣ...

Онъ поцѣловалъ ее въ губы.

— Вы—умная, сказалъ онъ. Но это былъ его собственный умъ.

— У васъ дыханіе, какъ запахъ сладкаго жаренаго еще теплаго миндаля.

„Это дыханіе есть продуктъ всего организма, думалъ онъ. За это дыханіе люблю я ее. Вотъ какъ чисто можетъ быть все въ человѣкѣ!“

Высшая радость передъ лицомъ совершенства охватила его. Это былъ какъ бы ликующій возгласъ путника, достигнувшаго горной вершины, залитой солнцемъ... выше нельзя! Спокойствіе, отдыхъ, счастье! Свершившаяся воля Бога... нѣтъ ничего священнѣе этого! А эта воля простирается и на темнаго носителя души... Да будетъ онъ прекрасенъ! Мы чтимъ прекрасный образъ, хотимъ обезсмертить его. А все несовершенное позоритъ насъ,— будь оно проклято!

Это идеальное тѣло, это чистое дыханіе растворяли низменные инстинкты и чувственность въ широкомъ сознаніи освобожденной жизни.

И такъ легли они спать, какъ братъ и сестра.

Когда она проснулась, онъ сидѣлъ передъ ней. Было три часа дня. Она раскраснѣлась отъ сна.

Въ печкѣ потрескивали душистыя сосновыя дрова. Посреди комнаты стояла сверкающая ванна съ холодной ключевой водой. На столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, на блюдѣ лежала рыба, а въ

большой стеклянной чашкѣ отливалъ золотомъ бульонъ, какъ искрящееся вино.

На серебряной тарелочкѣ лежалъ зеленоватобѣлый кусочекъ рокфора.

— О, какой вы добрый!—сказала она удивленно. Она купалась пять минутъ. Потомъ ея цвѣтущее идеальное тѣло нѣжилось въ постели. Потомъ она нагая сѣла за столъ и стала ѣсть. Онъ служилъ ей, какъ придворный служитъ королю. Въ первый разъ это дитя природы чувствовало въ мужчинѣ человѣка... Для него было свято то, что было свято ей—ея прекрасное тѣло.

Она какъ бы сознавала свое право на его заботы. Чувствовалось вѣяніе Грец'и...

Между ихъ воспріятіемъ міра было много общаго. Они не притворялись другъ передъ другомъ, —свободные, понимающіе... За это она любила его.

Со своимъ сложнымъ толкованіемъ ея первобытности онъ становился почти ея учителемъ. Онъ находилъ философское основаніе, психологическое объясненіе тому, что въ ней было „безсознательно прекрасно". Онъ „познавалъ" первобытность. Его ученіе гласило: „Все остальное не важно, если ты одаренъ божественной красотой!" Мы не можемъ создавать людей по своему идеалу, а только развивать то, что заложено въ нихъ. Ихъ идеалъ заложенъ въ нихъ самихъ, а не въ насъ. Было бы правильно сказать: „учить—значитъ прислушиваться къ органическому росту". А люди стремятся согнуть, придать свою форму, изломать, уничтожить... Но кого они уничтожаютъ при этомъ? Самихъ себя! А потомъ начинаютъ вздыхать о своихъ погибшихъ идеалахъ...

Уходя, дѣвушка сказала:—Подарите мнѣ эту золотую медаль, которая на картинѣ...

Это была жадность къ деньгамъ и любопытство одновременно.

Онъ вынулъ картину изъ рамы и досталъ оттуда медаль. Тогда она увидѣла голову Іуды.

—Тоже предатель...—сказала она.

—Какъ тоже? Это все тотъ же! Онъ заклю-

ченъ въ насъ, и „другой“ тоже. Но вы этого не поймете. Онъ всегда въ насъ живетъ и измѣняетъ, продаетъ, убиваетъ въ насъ идеальнаго человѣка...

Она взяла медаль съ головой Спинозы.

—Прощайте,—сказала она и поцѣловала его. Опять ощутилъ онъ это дыханіе, напоминающее запахъ горячаго сладкаго миндаля.

— Прощайте,—отвѣтилъ онъ.

И повѣсилъ картину на старое мѣсто на стѣнѣ, надъ своей кроватью.

Опять въ своей безотчетной грусти сидѣли передъ нимъ благородные ученики съ своимъ благороднѣйшимъ, безнадежно усталымъ, затравленнымъ учителемъ—этимъ цвѣтомъ всего человѣчества. А бдѣдный Іуда стоялъ на фонѣ полуоткрытой двери, въ которую вливался слабый утренній свѣтъ...

Но не утро приближалось теперь къ нему... снова наступила ночь.

ПЕРЕВ. АДЕЛАИДА ГЕРЦЫКЪ.

Васильки.

Набѣгаетъ, склоняется, зыблется рожь,
Точно волны зыбучей рѣки.
И вездѣ васильки,—не сочтешь, не сорвешь.
Ослѣпительно полдень хорошъ.

Въ небѣ тучекъ перистыхъ прозрачная дрожь.
Но не въ силахъ дрожать лепестки.
А туда побѣжать, черезъ рожь, до рѣки—
Васильки, васильки, васильки.

—„Ты вчера обѣщала сплести мнѣ вѣнокъ,
Повѣряла мнѣ душу свою.
А сегодня ты вся, какъ закрытый цвѣтокъ.
Я смущенъ. Я опять одинокъ.

Я опять одинокъ. Вотъ какъ тотъ василекъ,
Что груститъ тамъ, на самомъ краю—
О, пойми же всю нѣжность и все, что таю:
Эту боль, эту ревность мою".

—„Вы мнѣ утромъ сказали, что будто бы я
Въ чемъ-то лживо и странно таюсь,
Что прозрачна, обманна вся нѣжность моя,
Какъ свѣтящихся тучекъ края.

Вы мнѣ утромъ сказали, что будто бы я
Безсердечно надъ вами смѣюсь,
Что томительнѣй жертвъ, что мучительнѣй
узъ—
Нашъ безмолвный и тихій союзъ".

Набѣгаетъ, склоняется, зыблется рожь,
Точно волны зыбучей рѣки.
И вездѣ васильки,—не сочтешь, не сорвешь.
Ослѣпительно полдень хорошъ!

Въ небѣ тучекъ перистыхъ прозрачная дрожь.
Но не въ силахъ дрожать лепестки.
А туда побѣжать, черезъ рожь, до рѣки—
Васильки, васильки, васильки!

ВИКТОРЪ ГОФМАНЪ.

ГУГО ФОНЪ-ГОФМАНСТАЛЬ.

Безумецъ и смерть.

ГУГО ФОНЪ-ГОФМАНСТАЛЯ.

Смерть.	Мать Клавдіо	мертвые.
Клавдіо, дворянинъ.	Любовница его	
Слуга.	Другъ юности	

Въ домѣ Клавдіо. Костюмы двадцатыхъ годовъ.

Кабинетъ Клавдіо, въ стилѣ empire. Въ глубинѣ сцены справа и слѣва большія окна, посрединѣ—стеклянная дверь, ведущая на балконъ, откуда спускается въ садъ деревянная лѣстница. Слѣва бѣлая дверь, справа такая же бѣлая дверь, ведущая въ спальню, завѣшенная зеленымъ бархатнымъ занавѣсомъ. У лѣваго окна письменный столъ и кресло предъ нимъ. У колоннъ стеклянные шкафы съ древностями. У стѣны справа темный рѣзной сундукъ въ готическомъ стилѣ; надъ нимъ висятъ старинные музыкальные инструменты. Картина итальянскаго художника, почти совсѣмъ почернѣвшая отъ времени. Основной тонъ обоевъ—свѣтлый, почти бѣлый; украшенія бѣлыя лѣпныя и золотыя.

Клавдіо.

(Одинъ; онъ сидитъ у окна. Вечернее солнце).

Еще сіяетъ цѣпь далекихъ горъ
Въ горячемъ блескѣ влажности воздушной.
Плыветъ вѣнецъ изъ бѣлоснѣжныхъ тучъ
На высотѣ съ каймою золотою

И съ сѣрыми тѣнями. Такъ писали
Старинные художники Мадонну—
Гряду ее несущихъ облаковъ.
Ихъ тѣней синева лежитъ на склонахъ,
А тѣни горъ наполнили долину,
Смягчая блескъ зеленаго простора;
Вершина рдѣетъ въ яркости заката.
Моей тоскѣ такъ близки стали тѣ,
Которые живутъ уединенно
Тамъ, далеко внизу, среди полей!
Богатства ихъ, добытыя руками,
Вознаграждаютъ за усталость тѣла.
Ихъ будитъ утра чудный, рѣзвый вѣтеръ,
Бѣгущій босикомъ по тихой степи;
Вокругъ летаютъ пчелы, въ вышинѣ
Струится жаркій, свѣтлый Божій воздухъ.
Природа отдалась имъ на служенье,
Во всѣхъ желаньяхъ ихъ течетъ природа,
Они вкушаютъ счастье въ перемѣнной
Игрѣ усталости и свѣжихъ силъ.
Ужъ потонуло солнце золотое
Въ зеленомъ дальнемъ зеркалѣ морей;
Послѣдній свѣтъ блистаетъ сквозь деревья;
Теперь клубится красный дымъ; прибрежье
Пылаетъ заревомъ; тамъ—города,
Изъ волнъ они выходятъ, какъ наяды,
Качаютъ на высокихъ корабляхъ,
Какъ на рукахъ, дѣтей своихъ любимыхъ—
Отважныхъ, благородныхъ и лукавыхъ.
Они скользятъ надъ дальними морями,
Гдѣ никогда корма не прорѣзала
Волну, гдѣ рѣетъ таинство чудесъ,—
И душу будитъ дикій гнѣвъ морей,
Ее врачуетъ онъ отъ грезъ и боли...
Благословенно все, и полно смысла,
И жадно я смотрю на дальній міръ.
Когда же взоръ скользитъ надъ тѣмъ, что ближе,
Все кажется пустыннымъ и печальнымъ
И оскорбительнымъ; какъ будто здѣсь,
Надъ улицей и домомъ этимъ вьется
Вся жизнь моя, упущенная мной,

Всѣ радости утраченныя, слезы,
Пролитыя въ тиши моей душой,
Безцѣльность всѣхъ исканій и надеждъ.

Стоя у окна.

Они теперь зажгли огни; весь міръ
Въ домахъ ихъ тѣсныхъ заключенъ для нихъ,
Со всѣмъ богатствомъ скорби и восторговъ,
Со всѣмъ, что держитъ душу въ заключеньи.
Они сердечно близки межъ собой,
Горюютъ о разлукѣ съ дальнимъ другомъ,
И если горести постигнутъ ихъ,
Они сумѣютъ и утѣшить—я же
Не въ силахъ утѣшать людей.
Въ простыхъ словахъ они передаютъ
Все нужное для смѣха и для слезъ;
Не надо имъ кровавыми ногтями
Рвать гвозди изъ дверей запечатлѣнныхъ...

Что знаю я о жизни? Только съ виду
Среди нея стоялъ я, никогда
Я съ нею не сливался. Тамъ, гдѣ люди
Берутъ или даютъ, я оставался
Нѣмымъ въ душѣ, въ бездѣйствіи, поодаль.
Я не касался устъ, любимыхъ всѣми,
Напитка жизни не пилъ я: скорбь
Могучая меня не потрясала;
Съ рыданьемъ одинокимъ никогда
Я не бродилъ по улицамъ пустыннымъ!
Когда я ощущалъ въ себѣ волненье,—
Нѣтъ,—только тѣнь естественнаго чувства,
Природы щедрой даръ,—стремился я
Умомъ чрезмѣрно зоркимъ все назвать,
Все взвѣсить и сравнить—а между тѣмъ
Довѣріе и счастье исчезали.

И горе,—разъѣдала мысль моя
Его, какъ щелокомъ: оно блѣднѣло,
На пряди и на нити распадалось!
Къ груди моей хотѣлъ прижать я скорбь,
Упиться ею, въ ней найти блаженство:
Едва она крыломъ меня касалась,

Ослабѣвалъ я, и печаль смѣняли
Досада и неловкость.

Пугаясь.

Ужъ темнѣетъ.
Опять томлюсь я думами... Да! время
Дѣтей имѣетъ разныхъ... Я усталъ.

Слуга вноситъ лампу, уходитъ.

Теперь при блескѣ лампы вижу снова
Весь мертвый хламъ, здѣсь собранный годами,
Хотѣлъ проникнуть тайно я чрезъ вещи
Въ ту жизнь, куда не зналъ прямыхъ путей
И о которой молча тосковалъ.

Ходитъ нѣкоторое время въ задумчивости взадъ и впередъ. За сценою раздаются манящіе и волнующіе звуки скрипки, сначала издалека, потомъ приближаются и звучатъ полно и могуче, какъ будто они врываются изъ комнаты рядомъ.

Что? Музыка?.. Какъ странно говоритъ
Она душѣ! Не вздорныя ли рѣчи
Меня смутили?—Нѣтъ, я никогда
Не слышалъ раньше звуковъ столь глубокихъ!

Онъ останавливается съ правой стороны, прислушиваясь.

Всесильно проникаютъ они въ душу,
Давно-желаннымъ трепетомъ волнуютъ;
Въ нихъ жалоба печали безконечной
И безконечность радостной надежды.
Какъ будто съ этихъ старыхъ, тихихъ стѣнъ
Струится просвѣтленной жизнь моя.
Какъ матери приходъ, какъ появленье
Возлюбленной, какъ ласковый возвратъ
Давно потерянаго безнадежно,—
Такъ эти звуки сердце согрѣваютъ!
И молодости море вижу я,
И вновь стою, какъ отрокъ въ блескѣ мая,
Когда душою съ міромъ я сливался
И ощущалъ стремленій безконечность,
Предчувствуя богатства бытія!
Потомъ пришла пора моихъ скитаній,
И въ опьяненьи я взиралъ на міръ,
И розы рдѣли, и колокола
Звенѣли чуждымъ, свѣтлымъ ликованьемъ:

Какъ все тогда дрожало чудной жизнью,
Такъ близко пониманью и любви!
Я, въ восхищеньи, чувствовалъ себя
Живымъ звеномъ въ кольцѣ великомъ жизни!
Въ своей душѣ я предвкушалъ любовь,
Которая питаетъ всѣ сердца,
Я счастливъ былъ сознаніемъ блаженнымъ,
И сердце расширялось ликованьемъ,
Какъ иногда, теперь, едва въ летучемъ снѣ...
Не умолкайте, звуки! Сердце жадно
Васъ ловитъ, и волнуется былымъ;
Я жизнь минувшую переживаю,
Веселой, теплой кажется она;
Воспламенились нѣжные огни,
Застывшія движенья растопили,
И разгорѣлись, и взлетаютъ къ небу!
Охваченъ звукомъ совѣсти начальной,
Младенчески-глубокими тонами,—
Спадаетъ гнетъ тяжелаго познанья,
Нагроможденный долгими годами,
И жизнь, которой я почти не вѣдалъ,
Звенитъ издалека побѣднымъ звономъ,—
Со всѣмъ своимъ значеньемъ безконечнымъ,
Простая и могучая въ дарахъ
И тамъ, гдѣ отнимаетъ и лишаетъ.

Музыка умолкаетъ почти внезапно.

Умолкло то, что сердце взволновало,
Гдѣ въ человѣчески-понятномъ слышалъ
Я голоса божественные!—Тотъ,
Кто вызвалъ этотъ чудный міръ случайно,
Теперь стоитъ со шляпой, подаянья
Онъ ждетъ,—бездомный, поздній музыкантъ!

У окна справа.

Здѣсь нѣтъ его внизу. Какъ странно это!
Но гдѣ же онъ? Взгляну еще сюда.

Въ то время, какъ онъ идетъ къ двери направо, занавѣсъ тихо откидывается, и въ дверяхъ появляется Смерть со смычкомъ въ рукѣ; скрипка виситъ у нея у пояса. Она спокойно глядитъ на Клавдіо, который въ ужасѣ отступаетъ.

Безумный трепетъ леденитъ меня!
Когда такъ чудны были звуки скрипки,

Зачѣмъ же видъ твой ужасъ возбуждаетъ?
Дышать мнѣ трудно, волосы встаютъ,—
Уйди! ты—смерть. Зачѣмъ пришла сюда?
Уйди! Мнѣ страшно, я кричать не въ силахъ—

Падаетъ.

Нѣтъ воздуха—я падаю—слабѣю—
Уйди! Кто звалъ тебя, впустилъ ко мнѣ?

Смерть.

Отгинь твой страхъ наслѣдственный, и встань.
Я не страшна, я не скелетъ сухой:
Изъ рода Діониса и Венеры
Великое ты видишь божество.
Когда въ прекрасный, тихій лѣтній вечеръ
Листъ упадалъ въ сіяньи золотомъ—
Я вѣяньемъ своимъ тебя касалась,
Которымъ я ласкаю все, что зрѣло.
Когда переполняли душу чувства
Могучими и теплыми волнами,
Когда въ огнѣ внезапныхъ содроганій
Огромный міръ тебѣ роднымъ казался,
Великому отдавшись хороводу,
Ты ощущалъ, какъ близокъ ты вселенной,—
Во всякій истинно-великій часъ,
Когда твоя земная оболочка
Горѣла трепетомъ—я прикасалась
Священною, таинственною силой
Къ незримымъ глубинамъ твоей души.

Клавдіо.

Довольно. Я привѣтствую тебя
Душой стѣсненной.

Небольшая пауза.

Ты зачѣмъ пришла?

Смерть.

Одну лишь цѣль имѣетъ мой приходъ.

Клавдіо.

Я ждать еще могу. Упившись сокомъ,
Осенній листъ на землю упадаетъ.
Оставь меня. Я не жилъ до сихъ поръ.

Смерть.

Какъ всѣ, ты въ жизни шелъ своимъ путемъ.

Клавдіо.

Какъ сорванныя травы луговыя
Потокомъ увлекаются глубокимъ,
Такъ ускользали молодые дни,
И я не зналъ, что это—жизнь уходитъ!
Потомъ стоялъ я у рѣшетокъ жизни;
Чудесъ я жаждалъ въ сладостномъ томленьи,
Желая страстно, чтобъ они взлетѣли,
Какъ молніи средь величавыхъ тучъ!
Я ждалъ напрасно,—наконецъ, утратилъ
Благоговѣніе предъ тайной жизни,
Забылъ, чего желалъ такъ жарко прежде,
Тупымъ оцѣпенѣніемъ охваченъ.
Смущенный мглою, вѣчно угнетенный,
Окованный досаднымъ раздвоеньемъ,
Отдаться чувству больше неспособный—
Я охладѣлъ, и никогда уже
Не разгорался внутреннимъ огнемъ,
Великою волной не увлекаемъ.
Я на пути своемъ не встрѣтилъ Бога,
Съ которымъ человѣкъ въ борьбу вступаетъ,
Чтобъ Онъ его благословилъ потомъ.

Смерть.

Тебѣ была дана земная жизнь,
Чтобъ могъ ее прожить ты по земному.
У васъ въ сердцахъ течетъ великій духъ,
Онъ вамъ велитъ вдохнуть соотношенье
Въ безжизненный хаосъ, чтобъ изъ него
Вы создали себѣ прекрасный садъ
Для счастья, огорченій и труда.
И горе тѣмъ, кто этого не знаетъ!
То властвуютъ, то сами служатъ люди,
Броженье молодости духъ тѣснитъ,
Вы плачете во снѣ и въ утомленьи,
Но все впередъ стремитесь вашей волей,
Согрѣты теплой жизненной волной;
Тоскуете, въ отчаяньи дрожите—

И, зрѣлые, вы падаете всѣ
Въ мои объятія.

Клавдіо.

Оставь меня!
Еще я не созрѣлъ, еще не жилъ!
Не стану больше дни терять въ унынь.
Цѣпляться стану я за нашу землю;
Глубокая тоска меня волнуетъ,
Она кричитъ во мнѣ, взываетъ къ жизни!
Мой страхъ порвалъ старинныя оковы —
Я чувствую, что жить могу! Уйди!
Въ порывѣ безграничномъ, всей душою
Я привяжусь къ земному. Ты увидишь,
Что люди станутъ для меня родными,
Не куклами, не жалкими звѣрями;
Они заговорятъ съ моей душой,
Проникну я въ ихъ радости и скорби.
И вѣрности, опорѣ цѣлой жизни,
Я научусь,—и пусть добро и зло
Владѣютъ мною, какъ людьмм другими!
Я стану веселъ, стану дикъ и смѣлъ,
И мертвенныя маски оживятся.
Я на пути своемъ найду людей,
Я научусь давать и брать отважно,
Я буду властвовать и подчиняться.

Замѣчая невозмутимое спокойствіе на лицѣ Смерти, съ растущимъ страхомъ.

Повѣрь, я ничего не испыталъ!
Ты думаешь, что я узналъ любовь
И ненависть? Знакома только мнѣ
Игра обманныхъ словъ, притворныхъ чувствъ?..

Смерть.

Безумецъ! Научись же предъ концомъ
Цѣнить богатство жизни! Встань сюда
И молча слушай, какъ любовь земная
Другихъ дѣтей земли переполняла,
А ты одинъ остался нѣмъ и пустъ.

Смерть нѣсколько разъ проводитъ смычкомъ по струнамъ скрипки, какъ бы призывая кого-то. Она стоитъ у дверей

спальни на авансценѣ справа. Клавдіо стоитъ въ полутьмѣ налѣво у стѣны. Изъ дверей справа выходитъ Мать. Она не очень стара. На ней длинное черное бархатное платье, черный бархатный головной уборъ, съ каймою изъ бѣлыхъ кружевныхъ оборокъ, обрамляющихъ лицо. Въ тонкихъ блѣдныхъ пальцахъ она держитъ бѣлый кружевной платочекъ. Она тихо выступаетъ изъ дверей и беззвучно ходитъ по комнатѣ.

Мать.

Какъ много сладкихъ мукъ вдыхаю я!
Какъ ароматъ лаванды, здѣсь остались
Слѣды существованья моего.
Жизнь матери—мученье и заботы,
И скорби безъ числа—вотъ наша доля!
Мужчины развѣ знаютъ нашу жизнь?

У сундука.

Вотъ острый край, гдѣ онъ тогда разбилъ
Себѣ високъ до крови. Былъ онъ малъ
И рѣзвъ и дикъ, и удержать его
Я не могла. А вотъ окно. Здѣсь часто
Стояла я въ тревогѣ по ночамъ,
Къ его шагамъ прислушивалась жадно,
Съ постели гналъ меня невольный страхъ.
И било два часа, и три... и онъ
Не возвращался на разсвѣтѣ блѣдномъ...
Я—чаще все одна... Займешься дѣломъ—
Польешь цвѣты, подушку выбьешь, ручки
Двери потрешь, чтобъ мѣдь блестѣла ярко—
И день прошелъ... А въ праздной головѣ
Круговоротъ предчувствій, темныхъ сновъ;
Томитъ тревога, связанная тѣсно
Съ святыней материнства,—да, она
Сродни, должно быть, сокровенной силѣ,
Которою живетъ весь міръ кругомъ.
Но не дано мнѣ болѣе дышать
Здѣсь этимъ сладкимъ воздухомъ былого,
Волнующимъ такъ скорбно и такъ нѣжно:
Вѣдь я должна уйти отсюда...

Входитъ въ среднюю дверь.

Клавдіо.

Мать!

Смерть.

Молчи. Ея ты къ жизни не вернешь.

Клавдіо.

О, мать моя! Приди: позволь мнѣ только
Дрожащими губами—да, онѣ
Всегда молчали гордо—на колѣняхъ—
Верни ее! Уйти ей не хотѣлось!
Ты видѣла, жестокая! Зачѣмъ
Велишь ты ей уйти? Верни ее!

Смерть.

Оставь, она моя. Была твоею.

Клавдіо.

И ничего не чувствовалъ я прежде!
Все сухо, все! И никогда не зналъ,
Что къ ней стремились корни моей жизни,
Что душу переполнитъ ея близость,
Какъ божества таинственнаго близость,
Любовью человѣческой и скорбью!

Смерть, не обращая вниманія на его мольбы, играетъ мелодію старинной народной пѣсни. Медленно входитъ молодая дѣвушка, на ней простое платье изъ пестрой цвѣтистой ткани, башмаки съ тесемками, охватывающими ногу крестъ на крестъ, на шеѣ обрывокъ покрывала; голова у нея покрыта.

Молодая дѣвушка.

Такъ чудно было все,—о такъ прекрасно!
Ты никогда не думаешь о томъ?
Черезъ тебя такъ горько я страдала—
Но что же не кончается въ скорбяхъ!
Я видѣла такъ мало ясныхъ дней,
А эти были точно чудный сонъ!
Ты помнишь—на окнѣ моемъ цвѣты,
И старенькія эти клавикорды,
И шкафъ, гдѣ я хранила свои письма
И то, что ты порою мнѣ дарилъ.
Не смѣйся: все мнѣ мило становилось
И, какъ живое, говорило мнѣ...
Ты помнишь—мы стояли у окна,
И дождикъ шелъ—такъ душно было днемъ!
И пахли влагой свѣжія деревья...

Все умерло—погибло все живое,
Покоится въ гробу моей любви!
И все-таки,—ты далъ мнѣ это счастье,
Ты былъ причиной тѣхъ прекрасныхъ дней,
И если ты потомъ безъ состраданья
Меня съ пренебреженіемъ отбросилъ,
Какъ рѣзвое дитя цвѣтокъ бросаетъ,
Жестоко, безъ вниманья—Боже мой,
Мнѣ нечѣмъ было удержать тебя!

Маленькая пауза.

Гораздо позже—послѣ долгихъ лѣтъ
Мучительной, холодной пустоты
Дано мнѣ было лечь и умереть.
И я просила предъ своимъ концомъ,
Чтобъ было мнѣ дано придти къ тебѣ
Въ твой смертный часъ, не для того чтобъ мучить,
Но чтобъ напомнить о себѣ,—какъ тотъ,
Который пьетъ вино изъ кубка, вдругъ
О счастіи забытомъ вспоминаетъ,
Вдыхая мимолетный ароматъ.

Она уходитъ. Клавдіо закрываетъ лицо руками. Тотчасъ послѣ ея ухода появляется человѣкъ приблизительно однихъ лѣтъ съ Клавдіо. На немъ дорожное платье, въ безпорядкѣ. Въ груди его вонзенный ножъ съ торчащей деревянной рукояткой. Онъ останавливается посреди́нѣ сцены, обратившись къ Клавдіо.

М у ж ч и н а.

Ты живъ еще, играющій сердцами?
Горація читаешь, и пріятенъ
Тебѣ его холодный, острый умъ?
Ты подошелъ ко мнѣ съ словами дружбы,
Охваченъ тѣмъ, чѣмъ я взволнованъ былъ;
Ты мнѣ сказалъ, что разбудилъ я мысли,
Дремавшія въ тебѣ—какъ вѣтеръ ночи
Намъ говоритъ порой о дальнихъ цѣляхъ.
Ты былъ струной, звучащею подъ вѣтромъ,
Я—вѣтеръ тотъ влюбленный; и всегда
Ты пользовался чьимъ-нибудь дыханьемъ,
Душа друзей тебѣ служила. Другомъ
Я былъ твоимъ. Мы все дѣлили дружно:
И ночь и день съ людьми, и разговоры,

И увлеченье женщиной одной.
Дѣлили мы, какъ дѣлитъ господинъ
Съ рабомъ своимъ и домъ, и столъ, и кнутъ,
Носилки и собаку у воротъ.
. . . . . .
И встрѣтилась намъ женщина тогда.
Меня любовь нежданно захватила,
Какъ сильная болѣзнь, когда всѣ чувства
Колеблются,—когда не спятъ они,
Устремлены къ одной завѣтной цѣли,
Исполненной и сладости, и скорби,
И блеска дикаго, и аромата,
И трепета зарницъ въ глубокой тьмѣ...
Ты видѣлъ все, и самъ за мной увлекся.
„Вѣдь на тебя похожъ я иногда,
И дѣвушкой, какъ ты, увлекся сильно;
Такъ строго сдержанна, такъ молода
И такъ разочарована прелестно!“
Вѣдь такъ ты говорилъ?.. Увлекся ты!
А для меня она была дороже,
Чѣмъ эта кровь и этотъ мозгъ!.. Потомъ,
Когда ты вдоволь наигрался ею,
Ты кинулъ мнѣ безжизненную маску
Съ душою искаженной, какъ твоя,
Лишенную одеждъ очарованья,
Съ лицомъ безъ выраженья, съ волосами,
Безжизненно разметанными... да,
Убилъ ты отвратительнымъ искусствомъ,
Въ ничто живую душу превратилъ
Загадочно-прелестнаго созданья!
Тебя возненавидѣлъ я за это,
Какъ ненавидѣло тебя всегда
Мое предчувствіе. И я исчезъ.
Тогда судьба меня благословила,
Вдохнула въ душу мертвую мою
Желаніе и цѣль,—да, не совсѣмъ
Я умеръ въ этой ядовитой дружбѣ,
Я ожилъ вдругъ, судьбою увлеченный
Къ великой цѣли,—и кинжалъ убійцы
Меня пронзилъ, и былъ я сброшенъ въ ровъ,
Гдѣ долго разлагалось мое тѣло.

Я умеръ за великое, чего
Понять не въ силахъ ты своей душою,
И трижды я блаженнѣе тебя—
Не нуженъ никому, влачилъ ты жизнь
И никого ты въ жизни не любилъ.

Уходитъ.

Клавдіо.

Такъ,—въ жизни не любилъ я никого,
И самъ я не былъ нуженъ никому.

Медленно приподнимается.

Плохой актеръ на сцену такъ выходитъ
И равнодушно, ко всему тупой,
Сказавъ, что нужно, снова исчезаетъ,
Не тронутъ голосомъ своимъ холоднымъ
И никого не тронувъ. Я прошелъ
Чрезъ сцену жизни, жалкій и ненужный.
Но какъ же все случилось? Почему
Ты, смерть, впервые учишь видѣть жизнь
Безъ пелены, прекрасною и цѣльной?
И почему предчувствіе такъ ярко
Душѣ ребенка будущность рисуетъ,
Что жизнь потомъ ужъ кажется блѣднѣй,—
Однимъ воспоминаньемъ дѣтскихъ грезъ?
О, почему не слышимъ въ жизни мы
Глубокихъ звуковъ чудной этой скрипки?
Зачѣмъ они не будятъ спящій міръ,
Въ груди живущій тайно, неизвѣстный
Сознанью, какъ засыпанный цвѣтокъ?
О, если бъ жить, гдѣ слышны эти звуки,
Гдѣ мелочи, смолкая, не гнетутъ!
Гдѣ жъ эта жизнь? Да,—подари мнѣ то,
Чѣмъ ты грозила! Если жизнь моя
Была мертва,—такъ будь моею жизнью
Ты, смерть! Зачѣмъ страшиться предъ тобой.
Ты мнѣ дала въ одинъ короткій часъ,
Чего вся жизнь не подарила мнѣ,—
Вся призрачная жизнь! Ее забуду,
Твоимъ чудеснымъ силамъ предаюсь!

Онъ на мгновеніе здумывается.

Возможно, что охваченъ я теперь
Предсмертной думою, волной послѣдней
Моей смертельно возбужденной крови.
Что же? Хорошо. Не зналъ я никогда
Подобныхъ чувствъ. И если долженъ я
Угаснуть въ полнотѣ глубокихъ думъ—
Такъ исчезай же, блѣдной жизни тѣнь!
Я понялъ, что живу,—лишь умирая!
Когда мы грезимъ, то избытокъ чувствъ,
Волнуя душу, будитъ человѣка:
Въ избыткѣ чувствъ проснулся я теперь
Отъ сна всей жизни къ новой жизни въ смерти.

Онъ падаетъ мертвый къ ногамъ Смерти.

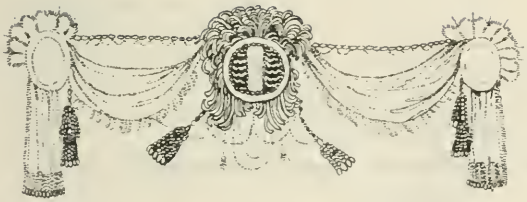
Смерть.

Качая головою, медленно удаляется.

Какъ странны эти существа: къ познанью
Непостижимаго они стремятся,
И то, что не было написано,
Читаютъ. Хаосъ въ порядокъ претворяютъ.
Пути находятъ даже въ Вѣчно-Темномъ.

Исчезаетъ въ средней двери; ея слова теряются въ отдаленіи. Въ комнатѣ тишина. Снаружи черезъ окно видна Смерть, которая проходитъ, играя на скрипкѣ. За нею слѣдуетъ Мать, потомъ Дѣвушка, послѣ нихъ фигура, напоминающая Клавдіо.

ПЕРЕВ. С. ОРЛОВСКІЙ.



* * *

Вчера во мглѣ неслись Титаны
На приступъ молнійныхъ бойницъ,
И широко сшибались станы
Раскатомъ громкихъ колесницъ:

А нынѣ, силъ избытокъ знойный
Проливъ на тризнѣ лѣтнихъ бурь,
Улыбкой Осени спокойной
Яснѣетъ хладная лазурь.

Она пришла съ своей кошницей,
Пора свершительныхъ отрадъ,
И златотканой багряницей
Нашъ убираетъ виноградъ.

И долго Сѣверъ снѣжной тучей
Благихъ небесъ не омрачитъ,
И пламень юности летучей
Земля, сокрывъ, не расточитъ.

И дней незрѣлыхъ цвѣтъ увядшій
На пирѣ пурпурномъ забвенъ;
И первый листъ любезенъ падшій,
И первый плодъ благословенъ.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

Марія Магдалина.

Sur quels pieds tombez vous
les parfums de Madeleine?
A. Musset.

Чья это пѣсня во мракѣ доносится,
Чьи это, чьи это слышны рыданія?
Къ гробу Христову несетъ Мvроносица
Благоуханія.

Тамъ горизонта туманная линія.
Скоро засвѣтитъ заря Магдалинѣ.
Плаваютъ сумерки, сумерки синія
Въ тихой долинѣ.

Къ гробу приходитъ, никѣмъ не замѣчена.
Тамъ, въ глубинѣ кипариснаго сада,
Въ камнѣ пещерномъ гробница изсѣчена.
Вотъ и ограда.

„Вижу зари задрожавшія пятна я,
Сѣрые камни пещеры зардѣли.
Тамъ погребенный лежитъ, ароматныя
Ткани на тѣлѣ.

„Нашимъ рыданьямъ не внемлетъ,
Скрытый въ могильныя нѣдра...
Пальмы чернѣютъ, и дремлютъ
Стройные кедры.

„Долами, мракомъ объятыми,
Въ страхѣ пошла я сегодня.
Шла умастить ароматами
Тѣло Господне".

Чья это жалоба носится,
Сумракъ предутренній гонитъ?
Къ камню припавъ, Мvроносица
Плачетъ и стонетъ.

Сергѣй Соловьевъ.

* * *

Лишь въ мигъ разставанья возможно понять сокровенное,
Понять сокровенное, скрытое тамъ—въ глубинѣ,
Все то, что таилось, святое, но робкое, плѣнное,
Что долго дремало и чуть трепетало во снѣ.

Лишь въ черныхъ изломахъ, въ провалахъ тупой обыденности
Живетъ нашъ прекраснѣйшій, сказочный, призрачный мигъ,
Мигъ лучшей, не первой—не первой, послѣдней влюбленности,
Послѣднихъ страданій бездонный и чистый родникъ.

Какъ сладко, какъ больно... И сердцу такъ явственно чудится—
Надъ нами двумя—погребальный, отзывчивый звонъ,
Стонъ боли о томъ, что мечта обманула, не сбудется,
Что вотъ мы такъ любимъ—и губимъ мелькнувшій намъ сонъ.

И въ сердце вгрызается съ дико-нежданною силою
Нежданно-живучій, тоскующій, раненый звѣрь.
Какъ больно, какъ сладко намъ... Дѣточка, дѣточка милая,
Зачѣмъ же не раньше, зачѣмъ, о, зачѣмъ лишь теперь...

ЕВГ. ТАРАСОВЪ.

Синева морей.

О, пиръ очей! О, созерцаній
Олимпъ! О, гордый кругозоръ
Морей—отъ розовыхъ Авроръ
До замирающихъ мерцаній!

О, пиръ очей на высотахъ!
Въ сафирныхъ чашахъ ихъ напитокъ!
Ихъ упоеній на устахъ
Неизреченный нѣмъ избытокъ.

Какъ оторву я жадный плѣнъ
Отъ нектара лазури сладкой?
Я гасну, голубыхъ Сиренъ
Пѣвучей ослѣпленъ загадкой.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

Китоврасъ.

И не ты ли въ лѣсу родила
Китовраса, козленка-пѣвца,
Чья звенящая пѣснь дотекла
До вечерняго слуха отца?
С. Городецкій, „Ярь".

Колоброди по рудамъ осеннимъ,
Краснолистнымъ, чернохвойнымъ пущамъ,
Отзовись зашелестѣвшимъ пенямъ,
Оглянись за тайно стерегущимъ!

Я вдали, и я съ тобой—незримый,—
За тобой, любимый, недалече,—
Жутко чаемый и близко мнимый,
Близко мнимый при безликой встрѣчѣ.

За тобой хожу и ворожу я,
Отъ тебя таясь и убѣгая;
Неотвратно на тебя гляжу я,
Опускаю взоры, настигая:

Чтобы взглядъ мой властно не встревожилъ,
Не нарушилъ звончатаго гласа;
Чтобъ Эротъ-подпасокъ не стреножилъ
На рудахъ осеннихъ Китовраса.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

Облаки—парусы
Влаги лазоревой,—
Облаки, облаки
По́ небу плаваютъ.
Отсвѣты долгіе
Долу колышутся—
Влаги лазоревой
Облаки бѣлые.
Съ небомъ цѣлуется
Влага разливная...
Къ небу ли вскинетъ
Тихіе взоры—
Небомъ любуется
Невѣста небесная;
Глянетъ ли долу—
Небесъ не покинетъ,
Въ ясно текучихъ
Ризахъ красуется,
Сидючи, дивная;
На ярахъ сыпучихъ
Бѣлыхъ прилукъ...
А по раздолу,
Въ станахъ дремучихъ,
Синіе боры
Стали, безшумные,—
Думы ль умильныя
Думаютъ, думные,
Думаютъ, сильные,
Чуда ли чаютъ—
Вѣтвьемъ качаютъ,
Клонятъ клобукъ...
Гдѣ ты?—явись очамъ!—
Даль ты далекая,
Даль поднебесная,
Райская мать!..
Вотъ они, нагорія
Дальнія синѣются;

Ясно пламенѣются
Пламенники Божіи:
Станы златоверхіе
Воинства небеснаго,
Града святокрестнаго
Главы огнезрачныя...

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

Пугало.

На задворкахъ, за ригами
Богатыхъ мужиковъ,
Стоитъ оно, родимое,
Одиннадцать вѣковъ.

Подъ шапкою лохматою—
Дубинка-голова.
Крестомъ по вѣтру треплются
Пустые рукава.

Старновкой—чистымъ золотомъ!—
Набитъ его чекмень,
На зависть на великую
Сосѣднихъ деревень...

Онъ, огородъ-то, выпаханъ,—
Ужъ есть и лебеда,
И глинка означается,—
Да это не бѣда!

Не много дѣлъ и пугалу...
Да развѣ огородъ
Такое ужъ сокровище?—
Пугался бы народъ!

ИВАНЪ БУНИНЪ.

ГЕРГАРДТЪ ГАУПТМАНЪ.

Изъ „Потонувшаго Колокола".

ДѢЙСТВІЕ V-е.

Горный лугъ, окруженный елями, исполненными шороха. Слѣва, на заднемъ фонѣ, наполовину затѣненная нависшей скалой, небольшая хижина.

(Виттихенъ выходитъ изъ хижины и раскрываетъ ставни).

Виттихенъ. Пора вставать. Ужъ утро наступаетъ.
И было же здѣсь шуму эту ночь.

(Поетъ пѣтухъ).

Ну, ты, заклянчилъ: кикерикики...
Изъ-за меня, братъ, хлопотать не стоитъ.
Ты, прогоняльщикъ сна, и безъ тебя
Всѣ знаемъ, что́ случается, предъ тѣмъ какъ
Такой вотъ пѣтушишко запоетъ:
Насѣдка ночь сидѣла и снесла
Яичко золотое.—Тамъ на небѣ

Оно и свѣтитъ.—Снова свѣтъ придетъ.
Пой пѣсенку и ты, пой пѣсню, зябликъ;
Приходитъ новый день, да, новый день.
Да нѣтъ ли тутъ хоть огонька какого
Бродячаго, или чего-нибудь?
Хотѣла бы кругомъ яснѣе видѣть
И не взяла какъ разъ карбункулъ свой.

(Ищетъ въ своихъ карманахъ и вытаскиваетъ красносвѣтящійся камень).

Нѣтъ, не забыла.

Голосъ Гейнриха. Раутенделейнъ!

Виттихенъ. Идетъ, идетъ, а ты покличь погромче!

Гейнрихъ. Я здѣсь, приди же, Раутенделейнъ! Не слышишь ты?

Виттихенъ. Да думаю, наврядъ ли.

Гейнрихъ (изнеможенный, показывается на скалѣ надъ хижиной, блѣдный и оборванный. Въ правой рукѣ у него булыжникъ, онъ готовъ швырнуть его назадъ въ глубину).

Попробуйте, посмѣйте, кто бъ тамъ ни былъ,
Цирюльникъ, пасторъ, лавочникъ, учитель:
Кто только первый вверхъ пойти посмѣетъ,
Внизъ полетитъ онъ, какъ мѣшокъ съ пескомъ.
Не я, а вы мою жену убили,
Поганые, глупцы и негодяи!
Вы изъ-за гроша будете визжать
Дней тридцать, и съ безстыдствомъ хладнокровнымъ,—
Прогнившіе до глубины души,—
Обманете на цѣлые червонцы
Безсмертную Господнюю любовь!
Лжецы и лицемѣры! Вы—какъ дамба:
Нагромоздивъ сухой и черный адъ,
Отъ Божьяго вы моря оградились,
И выставили низость душъ своихъ
Въ противовѣсъ блаженнымъ водамъ рая.
Когда жъ придетъ тотъ сильный, кто разрушитъ
Упорную и замкнутую дамбу?
Не я ее расторгну... нѣтъ, не я.

(Гейнрихъ кладетъ камень наземь и дѣлаетъ усилія, чтобы взойти выше).

Виттихенъ. Тамъ ходу нѣтъ. Постой. Останови-
вись же.

Гейнрихъ. Что тамъ горитъ, старуха, наверху?

Виттихенъ. А какъ мнѣ знать? Тамъ человѣкъ
какой-то
Построилъ домъ: дворецъ и вмѣстѣ церковь.
Его онъ бросилъ, вотъ онъ и горитъ.

(Гейнрихъ, полный отчаянія, дѣлаетъ попытки взойти выше).

Я говорю, стѣна передъ тобою:
Кто хочетъ вверхъ, пусть крылья отроститъ,
А у тебя они теперь сломались.

Гейнрихъ. Сломались или нѣтъ, взойти я долженъ!
То зданіе, что въ пламени, мое!
Мое созданье это! Понимаешь?
Я выстроилъ его,—и все, что было
Въ моей душѣ, и все,—о, все!—чѣмъ былъ я,
Вложилъ туда...
Я не могу... я больше не могу!

(Пауза).

Виттихенъ. Присядь и отдохни, тамъ есть ска-
мейка!
Дорогу не увидишь въ темнотѣ.

Гейнрихъ. Присѣсть и отдохнуть! Да если бъ
ты мнѣ
Дала постель изъ пуха и шелковъ,
Она мнѣ кучей мусора была бы.
И если бъ материнскій поцѣлуй,—
А мать моя давно уже въ могилѣ,—
Теперь на лбу моемъ разгоряченномъ
Напечатлѣлся,—онъ мнѣ такъ же мало
Способенъ былъ бы дать успокоенья,
Какъ жало осъ.

Виттихенъ. Да что́ и говорить!
Постой немножко. Въ погребѣ остался
Глотокъ вина.

Гейнрихъ. Нѣтъ больше силы ждать.
Воды!

(Поспѣшно приближается къ колодцу и садится на закраинѣ).

Виттихенъ. Такъ зачерпни воды и выпей.

Гейнрихъ (изнеможенный, зачерпываетъ изъ колодца воды и пьетъ, сидя на закраинѣ. Нѣжный голосъ поетъ съ тихой жалобой изъ колодца).

Голосъ. Гейнрихъ, мой милый, возлюбленный мой,
Что ты сидишь надъ водою глухой?
Встань отъ колодца! Ступай!
Больно мнѣ! Не ожидай!
Прощай! Прощай!

(Пауза).

Гейнрихъ. Старуха, объясни, что́ это было?
Что́ назвало по имени меня
Такъ жалобно? Я слышалъ ропотъ: „Гейнрихъ“,
Онъ до меня дошелъ изъ глубины,
И вслѣдъ затѣмъ такъ тихо, еле внятно:
„Прощай! Прощай!“ Старуха, кто ты? Гдѣ я?
Мнѣ кажется, что пробудился я,
Мнѣ все знакомо здѣсь: скала и домикъ,
И ты сама; мнѣ все знакомо здѣсь
И все-таки такъ чуждо. Неужели
Все то, что сердце пережило, было
Одно дыханье только, звукъ пустой,
Онъ есть и нѣтъ его и врядъ ли былъ онъ?
Старуха, кто ты?

Виттихенъ. Я? Да ты-то кто?

Гейнрихъ. Ты говоришь, кто я? Кто я, старуха?
Я это часто спрашивалъ у неба,
Но никогда отвѣта не слыхалъ.
Одно лишь достовѣрно: кто бъ я ни былъ,
Звѣрь, полубогъ, ничто или герой,
Я солнечный подкидышъ, захотѣвшій
Найти свой домъ: безпомощный и жалкій,
Тоскую я о матери своей,
И, на меня смотря въ сіяньи яркомъ,
Она раскрыла нѣжныя объятья,
Но не достать никакъ ей до меня.
Что дѣлаешь ты тамъ?

Виттихенъ. А вотъ узнаешь.

Гейнрихъ (поднимаясь).
Прошу тебя, иди и посвѣти мнѣ
Кровавымъ свѣтомъ лампочки твоей,
Чтобъ я нашелъ дорогу на высоты.
Разъ буду тамъ, гдѣ прежде я царилъ,
Я стану жить отшельникомъ отнынѣ,
Чтобъ не повелѣвать и не служить.

Виттихенъ. Не вѣрю я тебѣ; чего ты ищешь
Тамъ наверху, совсѣмъ оно другое.

Гейнрихъ. Какъ знаешь ты?

Виттихенъ. А почему не знать.
Они тебя загнали, да? Еще бы!
Насчетъ того, чтобы испортить жизнь,
И, разъ она свѣтла, загнать въ трущобу,
Всѣ люди—волки. А насчетъ того,
Чтобъ встрѣтить смерть лицомъ къ лицу,—ну, тамъ
ужъ
Они какъ стадо, предъ которымъ волкъ.
И пастухи ведутъ себя такъ храбро,
Когда увидятъ волка—фу, ты, пропасть—
Начнутъ кричать и цыкать на собакъ:
Чтобы прогнать грабителя? Нѣтъ, просто
Чтобы заткнуть волчью пасть.
И ты немногимъ лучше, чѣмъ другіе:
Былъ въ жизни свѣтъ, сейчасъ его въ трущобу,
А смерть пришла, нѣтъ силъ взглянуть въ лицо.

Гейнрихъ. Старуха, я не знаю, какъ случилось,
Что жизнь, въ которой свѣтъ былъ, я прогналъ,
И, будучи художникомъ могучимъ,
Какъ ученикъ, работой пренебрегъ,
И колоколомъ собственнымъ сраженный,
Тѣмъ голосомъ, что я въ него вложилъ,
Себя увидѣлъ жалкимъ, побѣжденнымъ.
И правда, грудью бронзовой онъ бросилъ
Такой могучій возгласъ по горамъ,
Что, дрогнувъ, пробужденныя вершины
Родили грозный звукъ со всѣхъ сторонъ,
И отзвукомъ во мнѣ онъ отозвался!
Но все еще я Мейстеръ и теперь!
И той же непреклонною рукою,

Которой этотъ колоколъ я вылилъ,
Созданіе свое я раздробилъ,
Чтобы не быть его покорной жертвой.

Виттихенъ. То, что прошло—прошло, конецъ—
конецъ:
Высоты отъ тебя навѣкъ закрыты.
Ты былъ побѣгъ зеленый и прямой,
Но, сильный, недостаточно былъ силенъ.
Межъ призванныхъ избранникомъ ты не былъ.
Поди сюда и сядь!

Гейнрихъ. Прощай, старуха!

Виттихенъ. Поди сюда и сядь. Чего ты ищешь,
Не можетъ быть простою кучей пепла.
Кто здѣсь живетъ, тотъ ждетъ и ищетъ жизни.
Я говорю разъ навсегда: ее
Тамъ наверху ты никогда не встрѣтишь.

Гейнрихъ. Такъ дай мнѣ умереть здѣсь.

Виттихенъ. Ты умрешь.
Когда взлетишь, какъ ты, къ высотамъ, къ свѣту,
И упадешь, нельзя не быть разбитымъ.

Гейнрихъ. Я чувствую: мой путь пришелъ къ
концу.
Пусть будетъ такъ.

Виттихенъ. Твой путь пришелъ къ концу.

Гейнрихъ. Скажи же мнѣ: ты говоришь такъ
странно,
Ты все такъ знаешь, говоря со мной:
Что́ я искать, изранивъ ноги, долженъ,—
Увижу ль я, предъ тѣмъ какъ умереть?
Молчишь? Скажи: изъ этой темной ночи
Я долженъ ли въ ту ночь, что всѣхъ темнѣй,
Уйти, не увидавши отблескъ свѣта
Погибшаго?

Виттихенъ. Кого ты хочешь видѣть?

Гейнрихъ. Ее! Кого жъ еще? Ее, конечно!

Виттихенъ. Тебѣ одно осталося желанье:
Послѣднее. Скажи его въ душѣ.

Гейнрихъ (быстро). Его сказалъ я!

Виттихенъ. Ты ее увидишь.

Гейнрихъ. О, мать моя! Ты можешь это сдѣлать?
Ты такъ могуча? Почему тебя
Я назвалъ такъ, не знаю самъ. Я былъ ужъ
Однажды, какъ теперь, готовъ къ концу,
Нетерпѣливо ждалъ, чтобъ каждый вздохъ мой
Послѣднимъ былъ. Тогда пришла она,
И вновь я ожилъ, точно вешній вѣтеръ
Измученное тѣло охватилъ...
Теперь опять я сталъ такъ странно легкимъ,
Какъ будто вновь иду на высоту...

Виттихенъ. Все кончено. Ты побороть не можешь
Ту тяжесть, что гнететъ тебя къ землѣ,
И мертвецы твои чрезмѣрно сильны,
Ты больше ихъ не можешь обуздать.
Смотри: на столъ я ставлю три бокала.
Въ одинъ вливаю бѣлое вино,
Другой бокалъ я краснымъ наполняю,
И третій—желтымъ. Если выпьешь первый,
Къ тебѣ придетъ вся сила прежнихъ дней.
Второй тебѣ опять вернетъ блаженство,
Тотъ свѣтлый духъ, который ты забылъ.
Но тотъ, кто два бокала эти выпьетъ,
Онъ долженъ и послѣдній осушить.

(Хочетъ идти въ домъ, останавливается и говоритъ съ глубокимъ значеніемъ).

Онъ долженъ,—я сказала. Не забудь. (Уходитъ).

Гейнрихъ (сперва вскакиваетъ, въ экстазѣ; услышавъ: „Все кончено“, блѣднѣетъ и отступаетъ назадъ; теперь онъ пробуждается изъ своего оцѣпенѣнія, опускается на скамейку и сидитъ на ней, прислонившись).

Все кончено. Она сказала: „все“.
Теперь, какъ никогда, ты все узнало,
О, сердце! Что жъ еще ты хочешь знать?
Ты, вѣщая, твоимъ единымъ словомъ
Нить жизни перерѣзана, какъ бритвой:
Все кончено. Осталась лишь отсрочка.
Холодный воздухъ вѣетъ изъ ущелья.
Едва скользя по краю низкихъ тучъ,

Вдали мерцаетъ первое сіянье,
И этотъ день встаетъ не для меня.
Такъ много дней я жилъ, и это первый
Не для меня. (Беретъ первый бокалъ).
Приди же ты, вино,
Ко мнѣ, предъ тѣмъ какъ страшное настанетъ!
На днѣ бокала чуть темнѣетъ капля
Послѣдняя... Старуха, нѣтъ еще?
Да будетъ такъ. (Пьетъ).
Теперь второй я выпью.

(Беретъ второй бокалъ).

Я выпилъ первый лишь изъ-за тебя,
И если бы ты не былъ здѣсь, волшебный,
Хранящій сладко-пьяный ароматъ,
Тотъ пиръ, что намъ Господь назначилъ въ мірѣ,
Казался бъ скуднымъ—о, высокій гость,
Тебя узнать онъ былъ бы недостойнымъ.
Благодарю тебя. (Пьетъ).
Напитокъ дивный!

(Дуновеніе эоловой арфы пролетаетъ въ воздухѣ, въ то время какъ онъ пьетъ).

(Раутенделейнъ, утомленная и строгая, поднимается изъ колодца, садится на край его и расчесываетъ свои длинные распущенные волосы. Лунный свѣтъ. Она блѣдна и поетъ самой себѣ).

Раутенделейнъ (тихимъ голосомъ).
Ночью глубокой всхожу я одна,
Волны волосъ озаряетъ луна.
Нѣтъ никого, чтобъ смотрѣть на меня,
Птички къ далекимъ краямъ улетаютъ,
Бѣлые сонно туманы блуждаютъ,
За лѣсомъ видны мерцанья огня...

Больно, мнѣ больно!
Платье такъ жметъ.
Я дѣва глухихъ, заколдованныхъ водъ.

Мѣсяцъ сіянье холодное льетъ,
Въ мысляхъ мой милый, мой прежній встаетъ.
Звенятъ колокольчики въ полѣ.
О чемъ колокольчики въ полѣ звенятъ?
О чемъ колокольчики мнѣ говорятъ?

О счастьи? О боли?
Счастье и боль въ нихъ звучитъ заодно.
Время идти на глубокое дно,
Туда, гдѣ подводныя травы ростутъ.
Внизъ, въ глубину!
Долго я, долго я медлила тутъ.
Время прошло... Внизъ, въ глубину!

(Готовая опуститься въ колодецъ).

Кто тамъ зоветъ такъ тихо?

Гейнрихъ. Это я!

Раутенделейнъ. Кто ты?

Гейнрихъ. Я! я! Приблизься, жизнь моя!

Раутенделейнъ. Уйди. Нельзя мнѣ. Я тебя не знаю.
Съ кѣмъ говорю, того я убиваю.

Гейнрихъ. Ты мнѣ всегда была—какъ радость дня.
Коснись моей руки. Узнай меня.
Приди.

Раутенделейнъ. Я никогда тебя не знала.

Гейнрихъ. Не знаешь..

Раутенделейнъ. Нѣтъ.

Гейнрихъ. Ни разу не видала?

Раутенделейнъ. Не помню.

Гейнрихъ. Да останусь чуждъ я лжи!
Я губъ твоихъ не цѣловалъ, скажи,
Такъ радостно—до боли?

Раутенделейнъ. Никогда.

Гейнрихъ. И ласкъ моихъ ты не хотѣла! Да?

Никельманъ (незримый изъ колодца). Раутенделейнъ!

Раутенделейнъ. Иду.

Никельманъ. Иди скорѣе!

Гейнрихъ. Кто звалъ тебя?

Раутенделейнъ. Супругъ мой!

Гейнрихъ. Цѣпенѣя,

Я мучаюсь, я предаюсь судьбѣ,
Въ ужасной, въ неиспытанной борьбѣ!
Не мучь меня. Скажи. Ты мнѣ поможешь?
Поди ко мнѣ.

Раутенделейнъ. Я не могу.

Гейнрихъ. Не можешь?

Раутенделейнъ. Нѣтъ.

Гейнрихъ. Почему?

Раутенделейнъ. Мы пляшемъ хороводъ,
Веселый танецъ, въ блѣдномъ царствѣ водъ.
И иногда душа тихонько стонетъ,
Но я пляшу, и пляска мысли гонитъ.
Прощай, прощай!

Гейнрихъ. Гдѣ ты? Не уходи!

Раутенделейнъ (исчезая за краемъ колодца).
Въ безсмертныхъ даляхъ.

Гейнрихъ. Тамъ, вонъ тамъ, гляди...
Бокалъ мнѣ, Магда... Какъ ты поблѣднѣла!
Кто тотъ бокалъ—близъ вѣчнаго предѣла—
Протянетъ мнѣ, да будетъ счастливъ онъ.

Раутенделейнъ (совсѣмъ вблизи отъ него). Я!

Гейнрихъ. Ты?

Раутенделейнъ. Да, я. Возьми. И мирный сонъ,
Сонъ мертвыхъ, не тревожь.

Гейнрихъ. Благословляю.

Раутенделейнъ (отступая) Прощай, прощай.
Тебя я покидаю.
Я не твоя. Намъ было такъ свѣтло.
Все кончено. Прошло!

Гейнрихъ. Прошло!

Раутенделейнъ. Прошло! Кто въ часъ вечерній, съ лаской безпредѣльной,
Тебя баюкалъ пѣсней колыбельной?

Гейнрихъ. Кто, какъ не ты!

Раутенделейнъ. Кто я?

Гейнрихъ. Раутенделейнъ.

Раутенделейнъ. Кто посвятилъ тебѣ свою весну?
Кого ты сбросилъ въ пропасть, въ глубину?

Гейнрихъ. Тебя, тебя!

Раутенделейнъ. Кто я?

Гейнрихъ. Раутенделейнъ!

Раутенделейнъ. Прощай! Прощай!

Гейнрихъ. Веди меня нѣжнѣй.
Ночь близится,—чей мракъ всего страшнѣй!

Раутенделейнъ (быстро подбѣгаетъ къ нему, обнимаетъ его колѣни, ликуя). Восходитъ солнце!

Гейнрихъ. Солнце!

Раутенделейнъ (рыдая и ликуя). Гейнрихъ!

Гейнрихъ. Такъ. Благодарю.

Раутенделейнъ (обнимаетъ Гейнриха и прижимаетъ его губы къ своимъ, потомъ нѣжно укладываетъ умирающаго).

О, Гейнрихъ!

Гейнрихъ. Умеръ мракъ!
Лучами—звономъ дышетъ вышина!
Восходитъ солнце... Солнце!.. Ночь длинна.

(Утренняя заря).

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

* * *

ИЗЪ Р. М. РИЛЬКЕ.

Я живу между явью и сномъ,
Тамъ, гдѣ шепчутся дѣти въ тоскѣ безпричинной,
Тамъ, гдѣ ночью, при свѣтѣ камина,
Старики говорятъ о быломъ.
Я живу между явью и сномъ,
Тамъ, гдѣ звонъ отъ вечерни, какъ вздохъ, пронесется,

Гдѣ усталыя дѣвушки съ блѣднымъ лицомъ
Молчаливо стоятъ у колодца.
Тамъ, гдѣ липа любимая ждетъ подъ окномъ,
И всѣ лѣта, что въ ней замолчали,
Въ посѣдѣвшихъ вѣтвяхъ задрожали,
И цвѣтугъ между явью и сномъ...

АЛЕКСАНДРЪ БИСКЪ.

Муза.

Бываетъ иногда пустынно и уныло
Въ моей душѣ. Увы!—того, что было, нѣтъ,
Безкрылая, безъ силъ, душа любовь забыла:
Со мною милой нѣтъ. Я—не поэтъ.

Восторги гордые молитвъ и славословій
Игрою грустныхъ грезъ теперь замѣнены
И жребій горести мнѣ выпадаетъ вновѣ,
Даруя вновь и скорбь и злые сны.

Въ минутахъ жуткихъ я и въ тишинѣ великой
Молчу и жутко жду и слышу ясно такъ,
Созвучье чудное сокрыто въ немъ музыкой,
Лобзанье легкое... знакомый знакъ.

Какъ въ двери робкій стукъ, сей звукъ неизъяснимый
Вдругъ предваритъ меня. Я молвлю: Муза, ты?
И въ Музѣ узнаю я дѣвушки любимой
Прелестныя и нѣжчыя черты.

ЮРІЙ СИДОРОВЪ.

ГАБРІЭЛЕ Д'АННУНЦІО.

Изъ „Джіоконды".

ГАБРІЭЛЕ Д'АННУНЦІО.

Козимо Дальбо и Лючіо Сеттала.

Лючіо понижая голосъ. Игрою иллюзіи я связанъ съ существомъ, которое было суждено не мнѣ. Это—душа неоцѣнимая, передъ которой я преклоняюсь, которую обожаю. Но душъ я не ваяю. Она не мнѣ суждена. Когда предо мной появилась другая, я думалъ о всѣхъ глыбахъ мрамора, дремлющихъ въ нѣдрахъ отдаленныхъ горъ, сгоралъ желаніемъ воплотить въ каждую изъ нихъ какое-нибудь ея движеніе.

Козимо. Но создавъ свое несравненное произведеніе, ты уже исполнилъ завѣтъ Природы. Увидѣвъ твою статую, я думалъ, что она была для тебя освобожденіемъ. Ты увѣковѣчилъ, въ идеальной

и несокрушимой формѣ, случайный преходящій образъ... Развѣ же ты недоволенъ?

Л ю ч і о воспламеняясь. Тысяча статуй, а не одна! Она всегда другая, какъ туча, которая съ каждымъ мгновеніемъ является передъ тобой въ измѣненномъ видѣ, хотя ты не видишь, какъ она мѣняется. Всякое движеніе ея тѣла нарушаетъ одну гармонію и создаетъ другую, еще болѣе прекрасную. Ты просишь, чтобы она остановилась, была неподвижной, а чрезъ всю эту ея неподвижность проходитъ потокъ таинственныхъ силъ, какъ мысли пробѣгаютъ во взорѣ. Понимаешь? Понимаешь? Жизнь глаза—взглядъ, то невыразимое явленіе, которое выразительнѣе всякаго слова, всякаго звука, безконечно глубокое и въ то же время мгновенное, какъ молнія, явленіе гораздо болѣе стремительное, чѣмъ молнія, неисчислимое, всемогущее: словомъ—в з г л я д ъ. Представь себѣ теперь, что по всему тѣлу разлита жизнь взгляда. Понимаешь? Простое вздрагиваніе вѣка преобразуетъ человѣческій образъ и выражаетъ всю безконечность радости и скорби. Опустятся рѣсницы любимаго существа: тѣнь окружаетъ тебя, какъ рѣка—островъ; поднимутся: лѣтній зной жжетъ весь міръ. Еще одно движеніе: твоя душа улетучивается, какъ капля; еще одно: и ты считаешь себя царемъ Вселенной. Представь себѣ эту тайну на всемъ ея тѣлѣ! Представь себѣ это молніеносное проявленіе жизни во всѣхъ ея членахъ, отъ чела до ступней! Ты можешь изваять взглядъ? Древніе ваяли статуи слѣпыми. А у нея, представь себѣ, все тѣло—взглядъ.

Я тебѣ сказалъ: тысяча статуй, не одна. Ея красота живетъ во всѣхъ обломкахъ мрамора. Я это почувствовалъ, волнуясь отъ досады и какой-то страсти, однажды въ Каррарѣ, когда она стояла рядомъ со мной, и мы наблюдали, какъ съ высотъ спускались запряженныя рослыми волами телѣги съ мраморомъ. Въ каждомъ изъ этихъ безформенныхъ обломковъ было заключено для меня какое-нибудь проявленіе ея совершенства. Мнѣ казалось,

что отъ нея, какъ отъ потрясаемаго факела, падаютъ въ этотъ грубый минералъ тысячи одушевляющихъ его искръ. Намъ нужно было выбрать одну изъ глыбъ. Помню: былъ ясный день. Лежавшіе передъ нами куски мрамора сверкали на солнцѣ сіяніемъ вѣчныхъ снѣговъ. До насъ то и дѣло доносился гулъ взрывовъ, рвавшихъ нѣдра безмолвныхъ горъ. Я не забуду этого часа, даже если еще разъ мнѣ придется умирать... Она ходила по грудѣ этихъ бѣлыхъ кубовъ, останавливаясь передъ каждымъ. Нагибаясь, осматривала внимательно зерно, казалось, изслѣдовала ихъ внутреннія жилы, колебалась, смѣялась, отходила. Платье не скрывало отъ моихъ глазъ ея формы. Было какое-то божественное родство между ея тѣломъ и мраморомъ, котораго касалось ея дыханіе, когда она наклонялась къ нему. Я чувствовалъ, что въ свою очередь какое-то неуловимое дыханіе поднималось и къ ней отъ этой неподвижной бѣлизны. Вѣтеръ, солнце, величіе горъ, длинныя вереницы запряженныхъ воловъ, дуги старинныхъ яремъ, скрипъ телѣгъ, туча, поднимавшаяся отъ Тиррентскаго моря, недосягаемый полетъ орла,—всѣ окружавшія меня явленія подняли мой духъ до безпредѣльной поэзіи, опьяняли его мечтой, равной которой я не зналъ... Ахъ, Козимо, Козимо, а я имѣлъ смѣлость бросать жизнь, надъ которой сіяетъ слава такого великаго воспоминанія! Когда она протянула руку къ выбранному ею куску мрамора и, повернувшись ко мнѣ, сказала: „этотъ“,—вся гора отъ подошвы до вершинъ дышала красотою.

ПЕРЕВ. ЮРГИСЪ БАЛТРУШАЙТИСЪ.

Вечерняя гармонія.

ИЗЪ Ш. БОДЛЭРА.

Уходитъ лѣтній день. На молодыхъ стебляхъ
Раскрытые цвѣты курятся, какъ кадила,
Въ вечерней тишинѣ смычокъ поетъ уныло,
Порхаетъ томный вальсъ на рѣющихъ крылахъ.

* * *

Раскрытые цвѣты курятся, какъ кадила;
Какъ сердце скорбное, струна дрожитъ въ слезахъ,
Порхаетъ томный вальсъ на рѣющихъ крылахъ,
Печаль и красота сводъ неба осѣнила.

* * *

Какъ сердце скорбное, струна дрожитъ въ слезахъ,
То сердце нѣжное ночная мгла смутила,
Печаль и красота сводъ неба осѣнила,
Сгустился блескъ зари въ кровавыхъ облакахъ.

* * *

То сердце нѣжное ночная мгла смутила,—
Прошедшее блеститъ въ растаявшихъ лучахъ,
Сгустился блескъ зари въ кровавыхъ облакахъ;
Мысль о тебѣ во мнѣ мерцаетъ, какъ свѣтило.

А. КУБЛИЦКАЯ-ПІОТТУХЪ.

Nevermore.

ИЗЪ П. ВЕРЛЭНА.

Зачѣмъ ты вновь меня томишь, воспоминанье?
Осенній день хранилъ печальное молчанье,
И воронъ несся вдаль, и блѣдное сіянье
Ложилось на лѣса въ ихъ желтомъ одѣяньи.

Мы съ нею шли вдвоемъ. Плѣняли насъ мечты.
И были волоса у милой развиты,—
И звонкимъ голосомъ небесной чистоты
Она спросила вдругъ: „когда былъ счастливъ ты?“

На голосъ сладостный, на взоръ ея тревожный
Я молча отвѣчалъ съ улыбкой осторожной,
И руку бѣлую смиренно цѣловалъ.

— О первые цвѣты, какъ вы благоухали!
О голосъ ангельскій, какъ нѣжно ты звучалъ,
Когда уста ея признанье лепетали!

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

На зарѣ.

ИЗЪ Э. ВЕРХАРНА.

Pour nous aimer des yeux...

Чтобъ выражать любовь глазами,—
Очистить надо ихъ отъ взглядовъ прежнихъ лѣтъ.
О, сколько было встрѣчъ! Онѣ прошли предъ нами,
Оставивъ по себѣ порочной жизни слѣдъ.

Гляди,—разсвѣтъ умытъ росою,
Какъ будто сѣткою сквозною
Льетъ мягкій свѣтъ и нѣжный, точно вздохъ,
И, словно перьями мглу ночи разсѣкая,
То въ серебро, то въ золото впадая,
Въ саду ласкаетъ мохъ.
По голубымъ прудамъ промчалось дуновенье
И зыбь—вся въ искрахъ золотыхъ.
Вотъ тѣнь зеленая среди вѣтвей густыхъ...
Съ собою лучъ зари приноситъ очищенье:
Сметаетъ прочь
Съ полей, съ дорогъ весь прахъ, что растеряла ночь.

В. УМАНОВЪ-КАПЛУНОВСКІЙ.

Осенняя пѣснь.

ИЗЪ П. ВЕРЛЭНА.

Les sanglots longs
Des violons
De l'automne...
Изъ Paysages tris es
(Въ Poèmes saturniens).

Чу! Скрипокъ стонъ...
Онъ томный сонъ
Навѣваетъ...
Осеннихъ дней
Въ душѣ моей
Пѣснь рыдаетъ...

* * *

Все блѣдный, злой
Объялъ тоской
Сумракъ ночи...
Былого жаль,
Томитъ печаль,
Плачутъ очи...

* * *

И силенъ рокъ...
Влечетъ порокъ
Къ злой неволѣ...
Какъ листъ, ношусь,
По вѣтру бьюсь
Въ горькой долѣ..

ВЛ. ИВАНОВСКІЙ.

У моря.

ст. пшибышевскаго.

Никогда прежде я не видалъ его, хотя мое сердце часто грезило въ пеленѣ его тумановъ; теперь я зналъ, что съ самаго первоначала оно было со мной, кровь отъ моей крови, сущность моей сущности, мое дитя, моя сестра, моя невѣста—м о р е.

Ни одинъ смертный не любилъ его такъ, какъ я его люблю.

О, это чудо изъ чудесъ, Слово творенія, ставшее моремъ.

Я люблю его, когда свѣтъ освобождается отъ сладострастныхъ объятій ночи, закидываетъ на небо свои, обрызганныя кровью, руки, а огромный вѣнецъ, какъ будто охваченный пламенемъ коралловый островъ, горитъ по всему востоку багрянымъ сіяньемъ. Тогда море бросается на небо и длинными пурпурными языками врывается въ его глубь; надъ моремъ, слившимся съ небомъ, выростаютъ дворцы, расцвѣтаютъ чудесные сады. На небѣ возникаютъ исполинскіе папоротники, листья пальмъ, какъ будто вырѣзанные изъ пламенныхъ кристалловъ, чашечки орхидей, перевитыхъ въ огромныя кисти.

Я люблю его въ знойные полдни, когда солнце сыплетъ свою брилліантовую пыль на подернутую легкой зыбью гладь воды, когда милліарды и милліарды милліардовъ крошечныхъ кристалловъ перебѣгаютъ въ бѣшеномъ мельканіи и ослѣпительными огоньками танцуютъ надъ великимъ материнскимъ лономъ.

Я люблю его, когда буря схватываетъ его въ свои бѣшеныя объятья, кидаетъ къ небу и разбиваетъ о скалы, или выбрасываетъ на берегъ его вспѣненныя волны, словно потоки лавы—

Но больше всего люблю я его, когда часъ мрака, окутанный кровью и лазурью, приближается къ его лону—

Когда отголоски далекаго звона легко, въ тихой печали, какъ будто хлопья снѣга, падаютъ въ бездонныя глуби—

Когда воспоминанія, съ тихимъ шумомъ улетающихъ крыльевъ, ударяются о небо—

Когда тоскливая печаль наплываетъ на душу, съ таинственнымъ шелестомъ опадающихъ листьевъ, сорванныхъ ядомъ осени—

Тогда я люблю его больше всего, сижу на крутыхъ обрывахъ скалъ и упиваюсь вѣчностью.

Вокругъ вѣчно тихихъ, покрытыхъ снѣгомъ горъ, катитъ ночь въ черныя пропасти свое темное бремя.

На глубины моря бросаютъ скалы мрачныя тѣни, которыя въ глухой тишинѣ стерегутъ могилы зашедшихъ солнцъ.

Уже горитъ молчаніе вокругъ горныхъ ущелій, уже звѣзды плетутъ надъ водой свои первыя грезы, уже море блестящей мглой врѣзается въ края неба:

Забудь, сердце, забудь!

И изъ цвѣтка вѣчности, что распустился на снѣгу величавыхъ горъ, струится надъ моремъ печальная пѣсня.

Лазурная рука медленно, тихой молитвой, крадется по водѣ, дрожащими пальцами скользитъ по волнамъ, точно по зернамъ четокъ, и надъ темной глубиной раскидываетъ траурный флеръ, и я слышу священную музыку страданія:

Черезъ сто лѣтъ все забудется!

И священное богослуженіе моря, свѣтъ, бьющій изъ его глубинъ и изъ чашечекъ звѣздъ возвращающійся назадъ въ глубины, пѣснь горъ, что рыдаетъ въ печальномъ оцѣпенѣніи моря, все это лишь

одинъ звукъ, одинъ сонъ золотой, одно унылое счастье:

Все забыть!

И вотъ моя душа расправляетъ свои отягченныя сномъ крылья,—отъ одного края неба до другого обнимаетъ она море сонными руками, и сердце къ сердцу отдыхаемъ мы оба, я и море.

Ибо никогда еще такъ не любило море смертнаго, какъ оно любитъ меня.

Ибо моя душа море. Тѣ же безбрежныя формы, то же пѣнящееся величіе свободы, тотъ же порывъ и безуміе.

И море желало меня, и долгіе годы жилъ я вмѣстѣ съ нимъ, его тихой вечерней молитвой убаюкивалъ тоскующее сердце, и, пробуждаясь, вздымался вмѣстѣ съ нимъ къ ясному и лазурному предразсвѣтному небу.

ПЕРЕВ. М. Н. СЕМЕНОВЪ.

Садъ замкнутый.

ИЗЪ Ш. ВАНЪ-ЛЕРБЕРГА.

Dormio et cor meum vigilat.

Къ грудямъ моимъ руки мои приложивъ,
Отъ игръ и отъ прялокъ усталыя,
Руки—подруги, чей бѣлый свѣтъ такъ красивъ,
Какъ будто я въ водахъ дремлю,
Я сплю,
И зори надъ ними горятъ запоздалыя.
Далеко отъ печальныхъ и тщетныхъ скорбей,
На престолѣ моей красоты свѣтодарственномъ,
Эти хрупкія дремлютъ царицы въ безтрепетной
чарѣ своей,
Снится рукамъ моимъ о владычествѣ царственномъ.
И одна, въ бѣлокурыхъ моихъ волосахъ,

Закрывъ, какъ когда-то, глаза въ блаженномъ безсиліи,
Я ребенокъ, что держитъ міры, и въ мірахъ
Я дѣва, что держитъ лиліи.

Ut signaculum.

Я прильну къ тебѣ здѣсь, на сердце твое,
Какъ весна на море,
На равнинахъ моря безплоднаго,
Гдѣ никакой цвѣтокъ не растетъ,
Въ просторѣ водъ
И вѣтра свободнаго,
Кромѣ цвѣтовъ свѣтовыхъ,
Въ этихъ дыханьяхъ живыхъ.
Я прильну къ тебѣ здѣсь, на сердце твое,
Какъ птица морская,
Что, уставъ отъ усилья,
Прижавши къ себѣ свои крылья,
Льнетъ къ морю, себя отдавая,
Въ перистости нѣжной убранства,
Баюканью водъ,
И море, ее качая,
Колыбелитъ крылатую въ ритмѣ вѣчномъ волнъ и пространства.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Homo nasciturus.

ИЗЪ Л. ШАРФА.

Всѣ вы— готовые люди! Съ завистью къ вамъ отношусь я;
Не человѣкъ еще я,—имъ я стремлюсь только стать:
Медленно я выхожу изъ моря звѣриныхъ инстинктовъ,
Къ брегу сухому плыву, къ твердой гранитной скалѣ.
Но когда выпрямлюсь я—всѣхъ стану выше главою,
Всѣхъ ползучихъ людей, нынѣ дразнящихъ меня.

АН. АНЮТИНЪ.

Смерть.

ИЗЪ Ш. В.-ЛЕРБЕРГА.

О, какая рука у ней маленькая, какая бѣлая!
Словно водная расцвѣтность, что склонилась, онѣмѣлая.

Она спитъ, она въ успокоеніи,
Смерть коснулась ея.
Нѣтъ въ ней чувствъ, она легка въ своемъ успеніи,
На землѣ она свершила свое.
Можешь взять ее теперь, Господь, она
Счастья прикоснулась гранью сна.
На лицѣ ея луна, луны покровъ,
А въ глазахъ ея дымка облаковъ.
Ея ротъ полуоткрытъ, невозмутимъ,
Какъ у края кубка, который незримъ.
Пряди длинныхъ волосъ ея легли волной,
Какъ колосья, которые легли подъ косой.
Вся она кроткое успокоеніе,
Отъ нея отошли всѣ тревожности прочь.
Безшумно, медленно, безъ потрясенія,
Дверь открывается въ тихую ночь.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Ноктюрнъ.

ИЗЪ Л. ШАРФА.

А вотъ и ночь съ ея звѣздами...
Онѣ зажглись надъ головой,
Пока прощальными лучами
Гасъ тихо западъ огневой.
Какъ кровь сіялъ закатъ мой красный,
Мой день красиво догоралъ,
И долго полусвѣтъ неясный
На горизонтѣ трепеталъ...
Но темнота распространилась,

И звѣзды яркія зажглись;
И я иду; все мглой покрылось,
Все мракъ, куда ни повернись.
Не знаю я, длинна ль дорога,
Но знаю—долженъ я идти,
И безднъ и скалъ я встрѣчу много
На этомъ тягостномъ пути.
Иду я смѣлыми шагами
И до конца пути дойду:
Вѣдь, небо все жъ горитъ звѣздами,
Хоть солнца я ужъ не найду.
Кто знаетъ, вдругъ въ тиши долины
Мнѣ сладко кликнетъ красота,
И утолится въ мигъ единый
Моя голодная мечта.

АН. АНЮТИНЪ.

Тѣсенъ мой міръ.

Тѣсенъ мой міръ. Онъ замкнулся въ кольцо.
Вѣчность лишь изрѣдка блещетъ зарницами,
Время порывисто дуетъ въ лицо,
Годы несутся огромными птицами.

Клочья тумана вблизи... вдалекѣ...
Быстро текутъ очертанья...
Лампу Психеи несу я въ рукѣ—
Синее пламя познанья.

Въ безднахъ срывается новсе дно.
Формы и мысли смѣсились...
Всѣ мы ужъ умерли гдѣ-то .. давно...
Всѣ мы еще не родились...

МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ.

СТАНИСЛАВЪ ПШИБЫШЕВСКІЙ.

Извѣчный источникъ.

СТ. ПШИБЫШЕВСКАГО.

О, предвѣчный покой—
Утоли мое сердце,
О, неизвѣданная тайна бытія—
Поглоти мою грусть въ свою бездну.
О, превѣчная волна возвращеній и вѣчной жизни—
Преисполни душу мою радостью надежды.
Элейсонъ, элейсонъ!

И, такъ какъ я есмь отъ начала и буду до безпредѣльныхъ границъ вѣчности—
помоги мнѣ, Владычица!

И, такъ какъ имя твое всегда было для меня святыней и никогда не упоминалъ я его всуе—
услышь меня, Владычица!

И, такъ какъ тягчайшее бремя страданія взялъ

я на плечи безъ ропота и несъ въ кровавомъ потѣ чела своего крестъ свой на гору смерти и казни—

искупи меня, Владычица!

Элейсонъ, элейсонъ!

Источникъ мукъ и отрады—

Безумный восторгъ вдохновенья—

Унылый стонъ осенняго вихря—

Брачное ложе разврата и святыхъ упоеній—

Кровавый мечъ мести и зависти, символъ любви и вѣчнаго примиренія—

Къ тебѣ, Владычица, простираю руки въ благоговѣйномъ смиреніи и прошу и умоляю:

не остави меня!

Предчувствіе зорь и лазурнаго полдня—

Радостный вѣстникъ весны—

Теплый лучъ, растопляющій льды—

Звѣзда, поглощающая блески всѣхъ солнцъ—

Быстрый потокъ, что горныя цѣпи прорвалъ, сокрушивъ—

Пріими любовь мою, Владычица—распростертый крестомъ я лежу ницъ предъ тобою, цѣлую стопы твои и съ крикомъ восторга взываю къ тебѣ:

Пріиди, звѣзда разсвѣта!

Безумная горечь сомнѣній—

Повисшихъ въ отчаяніи рукъ огневая отрава—

Жезлъ чародѣя, что въ грязь превращаетъ святыню—

Стрѣла ядовитая, что сердце невинныхъ въ безумства ада ввергаетъ—

Обманное марево, манящее ложью невѣдомыхъ раевъ—

Къ тебѣ простираю, Владычица, грозную отчаяньемъ длань:

Будь проклята!

Мать красоты—

Мать мукъ и страданій—

Мать обаяній и вѣчныхъ порывовъ восторга—

Мать чуда и тоски—

Вѣчный кошмаръ, вампиръ, сатана—

Я въ прахѣ лежу предъ тобою.

Элейсонъ, элейсонъ!

Ты, что исторгнула ужаса крикъ изъ души моей—боли мучительный стонъ—обаятельныхъ звуковъ ласкающій шопотъ—тихое рыданье возносящейся горѣ тоски—лепетъ отчаянный раздирающаго сердце раскаянія—тихій баю-бай материнской колыбельной пѣсни—грозный шумъ мести и зависти,—

Сжалься, Владычица!

Ты, что волшебную роскошь простерла предъ окомъ дуги семицвѣтной на небѣ, пурпурной зари и бархатной ночи—ты, всемогушая Владычица, что въ затменіи солнца, въ черной страшной тѣни земли пугаешь всякую тварь послѣднимъ судомъ—ты, что водныхъ пучинъ воздымаешь громады къ лазурному небу—ты, что съ палимыхъ солнцемъ пустынь летучихъ песковъ подымаешь густые туманы и ими отъ глазъ заслоняешь небесные своды—ты, что бурныхъ на морѣ валовъ укрощаешь сердитую пѣну и въ кроткую ихъ превращаешь улыбку дитяти:

Сжалься, Владычица!

Грозный вой урагана и бури—

Бурный разливъ разыгравшихся бѣшеной радугой красокъ—

Плачущій стонъ моросящей осенней дождливой погоды—

Оплотъ зарожденій и весеннихъ безумствъ—

Ужасъ проклятій, раскаянья слезы, шопотъ любви, лепетачье восторга—

Элейсонъ, элейсонъ!

Всеблагая—

Вѣчная—

Марево—Мука—Отрада:

Аминь, аминь, аминь...

ПЕРЕВ. Е. ТРОПОВСКІЙ.

INTROIBO.

СТ. ПШИБЫШЕВСКАГО.

Ты, которая вплетаешь лучезарными руками въ мои сны красоту увядающей осени, блескъ отцвѣтающаго великолѣпія, воспаленные цвѣта объятаго пламени рая,—

Свѣтлая моя!

Сколько страданій пронеслось, какъ во снѣ, съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ Тебя въ послѣдній разъ, и все же сердце мое сіяетъ еще среди звѣздъ, которыя разсѣяла Ты въ моей жизни, все еще рвутся жаждущія руки моей крови къ счастью, которое Ты зажгла когда-то въ моей душѣ.

Ты, которая въ вечернемъ сумракѣ тихими руками прядешь мнѣ на завороженныхъ арфахъ тяжелое раздумье о минутахъ наслажденій, промчавшихся, какъ отдаленный шелестъ крыльевъ,—о солнцахъ, которыя, утопая въ морѣ, искрятся на востокѣ кровавою росой,—о ночахъ, что прижимаютъ къ теплой груди изстрадавшіяся сердца,—

Свѣтлая моя!

Сколько разъ зашло уже солнце съ тѣхъ поръ, какъ Ты своими волшебными пѣснями умиротворяла скорбь моей души,—а я все еще вижу Твои глаза, полные стоновъ и грусти, вижу, какъ горятъ они въ неземномъ восторгѣ, вижу свѣтлую руку, какъ она протягивается ко мнѣ и хватаетъ мою съ горячимъ крикомъ.

Ты, которая преображаешь бурныя ночи въ солнечные дни, въ глубинахъ сновъ моихъ гасишь дѣйствительность, отодвигаешь въ безконечную даль все близкое,—

Ты, которая зажигаешь въ моемъ сердцѣ блуждающіе огоньки и несешь къ жизни черные цвѣты—

Свѣтлая моя!

Тысячу разъ ужъ преобразился міръ съ тѣхъ поръ, какъ Твой взглядъ поглотилъ гаснущій блескъ моей души, а я все еще вижу Твое маленькое дѣтское личико и золотую корону волосъ надъ твоимъ

челомъ, вижу, какъ двѣ слезы расплылись въ блѣдную улыбку, которая тлѣла на Твоихъ устахъ, и слышу темную жалобу Твоего голоса.

Ты, которая срываешь передо мной печати всѣхъ тайнъ и читаешь руны сокровенныхъ силъ и во всѣхъ безуміяхъ моей жизни перекидываешься радугой благодати отъ одного неба къ другому,—

Никогда еще буря не развѣвала такъ лучей моихъ звѣздъ, никогда еще не играло такимъ кровавымъ блескомъ сіяніе вокругъ Твоей головы, какъ теперь, когда я навсегда утратилъ Тебя.

ПЕРЕВ. В. ВЫСОЦКІЙ.

Сквозь чертоги души его.

СТ. ПШИБЫШЕВСКАГО.

Она шла къ нему, какъ лучъ свѣта, заблудившійся въ туманѣ—словно пробивая съ трудомъ лучами своей благодати глухую и темную мглу, которая нависаетъ надъ болотами при разсвѣтѣ осенняго дня. Она шла къ нему, какъ стонъ колоколовъ, который на десятки верстъ разносится надъ снѣжною равниною полей, надъ черными перелогами, надъ окоченѣвшимъ отъ холода бурьяномъ въ необъятной степи.

Она шла медленно, какъ волна сумрака, заливающая снѣжныя, окутанныя фіолетовымъ очарованьемъ вершины горъ. Сквозь рифы и щели пробиваются острыя, длинныя, клинообразныя тѣни; въ ихъ сумракѣ таютъ чистыя полосы свѣта и тоскливый фіолетовый свѣтъ, онѣ впиваются длинными, острыми языками въ искрящуюся бѣлизну вѣчнаго снѣга; гаснутъ понемногу хрустальныя искры; темнѣютъ плоскогорья и спуски; по нимъ разливается тѣнь,—глубокая, вдохновенная, полная грусти и тишины...

Она шла къ нему, какъ блѣдное сіяніе серебристыхъ тополей въ ночь поминовенія усопшихъ,—въ страшную, полную отчаянія ночь. Гдѣ-то на застывшія въ страданьи поля опустился и свиститъ клубящійся туманъ вѣтра, раздается грустный шелестъ послѣднихъ листьевъ, бѣлѣющихъ металлическимъ блескомъ.

Онъ отступилъ назадъ въ ужасѣ.

А сквозь лѣсъ колоннъ шло къ нему навстрѣчу серебристое сіяніе,—тихое, какъ сіяніе свѣта, раздирающаго тяжелую пелену мглы,—шли къ нему волнистые стоны колокольнаго звона, унылая тоска сумрака, плывущаго съ горъ въ долины.

ПЕРЕВ. В. ВЫСОЦКІЙ.

* * *

Ты хотѣла бъ отъ свѣта завѣситься,
Сердце бьется твое и боится.
Правда! Въ мѣдномъ дрожаніи мѣсяца
Что-то новое нынче змѣится.

Дай мнѣ руку, незримыхъ отгадчица.
—Пусть расширены будутъ зрачки.—
Видишь, самъ онъ пугается, прячется
За разорванныхъ тучъ клочки.

Посмотри! Вотъ онъ вышелъ. Серебрянымъ
Онъ качнулся на листвѣ березы.
Будемъ тише! Открылися дебри намъ
Новыхъ тайнъ и невѣдомой грезы.

Нынче сбудется то, что пророчится
Намъ обоимъ давно и всегда.—
Пусть же мѣсяца мѣдью упрочится
Золотая грезы руда.

ВЛ. ПЯСТЪ.

КАЗИМІРЪ ТЕТМАЙЕРЪ.

Ель.

КАЗИМИРА ТЕТМАЙЕРА.

Я ѣхалъ однажды въ сумерки пустынной дорогой по направленію къ лѣсу. Вѣтеръ дулъ съ горъ и высокій стройный лѣсъ пихтъ и елей склонялся темной линіей своихъ верхушекъ. Отъ горъ шли мрачныя дождевыя тучи, казалось, сдвигая съ собой и неся огромные скалистые обломки. Сани бѣжали тихо по рыхлому снѣгу. Вокругъ ничего, только склоняющійся отъ вѣтра лѣсъ и сдвинутыя сюда тысячу вѣковъ назадъ скалы. Мертвенная тишина. Такою грустью полонъ этотъ лѣсъ, будто душа природы здѣсь уже умерла. Сердце земли не можетъ биться подъ такой пустыней. Здѣсь конецъ жизни.

Дорога вела въ мракъ, въ перерѣзанную линію деревьевъ, а пихты и ели склонялись и выпрямлялись подъ вѣтромъ, какъ нива. Но, опершись на вѣтви одной ели, склонялась верхушкой къ землѣ другая ель, снѣгомъ и бурями почти вырванная съ

корнемъ. Она жила еще, но увядала и изъ всей этой стѣны колыхавшихся остроконечныхъ деревьевъ она одна выставляла впередъ свою голову, какъ дѣвушка, которая ждетъ смерти на плечѣ своей подруги. А вокругъ темнота, дождевыя тучи и колоссальные уносящіеся въ бездну мглы и мрака громады и обрывы Татръ.

Мою душу охватила тоска.

ПЕРЕВ. А. И Т.

* * *

ИЗЪ КАЗИМІРА ТЕТМАЙЕРА.

Бѣдное сердце, ты ночью, въ безсонной печали,
Долго и скорбно внимаешь въ глухой тишинѣ,
Ужъ не откликнется ль чье-нибудь сердце во снѣ
Зовомъ на зовъ... Вотъ кого-то зоветъ—не тебя ли?

Нѣтъ, ничего не слыхать... То протяжнымъ аккордомъ
Садъ увядающій вѣтра встрѣчаетъ полетъ...
Бѣдное сердце, никто ужъ, никто не зоветъ,
Только не сѣтуй, о сердце, въ страданіи гордомъ!

МИХ. ГЕРБАНОВСКІЙ.

Сентиментальный разговоръ.

Въ паркѣ пустынномъ, застывшемъ вдали
Въ тихой бесѣдѣ двѣ тѣни прошли.
Очи померкли, уста отвисаютъ,
Блѣдныя рѣчи во мглѣ угасаютъ.
Въ паркѣ пустынномъ, застывшемъ вдали
Тѣни о прошломъ бесѣду вели:
— Помнишь, любовь ты дарила отвѣтомъ?
— Вотъ еще! Буду я помнить объ этомъ.
— Слышитъ ли сердце мой дальній привѣтъ?
Видишь ли душу во снѣ мою?—Нѣтъ!
— Было блаженство—уже ль ты забыла?—
Въ страстныхъ объятьяхъ?—Можетъ быть было.
— На-небѣ солнцемъ надежда взошла.
— Солнце померкло и стелется мгла...
Въ тихой бесѣдѣ онѣ проходили:
Тѣни ночныя ихъ рѣчь уловили.

СЕРГѢЙ РАФАЛОВИЧЪ.

На стражѣ.

ИЗЪ Ж. РОДЕНБАХА.

О, счастье—одному, когда ложится мгла,
При лампѣ одному работать до разсвѣта;
Въ тетрадь—давая жизнь видѣніямъ поэта—
Вносить порою стихъ звенящій, какъ стрѣла.

О, счастье—быть съ самимъ собой наединѣ.
Когда смолкаетъ шумъ съ дневною суетою,
И лишь луна скользитъ въ прозрачной бѣлизнѣ
Надъ кровлей сонною, подъ маской золотою.

О, счастіе—свѣтить, когда повсюду мракъ:
Лампада яркая въ безмолвіи соборовъ,

Въ ненастье полночи сіяющій маякъ,
Когда шумитъ прибой, невидимый для взоровъ.

О, счастье дивное мечтателя—поэта,
Пустынножителя—сливаться съ тишиной,
И въ сердцѣ у себя хранить источникъ свѣта,
Не угасающій въ глубокой тьмѣ ночной.

О, счастье—одному нести привычный трудъ,
Въ тиши слагать стихи пѣвучіе, какъ лира,
И говорить себѣ:—когда умру для міра,
Созданія мои, быть можетъ, не умрутъ!—

О. Н. ЧЮМИНА.

Владыка острова.

ИЗЪ СТЕФАНА ГЕОРГЕ.

Живетъ межъ рыбаками былъ: на Югѣ,
На островѣ (корицей и елеемъ
И кàменьемъ богатъ онъ самоцвѣтнымъ,
Горящимъ по песку) витала птица,
Что, на-земь ставши, клювомъ растрепать
Могла верхи деревъ высокихъ. Крылья,
Какъ будто гущею улиты тирской
Окрашены (гласитъ молва),—раздвинувъ
И, тяжкая, взлетая, тучѣ рдяной
Подобилась она, стелясь надъ доломъ.
По дебрямъ день таилась; ввечеру
На отмель выходила и въ дыханьи
Соленой свѣжести и ѣдкихъ травъ
Такъ сладко пѣла, что дельфины въ морѣ
Ныряли ближе,—червленѣло море,
Все въ перистыхъ, все въ искристыхъ сверканьяхъ,
Споконъ вѣковъ такъ птица та жила.
Одни ее видали, въ чьи глаза
Смерть глянула... Когда попутный вѣтеръ
Впервые цѣлыми примчалъ вѣтрила

Къ тѣмъ пристанямъ,—свой край озрѣть она
Взошла на холмъ, и распростерла крылья,
Ширяяся, и нѣжно возстенала,
Съ протяжнымъ тихимъ пѣньемъ отлетая.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

Въ поляхъ.

ИЗЪ Д. ФОНЪ ЛИЛІЕНКРОНА.

Чуть дыша, весенній вѣтеръ
Пробѣгалъ по раннимъ всходамъ;
Тихимъ вечеромъ полями,
Шагъ за шагомъ, шли мы—помнишь?—
Объ-руку съ тобой...

Кто-то встрѣтилъ насъ дорогой
Любопытнымъ взглядомъ празднымъ,—
Разомкнулись наши руки,
И пошли мы дальше рядомъ
Равнодушно и спокойно—
Чинною четой...

Но едва успѣлъ прохожій,
Научившій насъ притворству,
Убѣжать отъ нашихъ взоровъ,—
Какъ не только наши руки,
И уста—слились съ устами,
Съ жаркой грудью—грудь...

А теперь—хлѣба созрѣли;
Есть гдѣ скрыться нѣжнымъ ласкамъ
Отъ чужихъ докучныхъ взглядовъ...
Но—усталый путникъ—грустно
Я плетусь своей дорогой...
Одинокъ мой путь!

АПОЛЛОНЪ КОРИНФСКІЙ.

Пѣсня бури.

изъ Л. ШАРФА.

Вихрь ноябрьскій, свирѣпѣй,
Вой, бѣснуйся и рыдай,
Часть свирѣпости своей
Мнѣ, бѣднягѣ, передай.

Будни сѣры, я хочу
Сладость бѣшенства познать,
И подъ вой твой хохочу,
И стараюсь подвывать.

Вихрь ноябрьскій, свирѣпѣй,
Все шатай и потрясай,
Гривой хладной, черной вей,
Свои зубы обнажай!

Лайте, псы! въ рѣшетки бить
Надо крѣпче, рви запоръ,
Звѣри въ башнѣ станутъ выть,
Чуя вольный вѣтеръ горъ.

О, властитель, мой привѣтъ
Шлю тебѣ отъ всей души,
Безъ тебя покоя нѣтъ
Въ этой тягостной тиши.

Ты затрубишь, съ торжествомъ
Среди улицъ завопишь—
И ползетъ скорѣй въ свой домъ
Человѣческая мышь!

Вихрь ноябрьскій, свирѣпѣй,
Вой, бѣснуйся и рыдай,
Часть свирѣпости своей
Мнѣ, бѣднягѣ, передай.

Ан. Анютинъ.

ЯНЪ КАСПРОВИЧЪ.

Благословеніе.

ЯНА КАСПРОВИЧА.

Если бы душа моя была такъ чиста, что право благословлять кого-нибудь не было бы съ моей стороны дерзкимъ притязаніемъ, я протянулъ бы руку къ вамъ, тихія, родимыя поля мои!

Ни одного гарнца пшеницы не извлекъ я изъ вашихъ бороздъ, не велъ на ярмарку скотины, выкормленной на вашихъ лугахъ, не набивалъ кожаной мошны,—съ чужого жнивья собралъ я колосья, оставшіеся послѣ жатвы, а по бѣлу свѣту пошло за мной лишь воспоминаніе о горѣ-нуждѣ да грусть-тоска.

Въ нихъ мое богатство, въ нихъ мой посѣвъ для унылыхъ, тоскливыхъ лѣтъ, что придутъ послѣ меня...

И никогда не обидѣлъ, не осквернилъ я тоски своей, хоть, какъ неопрятный грязный пьяница, плевалъ на себя, думая, что плюю на другихъ.

Потому что всегда, лишь только пальцы судорожно тянутся къ грязи, чтобы бросить ею въ нее и сказать ей, что она—злой, самодовольный разрушитель,—передо мной является вашъ образъ, о, тихія, родимыя поля мои, и оберегаетъ душу мою отъ послѣдняго паденія.

Сегодня посѣтилъ меня сонъ и зловѣще шепталъ мнѣ, будто Богъ отвернулся отъ меня и обратилъ васъ въ ужасную пустыню.

Морозъ подгрызъ корешки вашихъ озимей, и сѣрый сѣдой иней застилаетъ цвѣтущую когда-то вашу равнину.

Кусты чернаго чертополоха, окутавъ не опавшими еще заиндевѣлыми листьями сухіе стебли, торчатъ одиноко надъ мертвой травой узкой канавы.

Отъ закутаннаго въ сизую дымку темнаго лѣса прилетаетъ стая грачей и, не найдя пищи, исчезаетъ съ отчаяннымъ крикомъ въ свинцовой глубинѣ пространства.

Тощая лѣнивая кляченка рѣжетъ тяжелыми копытами землю длинной, однообразной дороги, таща за собой дырявый плетенчатый возокъ. Погоняетъ ее, застрявъ въ кучкѣ гороховой соломы, жалкій мужиченко въ сѣрой, нахлобученной на уши бараньей шапкѣ и въ опухшихъ кожаныхъ рукавицахъ;

—„Вьо! вьо!“—помахиваетъ онъ кнутомъ—„вьо! вьо! старуха! Ближе намъ къ смерти, чѣмъ къ веснѣ! Лишь бы добраться! Вьо! вьо!..“

И тащится такъ къ далекому, синему пятну деревушки, столь далекому и столь синему, что крыши хатъ почти слились съ землей, образуя какъ бы кайму, отдѣляющую ее отъ неба.

А за этой тріумфальной колесницей жизни—стукъ-стукъ! стукъ-стукъ!—ковыляетъ полусумасшедшій, только что выпущенный изъ тюрьмы поджигатель...

„Ладно“—хрипитъ, угрожая кому-то, это желтое заиндевѣлое, огромное пугало—„пока ничего! Погожу,—выростетъ эта малость ржи, созрѣетъ, на

гумна свезете! Весь міръ мнѣ сжечь можно, потому—я его сотворилъ, я, не другой кто!..“

О, дышащіе страхомъ грядущихъ дней поля мои!

Не знаю, какія судьбы васъ ждутъ, дурныя ли или хорошія, но грусть моя останавливается межъ лазурной надеждой и еще большимъ сумракомъ и шлетъ вамъ свое робкое благословеніе...

ПЕРЕВ. ТРОПОВСК.

* * *

ИЗЪ Л. РЫДЕЛЯ.

Какъ птицы, сумракомъ застигнуты нежданно
Вдали отъ теплыхъ гнѣздъ, несутся на покой,
Такъ мысли всѣ летятъ въ какой-то край желанный,
Знакомый будто мнѣ, не знаю самъ—какой.
Напрасно я стремлюсь найти въ рѣкѣ забвенья,
Что скрылось въ мглѣ ея суроваго теченья.
Порою кажется... Порою мнится мнѣ:
Я вижу тихій прудъ въ тѣни березъ склоненныхъ,
Гирлянды травъ и мховъ тамъ стелются на днѣ.
На глади лилій рядъ, уснувшихъ, полусонныхъ...
Вотъ лучъ, пробившій мглу на мигъ, скользнулъ по нимъ,
Заискрился... исчезъ... и больше невидимъ.
Среди таинственной тиши лѣсного храма,
Подъ своды темные разросшихся вѣтвей,
Вотъ шелестъ хвороста подъ легкими шагами
Скользящихъ межъ кустовъ и полусгнившихъ пней.
Я слышу тихій зовъ. Меня, меня позвали...
Подъ чьею-то рукой чуть вѣтви задрожали.
Что дальше—разглядѣть глаза мои хотятъ
Напрасно, не видать ни озера ни лѣса...
Видѣнья милыя пугливо прочь летятъ.
Все скрыла предо мной туманная завѣса.
Не видно ничего пылающимъ глазамъ.
Мнѣ плакать хочется, о чемъ—не знаю самъ.

И. ГРИНЕВСКАЯ.

Колыбельная.

Я не знаю многихъ пѣсенъ, знаю пѣсенку одну,
Я спою ее младенцу, отходящему ко сну.
Колыбельку я рукою осторожною качну,
Пѣсенку спою младенцу, отходящему ко сну.
Тихій ангелъ встрепенется, улыбнется, погрозится шалуну,
И шалунъ ему отвѣтитъ: „Ты не бойся, ты не дуйся,—я засну".
Ангелъ сядетъ къ изголовью, улыбаясь шалуну,
Сказки тихія разскажетъ отходящему ко сну.
Онъ про звѣздочки разскажетъ, онъ разскажетъ про луну,
Про цвѣты въ раю высокомъ, про небесную весну.
Промолчитъ про тѣхъ, кто плачетъ, кто томится въ полону,
Кто закованъ, зачарованъ, кто влюбился въ тишину,
Кто томится, не ложится, долго смотритъ на луну,
Тихо сидя у окошка, долго смотритъ въ вышину,—
Тотъ поникнетъ, и не крикнетъ, и не пикнетъ, и поникнетъ въ глубину,
И на рѣчкѣ съ легкимъ плескомъ кругъ за кругомъ пробѣжитъ волна въ волну.
Я не знаю много пѣсенъ, знаю пѣсенку одну,
Я спою ее младенцу, отходящему ко сну,
Я на ротикъ розъ раскрытыхъ росы тихія стряхну,
Глазки-цвѣтики-цвѣточки пѣсней тихою сомкну.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

Осень.

Свѣтъ золотой въ алтарѣ,
Въ окнахъ—цвѣтистыя стекла.
Я прихожу въ этотъ храмъ на зарѣ.
Осенью сердце поблекло...
Вѣщее сердце—поблекло...

Грустно. Осень пируетъ,
Осень развѣсила красныя ткани,
Ликуетъ...
Вѣтеръ—какъ стонъ запоздалыхъ рыданій.
Листья шуршатъ и, взлетая, танцуютъ.

Свѣтлое утро. Я въ церкви. Такъ рано.
Зыблется золото въ медленныхъ звукахъ органа,
Сердце вздыхаетъ покорнѣй, размѣрнѣй,
Изъязвленное иглами терній,
Иглами терній осеннихъ...
Терній—осеннихъ.

ВЛАДИСЛАВЪ ХОДАСЕВИЧЪ.

* * *

ИЗЪ П. ВЕРЛЭНА.

За окномъ, словно въ рамкѣ картины,
Убѣгаютъ холмы и равнины,
Мчатся рѣки, поля и лѣса
И лазури небесъ полоса...
Все кружится, гремитъ, исчезаетъ,
Въ шумномъ вихрѣ назадъ улетаетъ;

Словно росчеркъ мудреный въ окнѣ,
Телеграфъ извился въ сторонѣ...
Запахъ угля, пары водяные;
Потрясая оковы стальные,
Гдѣ-то сонмъ великановъ гремитъ.
Гдѣ-то филинъ зловѣще свиститъ!..

Но спокоенъ я въ это мгновенье,—
Предо мной тихо рѣетъ видѣнье,
Слышу шопотъ я ласковыхъ словъ,
Снова полонъ я радужныхъ сновъ...
Пусть же мимо вихрь бурный несется,
Сердце радостью тихою бьется!

ЭЛЛИСЪ.

* * *

По улицамъ узкимъ, и въ шумѣ и ночью, въ театрахъ, въ садахъ я бродилъ,
И въ явственной думѣ грядущее видя, за жизнью, за сущимъ слѣдилъ.

Я пѣсни слагалъ вамъ о счастьи, о страсти, о высяхъ, границахъ, путяхъ,
О прежнихъ столицахъ, о будущей власти, о всемъ, распростертомъ во прахъ.

Спокойныя башни, и бѣлыя стѣны, и пѣна раздробленныхъ рѣкъ
Въ восторгѣ всегдашнемъ дрожали, внимали стихамъ, прозвучавшимъ навѣкъ.

И дѣвы и юноши встали, встрѣчая, вѣнчая меня, какъ царя,
И тѣнямъ подобно лилась по ступенямъ потокомъ широкимъ заря.

Довольно, довольно! я васъ покидаю! берите и сны и слова!
Я къ новому раю спѣшу, убѣгаю, мечта неизмѣнно жива!

Я создалъ, и отдалъ, и поднялъ я молотъ, чтобъ снова сначала ковать.
Я счастливъ и силенъ, свободенъ и молодъ, творю, чтобы кинуть опять!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

ЮРІЙ ЖУЛАВСКІЙ.

Миніатюры.

ЮРІЯ ЖУЛАВСКАГО.

ДРУГУ.

Помнишь ли ты, мой другъ, эти годы, прожитые вмѣстѣ, эту общность чувствъ и мыслей, эти мечты, гордыя и безумныя, окутывавшія весь міръ лучезарнымъ покровомъ, а однако не осуществившіяся?

Ахъ! какъ прекрасно мы понимали другъ друга въ тѣ блаженныя времена! Мы вѣрили во все то, во что такъ трудно вѣрить въ наши дни: и въ собственныя силы, и въ доброту людей, и въ справедливость, и въ будущее, свѣтлое, солнечное, лучезарное будущее! И все вокругъ насъ было такъ прекрасно, такъ божественно и такъ широко, въ той дивной странѣ, въ которой обитали мы, у подножья этихъ горъ, надъ этими озерами изъ хрусталя и лазури.

Гдѣ же эта наша страна, мой другъ, гдѣ наша вѣра, наши силы, мечты, гдѣ дружба наша?

И нынѣ мы встрѣчаемся съ тобою и подолгу смотримъ въ глаза другъ другу, но взоры наши теперь не проникаютъ болѣе въ глубину души, уста молчатъ, а при пожатіи руки мы не ощущаемъ нынѣ того могучаго, сердечнаго тока, который нѣкогда соединялъ насъ воедино.

И оба мы съ болью въ сердцѣ думаемъ (ибо, я знаю, и ты думаешь), что постепенно становимся чужими.

Я знаю, что разлучило насъ: стыдъ. Да, стыдъ... Мы стыдимся оба—но не былыхъ мечтаній, не вѣры прежнихъ дней—но того, что нынѣ мы ни о чемъ ужъ не мечтаемъ и ни во что не вѣримъ.

ЖАЛОБА ГРОБОВЪ.

По тихому кладбищу шелъ Ангелъ и печаленъ онъ былъ печалью тѣхъ, кто близко видитъ смерть. А на землѣ была ночь, и весна, и ароматъ цвѣтущей сирени струился надъ кладбищемъ.

И вотъ, разрыдались гробы—и видно было, что заключенныя въ нихъ души не отдыхаютъ, а грезятъ во снѣ.

А Ангелъ сказалъ: „Спите! хорошо вамъ въ могилахъ, тихо и спокойно.—Къ чему же эти жалобы? Развѣ жизнь ваша протекла безъ горя и терній—и развѣ не миновало все это? Вотъ живущіе вздыхаютъ, говоря: „Ахъ, какъ бы уснуть поскорѣе!“ Спите же и не вспоминайте былого, не сожалѣйте о немъ“.

А голоса изъ могилъ отвѣчали, рыдая: „На землѣ весна, и не можемъ мы спать“.

И одинъ сказалъ Ангелу: „Ко мнѣ проникъ ароматъ цвѣтовъ и разбудилъ меня, припомнивъ мнѣ ту, которую я любилъ“.

„Позволь мнѣ встать и поискать ее“.

„И поискать тотъ жасминовый кустъ, подъ которымъ мы были такъ счастливы“.

„И отыскать ея уста, ея глаза, которые я нѣкогда лобзалъ“.

„Умирая, я думалъ: мы свидимся съ ней. А вотъ,

я одинокъ въ своемъ гробу и скверно мнѣ здѣсь. Позволь мнѣ встать".

Но Ангелъ въ отвѣтъ сказалъ: „Той, которую ты любилъ, нѣтъ больше въ живыхъ".

„И жасминовый кустъ, подъ которымъ ты такъ счастливъ былъ, давно засохъ ужъ".

„Я видѣлъ его послѣдній цвѣтокъ, опавшій и увядшій".

„Усни". И, сказавъ это, онъ ступилъ на могилу, а голосъ въ гробу вздохнулъ и умолкъ.

Но вотъ разрыдался другой гробъ, говоря: „Шумятъ деревья, я слышу журчанье ручьевъ и не могу спать".

„При жизни я началъ пѣсню и умеръ, не допѣвъ ее".

„И чудится мнѣ въ шелестѣ листьевъ неясная и спутанная мелодія моей неоконченной пѣсни. Позволь мнѣ встать—я допою ее".

„И пошлю я ее къ людямъ—и станетъ пѣть мою пѣсню молодая мать у колыбели ребенка, укачивая его".

„И юная дѣва—въ присутствіи своего милаго"...

Ангелъ сказалъ: „Звукъ отзвучалъ ужъ, и люди забыли его. И лишь деревья помнятъ твою пѣсню, ибо ты не окончилъ ея, и шумятъ надъ твоей могилой, дабы ты спалъ".

Сказавъ это, Ангелъ ступилъ и на вторую могилу, а рыдавшій въ гробѣ голосъ вздохнулъ и умолкъ.

И вотъ расплакался третій гробъ и сказалъ: „Свѣтитъ луна, и не могу я спать".

„При жизни видя подобный свѣтъ, я всегда стремился къ нему, ибо онъ прекрасенъ".

„Люди давали этому свѣту различныя названія, но я любилъ его во всѣхъ видахъ, во всѣхъ его проявленіяхъ, не спрашивая, какъ зовутъ его".

„Когда я былъ ребенкомъ и имѣлъ мать, она говорила мнѣ, что послѣ смерти я вѣчно буду лицезрѣть его—и я ей вѣрилъ.

„Но вотъ я въ гробу—и меня окружаетъ тьма. Позволь мнѣ встать".

Такъ говорилъ гробъ, а Ангелъ молчалъ и не отвѣчалъ ему.

И снова раздался голосъ, вопрошая:

„Скажи мнѣ, Ангелъ, неужели этотъ свѣтъ на землѣ померкъ?—и я усну“.

Но Ангелъ и теперь ничего не отвѣтилъ, и не ступилъ на могилу, и не усмирилъ рыдавшаго въ гробѣ.

Онъ сочувствовалъ заключенному въ гробъ духу, но не въ силахъ былъ воскресить его.

ПЕРЕВ. О. ВИШНЕВСКАЯ.

* * *

I.

Одинъ, одинъ средь горъ. Ищу Тебя.
Въ холодныхъ облакахъ бреду безцѣльно.
Душа моя
скорбитъ смертельно.

Вонзивши жезлъ, стою на высотѣ.
Хоть и смѣюсь, а на душѣ такъ больно.
Смѣюсь мечтѣ
своей невольно.

О, какъ тяжелъ вѣнецъ мой золотой!
Какъ я усталъ!.. Но даль пылаетъ.
Во тьмѣ ночной
мой рогъ взываетъ.

Я былъ межъ васъ. Лучъ солнца золотилъ
причудливыя тучи въ яркой дали.
Я васъ будилъ.
но вы дремали.

Я былъ межъ васъ печальнонеземной.
Мои слова повсюду раздавались.
И надо мной
вы всѣ смѣялись.

И я ушелъ. И я среди вершинъ.
Одинъ, одинъ. Жду знаменій нежданныхъ.
Одинъ, одинъ
средь бурь туманныхъ.

Все какъ въ огнѣ. И жду, и жду Тебя.
И руку простираю вновь безцѣльно.
Душа моя
скорбитъ смертельно.

II.

Изъ-за дальнихъ вершинъ
показался женихъ озаренный.
И стоялъ онъ одинъ,
высоко надъ землей вознесенный.

Извѣщалось не разъ
о приходѣ владыки земного.
И въ предутренній часъ
запылали пророчества снова.

И лишь свѣта потокъ
надъ горами вознесся сквозь тучи,
онъ стоялъ, какъ пророкъ,
въ багряницѣ, свободный, могучій.

Вотъ идетъ. И вѣнецъ
отражаетъ зари свѣтъ пунцовый.
Се—вѣнчанный телецъ,
основатель и богъ жизни новой.

III.

Суждено мнѣ молчать.
Для чего говорить?
Не забуду страдать.
Не устану любить.

Насъ зовутъ
безъ конца...
Намъ пора...
Багряницу несутъ
и четыре колючихъ вѣнца.

Весь въ огнѣ
и любви

мой предсмертный, блуждающій взоръ...
О, приблизься ко мнѣ—
распростертый, въ крови,
я лежу у подножія горъ.

Зашатался надъ пропастью я
и въ долину упалъ, гдѣ поетъ ручеекъ.
Тяжкій камень, свистя,
неожиданно сбилъ меня съ ногъ—
тяжкій камень, свистя,
размозжилъ мнѣ високъ.

Среди ландышей я—
зазіявшій, кровавый цвѣтокъ.
Не колышется больше отъ мукъ
вдругъ застывшая грудь.

Не оставь меня, другъ,
не забудь!..

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

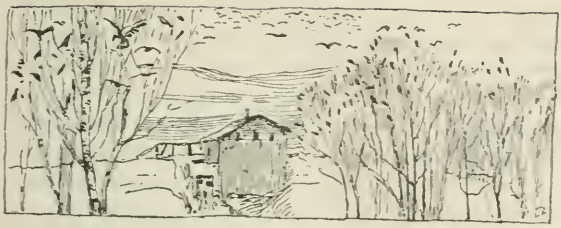
Ленъ.

Присѣла на могильникѣ Савурѣ
Старуха-Смерть, глядитъ на людный шляхъ
Цвѣтущій ленъ полоскою лазури
Синѣетъ на поляхъ.

И говоритъ старуха-Смерть: „Здорово,
Прохожіе! Не надо ли кому
Льняного погребальнаго покрова?—
Не дорого возьму“.

И говоритъ Савуръ-курганъ: „Не каркай!
И саванъ—прахъ. И саванъ обреченъ
Истлѣть въ землѣ, чтобъ снова выросъ яркій
Небесно-синій ленъ“.

ИВАНЪ БУНИНЪ.



Хлѣбъ, люди и земля.

Среди полей станція: красный домъ изъ кирпича, рядомъ водокачка. Мимо станціи желѣзный путь; разъѣзды, фонари, склады, вагоны. Поѣздовъ за сутки мало—дорога новая—но они основательны: ѣдутъ тихо, много пыхтятъ, долго стоятъ на полустанкахъ; въ пути дѣйствуютъ слабо: подъ уклонъ безнадежно летятъ, на взгорки взбираются съ трудомъ. Само полотно жидко, но поѣзда очень тяжелы; вагоны полны мукой, иногда тамъ топочутъ лошади, или видна бѣлая пыль камня. Эти угрюмые товарные приходятъ ночью; въ темнотѣ издалека видны желтые огни и что-то гудитъ по желѣзнымъ полоскамъ. Очень скучно и непріятно выходить къ поѣзду. „Начальникъ“ спитъ, вмѣсто него юноша; онъ тоже въ красной фуражкѣ, но на ней меньше кантовъ.

Подъ паровозомъ бѣжитъ свѣтъ, станція подрагиваетъ и рельсы гнутся въ скрѣпахъ, когда проползаютъ вагоны,—одинъ за другимъ, сырые, съ надписями мѣломъ. Они только что пришли изъ необычайной тьмы, вокругъ нихъ очень долго вылъ вѣтеръ, и скоро они опять уйдутъ въ этотъ холодъ

и слякоть; скучно смотрѣть на нихъ, лучше вернуться во второй этажъ станціи, лечь въ постель и заснуть горячимъ сномъ. Но жаль, надо что-то писать, что-то считать и выдавать кондукторамъ разныя бумажонки, которыя никому не нужны. Потомъ что-то будутъ отмѣчать на вагонахъ, стучать снизу молоточкомъ, ругаться; поѣздъ будетъ дергаться впередъ, назадъ, какъ будто бы безцѣльно, но въ концѣ концовъ всѣ эти машинисты, кондуктора, черные смазчики съ фонарями, отцѣпятъ таки изъ середины два вагона съ мукой и поставятъ у навѣсовъ.

Все сдѣлали, но все же стоятъ; помощникъ спитъ, телеграфъ постучалъ сколько нужно и успокоился,—пора бы и ѣхать; дернули, разъ-другой, двинулись; ползутъ, ѣдутъ. Передъ станціей пусто, вѣтру теперь свободнѣе летѣть въ лобъ на платформу. Влѣво вдаль ушла тяжелая змѣя, набитая хлѣбомъ, съ красноглазымъ хвостомъ.

До разсвѣта станція спитъ; съ ней говорятъ только вѣтры, что кружатъ надъ вихрастыми деревушками вокругъ, надъ усадьбами, помѣщиками, мужицкими церквами. Въ трактирѣ у Гаврилыча, тутъ же вблизи, жуютъ сѣно лошади, а постояльцы смрадно спятъ, клокоча горломъ.

Иногда надъ горизонтомъ подымается пламя,—пожаръ: мужики ли жгутъ помѣщика, самъ ли помѣщикъ горитъ, или сами мужики? Пламя часъ и два и больше бьетъ кверху, но никто не слышитъ. Всѣ щели, бугры и косогоры земли полны сна, ниоткуда не выгонишь ни лошади ни человѣка; десятками верстъ идутъ поля, отъемы лѣсовъ, зеленя. Деревенскій міръ разлегся широко—и молчитъ въ ночной часъ.

Но свѣтлѣетъ на востокѣ, начинается жизнь. Черезъ овраги и „вершины“, гдѣ еще сумеречно и клочьями осталась ночь, со всѣхъ сторонъ ползутъ мужики; кто за чѣмъ. Выѣзжаютъ къ утреннему поѣзду, приходятъ за письмами съ войны, узнать, что и какъ гдѣ; скоро ли „тронутъ“ уѣздъ. Везутъ отъ помѣщиковъ хлѣбъ, молоко, и на дальнихъ

платформахъ идетъ суета. Платформы испачканы бѣлыми мучными пятнами; люди тоже въ мукѣ; тутъ же телѣги съ мѣшками; и кули все таскаютъ, таскаютъ на людскихъ спинахъ, въ товарные вагоны.

Мужиковъ набивается больше, полъ-платформы подъ ними; они стоятъ коричневые, въ армякахъ и полушубкахъ, сплошной стѣной; многіе съ кнутами; у трактира масса ихъ кривоногихъ лошаденокъ, похожихъ на репейникъ, въ нелѣпыхъ упряжкахъ.

Поѣздъ всегда опаздываетъ; онъ называется пассажирскій, хотя для людей въ немъ всего три-четыре вагона, остальные товарные, для скотовъ и груза. Подходятъ вагоны; въ нихъ душно, кисло; сзади ночь нечистаго дышанья, грязной одежды, икоты, сопѣнья. Ѣдутъ тоже мужики, а во второмъ классѣ подрядчики, трактирщики и люди въ поддевкахъ, съ золотыми кольцами на рукахъ. Вотъ толстый человѣкъ съ чемоданчикомъ; широко разставляетъ роги, подошвы у него громадныя, лицо въ волосахъ; усы могучи, маленькіе желтые глазки спокойны и сонны, какъ у медвѣдя-муравьятника. Вѣроятно, медвѣжьи, ровныя мысли ворочаются въ шерстистой головѣ, желудокъ за обѣдомъ вбираетъ фунты тяжелой пищи, днемъ полагается жаркій сонъ. Неизвѣстно, не двинетъ ли онъ со станціи прямо на четвереньках куда-нибудь къ себѣ въ берлогу, въ глухомъ барсучьемъ оврагѣ.

Мужики набрасываются — кого вести? Куда? Столько-то. Машутъ кнутами, отъ вѣтра шлепаютъ на нихъ воротники армяковъ; фуражка „помощника“ плыветъ здѣсь и тамъ краснымъ пятномъ. Сзади кирпичная новостроенная станція съ большими окнами, и водокачка.

Передъ праздниками поѣздъ набитъ своими же, кто работаетъ въ городѣ; тогда на платформѣ много бабъ; встрѣчаютъ, цѣлуются и парами бредутъ въ ближнія деревушки; это значитъ, будетъ днемъ гульба, будутъ бѣгать къ Гаврилычу за водкой, пѣть пѣсни, нехитро острить, галдѣть, любить и ругаться, а вечеромъ у того же Гаврилыча грам-

мофонъ: люди закоптѣлыхъ хибарокъ слушаютъ смѣшной, важный хрипъ, оперу, Собинова. На улицѣ пахнетъ канифасами и кумачами, бродятъ полупьяные гости въ городскихъ куртках и новыхъ калошахъ, а лохматое, мшистое дѣдье слушаетъ съ завалёнокъ. Семидесятилѣтніе дѣды помнятъ, когда не было еще ни станціи, ни жиденькихъ рельсъ, ни граммофона, ни Гаврилыча. Но ихъ лица въ складкахъ сплошь заросли мочалой, сѣро-рыжими космами; они похожи на сухіе грибы, что растутъ на истлѣвшихъ деревьяхъ; глаза у нихъ слезящіеся и усталые, а сзади, за горбомъ, длинная жизнь, въ хижинахъ, которую прохватываетъ насквозь вѣтеръ, съ плетневыми навѣсами, курами, метелями и попами.

Справа и слѣва, по обѣимъ сторонамъ полотна, вдали и вблизи разсѣлись эти люди тѣсными селами, гнѣздами изъ нетолстаго лѣсу и соломы; узенькіе проселки сѣтью связываютъ ихъ другъ съ другомъ,—зимой и лѣтомъ,—а весной большая вода бываетъ по оврагамъ; земля веселится и играетъ своими силами. Тогда ѣздить надо вплавь, и то, кто не боится.

Но желѣзнодорожныхъ это не касается: ихъ поѣзда, въ бурныя ночи, весной, такъ же тащутъ черезъ мужицкія поля вагоны съ хлѣбомъ; все хлѣбъ и хлѣбъ, съ юга на сѣверъ. Грузные поѣзда ползутъ среди простора, мимо людей и деревень; грохочутъ на мостахъ, блещутъ фонарями; пускаютъ искры изъ паровозовъ, и одинъ за другимъ катятъ дальше впередъ, на сѣверъ.

А когда праздники кончаются, тѣ же бабы идутъ провожать мужей, братьевъ въ городъ, и тогда опять вся платформа полна деревней.

Нищій, старикъ, бродитъ и проситъ. Снимаетъ шапку съ лысой головы, бормочетъ, наполовину напѣваетъ что-то давнее, всероссійское. Въ немъ длинныя дороги, размокшія избенки, многолѣтняя жизнь. Онъ толчется у буфета, смотритъ на селедку и грязныя рюмки, ломтики ситнаго; за спиной у него холщевый мѣшокъ; оттуда пахнетъ хлѣбомъ—

деревенскимъ, бабьимъ, какъ и палка его здѣшняя, обмозоленная грубой рукой.

Бабы сморкаются, кой-гдѣ плачутъ, подаютъ старичку. Вдругъ колокольчики у подъѣзда: баринъ. Тащутъ за нимъ чемоданы, плэды; помощникъ дѣлаетъ подъ козырекъ, самъ „начальникъ“ пробирается въ первый классъ, занимать разговорами.

Мужики тоже много говорятъ; ихъ разговоры угрюмы; лѣтомъ отдавали лошадей, теперь подходитъ къ людямъ: сосѣдній уѣздъ двинули уже; все чаще, чаще проходятъ поѣзда съ людьми въ товарныхъ вагонахъ, съ сѣвера на югъ и востокъ. Шинели выглядываютъ изъ полураздвинутыхъ дверецъ, сидятъ на деревянныхъ лавочкахъ, временами хохочутъ, хлебаютъ что-то, острятъ, орутъ пѣсни. На платформѣ на нихъ часто смотрятъ мужики въ армякахъ, подпаски съ кнутами, дѣвки; хмурый коричневый народъ молчаливо провожаетъ ихъ, и бабы кой-гдѣ всхлипываютъ. А поѣздъ съ человѣчьимъ тѣломъ недолго застаивается на станціи, ему нужно дальше, надо дать мѣсто слѣдующему — тотъ тоже съ солдатами и солдатами.

Со станціи люди бредутъ въ разныя стороны, бороздя лицо праматери, думая грузныя думы; и потомъ, взворачивая сохами ея пласты для свѣтлыхъ яровыхъ хлѣбовъ, они такъ же серьезны и важны, точно тысячеверстные просторы передали имъ свою силу. Упорные и спокойные, они затемняютъ на поляхъ правильные куски,—четыреугольные, узкіе и квадратные, точно ломти чернѣйшаго хлѣба. Сзади ходятъ грачи, неизвѣстно откуда взявшіеся, дѣти и внуки тѣхъ, что бродили за отцами пахарей; какъ будто они знаютъ другъ друга, человѣкъ не пугаетъ птицу, а она выбираетъ изъ земли червей, ненужную дрянь,—благословляетъ его работу полетомъ черныхъ крыльевъ.

Изъ деревень дѣвки вывозятъ на поле навозъ въ колымажкахъ; лошади идутъ шагомъ, какъ жуки; навозъ дымится въ весеннемъ воздухѣ, точно горячее кушанье, дѣвки съ измазанными ногами шагаютъ рядомъ; разложивъ его кучками по полю,

скачутъ назадъ, стоя въ двуколкахъ, какъ въ боевыхъ колесницахъ. И рядомъ съ той землей, гдѣ пашутъ и раскладываютъ золотисто-коричневый навозъ, вылѣзли ужъ полосы зеленей; они ждутъ тепла, чтобы наливаться, зрѣть, передвигаться въ деревни; тамъ они застрянутъ частью, подтапливая мужицкія тѣла, потомъ пойдутъ дальше, въ хлѣботорговый городъ неподалеку, и въ красныхъ вагонахъ медленно будутъ пробѣгать среди родныхъ полей, мимо знакомыхъ „верховъ“ и широко-раздольныхъ рѣчекъ.

Но уже мало одного хлѣба; уже нужно на замѣну съѣденныхъ гдѣ-то человѣчьихъ тѣлъ, которыя везутъ все по той же дорогѣ,— новыя. Опять отвѣчаетъ земля, и по разнымъ поселкамъ ползутъ подводы „въ уѣздъ“, „въ управу“—въ неизвѣстнсе и темное мѣсто, гдѣ сортируютъ людей, обучаютъ ходить, стрѣлять и убивать.

Мракъ и тьма стоятъ надъ землей. Станція работаетъ правильно, день за днемъ. Больше и больше проходитъ поѣздовъ съ солдатами, часто изъ-за нихъ приходится задерживать помѣщичье молоко или встрѣчный хлѣбъ. Товарныя платформы заставлены вагонами съ мукой, но остановить токъ людей нельзя. И не разъ теперь изъ вагоновъ выглядываютъ свои же, бородатыя лица въ темныхъ шинеляхъ, а на платформѣ бабій міръ избываетъ свое горе и опять расходится по селамъ, разноситъ по домамъ скорбь.

Поѣзда же въ назначенное и не назначенное время, съ полупьяными людьми, дикими пѣснями, иногда тяжелыми драками запасныхъ—уходятъ въ черноту ночи, выставляя сзади красный фонарь. Въ вагонахъ мужики-солдаты скоро засыпаютъ. Тогда они совсѣмъ похожи на кули съ мукой, что везутъ имъ навстрѣчу. Въ бурномъ полѣ идутъ поѣзда; вѣтеръ хмуро играетъ придорожными рощами, носится надъ полями, отпѣвая черную русскую деревню. На глухихъ полустанкахъ и разъѣздахъ ждутъ встрѣчные съ хлѣбомъ; обмѣниваются гудками и каждый идетъ въ свою сторону. Опять погружаются

въ ночь; опять отклики далей, гигантской, патлатой земли съ уродливыми деревушками и запахомъ печенаго хлѣба. Великая страна опоясываетъ желѣзный путь съ обѣихъ сторонъ; милліоны людей и десятинъ вокругъ, тысячи селъ.

На телеграфныхъ столбахъ гудятъ проволоки; поѣзда бѣгутъ, семафоры зеленѣютъ, вычерчивая полудуги. Дорога работаетъ безостановочно.

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ.

* * *

Каждый вечеръ я смотрю съ обрывовъ
На блестящую вдали поверхность водъ;
Замѣчаю, какой бѣжитъ пароходъ:
Каменскій, Волжскій или Любимовъ.
Солнце стало совсѣмъ ужъ низко
И пристально смотрю я всегда,
Есть ли надъ колесомъ звѣзда,
Когда пароходъ проходитъ близко.
Если нѣтъ звѣзды—значитъ, почтовый,
Можетъ письма мнѣ привезти.
Спѣшу къ пристани внизъ сойти,
Гдѣ стоитъ уже почтовая телѣжка готовой.
О, кожаные мѣшки съ большими замками,
Какъ вы огромны, какъ вы тяжелы!
И неужели нѣтъ писемъ отъ тѣхъ, что мнѣ милы,
Которыя бы они написали своими дорогими руками?
Такъ сердце бьется, такъ ноетъ сладко,
Пока я за спиной почтальона жду,
И не знаю, найду письмо, или не найду,
И мучитъ меня эта дорогая загадка.
О, дорога въ гору уже при звѣздахъ.
Одному, безъ письма!
Дорога—пряма.
Горятъ рѣдкіе огни, дома въ садахъ, какъ въ гнѣздахъ.

А вотъ письмо отъ друга: „Всегда васъ вспоминаю
Будучи съ однимъ, будучи съ другимъ".
Ну что жъ, каковъ онъ есть, такимъ
Я его и люблю и принимаю.
Пароходы уйдутъ съ волнами,
И печально гляжу во слѣдъ имъ я—
О, мои милые, мои друзья,
Когда же опять я увижусь съ вами?

М. КУЗМИНЪ.

Свиданье.

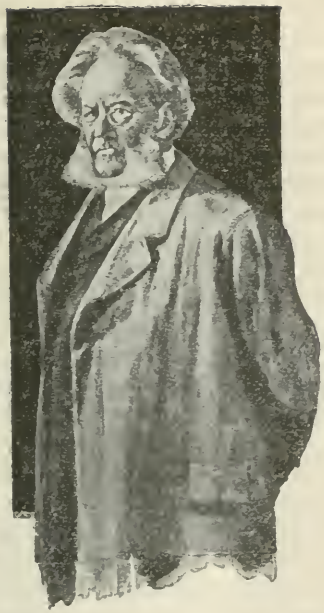
Былъ куполъ храма въ небѣ свѣтелъ,
Былъ день завѣтный середа;
Меня дьячекъ у храма встрѣтилъ
И поклонился какъ всегда.

Дала пятакъ я старой нищей,
Остановилась у скамьи.
Все было тихо на кладбищѣ,
Въ пыли купались воробьи.

Я не забыла уговора
И прождала на мѣстѣ срокъ,
Сидѣла долго у забора,
Чертила зонтикомъ песокъ.

И такъ же храмъ былъ въ небѣ свѣтелъ,
Я шла назадъ, была одна.
Никто изъ встрѣчныхъ не замѣтилъ,
Какая стала тишина.

ЛЕОНИДЪ СЕМЕНОВЪ.



ГЕНРИКЪ ИБСЕНЪ.

„Борьба за престолъ".

ГЕНРИКА ИБСЕНА.

ИЗЪ II-го ДѢЙСТВІЯ.

Пиршественная палата во дворѣ королевскомъ въ Бергенѣ.
Ярлъ Скуле и епископъ Николасъ.

Ярлъ Скуле задумчиво ходитъ взадъ и впередъ, и вдругъ, точно очнувшись, озирается и говоритъ. Какъ тихо вдругъ стало.

Епископъ Николасъ. Король ушелъ.

Ярлъ Скуле. И всѣ за нимъ.

Епископъ Николасъ. Всѣ, кромѣ насъ съ вами.

Ярлъ Скуле. Великое дѣло быть королемъ!

Епископъ Николасъ осторожно. Хотѣлось бы вамъ самому испытать это, ярлъ?

Ярлъ Скуле съ грустной улыбкой. Я испытывалъ; каждую ночь, чреватую снами, я бываю королемъ Норвегіи.

Епископъ Николасъ. Сны вѣщаютъ.

Ярлъ Скуле. И искушаютъ.

Епископъ Николасъ. Васъ—едва ли. Въ прежнія времена—я понимаю, но теперь!.. Вы владѣете третьей частью королевства, вы первый человѣкъ въ странѣ, отецъ королевы...

Ярлъ Скуле. Теперь-то хуже всего... хуже всего.

Епископъ Николасъ. Не таитесь! Исповѣдуйтесь. Вы, вѣрно, носите въ душѣ великую муку.

Ярлъ Скуле. Теперь-то—хуже всего, говорю я. Вотъ какое проклятіе тяготѣетъ надо мной: всю жизнь стоять такъ близко къ самой высокой цѣли... такъ близко, что лишь одна разсѣлина отдѣляетъ меня отъ нея... одинъ прыжокъ... По ту сторону—королевскій санъ, пурпурная мантія, престолъ и власть и все; постоянно имѣть это передъ глазами и никогда не быть у цѣли!—

Епископъ Николасъ. Вы все ждали.

Ярлъ Скуле. Мнѣ сдавалось, что вотъ-вотъ явится помощь свыше. Я чувствовалъ въ себѣ королевскую мощь, и я старился; каждый день былъ потерянным днемъ для дѣла моей жизни. Каждый вечеръ я ждалъ: завтра совершится чудо, которое свергнетъ его и вознесетъ меня на опустѣвшій престолъ.

Епископъ Николасъ. Невелика была въ то время сила Гокона. Онъ былъ ребенокъ, вамъ стоило сдѣлать шагъ; но вы его не сдѣлали.

Ярлъ Скуле. Трудно было сдѣлать этотъ шагъ. Онъ отлучилъ бы меня отъ всѣхъ родичей и друзей моихъ.

Епископъ Николасъ. Да, вотъ въ чемъ дѣло, ярлъ Скуле; вотъ въ чемъ проклятіе, тяготѣющее надъ вашей жизнью. Вы хотите имѣть передъ собой на случай нужды всѣ пути открытыми, —не отваживаетесь разрушить всѣ мосты и оставить лишь одинъ, защищать лишь одинъ, чтобы побѣдить или пасть на немъ. Вы разставляете ловушки своему недругу, разбрасываете капканы на его пути, вѣшаете надъ его головой острые мечи, всыпаете ядъ во всѣ чаши, плетете сотни сѣтей; но когда онъ готовъ попасться въ ловушку, вы не смѣете дернуть за веревку; если хватается за ядъ, вамъ кажется, что вѣрнѣе было бы поразить его мечомъ; если готовъ попасться утромъ, вамъ кажется лучше, чтобы онъ попался вечеромъ.

Ярлъ Скуле. А вы что сдѣлали бы, владыка епископъ?

Епископъ Николасъ. Рѣчь не обо мнѣ; мое дѣло воздвигать въ странѣ королевскіе престолы, а не сидѣть на нихъ и править народомъ и государствомъ.

Ярлъ Скуле помолчавъ. Отвѣтьте мнѣ на одинъ вопросъ, высокочтимый владыка епископъ; но отвѣтьте по всей правдѣ. Почему Гоконъ идетъ такъ, не сбиваясь, не спотыкаясь, прямо впередъ? Онъ не умнѣе васъ, не храбрѣе меня.

Епископъ Николасъ. Кто совершаетъ величайшія дѣла въ мірѣ?

Ярлъ Скуле. Величайшій изъ мужей.

Епископъ Николасъ. А кто величайшій?

Ярлъ Скуле. Самый отважный.

Епископъ Николасъ. Такъ говоритъ вождь. Священникъ сказалъ бы—самый благочестивый; ученый сказалъ бы—самый мудрый. Но это ни тотъ, ни другой, ни третій, ярлъ. Счастливѣйшій—вотъ величайшій. Величайшія дѣла совершаетъ счастливѣйшій, тотъ, на кого требованія времени нисходятъ сами собой, словно въ порывѣ похоти, родятъ въ немъ мысли, которыхъ онъ самъ не понимаетъ, но которыя указываютъ ему пути; куда они ведутъ, онъ самъ не знаетъ, и все-таки

идетъ, долженъ идти ими, и идетъ, идетъ, пока не услышитъ радостныхъ кликовъ народа,—остановится, оглядится съ изумленіемъ и пойметъ, что совершилъ великое дѣло.

Ярлъ Скуле. Да, у Гокона именно такая непоколебимая увѣренность.

Епископъ Николасъ. То самое, что римляне называли ingenium. Я не силенъ въ латыни; но знаю, что это называлось ingenium.

Ярлъ Скуле сначала задумчиво, затѣмъ съ всевозрастающимъ волненіемъ. Такъ Гоконъ другого закала, чѣмъ я? Онъ изъ счастливцевъ?—Да; развѣ ему въ самомъ дѣлѣ не везетъ во всемъ? Не складывается все къ лучшему для него? Даже простой народъ замѣчаетъ это; говоритъ, что деревья дважды даютъ плоды, птицы дважды несутся въ лѣто съ тѣхъ поръ, какъ Гоконъ королемъ. Вермеландъ, сожженный, опустошенный имъ, воздвигся снова, блеститъ свѣжими срубами домовъ, а нивы снова тяжело ложатся подъ вѣтромъ. Кровь и пепелъ словно удобряютъ поля, гдѣ проходитъ Гоконъ со своей дружиной; словно самъ Господь прикрываетъ пышными всходами мѣста, вытоптанныя Гокономъ; словно всѣ святые спѣшатъ стирать за нимъ всякій слѣдъ грѣха. А какъ легко достался ему королевскій санъ! Ему нужна была ранняя смерть Инге,—Инге умеръ; нужна была защита и охрана,—его люди защитили и охранили его; нужно было доказать свое право,—явилась его мать и выдержала испытаніе желѣзомъ.

Епископъ Николасъ съ невольнымъ порывомъ. А мы.. мы съ вами!..

Ярлъ Скуле. Мы?

Епископъ Николасъ. Да, вы... вы-то!

Ярлъ Скуле. Право на сторонѣ Гокона, владыка епископъ.

Епископъ Николасъ. Право на его сторонѣ, потому что онъ счастливецъ. Величайшее счастье—имѣть на своей сторонѣ право. Но по какому праву—право на сторонѣ Гокона, а не на вашей?

Ярлъ Скуле послѣ краткой паузы. Буду мо-

лить Бога избавить меня отъ искушенія задаваться такими думами.

Епископъ Николасъ. Вамъ не случалось никогда видѣть старой картины въ Нидаросской церкви Спасителя? На ней изображенъ потопъ; вода разлилась, затопила всѣ горы... осталась лишь одна вершина. Туда взбирается цѣлая семья: отецъ, мать, сынъ, невѣстка и внучата... и сынъ сбрасываетъ отца въ потокъ, чтобы прочнѣе утвердиться самому; онъ сброситъ и мать, и жену, и всѣхъ дѣтей, лишь бы самому добраться до самой вершины, гдѣ осталась еще пядь земли, гдѣ онъ можетъ продержаться съ часъ.—Вотъ, ярлъ, сага мудрости и сага каждаго мудреца.

Ярлъ Скуле. Но право!

Епископъ Николасъ. Сынъ имѣлъ и право. Въ немъ была сила и жажда жизни. Слѣдовать жизненному позыву, использовать свою силу имѣетъ право каждый.

Ярлъ Скуле. Если это ведетъ къ добру,—да.

Епископъ Николасъ. Игра словами! Нѣтъ ни добра, ни зла, ни верха, ни низа, ни высокаго, ни низменнаго. Всѣ такія слова вамъ необходимо забыть, иначе никогда не сдѣлать вамъ послѣдняго шага, не перепрыгнуть черезъ разсѣлину. Понизивъ голосъ, внушительно. Не надо ненавидѣть кучку людей или дѣло за то, что цѣль этой кучки или этого дѣла—то, а не другое; надо ненавидѣть каждаго человѣка изъ этой кучки за то, что онъ противъ васъ, и ненавидѣть каждаго, кто стоитъ за дѣло, которое не споспѣшествуетъ вашей волѣ. Все, что вамъ полезно—добро; все, что вамъ помѣха—зло.

Ярлъ Скуле въ глубокой задумчивости глядитъ передъ собой. Чего, чего ни стоило мнѣ приблизиться къ королевскому престолу, и все-таки я до него не добрался, и чего это стоило Гокону, а онъ вотъ сидитъ на немъ преспокойно! Я былъ молодъ и разстался съ моей дивно-прекрасной, тайной любовью, чтобы взять жену изъ могущественнаго ро-

да. Я молилъ всѣхъ святыхъ даровать мнѣ сына—но у меня рождались только дочери.

Епископъ Николасъ. Увидите—у Гокона будутъ сыновья!

Ярлъ Скуле направляясь къ окну. Да,—ему во всемъ счастье.

Епископъ Николасъ слѣдуя за нимъ. А вы такъ и дадите всю жизнь гонять себя безъ отдыха, отгонять отъ счастья? Иль вы слѣпы? Не видите, что за Гокона болѣе могущественная сила, чѣмъ эта кучка биркебейнеровъ,—сила, помогающая ему во всякомъ дѣлѣ? Онъ получаетъ помощь сверху, отъ тѣхъ... кто противъ васъ... отъ тѣхъ, кто были вашими съ самаго рожденія! И вы склоняетесь передъ этими недругами! Воспряньте же, ощетинътесь! А то—на что́ вамъ дана неукротимая душа? Памятуйте, что первый великій подвигъ въ свѣтѣ совершилъ тотъ, кто возсталъ противъ могучаго царства!

Ярлъ Скуле. Кто же?

Епископъ Николасъ. Ангелъ, возставшій противъ свѣта!

Ярлъ Скуле. И низринутый въ бездну...

Епископъ Николасъ въ дикомъ порывѣ. Тамъ онъ основалъ с в о е царство, и сталъ царемъ, могучимъ царемъ... болѣе могущественнымъ, чѣмъ кто-либо изъ тѣхъ десятковъ тысячъ ярловъ наверху! Безсильно опускается на скамью около стола съ питіями.

Ярлъ Скуле долго смотритъ на него и наконецъ говоритъ. Епископъ Николасъ, выше вы человѣка или ниже?

Епископъ Николасъ съ улыбкой. Я обрѣтаюсь въ состояніи невинности: не различаю добра и зла.

Ярлъ Скуле какъ бы про себя. Зачѣмъ они дали мнѣ жизнь, если не хотятъ устроить меня лучше? У Гокона такая твердая, непоколебимая вѣра въ себя самого... и всѣ его люди твердо, непоколебимо вѣрятъ въ него...

Епископъ Николасъ. Таите отъ всѣхъ,

что въ васъ нѣтъ такой вѣры въ себя! Говорите такъ, какъ будто она есть въ васъ; клянитесь всѣмъ на свѣтѣ, что она есть въ васъ... и всѣ повѣрятъ въ васъ.

ПЕРЕВ. А. И П. ГАНЗЕНЪ.

Дни умиранія.

Давно и тихо умирая,
Я—какъ свѣча въ тяжелой мглѣ.
Лазурь сіяющаго рая
Мнѣ стала явной на землѣ.

Мнѣ стали странно-чужды рѣчи,
Весь гулъ встревоженныхъ рѣчей.
И стали дни мои—предтечи
Святыхъ, вѣщающихъ ночей.

Звучатъ мнѣ радостью обѣта
Мои пророческіе сны.
Мнѣ въ нихъ доносятся привѣты
Святой, сіяющей весны.

Я тихо, тихо умираю.
Свѣтлѣетъ отблескъ на стѣнѣ.
Я внемлю шепчущему раю,
Уже открывшемуся мнѣ.

Какой-то шопотъ богомольный,
Иль колыханье тихихъ нивъ.
Иль въ синемъ небѣ колокольный,
Влекущій, радостный призывъ...

ВИКТОРЪ ГОФМАНЪ.

На разсвѣтѣ.

На разсвѣтѣ она уходитъ—блѣдная—въ своемъ
траурномъ платьѣ.
О, моя прекраснѣйшая царица въ золотой коронѣ
томныхъ волосъ!
Ты пойдешь сегодня мимо рынка, гдѣ крестьяне
Спятъ у возовъ съ капустой, рѣдькой и морковью;
Ты пойдешь мимо чайной, гдѣ среди извозчиковъ
Сидятъ безпріютные интеллигенты, отяжелѣвшіе
отъ водки;
Ты встрѣтишь проститутку, влачащую въ грязи свой
когда то гордый шлейфъ,—
И ты увидишь небо на разсвѣтѣ и дѣвственную ут-
реннюю звѣзду...
О, моя прекраснѣйшая царица въ золотой коронѣ
томныхъ волосъ.

ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ.

Сумерки.

Черныя впадины оконъ
Нѣжно цѣлуетъ закатъ.
Землю и дали облекъ онъ
Въ розово-грустный нарядъ.
Сумерки—темные челны
Близятъ къ закатнымъ огнямъ.
Сумерекъ мягкія волны
Солнечнымъ ранамъ—бальзамъ!
Кроткимъ, молитвеннымъ гимномъ
Встрѣчу прибытіе ихъ;
Въ воздухѣ вечера дымномъ
Тихо зарѣетъ мой стихъ.

ОДИНОКІЙ.

СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЕФЪ.

Отрывокъ изъ разсказа.

СЕЛЬМЫ ЛАГЕРЛЕФЪ.

Посреди поросшихъ мхомъ скалъ лежало маленькое озеро. Оно было четыреугольное, а берега его были такъ круты, углы такъ правильны, что оно казалось выкопаннымъ человѣческими руками. Оно было защищено съ трехъ сторонъ скалами, на отвѣсныхъ стѣнахъ которыхъ, точно прицѣпившись къ нимъ своими толщиною въ человѣческую руку корнями, росли ели. Внизу, около озера, тамъ, гдѣ берегъ постепенно размывался, выступали изъ воды голые, искривленные, затѣйливо переплетенные меж-

ду собою корни. Они походили на безчисленныхъ змѣй, которыя, казалось, когда-то хотѣли выползти изъ озера, но перепутавшись другъ съ другомъ, замерли на мѣстѣ, или же на множество потемнѣвшихъ скелетовъ утонувшихъ великановъ, которыхъ озеро пыталось выбросить на берегъ. Руки и ноги переплетались между собою, длинные пальцы цѣплялись за выступы скалъ, огромныя ребра поддерживали вѣковыя деревья. Случалось, что желѣзныя руки и стальные пальцы великановъ не выдерживали бѣшенаго напора сѣвернаго вѣтра и одна изъ елей срывалась со скалы и, падая въ озеро, врывалась вершиною въ илистое дно. Ея вѣтви служили хорошимъ убѣжищемъ для рыбешекъ, а корни торчали изъ воды, какъ многорукое чудовище, придающее всему озеру фантастическій устрашающій видъ.

Четвертою своею стороною озеро было обращено къ горному склону, съ котораго стекалъ къ озеру пѣнящійся потокъ. Въ началѣ своего теченія этотъ потокъ пробивалъ себѣ русло между камней и кочекъ, образуя множество маленькихъ острововъ. Нѣкоторые изъ этихъ острововъ состояли изъ одной кочки, на другихъ росло до двадцати деревьевъ.

Здѣсь, гдѣ окружающія скалы не заслоняли солнца, росли лиственныя деревья—томящаяся жаждою ольха и гладколистая ива. Березы, встрѣчающіяся вездѣ, гдѣ имъ удается пробиться между соснами и рябиною, окаймляли лѣсныя лужайки, наполняя ихъ своимъ ароматомъ, и придавали имъ радостный видъ.

Тамъ, гдѣ ручей впадалъ въ озеро, стоялъ цѣлый лѣсъ камыша въ человѣческій ростъ вышиною Проникая черезъ его зеленую чащу, солнечный свѣтъ принималъ на водѣ зеленый оттѣнокъ, такой же, какой въ настоящемъ лѣсу бываетъ на мху. На поверхности озера выдѣлялись небольшія круглыя пятна чистой прозрачной воды, а на ихъ серединѣ цвѣли бѣлые кувшинчики. Высокіе листья камыша смотрѣли серьезно и снисходительно на

этихъ нѣжныхъ красавицъ, которыя досадливо прятали свои бѣлые лепестки и желтые вѣнчики въ жесткіе, какъ кожа, чехлы, какъ только пряталось солнце.

Однажды въ солнечный день изгнанники пришли къ озеру удить рыбу. Добравшись по водѣ до большихъ камней, находившихся среди камыша, они усѣлись на нихъ и, забросивъ удочки, стали поджидать большихъ полосатыхъ щукъ, дремлющихъ на поверхности озера.

Бергъ и Тордъ, постоянно скитавшіеся по лѣсамъ и по скаламъ, подобно растеніямъ и животнымъ подпали подъ вліяніе природы. При солнечномъ свѣтѣ они бывали веселы и отважны, но вечеромъ, какъ только солнце заходило, они становились молчаливы; а ночь, казавшаяся имъ гораздо величественнѣе и могущественнѣе дня, наводила на нихъ страхъ и безпомощность. Зеленый свѣтъ, падающій на поверхность воды и окрашивающій ее золотыми, коричневыми и темнозелеными полосами, казался имъ чѣмъ-то волшебнымъ. Даль была закрыта со всѣхъ сторонъ. Еле замѣтное дуновеніе вѣтерка пробѣгало иногда по камышу, онъ начиналъ шумѣть и его длинные лентообразные листья хлестали по лицу рыболововъ, сидѣвшихъ на сѣрыхъ камняхъ въ сѣрой одеждѣ изъ звѣриныхъ шкуръ. Цвѣтъ этихъ шкуръ сливался съ цвѣтомъ поросшихъ сѣрымъ мхомъ камней. Молчаливая и неподвижная пара походила на каменное изваяніе. А въ глубинѣ озера плавали гигантскія рыбы и спины ихъ переливались всѣми цвѣтами радуги. Когда рыболовы забрасывали свои удочки и смотрѣли на далеко расходившіеся по поверхности озера круги, имъ казалось, что это движеніе воды такъ преувеличенно усиливалось, что они начинали подозрѣвать какую-нибудь таинственную причину этого явленія. Вдругъ они увидали ундину—полуженщину и полурыбу. Она лежала на спинѣ и спала, и все ея тѣло находилось подъ водою. Волны подходили такъ близко къ ней, что рыболовы сначала не замѣтили ее. Ея дыханіе не давало волнамъ

успокоиться. Это видѣніе не удивило ихъ и, когда оно мгновенно изчезло, они хорошенько не знали, не было ли оно лишь обманомъ зрѣнія.

Зеленый свѣтъ проникалъ черезъ глаза въ мозгъ, точно пріятный дурманъ. Товарищи сидѣли неподвижно и смотрѣли въ воду. Мысли туманились въ головѣ, а то, что они видѣли въ водѣ, они не смѣли другъ другу повѣдать. Въ этотъ день, посвященный видѣніямъ и снамъ, ловъ былъ неудаченъ.

Изъ камыша послышался плескъ веселъ. Рыболовы вскочили, точно со сна. Въ то же мгновенье показался тяжелый неискусно выдолбленный, покрытый по всѣмъ трещинамъ мхомъ, дубовый пень съ тонкими, какъ прутья, веслами. Молодая дѣвушка сидѣла на веслахъ, а рядомъ съ нею лежалъ пучокъ бѣлыхъ кувшинчиковъ. У нея были темные заплетенные въ толстыя косы волосы, большіе темные глаза и необычайно блѣдное лицо, не выражавшее ни радости ни печали. Ея щеки были такъ же безцвѣтны, какъ и все ея лицо, и только на губахъ была чуть замѣтна краска. На ней были одѣты бѣлая полотняная кофта, кожаный кушакъ съ золотою пряжкою, и синяя юбка съ краснымъ подоломъ. Она проѣхала мимо рыболововъ, не глядя на нихъ. Они сидѣли, затаивъ дыханіе, но не отъ страха, а лишь для того, чтобы ее хорошенько разсмотрѣть. Когда дѣвушка скрылась, они снова изъ каменнаго изваянія превратились въ людей. Они смотрѣли другъ на друга и улыбались.

„Она бѣла, какъ кувшинчикъ“, говорили они. „Ея глаза темны, какъ вода подъ еловыми корнями.“

Имъ было такъ весело, что имъ захотѣлось засмѣяться, такъ засмѣяться, какъ никто никогда не смѣялся у этого озера, такъ, чтобы скалы дрожали отъ ихъ смѣха, а корни старыхъ елей оторвались бы отъ камней.

„Какъ тебѣ показалось, она красива?“ спросилъ Бергъ Великанъ.

„Я право не знаю, я видѣлъ ее только мелькомъ, можетъ быть, она и красива.“

„Ты побоялся на нея посмотрѣть. Ты навѣрное принялъ ее за ундину".

И они опять засмѣялись отъ непонятной имъ самимъ радости.

ПЕРЕВ. П. КУКОЛЬ.

Братъ и сестра.

—Кто ты, милый бѣлый братъ?
Какъ свѣча твой свѣтлый взглядъ.
—Кто ты, блѣдная сестра?
Говорить давно пора.
—Первый ты откройся мнѣ,
Очень страшно при Лунѣ.
—Ты мнѣ первая скажи,
Кто ты, что ты, разскажи.
—Я сестра твоя, сестра,
Вмѣстѣ вышли со двора,
Какъ оставили нашъ домъ,
Что Небесностью зовемъ.
—Я твой братъ, твой бѣлый братъ,
Ангелъ, что ли, говорятъ,
Все хочу я побороть
На Землѣ земную плоть.
—Я сестра твоя, сестра,
Я душа, я звѣздъ игра,
Если плоть мы освятимъ,
Безъ обиды побѣдимъ.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

* * *

ИЗЪ І. П. ЯКОБСЕНА.

Надежны ли стѣны
Твердыни моей,
Гдѣ счастье укрылъ я отъ вражьихъ очей?
Не страшно ль измѣны
Защитниковъ-слугъ?
Слѣдятъ ли дозоры, гдѣ недругъ и другъ?

Кто всталъ тамъ? Вотъ снова
Мелькаетъ вдали,
Гдѣ облако таетъ въ огнистой пыли...
То—тѣни былого!
Узналъ я: онѣ
Всю жизнь напоили отравою мнѣ...

То—сонмы видѣній,
Какъ будто на зовъ,
Всплываютъ изъ мрака печальныхъ годовъ...
Входите же, тѣни
Страданій былыхъ!
Я васъ обниму, какъ гостей дорогихъ.

Введу васъ въ чертоги,
Гдѣ счастье живетъ,
Гдѣ пляшетъ веселье и радость поетъ.
Пируйте, какъ боги,
И пейте до дна
Заздравные кубки хмѣльного вина...

Невзгоды, ненастье,
Прошли наконецъ!
Да здравствуетъ счастье, страданій вѣнецъ!
Да здравствуетъ счастье!
Хоть мигъ! Хоть потомъ
Оно разлетится обманчивымъ сномъ!

А. П. КОЛТОНОВСКІЙ.

ОЛА ГАНСОНЪ.

Новелла.

ОЛА ГАНСОНЪ.

Они были наединѣ, въ іюльскій вечеръ, когда вся природа была какъ бы охвачена лихорадкой. Въ горячемъ и душномъ воздухѣ набѣгали бѣшеные, холодные порывы вѣтра,—высоко, въ пространствѣ, собиралась гроза,—какъ фантастическія исполинскія птицы, надвигались облака и низко на южномъ горизонтѣ вспыхивали блѣдныя зарницы. Солнце зашло, но тучи бросали металлическій отблескъ на потемнѣвшую равнину, которая отъ опушки лѣса, гдѣ они были, раскрывалась передъ ними необъятнымъ просторомъ.

Онъ сидѣлъ на пнѣ и поочередно, пристально всматривался то въ окружающее, то въ нее, прислоненную къ древесному стволу. Ему казалось, что она смотрѣла на него глазами безумной, такъ какъ въ нихъ частью проникли сумерки, частью же —какъ бы стальной холодный блескъ; и онъ чувствовалъ этотъ взглядъ, точно у него была удале-

на темянная кость, и его мозгъ былъ вскрытъ и обнаженъ, и въ него проникло тонкое, холодное, стальное остріе. Въ его крови разливалась лихорадка самой природы; было и холодно и жарко; то горячій зной, то порывъ безумія, что врѣзалось, какъ ледяное лезвіе; и передъ нимъ вспыхивали образы, видѣнія сластолюбца и безумца.

И, стоя тамъ, прислонившись къ древесному стволу и всматриваясь въ равнину, она казалась ему зловѣщимъ духомъ этого зрѣлища. Онъ видѣлъ, какъ очертанія расплывались, черты лица искажались, кожа сѣрѣла и блекла, и въ тѣлѣ начиналась работа разложенія; онъ видѣлъ холодный кровожадный огонь въ ея маленькихъ безцвѣтныхъ глазахъ, и холодную кровожадную улыбку на тонкихъ безцвѣтныхъ губахъ; чудилось, онъ подмѣчаетъ единство въ ея существѣ, то, что лежало внутри и въ самой основѣ ея, и онъ напрягалъ всѣ силы своей души, лишь бы подойти къ ней ближе, проникнуть и узнать, что это такое. И какъ хирургъ вонзаетъ въ тѣло свой инструментъ, чтобы удалить болѣзненное образованіе, онъ погружалъ свою мысль въ эту улыбку, лишь бы разгадать тайну ея существа и опредѣлить его странное строеніе; но въ рѣшительное мгновеніе, съ какимъ бы мучительнымъ напряженіемъ онъ, всѣмъ своимъ существомъ, ни старался проникнуть въ ея сущность, инструментъ всегда выскользалъ изъ его руки; и въ ближайшій мигъ они снова были отторгнуты другъ отъ друга, какъ прежде,—онъ сидѣлъ на пнѣ, она же стояла, прислонившись къ древесному стволу,—и онъ снова смотрѣлъ на улыбку тонкихъ, безцвѣтныхъ губъ, алчную и безпредѣльно сладострастную, какъ если бы она видѣла потоки крови или мечтала о вѣчной ночи любви въ безпамятствѣ.

И подобно тому, какъ загипнотизированный пристальнымъ созерцаніемъ призмы медіумъ сосредоточиваетъ все свое существо въ одной точкѣ, парализуетъ всѣ остальные органы и замыкаетъ всѣ каналы, по которымъ текутъ ощущенія дѣйстви-

тельнаго внѣшняго міра,—подобно тому, какъ весь его душевный механизмъ, его мозгъ и его чувства, работаетъ внѣ всякой другой зависимости отъ внѣшняго міра, кромѣ магнетической связи съ усыпителемъ, и какъ бы въ густомъ туманѣ со вспыхивающими и гаснущими блуждающими огоньками, придающими всему смѣшные и увеличенные размѣры,—точно такъ же и онъ столь долго и столь напряженно всматривался въ эту загадочную улыбку сфинкса, что теперь былъ прикованъ къ ней всѣмъ своимъ душевнымъ взглядомъ, всѣми тончайшими движеніями своего существа, сознанія и воли, и весь этотъ міръ, который раньше разстилался вокругъ него въ своей нормальной дѣйствительности, —весь этотъ міръ лежалъ теперь тамъ, въ глубинѣ этой улыбки, какъ зловѣщая тьма съ яркими искрами, въ блуждающемъ свѣтѣ которыхъ всѣ предметы принимали новые поразительные размѣры, точно они вырастали внѣ формы, или покривились, или опрокинулись. И онъ самъ жаждалъ проникнуть въ эту таинственную область, гдѣ мертвымъ сномъ дремала душа этой женщины, блуждать тамъ, видѣть тѣ же видѣнія и пылать тѣми же чувствами; онъ жаждалъ этого со сладострастнымъ холодомъ ужаса.

Лѣто прошло, и осень и зима.

Въ ненастный вечеръ, въ мартѣ, онъ засталъ ее дома одну. Она полулежала въ глубокой оконной нишѣ, и онъ усѣлся въ ногахъ у нея. Мартовскій вихрь метался по улицамъ, стучался въ двери и гремѣлъ вывѣсками. Мяукали кошки. На ея закинутомъ назадъ лицѣ мерцалъ отблескъ лампы, и онъ видѣлъ ея глаза, какъ два фосфорически свѣтившихся кружка, и вдругъ почувствовалъ, что дрожащая рука ласкала его волосы; и онъ обхватилъ ее и, съ исполненнымъ ужаса напряженіемъ, не отрывалъ глазъ отъ ея улыбки, которая мертвенно и неподвижно покоилась на ея безцвѣтныхъ губахъ, какъ призракъ въ свѣтѣ лампы, она же дрожала и корчилась въ его объятіяхъ, и вдругъ—онъ увидѣлъ, какъ бы вдалекѣ, въ самой глубинѣ этой

улыбки, нѣкое зрѣлище, пьяную оргію, ужасающую пляску смерти, тощихъ мужскихъ скелетовъ и обнаженныхъ, какъ на полотнахъ Іорданса, женскихъ тѣлъ.

И это зрѣлище, которое, въ первый разъ, онъ видѣлъ какъ бы вдалекѣ, въ самой глубинѣ этой улыбки, теперь придвигалось все ближе съ каждымъ уходившимъ днемъ. Скоро онъ видѣлъ улыбку на каждомъ женскомъ лицѣ, попадавшемся ему на пути,—находилъ ее рядомъ съ собою въ своей постели, фосфорически свѣтившуюся въ темнотѣ, всякій разъ, когда онъ просыпался ночью; и наконецъ онъ приблизился къ ней, и переступилъ порогъ; и уходилъ въ эту улыбку, все дальше, все глубже, пока она не сгустилась вокругъ него, и онъ не сталъ ощущать ее на своей кожѣ и въ своихъ венахъ,—какъ нѣкій лихорадочный жаръ, который не утихалъ, пока его собственные позвонки не загремѣли въ той же пьяной оргіи, въ этой ужасающей пляскѣ смерти—мужскихъ тощихъ скелетовъ съ обнаженными, какъ на полотнахъ Іорданса, женскими тѣлами,—въ ужасающей пляскѣ, которая бѣшено кружилась вокругъ него, съ хриплымъ отъ недостатка воздуха и сладострастія, дыханіемъ, теплымъ потомъ тѣлъ и холодомъ труповъ.

Въ одинъ жаркій лѣтній день, когда онъ бродилъ внѣ дома, онъ вдругъ остановился и стоялъ по серединѣ улицы. Всѣ люди начали прыгать, кто какъ могъ, точно огненный и сѣрный дождь падалъ съ неба, и въ то же мгновеніе все затихло, точно ихъ ноги не касались земли, или больше не было ни малѣйшаго звука въ мірѣ;—они исчезали вдали, какъ черный дымъ, и сжимались въ маленькія точки, въ каждой изъ четырехъ странъ свѣта; и все пространство, въ одинъ мигъ, стало темно какъ ночь, но въ то же время было усѣяно безконечнымъ числомъ маленькихъ, фосфорически свѣтившихся, крапинокъ, и вокругъ каждой изъ нихъ, мало-по-малу, возникало лицо, женское лицо, ея лицо со своей улыбкою;—міріадами они плыли впе-

редъ, эти улыбающіяся лица, пока не слились въ одно исполинское лицо, которое заняло своей алчной и безпредѣльно сладострастной улыбкой все міровое пространство.

А онъ стоялъ по серединѣ улицы, закрывъ глаза, и стиснувъ зубы, и ударяя себя руками. Нѣсколько прохожихъ схватили безумнаго.

ПЕРЕВ. ЮРГИСЪ БАЛТРУШАЙТИСЪ.

* * *

ИЗЪ УОТА УИТМАНА.

„О, капли меня! медленныя капли, сочитесь.
Чистосердечно отъ меня отпадая, капайте, капли кровавыя,
Изъ ранъ, нанесенныхъ, чтобы волю вамъ дать, на волю изъ плѣна васъ выпустить,
Изъ лица моего, изо лба моего, и губъ,
Изъ груди моей, изнутри, гдѣ я былъ сокрытъ, вытѣсняйтесь, красныя капли, исповѣдальныя капли.
Дайте узнать имъ вашъ алый жаръ, дайте блистать имъ,
Насытьте ихъ вами, совсѣмъ пристыженными, мокрыми,
Сіяйте надъ всѣмъ, что я написалъ или что еще напишу, кровавыя капли,
Въ вашемъ свѣтѣ да будетъ все видно, капли румянокрасныя.
Да будетъ все видно, и да будетъ все пересоздано.
Все заново“.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

* * *

ИЗЪ УОТА УИТМАНА.

Тамъ, гдѣ ты или я обрѣтаемся въ эту минуту—
Всѣхъ вѣковъ средоточіе тамъ, всѣхъ вѣковъ
и народовъ.
Эта минута въ себѣ все совершенство таитъ,
И большаго рая и большаго ада во-вѣки не
будетъ, чѣмъ нынѣ.

К. ЧУКОВСКІЙ.

* * *

ИЗЪ П. ВЕРЛЕНА.

Небо замерло надъ крышей
Въ дымкѣ голубой,
Нѣжно дерево надъ крышей
Шелеститъ листвой.

Тихо на-небѣ высокомъ
Дальній звонъ плыветъ;
Птица на суку высокомъ
Жалобно поетъ.

Боже мой! Струею мирной
Жизнь течетъ кругомъ;
Умолкаетъ говоръ мирный
Въ городѣ большомъ.

Что ты сдѣлалъ, ты что плачешь
На закатѣ дней,
Что ты сдѣлалъ, ты что плачешь,
Съ юностью своей?

СЕРГѢЙ РАФАЛОВИЧЪ.

Ея тѣло.

Поэтъ сказалъ ей:

— Отдайте мнѣ ваше тѣло. Вы не знаете его красоты. Для васъ оно—закрытая книга. Изъ того, что вы носите его, вѣдь не значитъ, что оно только ваше. Отдайте его мнѣ.

Она молчала.

—Умѣете ли вы сдѣлать его еще болѣе красивымъ? Вызвать наружу все скрытое въ немъ изящество?

Нѣтъ, этого я не умѣю.

— Я возьму ваше тѣло и покажу всѣмъ. Я потомъ верну его вамъ. Я верну.

—Я даже не знаю, о чемъ вы говорите.

—Такъ отдайте мнѣ. Всѣ, что не умѣютъ обращаться съ красотой, пусть отдадуть ее поэту.

И она отдала свое тѣло поэту.

Черезъ нѣсколько времени онъ прочелъ ей крохотный разсказъ, ароматный и свѣжій,—какъ капля росы на листѣ крыжовника.

— Какъ хорошо,—прошептала она.

— Вотъ видишь, я сдержалъ свое обѣщаніе,— сказалъ довольный поэтъ.

Она немного покраснѣла, наклонила голову и спросила:

— И это все?

Поэтъ посмотрѣлъ на ея опущенныя рѣсницы и, улыбаясь, отвѣтилъ:

—Да. Вѣдь я отбросилъ все лишнее.

ОСИПЪ ДЫМОВЪ.

* * *

О, если бы душа полна была любовью,
Какъ Бэгъ мой на крестѣ—я умеръ бы любя.
Но ближнихъ не люблю, какъ не люблю себя,
И все-таки порой исходитъ сердце кровью.

О, мой Отецъ, о, мой Господь,
Жалѣю всѣхъ живыхъ въ ихъ слабости и силѣ,
Въ блаженствѣ и скорбяхъ, въ рожденьи и могилѣ.
Жалѣю всякую страдающую плоть,

И, кажется, порой—у всѣхъ одна душа,
Она зоветъ Тебя, зоветъ и умираетъ,
И бредитъ въ шелестѣ ночного камыша,
Въ глазахъ больныхъ дѣтей, въ огняхъ зарницъ сіяетъ.

Душа моя и Ты—съ Тобою мы одни.
И смертною тоской и ужасомъ объятый,
Какъ нѣкогда съ креста Твой Первенецъ Распятый,
Міръ вопіетъ: Ламма! Ламма! Савахѳани.

Душа моя и Ты, съ Тобой одни мы оба,
Всегда лицомъ къ лицу, о, мой послѣдній Врагъ.
Къ Тебѣ мой каждый вздохъ, къ Тебѣ мой каждый шагъ
Въ мгновенномъ блескѣ дня и въ вѣчной тайнѣ гроба,

И въ буйномъ ропотѣ Тебя за жизнь кляня,
Я все же знаю: Ты и Я—одно и то же,
И вопію къ Тебѣ, какъ сынъ твой: Боже, Боже,
За что оставилъ Ты меня?

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

Факелы.

ДИФИРАМБЪ.

Несказанная воля мнѣ сердце зажгла
Нерожденную Землю объемлю, любя,—
И колеблю узилище міра...
„Кормчія Звѣзды",—„Музыка".

ІЕРОФАНТЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мощный Прометей
Зажегъ отъ молній свѣточъ смольный,—
Все окрыленнѣй, все святѣй
Его мужающихъ дѣтей
Пылаетъ Факелъ своевольный.
И пламень вѣетъ, чистъ и яръ,
И стелетъ лижущій пожаръ
По дебрямъ жадные извивы;
И вихремъ змѣй взвиваетъ гривы
Титана искрометный даръ.

Кочуетъ въ долахъ, по горамъ
И движетъ огнестолпный храмъ
Чрезъ лабиринтъ слѣпой темницы,
И ввысь, къ пылающимъ мірамъ,
Взмываютъ вѣстовыя птицы.
И свѣтоносцевъ вѣстовыхъ

Храпятъ въ ревнивой скачкѣ кони,
И внемлетъ молнійной погонѣ
Судилище огней живыхъ
На звѣздно-чуткомъ небосклонѣ...

Неси жъ, о Факелъ, судъ землѣ,
И на подлунномъ кораблѣ,
Будь, пламень огненный, кормиломъ,—
Затѣмъ, что духъ въ кольцѣ немиломъ,
Затѣмъ, что міръ лежитъ во злѣ,—
Затѣмъ, что есть въ концѣ путей
Міръ окрыленнѣй и святѣй,
И свѣточъ смѣлымъ завоеванъ,—
Затѣмъ, что въ мукахъ Прометей
Ждетъ, люди, огневыхъ вѣстей,
Не примиренъ и не раскованъ!

ХОРЪ.

Мятежныхъ пламеней
Ручьи живые!
О перья Фениксовъ!
О вѣстовые,
Звѣздамъ глашатаи
О сердцѣ яромъ
Земли, ужаленной
Святымъ пожаромъ!

Колеса ль вертятся
Квадригъ Порыва?
Коней ристалищныхъ
Змѣится ль грива?
Сердца ль, сердца ль горятъ
На тирсахъ смольныхъ?—
Пылайте, Факелы,
Знамена вольныхъ!

Вы ярче рдѣете,
Чѣмъ багряницы,
И ярый сѣете
Свой сѣвъ въ темницы.
Нагроможденъ костеръ
Державы ржавой:

Святите, Факелы,
Костеръ кровавый!..

И вамъ у брачнаго
Дано чертога
Ждать въ полуночи
Пришельца-Бога,—
О духа бурнаго
Во тьмѣ языки,
Глаголы Хáоса,
Нѣмые клики!..

П И Ѳ І Я.

Изъ Хáоса, изъ чернаго,
Раждается Звѣзда...
Изъ Нѣтъ, изъ непокорнаго,
Возставь святое Да!..

Легло на дно пурпурное
Вѣнчальное кольцо,—
Яви, смятенье бурное,
Въ лазурности—Лицо!

Въ послѣднемъ отверженіи
Свершеніе побѣдъ.
Въ твоемъ преображеніи
Воскреснетъ каждый цвѣтъ.

Любовью ненавидящей
Огонь омоетъ міръ.
Ты, чающій, ты, видящій,
Разбей, убей кумиръ!

Непримиримой волею
Встрѣчай Медузинъ ликъ!
Лишь огневою болію
Пронзенный, ты великъ!

И Факелъ догорающій—
Предвѣстіе Зари.
То—Фениксъ, умирающій
На краткій срокъ... Гори!..

ХОРЪ.

Пылайте, Факеловъ
Пиры живые!
О тигры пламени!
О вѣстовыя
Свѣтиламъ знаменья
О сердцѣ яромъ
Земли, просвѣченной
Святымъ пожаромъ!

ПИѲІЯ.

Изъ Хáоса родимаго—
Гляди—Звѣзда, Звѣзда!..
Изъ Нѣтъ непримиримаго—
Слѣпительное Да!..

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ

Агасферъ въ пустынѣ.

Все безконечностью томятъ меня кошмары.
Они однообразны. Всплески водъ,
Въ свинцовыхъ облакахъ громовъ удары,
Неотразимый небосводъ.
Лазурной чашей небеса нависли,
Иду, закрывъ глаза. Обманчивая тьма!
Подъ ней, клубясь, кипятъ все тѣ же, тѣ же мысли,
Все тѣ же призраки отжившаго ума.
Безсиленъ этотъ умъ расширить кругъ видѣній,
Въ немъ грезы древнія роятся сотни лѣтъ.
Въ толпѣ проходитъ смѣна поколѣній,
А для меня и смѣны мыслямъ нѣтъ.

Когда-то были дни тревоги, дни исканій.
Какъ молодо кипѣлъ и бился ихъ родникъ!

Я жадно собиралъ въ умѣ обрывки знаній,
Я передумалъ милліоны книгъ.
Но вывѣтренный мозгъ изсохнулъ незамѣтно
И, утомясь, навѣкъ воспринялъ пустоту.
Наскучили мнѣ сны души моей безцвѣтной,
До дна исчерпавшей мечту.
Все улеглось давно и все перекипѣло.
Смирясь, иду впередъ. Знакомые пути
Завидѣли мое изношенное тѣло...
О, сколько мнѣ еще, еще идти!
Проклятый кругъ земли! Мнѣ все въ тебѣ знакомо,
И тайны полюсовъ, и гулъ народныхъ массъ;
Въ любомъ углу земли я буду вѣчно дома,
Въ любомъ углу земли я былъ десятки разъ.

Одно лишь мѣсто есть, одно... Туда не смѣю
Я близко подойти, туда боюсь взглянуть.
Едва приблизившись, нѣмѣю:
Оттуда, съ той горы я началъ путь.
Тамъ изъ кровавыхъ устъ раздался скорбный голосъ.
Въ тѣ дни я былъ великъ, а Онъ такъ слабъ.
Съ смиреньемъ Божества мощь Разума боролась.
Но взялъ Онъ смерть мою, и вотъ—я рабъ.
За долгіе вѣка несетъ мученья
Мой одинокій духъ. Но гордому врагу
Не побѣдить его. О, мщенья, мщенья!
Вѣдь я еще отмстить Тебѣ могу!
Отдай мнѣ смерть, разбей на мнѣ оковы,—
Тогда борись со мной!..
Угрозы и мольбы
Стихаютъ. Небеса прекрасны и суровы.
Свобода—далеко. Кругомъ—рабы.

БОРИСЪ САДОВСКОЙ.

Morituri.

Мы безконечно одински,
Боговъ покинутыхъ жрецы.
Грядите, новые пророки!
Грядите, вѣщіе пѣвцы,
Еще невѣдомые міру!

И отдадимъ мы нашу лиру
Тебѣ, божественный поэтъ...
На гласъ твой первые отвѣтимъ,
Улыбкой первой твой разсвѣтъ,
О, Солнце будущаго, встрѣтимъ,
И въ блескѣ утреннемъ твоемъ,
Тебя привѣтствуя, умремъ!

„Salutant, Caesar Imperator,
Te morituri!“ Весь нашъ родъ,
Какъ на аренѣ гладіаторъ,
Предъ новымъ вѣкомъ смерти ждетъ.

Мы гибнемъ жертвой искупленья.
Придутъ иныя поколѣнья,
Но въ оный день, предъ ихъ судомъ
Да не падутъ на насъ проклятья:
Вы только вспомните о томъ,
Какъ много мы страдали, братья!
Грядущей вѣры новый свѣтъ,
Тебѣ отъ гибнущихъ привѣтъ!

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

КНУТЪ ГАМСУНЪ.

Кольцо.

КНУТА ГАМСУНА.

Я видѣлъ разъ въ одномъ обществѣ влюбленную молодую женщину. Ея глаза отъ того еще больше поголубѣли и еще болѣе было въ нихъ блеска, и она никакъ не могла скрывать своихъ чувствъ. Кого она любила? Вонъ того молодого господина, что у окна, хозяйскаго сына, человѣка въ мундирѣ и съ львинымъ голосомъ. И, Боже мой, съ какою любовью ея глаза смотрѣли на молодого человѣка, и какъ неспокойно она сидѣла!

Я зналъ ее очень хорошо, и когда мы возвращались ночью домой, я сказалъ ей:

— Какая ясная и великолѣпная погода! Веселилась ты нынче вечеромъ?—И чтобы идти навстрѣчу ея желанію, я снялъ свое обручальное кольцо и продолжалъ:

— Посмотри, твое кольцо сдѣлалось мнѣ слиш-

комъ узко, оно жметъ мнѣ. Что если бы ты отдала его сдѣлать пошире?

Она протянула руку и прошептала:

— Дай мнѣ его, я велю сдѣлать его пошире.

И я отдалъ ей кольцо.

Мѣсяцъ спустя я встрѣчаю ее опять. Я хотѣлъ спросить о кольцѣ, но не сдѣлалъ этого. Не къ спѣху, подумалъ я, пусть пройдетъ побольше мѣсяца.

И вотъ она смотритъ вдоль по улицѣ и говоритъ:

— Ахъ, да, относительно кольца! Какое-то несчастіе мнѣ съ нимъ, я положила его куда-то, я его потеряла.—И ждетъ моего отвѣта.—Ты не сердишься?—спрашиваетъ она съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

И, Боже мой, съ какимъ легкимъ сердцемъ ушла она, такъ какъ я не сердился на нее за это!

И вотъ прошелъ цѣлый годъ. Я снова былъ на старомъ пепелищѣ и бродилъ какъ-то вечеромъ по знакомой, знакомой дорогѣ.

Вдругъ она идетъ ко мнѣ навстрѣчу, и у ней глаза еще и еще больше поголубѣли и еще, еще болѣе было въ нихъ блеска, но ея ротъ какъ-то увеличился, и губы ея поблѣднѣли.

— Вотъ твое кольцо,—воскликнула она:—твое обручальное кольцо. Я нашла его снова, мой милый, и отдала его сдѣлать пошире. Теперь оно не будетъ жать тебѣ.

Я посмотрѣлъ на покинутую женщину и на ея большой ротъ и блѣдныя губы. Посмотрѣлъ также и на кольцо.

— Ахъ!—сказалъ я и поклонился низко-пренизко:—что за несчастіе у насъ съ кольцомъ. Теперь оно стало мнѣ слишкомъ просторно.

ПЕРЕВ. С. ПОЛЯКОВЪ.

Снова пыльные бурьяны
Закачались, замотались,
Вѣтромъ пьяны.
Снова прежняя дорога,
И тоска моя тревога
Снова прежняя,
Снова кажется неволя
Неизбѣжнѣе.
Вамъ ли, пьяные бурьяны,
Лиловоголовые,
Я открою мои раны,
Раны новыя?
Иль тебѣ, мой путь убогій,
Колеи, какъ гробъ глубокія,
Проторенныя дороги
Одинокія?

Ни дорогамъ протореннымъ,
Ни бурьянамъ придорожнымъ
Не узнать имъ о тревожномъ,
Непреложномъ, невозможномъ,
Не узнать имъ о бездонномъ.
Снова свѣтелъ я тоскуя,
Снова міръ мнѣ тѣсенъ, тѣсенъ,
И съ тревогой свѣтлой жду я
Новыхъ ранъ и новыхъ пѣсенъ.

Расцвѣтаютъ пѣсни-раны,
Расцвѣтаютъ пѣсни-стоны,
Пролетаютъ ураганы,
Слышу клики, слышу звоны,
Слышу буйные набаты,—
Здравствуй, міръ, огнемъ объятый,
Здравствуй, недругъ, мой сраженный,
Здравствуй, міръ освобожденный.

Эй, вы, пьяные бурьяны,
Буйноголовые,

Вы моею пѣсней пьяны,
Моей раной-пѣсней новою.
Ты, дорога, не нужна мнѣ,
Безъ пути и безъ дороги
Смѣло въ тьму шагаютъ ноги
Подъ откосъ, на остры камни.

Колыхайтесь, океаны,
Вейся, хаосъ, пылью пряной,
Исхожу я кровью рдяной,
Кровью рдяной.

КОНСТ. ЭРБЕРГЪ.

* * *

J'implore ta pitié, Toi, L'unique gue j'aime, Du fond du gouffre obscur, où mon coeur est tombé.
Ch. Baudelaire.

Когда старуха-Жизнь, гнилые скаля зубы,
Бросаетъ смѣхъ въ лицо обманутымъ мечтамъ,
И тотъ надменный смѣхъ, удушливый и грубый,
Сто тысячъ голосовъ, какъ бѣшеныя трубы,
Повторятъ, злобствуя повсюду, здѣсь и тамъ,

И ясно лишь одно,—что нѣтъ нигдѣ исхода,
Въ извивахъ сѣрыхъ стѣнъ встрѣчаетъ взоръ тупикъ,
Гдѣ, притаясь въ углу, подъ маскою урода,
Дитя всѣхъ мукъ твоихъ, твой сонъ, твоя свобода,
Слюною брызгая, шевелитъ свой языкъ,—

Тогда всей чуткостью, отчаянной и дикой,
Души затравленной, не мыслящей преградъ,
Я познаю Тебя, спасающій, великій,
Въ сѣдыхъ провалахъ зла бездонно-многоликій,
И гаситъ скорбь мою врачующій твой ядъ.

А. КУРСИНСКІЙ.

Весеннее чувство.

Съ улыбкою безстрастія
Ты жизнь благослови:
Не нужно намъ для счастія
Ни славы ни любви.

Но почки благовонныя
Нужны,—и небеса,
И дымкой опушенные
Прозрачные лѣса.

И пусть все будетъ молодо,
И зыбь волны, порой,
Какъ трепетное золото
Сверкаетъ чешуей,

Какъ въ дѣтствѣ, все невиданнымъ
Покажется тогда
И снова неожиданнымъ—
И небо и вода,

Надъ первыми цвѣточками
Жужжанье первыхъ пчелъ,
И съ клейкими листочками
Березы тонкій стволъ.

Съ младенчества любезное,
Намъ дорого—пойми—
Одно лишь безполезное,
Забытое людьми.

Вся мудрость въ томъ, чтобъ радостно
Во славу Бога пѣть.
Равно да будетъ сладостно
И жить и умереть.

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

Человѣчество.

Я ненавижу человѣчество.
Бальмонтъ.

Въ ночи изначальной, безлунной, беззвѣздной,
Межъ рытвинъ, зловонныхъ болотъ, пустырей,
Идущіе въ бездну, рожденные бездной
Потомки полиповъ, медузъ и червей!

Вамъ вѣтры приносятъ дыханье отравы,
Снѣга—предвѣщаютъ грядущую Смерть,
И дни ваши тусклы, какъ осенью травы,
И радости ломки, какъ сгнившая жердь.

И въ сердце свое я вонзаю проклятья
За то, что я въ цѣпи позорной звено,
За то, что ношу человѣка печать я,
За то, что и мнѣ быть рабомъ суждено.

ОДИНОКІЙ.

* * *

Впилась коса отточеннымъ клинкомъ
Въ открытую, нагую грудь лимана...
Лазурнымъ облако сплелось вѣнкомъ
Надъ кроной кипариса-великана...
Идутъ тяжелымъ шагомъ рыбаки
Изъ волнъ поднять добычливыя сѣти;
И если чаекъ взлеты тамъ легки—
Внимаетъ сердце радостной примѣтѣ:
Заблещетъ дрожь серебряныхъ чешуй
Межъ черныхъ ромбовъ вытянутой сѣти,
И будутъ рыбари,—рабы невѣрныхъ струй,—
Взволнованы и радостны, какъ дѣти.

DIURNE.

АВГУСТЪ СТРИНДБЕРГЪ.

Самумъ.

АВГУСТА СТРИНДБЕРГА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Б и с к р а, арабская дѣвушка.
Ю с с е ф ъ, ея возлюбленный.
Г и м а р ъ, лейтенантъ зуавовъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Алжирѣ, въ наши дни.

Арабскій „Марабутъ“ (гробница) съ саркофагомъ посрединѣ. Молитвенныя цыновки разбросаны тамъ и сямъ; въ углу направо склепъ. Въ глубинѣ дверь со створками и завѣсами; во внутренней стѣнѣ оконныя отверстія. Тамъ и сямъ на землѣ кучки песку; тутъ же вырванная алоэ, пальмовые листья, груда степной травы. Снаружи мететъ буранъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Входитъ Бискра, съ бурнусомъ, надвинутымъ на лицо и съ гитарой изъ спинѣ; падаетъ ницъ на цыновку и произноситъ молитву, скрестивъ на груди руки.

Б и с к р а. Ла иллаха иль алла!

Ю с с е ф ъ входитъ стремительно. Самумъ близится! Гдѣ франкъ?

Бискра. Черезъ мгновеніе онъ будетъ здѣсь.

Юссефъ. Что жъ ты не заколола его сейчасъ же?

Бискра. Нѣтъ! Онъ самъ долженъ это сдѣлать. Если бъ то сдѣлала я, бѣлые истребили бы все наше племя; вѣдь они знаютъ, что проводникомъ Али была я, хоть и не знаютъ, что я—дѣвушка Бискра!

Юссефъ. Онъ самъ долженъ это сдѣлать? Какъ можетъ это быть?

Бискра. Не знаешь ты, что самумъ сушитъ разумъ бѣлыхъ, какъ финики, и что онъ являетъ имъ видѣнія ужаса, которыя дѣлаютъ имъ жизнь ненавистной и изгоняютъ ихъ въ великое неизвѣстное.

Юссефъ. Я слышалъ нѣчто подобное, и въ послѣднемъ бою шесть франковъ наложили на себя руки, прежде чѣмъ достигли мѣста назначенія. Но не полагайся сегодня на самумъ: въ горахъ выпалъ снѣгъ и буря минуетъ въ полчаса, быть можетъ.— Бискра! Можешь ты еще ненавидѣть?

Бискра. Могу ли я ненавидѣть?—Безпредѣльна, какъ пустыня, моя ненависть, жарче солнца она и сильнѣе моей любви! Всѣ тѣ мгновенія наслажденія, что похитили они у меня, когда убили Али, скопились, какъ ядъ подъ зубомъ гадюки, и чего не сможетъ самумъ, то совершу я.

Юссефъ. Хорошо сказано, Бискра, и ты совершишь это. Моя ненависть завяла, какъ трава пустыни въ осень, съ тѣхъ поръ, какъ глаза мои увидѣли тебя. Возьми мою силу и стань, какъ стрѣла на лукѣ моемъ.

Бискра. Обними меня, Юссефъ! Обними меня!

Юссефъ. Не здѣсь въ присутствіи святого; не теперь—послѣ, потомъ! Когда заслужишь ты свою награду.

Бискра. Гордый шейхъ! Гордый мужъ!

Юссефъ. Да—дѣвушка, что будетъ носить подъ сердцемъ сына моего, должна быть достойна такой чести!

Бискра. Я—не другая—я буду носить сына

Юссефа! Я, Бискра—презираемая, безобразная,—но сильная.

Юссефъ. Въ добрый часъ! Теперь я спущусь внизъ и усну у источника!—Долженъ ли я напомнить тебѣ тайное знаніе, которому научилъ тебя великій марабутъ Сидди-Шейхъ, и что ты показывала на базарахъ, съ дѣтскихъ лѣтъ?

Бискра. Нѣтъ нужды!—Я знаю всѣ тайны, необходимыя, чтобы изгнать изъ жизни трусливаго франка, труса, что подползаетъ къ врагу и посылаетъ впередъ свинцовую пулю! Я все умѣю—даже чревовѣщать! И чего не сможетъ мое искусство, то сдѣлаетъ солнце, потому что солнце всегда съ Юссефомъ и Бискрой.

Юссефъ. Солнце другъ мусульманина, но нельзя на него положиться: смотри, не обожгись, дѣвушка! Выпей сначала глотокъ воды, потому что я вижу, что твои руки ссыхаются и— приподнялъ цыновку и спускается внизъ за сосудомъ съ водой, который подаетъ Бискрѣ.

Бискра подноситъ сосудъ ко рту —и все становится краснымъ въ глазахъ моихъ—мои легкія горятъ—я слышу—я слышу—видишь, песокъ ужъ сочится сквозь крышу—и струны гитары запѣли—самумъ надъ нами! А франка все нѣтъ!

Юссефъ. Спустись сюда, Бискра, и пусть франкъ издыхаетъ самъ.

Бискра. Сначала адъ, а потомъ смерть! Ты думаешь, что я отступлюсь! Выливаетъ воду на груду песку. Хочу полить песокъ, тогда выростетъ ненависть! И я хочу изсушить свое сердце. Рости, ненависть! Пали, солнце! Души, вѣтеръ!

Юссефъ. Слава тебѣ, мать Ибнъ-Юссефа, потому что ты родишь сына Юссефа, мстителя! Ты!

Вѣтеръ крѣпчаетъ; завѣса двери раздувается; красные отблески освѣщаютъ гробницу; мало-по-малу свѣтъ начинаетъ желтѣть.

Бискра. Приближается франкъ,—а самумъ уже здѣсь! — Иди!

Юссефъ. Черезъ полчаса мы увидимся. Вотъ

песочные часы. Указываетъ на одну изъ песочныхъ кучъ. Небо само назначаетъ сроки для адскихъ страданій нечестивыхъ!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Бискра. Гимаръ. Онъ блѣденъ, шатается, не владѣетъ собой, говоритъ въ полголоса.

Гимаръ. Самумъ пришелъ!—Куда, думаешь ты, направились мои?

Бискра. Твоихъ повела я западно на востокъ.

Гимаръ. Западно на востокъ!—Дай взглянуть! —Вѣрно, восточно—и на западѣ!—Посади меня на стулъ и дай мнѣ воды!

Бискра подводитъ Гимара къ кучѣ песку, опускаетъ его на земь, головой на песокъ. Тебѣ такъ хорошо сидѣть?

Гимаръ. Я сижу немного криво. Подложи мнѣ что-нибудь подъ голову.

Бискра собираетъ песокъ подъ его головой. Вотъ тебѣ подушка подъ голову!

Гимаръ. Голову? Вѣдь это ноги!—Развѣ это не ноги?

Бискра. Да, конечно.

Гимаръ. Я такъ и зналъ!—Подставь же мнѣ скамейку подъ голову!

Бискра приволакиваетъ алоэ и подкладываетъ Гимару подъ колѣни. Вотъ тебѣ скамейка.

Гимаръ. И потомъ воды!—Воды!

Бискра беретъ пустой сосудъ, наполняетъ его пескомъ и подаетъ Гимару. Пей, пока она холодна!

Гимаръ пригубилъ сосудъ. Она холодная,—но она все-таки не утоляетъ жажды.—Я не могу пить —мнѣ противна вода—убери ее.

Бискра. Это отъ собаки, которая укусила тебя!

Гимаръ. Что за собака? Меня никогда не кусала собака.

Бискра. Самумъ изсушилъ твою память— берегись миражей Самума! Ты помнишь бѣшеную борзую, что укусила тебя на предпослѣдней охотѣ въ Бабъ-Эль-Квэдѣ!

Гимаръ. На охотѣ въ Бабъ-Эль-Квэдѣ! Вѣрно!—Она была боброваго цвѣта?

Бискра. Собака? Да! Видишь! Она укусила тебя въ икру. Развѣ ты не чувствуешь, какъ колетъ въ ранѣ?

Гимаръ подноситъ руку къ икрѣ, колется объ алоэ. Нѣтъ, я это чувствую.—Воды! Воды!

Бискра подаетъ ему сосудъ съ пескомъ. Пей! Пей!

Гимаръ. Нѣтъ, не могу! Марія Пречистая, Матерь Божія—у меня водобоязнь!

Бискра. Не бойся; я вылечу тебя; я изгоню злого духа всемогуществомъ музыки! Слушай!

Гимаръ кричитъ. Али! Али! Не надо музыки! Я не выношу музыки! И что мнѣ будетъ за польза отъ нея?

Бискра. Музыка укрощаетъ лукавый духъ змѣи, неужели не укротитъ она духа бѣшеной собаки! Слушай! Поетъ, играетъ на гитарѣ. Бискра—Бискра, Бискра—Бискра, Бискра—Бискра. Самумъ! Самумъ!

Юссефъ снизу. Самумъ! Самумъ!

Гимаръ. Что поешь ты? Али!

Бискра. Развѣ я пѣлъ? Смотри, вотъ я кладу въ ротъ пальмовый листъ! держитъ между зубами пальмовый листъ. Пѣніе доносится сверху. Бискра—Бискра, Бискра—Бискра, Бискра—Бискра.

Юссефъ снизу. Самумъ! Самумъ!

Гимаръ. Что за навожденіе ада!

Бискра. Теперь пою я!

Бискра и Юссефъ вмѣстѣ. Бискра—Бискра, Бискра—Бискра, Бискра—Бискра! Самумъ!

Гимаръ поднимается. Кто же ты дьяволъ, что поешь двумя голосами? Мужчина ты или женщина? Или и то и другое?

Бискра. Я Али, проводникъ! Ты не узнаешь меня, потому что потрясенъ твой разумъ; но если хочешь спастись отъ обмановъ зрѣнія и слуха, то вѣрь мнѣ, вѣрь тому, что скажу я и исполняй то, что я прикажу.

Гимаръ. Тебѣ не нужно просить меня; вѣдь я нахожу, что все такъ и есть, какъ говоришь ты.

Бискра. Вотъ видишь, идолопоклонникъ!

Гимаръ. Идолопоклонникъ?

Бискра. Да! Вынь идола, котораго ты носишь на груди!

Гимаръ вынимаетъ медальонъ.

Бискра. Попри его ногами и призови Бога, Единаго, Милосердаго.

Гимаръ медлитъ. Св. Эдуарда, моего Святого защитника!

Бискра. Можетъ онъ помочь тебѣ? Можетъ?

Гимаръ. Нѣтъ, этого онъ не можетъ!— Очнувшись. Да, да, можетъ!

Бискра. Увидимъ! Открываетъ дверь, занавѣсъ раздувается, трава шелеститъ.

Гимаръ защищаетъ рукой ротъ. Закрой дверь!

Бискра. Долой идола!

Гимаръ. Нѣтъ, не могу я.

Бискра. Видишь, Самумъ не коснется волоса на моей головѣ, а тебя, нечестивый, казнитъ онъ! Долой идола!

Гимаръ бросаетъ медальонъ на земь. Воды! Умираю!

Бискра. Молись Единому, молись Милосердому!

Гимаръ. Какъ мнѣ молиться?

Бискра. Повторяй мои слова!

Гимаръ. Говори!

Бискра. Единъ Богъи нѣтъ Бога, кромѣ Него, Милосердаго, Всепрощающаго!

Гимаръ. „Единъ Богъ и нѣтъ Бога, кромѣ Него, Милосердаго, Всепрошающаго!“

Бискра. Ложись на землю!

Гимаръ ложится противъ воли.

Бискра. Что слышишь ты?

Гимаръ. Я слышу шопотъ ручья!

Бискра. Видишь! Единъ Богъ и нѣтъ Бога, кромѣ Него, Милосердаго, Всепрощающаго!—Что видишь ты?

Гимаръ. Я слышу, какъ лепечетъ ручей—я вижу, какъ свѣтитъ лампа—въ окнѣ съ зелеными ставнями—на бѣлой улицѣ...

Бискра. Кто сидитъ у окна?

Гимаръ. Жена моя—Элиза!

Бискра. Кто стоитъ за занавѣсомъ и обвиваетъ рукой ея шею?

Гимаръ. Это мой сынъ, Жоржъ!

Бискра. Сколько лѣтъ твоему сыну?

Гимаръ. Исполнится четыре на святкахъ.

Бискра. И онъ уже можетъ стоять за гардиной и обнимать за шею жену другого?

Гимаръ. Онъ того не можетъ—но это онъ!

Бискра. Четырехъ лѣтъ, съ русыми усами!

Гимаръ. Съ русыми усами, говоришь ты!—Ахъ, это Жюль, мой другъ!

Бискра. Тотъ, что стоитъ за гардиной и обвиваетъ рукой шею твоей жены!

Гимаръ. Ахъ, чортъ!

Бискра. Все еще видишь сына!

Гимаръ. Нѣтъ, больше нѣтъ.

Бискра подражаетъ на гитарѣ колокольному перезвону. Что ты видишь теперь?

Гимаръ. Я вижу колокольный звонъ—и я ощущаю вкусъ труповъ—пахнетъ во рту прокисшимъ масломъ—тьфу!...

Бискра. Не слышишь, какъ дьяконъ напутствуетъ пѣніемъ дѣтскій трупикъ?

Гимаръ. Постой!—Нѣтъ не слышу— меланхолично но ты желаешь того?—Такъ—теперь я услышалъ.

Бискра. Видишь вѣнокъ на гробу, который несутъ они?

Гимаръ. Да...

Бискра. На немъ фіолетовая лента—и на ней тиснуто серебромъ—„Прости мой любимый Жоржъ!—Твой отецъ“.

Гимаръ. Да, написано!—Плачетъ. Жоржикъ мой! Жоржикъ мой! Дитя мое ненаглядное!—Элиза, жена моя, утѣшь меня.—Помоги мнѣ! Озирается. Гдѣ ты? Элиза! Ты ушла отъ меня? Отвѣчай! Назови имя твоего возлюбленнаго!

Голосъ съ крыши. Жюль! Жюль!

Гимаръ. Жюль!—Вѣдь меня зовутъ, да какъ

меня зовутъ?—Шарлемъ меня зовутъ!—А она звала: Жюль!—Элиза—любимая—отвѣчай мнѣ; вѣдь духъ твой здѣсь—я это чувствую—и ты клялась мнѣ, никогда не любить другого.

Голосъ смѣется.

Гимаръ. Кто смѣется?

Бискра. Элиза! Жена твоя!

Гимаръ. Убей меня!—я не хочу жить дольше! Мнѣ тошно отъ жизни, какъ отъ кислой капусты въ Сэнъ-Ду—знаешь, что такое Сэнъ-Ду? Свиное сало отплевывается. У меня нѣтъ больше слюны—воды! Воды! Не то я укушу тебя!

Буранъ въ полномъ разгарѣ.

Бискра заслоняетъ ротъ рукой и кашляетъ. Теперь ты умрешь, франкъ! Напиши свою послѣднюю волю, пока срокъ не насталъ!—Гдѣ твоя записная книжка?

Гимаръ вынимаетъ записную книжку и карандашъ. Что мнѣ писать?

Бискра. Мужъ думаетъ о женѣ своей, когда долженъ умереть—и о дѣтяхъ своихъ!

Гимаръ пишетъ. „Элиза—я проклинаю тебя! Самумъ—умираю“...

Бискра. А теперь подпишись, а то завѣщаніе будетъ недѣйствительнымъ!

Гимаръ. Какъ мнѣ подписаться?

Бискра. Пиши: „Ла иллаха иль алла“!

Гимаръ. Написано! Могу я теперь умереть?

Бискра. Теперь ты можешь умереть, какъ трусливый солдатъ, который покинулъ своихъ. И прекрасное будетъ тебѣ погребеніе, шакалы будутъ отпѣвать тебя барабанитъ на гитарѣ „атаку“. Слышишь—барабаны—бьютъ наступленіе—невѣрные, за нихъ солнце и самумъ, наступаютъ—изъ засады—ударяетъ въ гитару. Стрѣльба по всей линіи—франки не успѣваютъ заряжать—арабы стрѣляютъ цѣпью—франки бѣгутъ!..

Гимаръ поднимается. Франки не бѣгутъ!

Бискра играетъ „отступленіе“ на дудкѣ, которую тѣмъ временемъ достала. Франки бѣгутъ, когда трубятъ „отступленіе“.

Гимаръ. Они отступаютъ—это отступленіе—а я здѣсь—срываетъ съ себя эполеты. Я умеръ падаетъ.

Бискра. Да, ты умеръ!—Ты не знаешь, что ужъ ты давно былъ мертвымъ!—Спускается въ склепъ, приноситъ черепъ.

Гимаръ. Я былъ мертвымъ? Хватается за лицо.

Бискра. Давно! Давно! — Посмотри на себя въ это зеркало! Показываетъ черепъ.

Гимаръ. А! Это я.

Бискра. Развѣ ты не видишь своихъ выдающихся скулъ—не видишь, какъ стервятники выклевали твои глаза—не узнаешь дыру на мѣстѣ праваго коренного зуба, который ты далъ вырвать—не видишь ты, развѣ, ямочки на подбородкѣ, гдѣ росла красивая бородка, которую любила гладить Элиза—не видишь, гдѣ находилось ухо, которое твой Жоржикъ всегда цѣловалъ за утреннимъ кофе,—не видишь ты мѣста на затылкѣ, которое намѣтилъ топоръ—когда палачъ казнилъ дезертира!..

Гимаръ, смотрѣвшій и слушавшій съ возростающимъ ужасомъ, падаетъ мертвый.

Бискра опустившаяся на колѣни, поднимается, нащупавъ сперва его пульсъ. Поетъ. Самумъ! Самумъ! Открываетъ двери; завѣса раздувается; она закрываетъ ротъ рукой и падаетъ на спину. Юссефъ!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Тѣ же. Юссефъ поднимается изъ погреба.

Юссефъ осматриваетъ Гимара, ищетъ Бискру. Бискра! Замѣчаетъ Бискру, поднимаетъ ее на руки. Ты жива?

Бискра. Умеръ ли франкъ?

Юссефъ. Если еще не умеръ, то скоро умретъ! Самумъ! Самумъ!

Бискра. Тогда я жива! Но дай мнѣ воды.

Юссефъ подноситъ ее къ люку. Вотъ!—Теперь Юссефъ твой!

Бискра. И Бискра станетъ матерью твоего сына, Юссефъ! Славный Юссефъ!

Юссефъ. Бискра! Сильная Бискра! Сильнѣе, чѣмъ самумъ!

ПЕРЕВ. АНДРЕЙ ЛЕВИНСОНЪ.

Весна.

Все подсохло. И почки ужъ есть.
Зацвѣтутъ скоро ландыши, кашки.
Вотъ плывутъ облачка, какъ барашки.
Громче, громче весенняя вѣсть.

Я встревоженъ назойливымъ пискомъ:
Подоткнувшись, ворчливая Ѳекла,
Нависая надъ улицей съ рискомъ,
Протираетъ оконныя стекла.

Тутъ известку счищаютъ ножомъ...
Тутъ стаканчики съ ядомъ... Тутъ вата...
Грудь апрѣльскимъ восторгомъ объята.
Вѣтеръ пылью крутитъ за окномъ.

Окна настежь—и крикъ, разговоры,
И цвѣточный качается стебель,
И выходятъ на дворъ полотеры
Босикомъ выколачивать мебель.

Выползъ котъ и сидитъ у корытца,
Умывается бархатной лапкой.
Вотъ мальчишка въ рубашкѣ изъ ситца,
Пробѣжавъ, запустилъ въ него бабкой.

Въ небѣ свѣтъ предвечернихъ огней.
Чувства снова, какъ прежде, огнисты.
Небеса все синѣй и синѣй.
Облачка, какъ барашки, волнисты.

Въ синихъ даляхъ блуждаетъ мой взоръ.
Всѣ земныя стремленья такъ жалки...
Мужиченка въ опоркахъ на дворъ
Съ громомъ ввозитъ тяжелыя балки.

Андрей Бѣлый.

Изъ „Бранда".

ГЕНРИКА ИБСЕНА.

Нѣтъ, объ иномъ я мечталъ. Я хотѣлъ
Церковь воздвигнуть такую,
Своды которой могли бъ охватить
Сѣнью своею не только
Вѣру, религію, но и всю жизнь,
Все, что живетъ, существуетъ:
Будничный трудъ и воскресный покой,
Утра заботы, сны ночи,
Юности рѣзвость и старца печаль,
Все, чѣмъ быть бѣдной, богатой
Можетъ по праву людская душа!
Ключъ, что журчитъ подъ горою,
Тотъ водопадъ, что въ ущельѣ реветъ,
Бури рыданья, стонъ моря—
Все должно слиться въ могучій хоралъ
Съ пѣньемъ органа и паствы.—
Съ этимъ же зданіемъ впредь ничего
Общаго я не имѣю.
Ложью своей лишь оно велико;
Воли достойное вашей
Жалкой и слабой паденьемъ грозитъ.
Всходы, ростки молодые
Душите вы раздвоеньемъ такимъ:

Шесть дней въ недѣлю приспущенъ
Стягъ благодатный Господень у васъ;
Въ воздухѣ вѣетъ, стремится
Къ небу въ седьмой лишь!

Вѣрить вѣдь надобно в с е ю душой;
Но назови ты мнѣ душу
Цѣльную здѣсь хоть одну? Укажи,
Кто не растратилъ бы лучшей
Части ея на житейскомъ пути,
Ощупью гдѣ пробирался?
Жадны къ утѣхамъ и чутки вы всѣ
Къ свисту фигляровъ житейскихъ,
Къ голосу жизни же глухи, и лишь
Въ мумію высушивъ душу,
Вы предъ ковчегомъ пускаетесь въ плясъ!
Кубокъ до дна опорожненъ,
Нѣтъ ни ума ни здоровья—пора
Вѣрить, молиться, спасаться!
Только утративши Божескій ликъ,
Да и людское подобье,
Къ Богу стучитесь въ ворота клюкой,—
Рай для васъ лишь богадѣльня!
Вотъ и колеблется царство Его;
Можетъ ли на инвалидахъ
Строиться, зиждиться, крѣпнуть оно?
Иль намъ не сказано свыше,
Что лишь какъ дѣти—что значитъ: съ душой
Чистой и свѣжей, здоровой—
Царство Господне наслѣдуемъ мы,
Всѣ жъ ухищренья напрасны!
Братья и сестры, такъ станемъ дѣтьми,
Съ чистой душою и сердцемъ
Въ жизни великую Церковь войдемъ!

Нѣтъ у той Церкви предѣловъ, конца;
Полъ въ ней—зеленыя нивы,
Горы, долины, ручьи и моря,
Сводомъ же служитъ ей небо!
Только оно можетъ все охватить,
Что эта Церковь вмѣщаетъ.
Въ ней ты и долженъ всю жизнь провести,

Дѣло свое исполняя
Такъ, чтобъ въ гармоніи было оно
Съ общей симфоніей міра;
Будничный трудъ свой тогда продолжай,
Праздника онъ не нарушитъ.
Все эта Церковь, весь міръ—какъ кора
Дерева стволъ весь—обниметъ,
Вѣру и жизнь воедино сольетъ;
Съ духомъ закона и правды
Будничный день трудовой согласитъ,
Дѣло дневное—съ полетомъ
Духа въ надзвѣздныя выси небесъ;
Пляскѣ царя предъ ковчегомъ,
Дѣтской игрѣ уподобитъ нашъ трудъ!

Юныя, бодрыя души, за мной!
Ваше дыханье живое
Пыль въ этомъ затхломъ углу да смететъ!
Васъ поведу я къ побѣдѣ!
Рано иль поздно проснуться должны,
Стать благороднѣй и чище,
Цѣпь компромиссовъ порвать. Такъ скорѣй
Прочь изъ оковъ малодушья,
Тины раздвоенности! На врага
Смѣло ударьте всей силой,
Бейтесь съ нимъ—не на животъ, а на смерть!
Ввысь по застывшимъ волнамъ ледниковъ,
Внизъ по долинамъ, селеньямъ,
Вдоль-поперекъ мы всю землю пройдемъ,
Петли, силки всѣ развяжемъ,
Выпустимъ души, попавшія въ плѣнъ,
Ихъ обновимъ и очистимъ,
Дряблости, лѣни сотремъ всѣ слѣды,
Будемъ воистину – люди,
Пастыри, стертый чеканъ обновимъ,
Въ храмъ превратимъ государство!

ПЕРЕВ. А. И П. ГАМЗЕНЪ.

Симплегады.

По волнамъ сѣдого моря, вновь впередъ и вновь назадъ,
Ходятъ призраки нещадныхъ, слѣпо-жадныхъ симплегадъ.

Чуть вдали гранитнымъ слухомъ схватятъ спѣшный плескъ триремъ,

Наступаютъ другъ на друга, чтобы воздухъ вновь былъ нѣмъ.
И въ ударѣ на мгновенье съ грудью грудь столкнувшихъ скалъ

Не одинъ ужъ смѣлый сердцемъ пламя сердца угашалъ.
Ходятъ волны на привольѣ, пѣня гребни, какъ узоръ,—

Тишь царитъ въ глубинахъ моря, гдѣ недвижный смотритъ взоръ.

Но стремленью нѣтъ преграды, достиженью нѣтъ препонъ,—
И Арго сквозь симплегады вдохновенный мчитъ Язонъ.

Ясны взоры, звонки хоры, весла дружны и сильны;
Нѣтъ сомнѣній, нѣтъ укоровъ,—только солнечные сны.
Только радость, только гимны, славословья до небесъ,
Только вѣра въ достиженье сномъ подсказанныхъ чудесъ.

И застыли въ отдаленьи тѣни грозныхъ симплегадъ,
Побѣжденныя хотѣньемъ чуждыхъ возгласу „назадъ!“

И въ Колхидѣ многожданной сквозь туманъ былого
сна
Ярко вспыхнуло подъ солнцемъ Солнце—Золото
руна!

А. КУРСИНСКІЙ.

Четъ и нечетъ.

медленныя строки.

Утромъ рано,
Изъ тумана,
Солнце выглянетъ для насъ.
И освѣтитъ,
И замѣтитъ
Всѣхъ, кто любитъ этотъ часъ.
Ночью, скучно,
Однозвучно,
Упадаетъ звонъ минутъ.
О минувшемъ,
Обманувшемъ
Ихъ напѣвы намъ поютъ.
Точно съ крыши,
Тише, тише,
Капли падаютъ дождя.
Всѣ прольются,
Не вернутся,
Этотъ темный путь пройдя.
Звукъ неясный,
Безучастный,
Панахиды намъ поетъ.
„Вѣрьте, вѣрьте
„Только смерти!
„Четъ и нечетъ! Нечетъ, четъ!“
„Четъ счастливымъ
„И красивымъ,
„Слабымъ нечетъ, недочетъ!
„Но, рѣдѣя,
„Холодѣя,
„Четъ и нечетъ протечетъ!“

Звукъ неясный,
Безучастный,
Ты поешь, обманъ тая.
Нѣтъ, не вѣрю,
И въ потерю
Смыслъ иной влагаю я.
Вѣрьте, вѣрьте
Только смерти
Насъ понявшаго Христа!
Солнце встанетъ,
Не обманетъ,
Вѣчно свѣтитъ красота!
Цѣль страданья,
Ожиданья,
Всѣмъ намъ свѣтлый дастъ отчетъ.
Въ міръ согласный,
Вѣчно-ясный,
Четъ и нечетъ насъ влечетъ.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

* * *

О, привѣтъ Тебѣ, Ночь безпросвѣтная,
Непроглядная, Вѣчная Ночь,
Ты супруга отцу многодѣтная,
Старца Хаоса смуглая дочь.

Укрывая подъ ризою звѣздною
Утомленный объятьями станъ,
Ты скользишь надъ бушующей бездною,
Вся—желаніе, скорбь и обманъ.

Я взываю къ Тебѣ, Благодатная,
Неземною охваченъ тоской:
Обними меня, Ночь Необъятная,
И на лонѣ Твоемъ упокой!..

АЛ. КОНДРАТЬЕВЪ.

ВАСИЛЬ СТЕФАНИКЪ.

Мое слово.

ВАСИЛЯ СТЕФАНИКА.

Блѣдными устами, полушопотомъ разскажу вамъ о самомъ себѣ. Въ моемъ голосѣ вы не услышите ни грусти, ни веселья...

Отъ матери ушелъ я въ бѣлой рубахѣ, самъ весь бѣлый.

Смѣялись надъ моей бѣлой рубахой, издѣвались надо мной и терзали меня.

И ступалъ я, таясь, какъ бѣлый котенокъ.

Приниженность была въ моей робкой походкѣ и кровь сочилась изъ моего маленькаго сердца...

А спалъ я въ чужомъ углу среди грязныхъ тѣлъ, сплетенныхъ распутствомъ.

Листокъ бѣлой березы на кучѣ мусора.

. . . . . .

Я сбросилъ материнскую рубаху. Далеко оставилъ за собой мой дѣтскій міръ и все мое деревенское прошлое.

Предо мной развернулся новый міръ, новый и темный.

Я хваталъ его за полы, а онъ гордо смотрѣлъ на меня.

Маленькій нищій.

Я онѣмѣлъ отъ боли. И молчалъ долгіе, долгіе годы.

Мои слова невысказанныя, плачъ мой невыплаканный, мой смѣхъ недосмѣянный!

Легли вы на меня, какъ ложится черный обломокъ развалившагося креста на могилу въ далекой чужбинѣ!

. . . . . .

Нашелъ друзей.

Они сроднились съ моимъ новымъ міромъ.

Говорилъ имъ о покинутомъ мірѣ и о новомъ, который издѣвался надъ нами.

Сказали мнѣ, что я лгу.

А я рвался и въ безсильи падалъ въ грязь и не уступалъ.

Они сказали, что я лгу—и еще разъ. И оставили меня.

А когда плакалъ я—то были слезы моей матери, которая говорила:

— Будь одинъ, тамъ не примутъ тебя. И зачѣмъ ты покинулъ меня?

И остался я одинъ, какъ голый пень среди поля.

. . . . . .

Я сидѣлъ среди полей.

Мои думы шли вдоль бороздъ плодородной земли. Онѣ сосали землю и питали мое одиночество.

И еще приносили онѣ соленый потъ и тихія пѣсни, летѣвшія вслѣдъ за пахаремъ, плугомъ и погонщикомъ. И утоляли мою жажду покоемъ, что рѣетъ надъ ярмами воловъ, запряженныхъ въ плугъ.

Видѣлъ я и маленькіе костры у пастушковъ и стада овецъ, разсыпавшіяся по полю.

Тутъ буду я царить, какъ буйный вѣтеръ, тутъ буду я пѣть свои пѣсни!

. . . . . .

Я создалъ себѣ свой міръ.

Направо:—синія поля и черныя борозды, и бѣлый плугъ, и пѣсня, и потъ соленый.

Налѣво:—черная машина и стоны, и проклятія, несущіяся изъ ея красной пасти.

А въ моемъ сердцѣ мой міръ, шитый шелкомъ, тканный бѣлымъ серебромъ, унизанный жемчугомъ.

Я въ своемъ царствѣ...

Буду вырѣзывать мой міръ, какъ по камню.

Мое слово буду острить на кремнѣ моей души, напитаю его ядомъ и брошу налѣво.

И слово мое разсѣку на ясные солнечные лучи, обмакну его въ нектаръ цвѣтовъ и пошлю направо.

А мой камень буду рѣзать дальше, дальше!

Пока не положу его на своей могилѣ, какъ мертвую красоту.

А вишня у меня въ головахъ впитаетъ въ свой цвѣтъ всѣ мои муки.

. . . . . .

Живъ въ своемъ мірѣ, живу!..

Какъ безумный, бреду я въ облакахъ моей фантазіи.

Сотни разъ я посылаю всѣ силы моей души, чтобы за дальними мірами онѣ нашли мнѣ мое счастье.

Въ тихомъ затонѣ моего прошлаго плывутъ невода моихъ страстныхъ желаній, чтобы выловить всѣ свѣтлыя минуты моей жизни.

Но рвутся невода и негодны для лова. И возвращаются они ко мнѣ пустые и грязные, какъ работники съ поля.

И, полный грусти, я дремлю въ облакахъ.

. . . . . .

А когда громъ начинаетъ гремѣть, тогда я вновь поднимаю голову къ небу.

И мчусь, мчусь на черныхъ тучахъ...

Золотой стрѣлой прорѣзаю сверкающія высоты.

Звѣзды прячутся въ черныхъ моихъ волосахъ, какъ въ темной тучѣ.

Холодныя облака падаютъ на землю теплымъ дождемъ изъ моихъ глазъ.

А солнца достичь не дано мнѣ.

И изъ лазури—я падаю внизъ на земныя долины.

Какъ спотыкается старый калѣка на деревянныхъ ногахъ, такъ я спотыкаюсь.

Но заживаютъ крылья и я снова стремлюсь къ солнцу, къ счастью.

И я вновь прорѣзаю лазурь и падаю.

. . . . . .

И я былъ счастливъ.

Когда ребенкомъ глядѣлъ я въ глаза матери и видѣлъ, какъ тамъ проходили чистыя облачки счастья—я былъ счастливъ.

А теперь на эти глаза смерть положила свою руку.

А я ищу счастья въ лазури небесъ—и падаю.

ПЕРЕВ. В. КОЗИМЕНКО.

Жизнь.

Набѣгаетъ впотьмахъ
И узорною пѣною свѣтится
И лазурнымъ сіяніемъ рѣетъ у скалъ на пескѣ...
О, божественный отблескъ таинственной жизни, мерцающей
Въ міріадахъ незримыхъ существъ!

Ночь была бы темна,
Но все море насыщено тонкою
Пылью свѣта, и звѣзды надъ моремъ горятъ.
Въ полусвѣтѣ все видно: и рифы, и взморье зеркальное,
И обрывы прибрежныхъ холмовъ.

Въ полусвѣтѣ ночномъ
Подъ обрывами волны качаются—
Переполнено зыбкое звѣздное зеркало волнъ!

Но, колеблясь упруго, лишь изрѣдка складки тяже-
лыя
Набѣгаютъ на влажный песокъ.

И тогда, фосфорясь,
Загораясь мистическимъ пламенемъ,
Разсыпаясь на гравій мирьядами блѣдныхъ о г н е й
Море свѣтитъ сквозь сумракъ таинственно, тонко
и трепетно,
Озаряя песчаное дно.

И тогда вся душа
У меня загорается радостью:
Я въ пригоршни ловлю закипѣвшую пѣну волны,
И сквозь пальцы течетъ не вода, а сапфиры,—
несмѣтныя
Искры синяго пламени,—Жизнь.

О, божественный свѣтъ!
О, великое зеркало водное!
Переполнено ты,—переполнена жизнью Земля.
Все мгновенно, все—искры, но искры Единаго, Вѣч-
наго,
И во всемъ—Красота, Красота!

ИВАНЪ БУНИНЪ.

Легенда будней.

Утомясь отъ скучныхъ будней,
Городъ каменный затихъ.
Все пустыннѣй и безлюднѣй
Сумракъ улицъ городскихъ.

По ночному небосводу
Задрожали капли звѣздъ.
У канала смотритъ въ воду
Темный Путникъ черезъ мостъ.

На соборѣ звонъ послѣдній—
Глухо плачетъ бой часовъ.
Слышенъ въ улицѣ сосѣдней
Замедленный звукъ шаговъ.

Ангелъ бѣлый, Ангелъ кроткій
Бродитъ полночью грустя...
На гранитѣ у рѣшетки
Встала дѣвушка-дитя.

— Ты зачѣмъ здѣсь, Путникъ темный?
— Не затѣмъ ли, что и ты!..
И малютка и бездомный
Наклонились съ высоты.

И торопятся, покуда
Не замѣтилъ зоркій глазъ...
Были тайны. Зрѣло чудо
Въ этотъ поздній, темный часъ.

Въ этотъ часъ тоски полночной
Смерть обманута была...
Ангелъ бѣлый, непорочный
Ждалъ у чернаго угла.

Бились худенькія плечи,
Слезы дѣтскія текли.
Утра блѣдныя предтечи
Тихо дрогнули вдали.

Утра синее вставало
Изъ-за башенъ городскихъ.
На гранитѣ у канала
Кто-то плакалъ и затихъ.

Чьи-то крылья закачались
Тамъ, гдѣ будни пѣли вновь.
Кто-то видѣлъ, какъ встрѣчались
Безнадежность и любовь.

ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ.

Отрывокъ изъ романа

ст. пшибышевскаго.

Черкаскій шелъ вдоль бульвара домой.

Издали доносился еще грохотъ извозчичьихъ экипажей.

Отчего онъ не поѣхалъ съ ними.

Безысходная грусть и тоскливое чувство одиночества овладѣло имъ. Онъ чувствовалъ себя сиротой—злая мачеха-судьба выгнала его изъ-подъ роднаго крова на всѣ четыре стороны. Ночь! А тутъ вѣтеръ гудитъ, завываетъ по полямъ, покрытымъ промокшею и продрогшею рожью, дождь сѣчетъ его по лицу, сухой нитки нѣтъ на немъ, вода просачивается сквозь убогіе лохмотья, стекаетъ по тѣлу, проникаетъ въ мельчайшія поры... Обнаженныя ветлы стоятъ страшными призраками по бокамъ дороги... Онъ бредетъ по полямъ, по холмамъ, царапая руки о колючій кустарникъ, ноги вязнутъ въ глинистой почвѣ, оступаются, попадаютъ въ канавы, спотыкаются о межи—онъ все идетъ, идетъ —куда?

Онъ оглянулся кругомъ.

Батюшки, да вѣдь весна на дворѣ!

Почки на деревьяхъ распускались въ мягкіе, благоухающіе листья, нѣжный апрѣльскій воздухъ ласкалъ его лицо словно лебяжьимъ пухомъ. Гу-

стая каштановая аллея была объята глубокой тишиной; какой-то безконечной грустью вѣяло отъ нея, унылою, заслушавшеюся въ самое себя, невозмутимою задумчивостью, чѣмъ-то такимъ, чего нельзя было выразить вслухъ, а лишь безконечно тихимъ, неуловимымъ шопотомъ, нѣтъ! даже не шопотомъ, а таинственной, глубокой, гдѣ-то далеко, далеко въ глубинѣ души, рождающейся рѣчью звуковъ, пѣснью, мелодіей.

Черкаскій присѣлъ на скамьѣ и задумался.

— Весна, весна,—тихо шепталъ онъ.

И во всю ширь и даль свою раскинулась передъ его взоромъ родная земля.

Вонъ! покрылись уже нѣжными, благоухающими цвѣтами поля репейника, пышнымъ ковромъ зеленѣютъ озими, вербы покрылись нѣжной зеленой листвой, желтые цвѣты куриной слѣпоты пестрѣютъ на лугахъ, скромные анемоны прижимаются къ травѣ...

Ему захотѣлось домой—туда подъ родимый кровъ, быть тамъ, бродить, смотрѣть на все, жадно пожирать все глазами, вдыхать грудью...

— Зачѣмъ?—прошепталъ онъ вдругъ.

Куда ни глянешь, всюду горе, страданіе. муки, на каждомъ перекресткѣ притаилось и ждетъ жертвы горе-злосчастіе.

Но взоръ его не могъ оторваться отъ этихъ картинъ забытой родины.

Когда въ темныя ночи, бывало, стоятъ серебристые тополя, словно призраки въ бѣлыхъ саванахъ, и пугаютъ своимъ видомъ путника—

Когда съ озера Гопло подымаются бѣлыя испаренія и серебристымъ туманомъ стелются по лугамъ, и сквозь это море мглы струятся бѣдные, тусклые лучи огоньковъ, свѣтящихся въ окнахъ избенокъ, гдѣ ютятся убогіе добыватели торфа—

Когда бѣлый туманъ этотъ подымается выше и таетъ въ сѣткѣ моросящаго дождя—нѣтъ, это даже не дождь—это только что-то, что прежде было густое, растворяется, таетъ въ воздухѣ, это мысль какая-то, полная грусти и раздумья, таетъ

и разсѣивается въ пространствѣ; съ самаго дна души подымается какая-то туманная пелена, сгущается въ продолговатыя, похожія на жемчужины, слезы и падаетъ обратно на дно души; одна жемчужная слеза за другой, одна другой тяжелѣе, одна другой печальнѣе... Боже, Боже!

И весь міръ превращается въ море ужасной, безысходной тоски, отражается весь въ каждой слезинкѣ и падаетъ вмѣстѣ съ нею куда-то въ бездну.

Это плачъ безъ стона—плачешь, но ни одинъ мускулъ лица твоего не выдаетъ твоихъ рыданій. Хрустальныя жемчужины струятся изъ глазъ твоихъ, струятся ручьями, въ твое же сердце.

И во всю ширь и даль свою раскинулась передъ взоромъ Черкаскаго родная земля его, объятая торжественнымъ величіемъ своего горя, страданья и грусти.

Когда настанутъ, бывало, лунныя ночи—когда въ морѣ луннаго свѣта сверкаютъ сжатыя поля серебристыми искрами, словно громадная подкова, часто подбитая серебряными гвоздями, когда становится такъ тихо, что кажется, будто весь міръ остановился на мгновенье въ своемъ безконечномъ движеніи, погрузившись въ глубокую, тяжелую думу, когда...

Вдругъ онъ вскочилъ со скамьи.

Все вокругъ него стало принимать страшныя, угрожающія, зловѣщія формы.

Голосъ его замеръ, словно что-то оглушило его, онъ чувствовалъ, какъ что-то рыдало въ высотѣ надъ нимъ, рвалось на свободу и не могло вырваться; впереди что-то притаилось между деревьевъ, готовясь выскочить изъ своей засады; а позади себя онъ слышалъ тихіе, чуть касающіеся земли шаги—вотъ, вотъ за самой спиной—вотъ что-то схватываетъ его, впивается когтями въ грудь, вонзается ядовитымъ жаломъ въ шею...

Боже, Боже!

Онъ ускорилъ шагъ.

Кошмаръ прошелъ вдругъ, такъ же мгновенно, какъ и пришелъ!

О, родина!

Да, изъ нея, изъ ея болотъ, трясинъ и торфяниковъ всосалъ онъ въ себя этотъ ядъ, который проникаетъ всѣ его чувства и, разъѣдая, все превращаетъ въ страданіе.

ПЕРЕВ. Е. ТРОПОВСКІЙ.

Деревня спитъ.

Деревня спитъ... не видно бѣдныхъ хатъ—
Ихъ бѣлый снѣгъ засыпалъ вплоть до крыши,
Метель ушла, запѣли вѣтры тише:
Они будить деревню не хотятъ.

Церковный крестъ рыдаетъ въ небесахъ.
Въ морозной мглѣ созвѣздія застыли.
О горькихъ дняхъ неумолимой были
Народъ забылъ въ блаженно-тихихъ снахъ.

Деревня спитъ... Я на крыльцѣ стою
Одна, какъ мать у дѣтской колыбели.
Не вѣтры и не буйныя метели—
Я пѣть хочу и скоро запою.

Я буду пѣть: растаетъ мертвый снѣгъ,
Слѣпымъ окномъ увидятъ солнце хаты,
Весна польетъ на землю ароматы,
Въ поляхъ взойдетъ посѣянный побѣгъ.

Я буду пѣть: проселочныхъ дорогъ
Жизнь не минетъ въ великомъ крестномъ ходѣ—
И новый храмъ построится въ народѣ,
И этотъ храмъ узнаетъ новый Богъ.

ЛЮБОВЬ КОПЫЛОВА.

Напѣвы Фета.

И я слышу, какъ сердце цвѣтетъ.
Ф е т ъ.
Тишина цвѣтетъ.
Б л о к ъ.

Другъ мой, молчишь ты? Молчи.
Издали пѣсня слышна.
Звуковъ такъ много въ ночи.
Только въ душѣ—тишина.
Рѣдкія капли дождя
Съ листьевъ стекаютъ, шурша.
Въ легкіе сны уходя,
Кротко затихла душа.
И распускается въ ней
Бѣлый прозрачный цвѣтокъ;
Съ каждымъ дыханьемъ нѣжнѣй
Каждый его лепестокъ.
Ты ль эти звѣзды зажгла—
Слезы любви—надо мной?
Съ ними душа зацвѣла—
И расцвѣла—тишиной.
Другъ мой, молчишь ты? Молчи.
Звѣздамъ и сердцу слышна,
Словно въ душѣ—и въ ночи
Кротко цвѣтетъ тишина.

ЮРІЙ ВЕРХОВСКІЙ.

Изъ цикла „Пустыня".

Камышъ качается,
И шелеститъ,
И улыбается,
И говоритъ
Молвой незвонкою,
Глухой, сухой,

Съ дремою тонкою
Въ полдневный зной.

Едва колышется
Въ рѣкѣ волна,
И сладко дышится,
И тишина,
И кто-то радостный
Несетъ мнѣ вѣсть,
Что подвигъ сладостный
И свѣтлый есть.

На небѣ чистая
Моя звѣзда
Зажглась лучистая,
Горитъ всегда,
И сны чудесные
На той звѣздѣ,—
И сны небесные
Со мной вездѣ.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

* * *

Я вся—тона жемчужной акварели,
Я—блѣдный стебель ландыша лѣсного,
Я—легкость стройная обвисшей мягкой ели,
Я—изморозь зари, мерцанье дна морского...
Тамъ, гдѣ фіалки и блѣдное золото
Скованы въ зори ударами молота—
Въ старыхъ церквахъ, гдѣ полетъ тишины
Полонъ сухимъ ароматомъ сосны—
Я—жидкій блескъ иконъ въ дрожащихъ струйкахъ дыма,
Я—шелестъ старины, скользящей мимо,
Я—струйки бѣлыя угаснувшей мятели,
Я—блѣдныя тона жемчужной акварели...

МАКСИМІАНЪ ВОЛОШИНЪ.

АЛЕКСАНДРЪ РОСЛАВЛЕВЪ.

Въ полдень.

Просторъ и зной; дѣвичій голосъ
И шелестъ волнъ высокой ржи.
Какъ другъ давнишній, каждый колосъ,
И такъ узывчивы межи.
Шлю золотому чародѣю
Въ крови зажженныя хвалы.
Пойду подъ сосны, захмелѣю
Отъ свѣже-пахнущей смолы.
Тамъ изумрудныя макушки
На углубленно-голубомъ,
Тамъ ріемы грезящей кукушки—
Все объ одномъ, все объ одномъ.
Тамъ сказки шепчущая хвоя
Навѣетъ сладостную лѣнь,
И отъ полуденнаго зноя
Укроетъ ласковая тѣнь.

АЛЕКСАНДРЪ РОСЛАВЛЕВЪ.

Передъ грозой.

Протруби Господню славу,
Благодатная гроза.
Ороси листы и траву,
Горней радости слеза.
Мчится туча, развивая
Клочья пышные завѣсъ.
Углубится голубая
Чаша ласковыхъ небесъ.
Солнце, солнце, смѣхомъ свѣта,
Семицвѣтностью дуги,
Въ сердцѣ блѣднаго поэта
Пѣсню вѣчную зажги.

АЛЕКСАНДРЪ РОСЛАВЛЕВЪ.

Ложь.

Заперъ я двери и все отошло:
Улица, женщины, свѣтъ и огни.
Дьяволъ раздумья, смѣющійся зло,
Дьяволъ раздумья, мы снова одни!
Мысль, какъ умѣлый отточенный ножъ.
Жизнь эту, мертвую, весело вскрыть,
Сердце ея—неизбывную ложь,—
Весело сердце ея обнажить.
Свѣтлый ребенокъ о Богѣ спросилъ:
„Гдѣ онъ?“ и я отвѣчалъ: „въ небесахъ“,
Зная весь ужасъ и холодъ могилъ,
Зная предсмертный, мучительный страхъ.
Женщинѣ-сказкѣ, лазурной мечтѣ,
Клялся я вѣчностью, солнцемъ, душой,
Зная, что завтра же, гадъ въ темнотѣ,
Этой пресытясь, я буду съ другой.

Съ крикомъ: „Свобода“, въ пылу баррикадъ,
Слѣпо ступая на трупы и въ кровь,
Въ сердцѣ твердилъ я, безпеченъ и радъ:
„Было не разъ и не разъ будетъ вновь“.
Ложь многоликая, пестрая ложь
Пляшетъ, хохочетъ, рыдаетъ, клянетъ,
Каждый на вздорную куклу похожъ,
Въ каждомъ пружинка и хитрый заводъ.
Кто-то завелъ и забылъ навсегда.
Вѣчно, безцѣльно,—впередъ и назадъ,
Эти сломались, другимъ череда,
Ловко придумано: „жизнь автоматъ“...
Ложь двухсторонняя, цѣльная ложь,
Маска подъ маской—и такъ безъ конца,
Тщетно, безумецъ: ихъ всѣ не сорвешь.
Если бъ сорвалъ,—не увидишь лица...
Лгите же смѣло, уставшіе жить,
Каждый солгалъ уже тѣмъ, что живетъ...
Правды не выдумать, лжи не убить,
—Рыцарь мой добрый, слѣпой Донъ Кихотъ!

АЛЕКСАНДРЪ РОСЛАВЛЕВЪ.

Бастилія взята.

ФРАГМЕНТЪ.

Маркизъ принялъ меня за туалетомъ. Я открылъ ему все. Я разсказалъ ему о моихъ томленіяхъ, о моей любви къ Фелиситѣ, о нашемъ такъ неудачно кончившемся свиданіи и только, когда я дошелъ до трагическаго происшествія съ паукомъ, расторгшимъ наши робкія объятья, легкая улыбка промелькнула на его губахъ.

—Мой другъ,—сказалъ онъ, послѣдній разъ уравнивая заячьей лапкой искусно наведенныя румяна:—Мой другъ, ваши несчастья трогаютъ меня, но излишнее отчаяніе можно объяснить только неопытностью. Если вы довѣритесь мнѣ, то, можетъ быть, и найдутся средства помочь вамъ.

Вечеромъ я заѣхалъ за нимъ.

Маркизъ казался разсѣяннымъ; вѣроятно, его разстроили новости изъ Версаля.

Мы проѣхали въ маленькой кареткѣ, спустивши желтыя занавѣски, по бульварамъ, уже начинающимъ оживляться, и потомъ, много разъ заворачивая въ неузнаваемыя мною улицы, наконецъ остановились...

Представленіе уже началось, и мы съ трудомъ пробрались къ нашимъ мѣстамъ.

Любезно раскланиваясь по сторонамъ, маркизъ шопотомъ знакомилъ меня съ исторіями присутствующихъ, чьи имена я давно уже зналъ и разсказы о похожденіяхъ которыхъ давно влекли мое воображеніе.

Тутъ былъ великолѣпный кавалеръ де Севиражъ, сдѣлавшійся почти знаменитостью благодаря своимъ связямъ со всѣми знаменитыми женщинами; остроумный графъ Дивьеръ, веселый нравъ котораго вошелъ въ поговорку; герцогъ Пармскій; все еще молодящійся Борже, такъ нравящійся дамамъ за свой тихій голосъ и пріятное заиканье; много другихъ не менѣе блестящихъ именъ не удержалось въ моей головѣ, слегка кружащейся отъ всей этой необыкновенной обстановки, отъ сладкаго запаха духовъ и пудръ, смѣшанныхъ съ отвратительной вонью свѣжаго теса, копоти и конюшни. Дамы сидѣли въ ложахъ; эти маленькія загородки можно было бы скорѣе назвать стойлами; въ нихъ назначались свиданія, и онѣ сдавались по часамъ за плату, доступную только немногимъ, хотя и были всегда заняты.

Маркизъ называлъ мнѣ многія имена, но я въ глубокихъ нишахъ могъ разсмотрѣть только высокія прически. Спущенныя на многихъ ложахъ занавѣски давали поводъ для остроумныхъ догадокъ, а я съ трудомъ старался скрыть мое волненіе.

— Споціони съ своей дѣвчонкой, которую онъ чаще выдаетъ за мальчишку,—шепнулъ мнѣ маркизъ, когда занавѣсь раздвинулась вторично и черный, завитой итальянецъ съ вкрадчивыми, мягкими дви-

женями и непріятной бѣлизной зубовъ низко раскланивался съ публикой. Блѣдный худенькій мальчикъ въ бархатномъ костюмѣ съ кружевнымъ воротникомъ стоялъ рядомъ съ нимъ.

—Споціони ловкій шарлатанъ. Его знаютъ даже въ Версалѣ. Если вы захотите составить свой гороскопъ, вамъ всякій укажетъ его домъ съ колоннами въ улицѣ Королевы, — тихо разсказывалъ мнѣ маркизъ, я же, какъ околдованный, не могъ оторваться отъ этого еще больше поблѣднѣвшаго почти некрасиваго, но все же привлекательнаго лица мальчика и его глазъ, прозрачныхъ, преувеличенно расширенныхъ, какъ у лунатика... Маркизъ, все поглядывающій на одну ложу, всталъ.

—M-lle Д'Аншъ готова насъ принять,—сказалъ онъ.—Будьте смѣлѣе!

Пройдя узенькимъ коридорчикомъ, мы постучались передъ дверью, на которой мѣломъ было написано: „Аншъ".

Дама, престарѣлый господинъ и болонка занимали ложу.

Въ комнатѣ передъ ложей было зеркало и красный диванъ. „Вотъ гдѣ", подумалъ я, и сердце забилось; казалось невѣроятнымъ, что все такъ просто и легко.

Я не помню, что говорила мнѣ M-lle Д'Аншъ: что-то о балахъ, объ оперѣ; слова ея были блестящи и остроумны, какъ у знатной дамы; она часто смѣялась и такъ близко наклонялась ко мнѣ, что я слышалъ запахъ не только ея духовъ, но и тѣла, а розовая пудра осыпала рукава моего камзола; одна мысль поглощала и волновала меня—объ ея красотѣ, близости и доступности. Мужчины говорили о чемъ-то въ глубинѣ. Дѣйствіе уже кончилось на сценѣ, когда запыхавшійся мальчикъ подалъ маркизу записку, какъ будто смутившую его, и, наскоро простившись и сказавъ, что оставитъ мнѣ карету, онъ вышелъ чѣмъ-то разстроенный, вмѣстѣ съ пожилымъ господиномъ, громко разговаривая; я же ничего больше не помнилъ. Черезъ часъ постучавшій слуга сказалъ, что представленіе давно уже

кончилось. Условившись о свиданіи, мы простились долгимъ поцѣлуемъ на пустынной площади, при звѣздахъ уже по осеннему яснаго неба, хотя былъ еще только іюль.

Опьяненный сладкими мечтами, ѣхалъ я по темнымъ улицамъ въ своей кареткѣ, а слуга, откинувъ верхнее окошечко, сказалъ мнѣ:

—Сударь, Бастилія взята!

Я велѣлъ ему ѣхать быстрѣе...

СЕРГѢЙ АУСЛЕНДЕРЪ.

Только о себѣ.

Мы,—робкіе,—во власти всѣхъ мгновеній.
Мы,—гордые,—рабы самихъ себя.
Мы—вѣруемъ, стыдясь своихъ прозрѣній,
И любимъ мы—какъ будто не любя.

Мы,—скромные,—безстыдно молчаливы.
Мы въ радости боимся быть смѣшны,—
И жалобно всегда самолюбивы,
И низменно всегда раздѣлены!

Мы думаемъ, что общій храмъ построимъ
Для новой, намъ обѣщанной, земли...
Но каждый дорожитъ своимъ покоемъ
И одиночествомъ въ своей щели.

Мы,—тихіе,—въ себѣ стыдимся Бога,
Надменные,—мы тлѣемъ, не горя...
О страшная и рабская дорога!
О мутная, послѣдняя заря!

З. ГИППІУСЪ.

МАРКЪ КРИНИЦКІЙ.

Ангелъ страха.

Страшенъ Ты, Боже, во святилищѣ Твоемъ!
Псаломъ 67, ст. 36.

Я—ангелъ страха. Мнѣ было дано испытаніе пройти черезъ всю землю изъ края въ край. Я вышелъ въ полночь, а возвратился на утренней зарѣ.

Я видѣлъ море, бушующее у береговъ, и огромный корабль, наткнувшійся на подводную скалу. Одна за другою были спущены восемь шлюпокъ. Буря ревѣла, но и сквозь грохотъ валовъ я слышалъ рѣзкій плачъ дѣтей. Капитанъ остался умирать на кораблѣ. На мгновеніе вѣтеръ разорвалъ черное облако, и выглянувшій зловѣщій дискъ мѣсяца освѣтилъ корпусъ погибающей громады съ четкою надписью: „Надежда“. Черная фигурка стояла у борта и хладнокровно курила. Вдали въ изрытой

волнами поверхности мелькали двѣ шлюпки. Когда мѣсяцъ выглянулъ черезъ нѣсколько мгновеній опять, отъ корабля виднѣлась только верхушка мачты, да море выкинуло деревянные обломки вмѣстѣ съ трупомъ неизвѣстнаго мужчины.

Еще я видѣлъ, какъ подъ рукою усталаго человѣка въ кожаной курткѣ со стономъ повернулись двѣ желѣзныя полосы, и, звеня и громыхая, промчался поѣздъ, закованный въ желѣзную броню и залитый электрическимъ свѣтомъ. Онъ выбрасывалъ тучи звѣздъ и тумана: красное зарево бѣжало за нимъ по землѣ. Человѣкъ въ фуражкѣ съ тремя серебряными полосками, держась одною рукою за рукоять механизма, управлявшаго движеніями чудовища, впивался глазами въ черную мглу. Другой былъ блѣденъ и спѣшилъ исполнять какія-то сложныя приказанія. Чудовище дрогнуло. Въ это время съ откоса навстрѣчу выбѣжали темные звенящіе силуэты огромныхъ цистернъ; раскачивая порванными цѣпями и сшибаясь буферами, они летѣли по гладкимъ рельсамъ, развивая вокругъ себя дуновеніе и ревъ бури... Еще мгновеніе, и вся окрестность потонула въ смѣшанномъ лязгѣ и грохотѣ. Наступило молчаніе: лишь вѣтеръ шелестилъ въ кустахъ да гдѣ-то раздавалось глухое шипѣніе. Вскорѣ надъ безформенной грудой всталъ коптящій столбъ воспламенившейся нефти, да вдали по линіи двигались съ двухъ противоположныхъ сторонъ два красныхъ огонька.

Я молча посмотрѣлъ на звѣзды и спѣшилъ дальше.

Мнѣ попадались вереницы почернѣвшихъ могильныхъ крестовъ, тянувшіяся по холмамъ, пріосѣненнымъ старыми ветлами. Кругомъ лежали пустыри и лѣсистыя дебри.

Я видѣлъ спящіе города. Они лежали, какъ исполинскіе муравейники. Груды строительныхъ матеріаловъ навалены были по окраинамъ. Тамъ безконечно тянулись заборы и постоялые дворы съ усталыми, задумчиво вздыхающими клячами. Черные навѣсы боенъ ютились возлѣ безмолвныхъ клад-

бищъ, густо обросшихъ акаціями, а за ними тянулись свалки нечистотъ, издавая зловоніе. На станціяхъ горѣли тусклые огни; при однообразномъ звонѣ проходили и отходили сонные поѣзда. Неоконченныя насыпи выступали здѣсь и тамъ. Кое-гдѣ съ грохотомъ выбрасывали дымъ и паръ свѣтящіяся фабричныя зданія. А въ серединѣ царили сны. И, притаившись, я стоялъ на площадяхъ, какъ неясная, колеблющаяся тѣнь. Я ждалъ перваго мерцанія утра, чтобы устремиться вмѣстѣ съ предразсвѣтнымъ вѣтромъ. И взоры мои падали глубоко въ чрево домовъ, а слухъ ловилъ малѣйшія колебанія звуковъ.

Я читалъ сонныя грезы по лицамъ спящихъ людей и это были большею частью страшныя видѣнія, отъ которыхъ стыла кровь и безумныя крики исторгались изъ груди. Имъ снились пропасти, измѣны близкихъ, мучительныя болѣзни, внезапная смерть. Кто изъ нихъ просыпался,—чувствовалъ себя счастливымъ и говорилъ: „Это былъ только сонъ!“ И я удивлялся этимъ несчастливцамъ, потому что ихъ дѣйствительность была не лучше самаго страшнаго кошмара. Тамъ и сямъ болѣзнь и смерть совершали среди нихъ втихомолку свое неутомимое дѣло. Окна аптекъ горѣли зловѣщимъ, тусклымъ блескомъ. Изрѣдка отворялись тяжелыя двери домовъ, и оттуда выходилъ врачъ или священникъ.

Творецъ сокрылъ отъ меня свѣтлую сторону бытія; всюду мой взоръ являлся лишь вѣстникомъ несчастья. Но я не могъ удержать своего любопытства: меня влекла къ себѣ черная бездна человѣческаго страданія. И чѣмъ больше я видѣлъ, тѣмъ сумрачнѣе становилось мое сіяніе и блѣднѣе—звѣзды въ небесной вышинѣ.

Изнемогшій палъ я на зарѣ къ дверямъ рая, съ оледенѣвшимъ сердцемъ и потухшимъ челомъ.

И сказалъ мнѣ Пославшій:

— Я сотворилъ вселенную словомъ устъ. Кто ты, чтобы судить меня? Кто измѣритъ число Моихъ мыслей и укажетъ ихъ кругъ? Я возлюбилъ дрозда

и копчика. Я возрастилъ анчаръ и лилію. Я—жизнь и тлѣніе!

И взялъ Онъ меня и положилъ въ храмѣ Своемъ у Святыхъ вратъ.

Объятый ужасомъ, лежалъ я предъ алтаремъ безъ мысли и движенія. Я видѣлъ трепетный свѣтъ гаснущихъ лампадъ. За окнами, въ сумрачныхъ нишахъ начинался день, зажигая розовымъ блескомъ стекло и хрусталь.

Гдѣ-то загремѣлъ засовъ. Вошли люди. Они не видѣли меня, но смутно чуяли мое присутствіе, полное таинственнаго содроганія, и говорили тихо, вполголоса, еле слышно ступая ногами среди жуткаго молчанія святилища.

Вдругъ гулко ударилъ колоколъ... Звукъ его спустился глубоко въ подземелье и, опершись, вышелъ и понесся въ неизмѣримую даль. Мнѣ показалось, что онъ ударилъ въ моемъ собственномъ сердцѣ.

Я всталъ и крикнулъ.

Я видѣлъ, какъ закачались люстры и дрогнули цѣпи лампадъ. Прильнувъ къ стекламъ купола, я крикнулъ еще и еще. Я видѣлъ, какъ закружились ласточки, испуганныя рѣзкими звуками моего голоса...

О, какъ мнѣ было отрадно кричать! Я чувствовалъ, какъ мой крикъ, крикъ, исторгшійся изо всего моего свѣтлаго состава, возмущеннаго зрѣлищемъ бытія, поднялся и всталъ до самаго небеснаго купола, сплетенный съ рыданіемъ мѣди и сотрясая тучи.

И я видѣлъ, какъ люди останавливались въ полѣ и на дорогахъ и прислушивались ко мнѣ: они удивлялись тому, что простая мѣдь заставляетъ дрожать въ нихъ сердце. О, какъ странно было для нихъ вѣяніе райской скорби!

И, словно очарованныя, собирались на мой крикъ безмолвныя, задумчивыя толпы. Я видѣлъ стариковъ, которые, казалось, не шли, а ползли, опираясь на клюку. Я видѣлъ женщинъ, печальныхъ, съ опущеннымъ взоромъ, которыя носили въ своихъ

утробахъ младенцевъ. Улыбка замирала на устахъ юношей и дѣвъ, когда они переступали черезъ церковный порогъ, слизанный временемъ и сотрясенный звуками моего голоса. И только дѣти безпечно улыбались другъ другу и собственнымъ грезамъ, потому что они могли улыбаться и на смертномъ одрѣ.

Скоро всѣ арки и переходы храма наполнились молящимися. Скорбь и важность были написаны на ихъ угрюмыхъ и сосредоточенныхъ лицахъ. Я видѣлъ, какъ раскрывались ихъ сердечныя раны. Я слышалъ ихъ скорби, какъ біеніе глубокаго источника, скрытаго подъ землею.

И снова, охваченный мыслью о безысходности страданія, я ощутилъ приливъ чернаго отчаянія и, дерзко обращаясь мыслью къ Пославшему, я началъ вопрошать Его.

И вотъ Святитель взялъ чашу, стоявшую на алтарѣ, и, протянувъ ее къ блѣднымъ, потемнѣвшимъ отъ страданія лицамъ, сказалъ:

— Пейте отъ нея всѣ: это—кровь Моя, которую Я пролилъ за васъ...

Гдѣ-то высоко въ небѣ прошебетали ласточки.

— Кто измѣритъ число Моихъ мыслей и укажетъ ихъ кругъ?—вспомнилъ я слова Пославшаго и безмолвно, подавленный величіемъ Божественной скорби, простерся предъ алтаремъ.

* * *

Я обвѣянъ его святыми трепетными крылами. Я вѣрю, что это—мой ангелъ-хранитель, который ведетъ меня утреннею стопою надъ безмолвными, ничего не возвращающими безднами. Тернистъ мой путь, и нѣсколько разъ въ сомнѣніи отступалъ я передъ нимъ. Но каждый разъ ободрялъ онъ меня своею суровою и вмѣстѣ ласковой рукою. Другъ мой, этотъ путь страшенъ только для того, кто думаетъ, что жизнь—игрушка!

МАРКЪ КРИНИЦКІЙ.

Смерть Соломона.

Опираясь на трость кипарисную,
Будто въ сладостный сонъ погруженъ,
Замеръ, позу принявъ живописную,
Снѣжнокудрый мудрецъ Соломонъ.
Онъ надвинулъ корону алмазную
И глядитъ, неподвиженъ и строгъ,
Какъ шайтаны толпой безобразною
Ему строятъ хрустальный чертогъ.
И, безмолвіемъ тайны объятые,
Безотчетнаго страха полны,
Робко трудятся дэвы крылатые
Надъ постройкой колоннъ и стѣны.
Поглощенный тяжелой работою,
Ни одинъ не додумался джинъ,
Что не грезитъ, объятый дремотою,
А навѣкъ ихъ угасъ властелинъ...
И толпой они трудятся плѣнною.
Непрерывно работа кипитъ.
А средь залы съ улыбкой надменною
Соломонъ неподвижно стоитъ.

АЛ. КОНДРАТЬЕВЪ.

Въ башнѣ.

Надъ моремъ и городомъ въ башнѣ живу.
Я пѣсни пою одиноко.
Тамъ волны, тамъ люди, какъ сонъ наяву,
Его я извѣдалъ до боли глубоко.

Отсюда виднѣе мнѣ зори востока,
Своими сосѣдями птицъ я зову,
И радъ, что давно и высоко
Надъ моремъ и городомъ въ башнѣ живу.

АЛЕКСАНДРЪ РОСЛАВЛЕВЪ.

НИКОЛАЙ ПОЯРКОВЪ.

Свѣжая вѣточка.

Милое свѣтлое солнышко съ тяжелою длинной косой и такими—по дѣтски—веселыми синими глазами. Радостно улыбающееся доброе солнышко.

Вотъ она идетъ по шумной улицѣ, среди нахмуренныхъ злыхъ развратныхъ людей. Такая стройная—молодая лозинка—чистая, радостная.

Зеленѣющая вѣточка апрѣльскаго деревца. Идетъ, осіянная внутреннимъ свѣтомъ, гордая сознаніемъ первой любви. Словно хрупкій сосудъ съ драгоцѣннымъ виномъ несетъ бережно и счастливо.

Всѣ мысли со мной. Проходитъ мимо большихъ зеркальныхъ оконъ. Какъ здѣсь весело! Сколько зелени розъ и нарциссовъ. Вспоминаетъ обо мнѣ, нащупываетъ тонкой рукой портмонэ, входитъ. А оттуда возвращается, улыбаясь, съ бѣлымъ длиннымъ сверткомъ въ рукахъ.

Кругомъ снѣгъ, трещитъ морозъ, а она несетъ свѣжія розы. Прибавляетъ шагу—торопится принести мнѣ радость.

Я жду. Весело трещитъ каминъ. На столѣ вчера полученный большой номеръ журнала, гдѣ

напечатана моя статья о забытомъ, старинномъ художникѣ. Рядомъ нѣсколько книгъ, о которыхъ я давно мечталъ. Весь мой гонораръ ушелъ на покупку.

Я жду. Но вотъ быстрые, быстрые знакомые шаги. (Она не любитъ встрѣчаться съ кѣмъ-нибудь въ коридорѣ). Увѣренный стукъ въ дверь, предо мною милое, еще дѣтское лицо съ горящими святою радостью глазами. Снимаю синюю шубку, грѣю поцѣлуями руки, сажаю въ кресло къ камину.

— Я на часокъ, прямо съ уроковъ изъ гимназіи. Да. Вижу—она въ зеленоватомъ форменномъ платьѣ и черной пелеринкѣ.

Итакъ, цѣлый часъ сидимъ у камина, вздрагивая отъ расцвѣтающихъ ласкъ. Слушаемъ тишину, боясь услышать стукъ въ дверь.

— Ты знаешь—сегодня началась весна, говоритъ она. Какъ все таинственно и хорошо. Гдѣ-то глубоко подъ снѣгомъ поднялась работа, а скоро цвѣты, зеленый лѣсъ, теплые дни. Я шла и думала о поворотѣ солнца, о веснѣ, о тебѣ.

Она смолкаетъ, но скоро оживленно говоритъ.

— Смотри, вотъ старый бабушкинъ браслетъ изъ рубиновъ. Ея подарокъ. Вчера мнѣ стало 18 лѣтъ, и я теперь взрослая.

Милая распускающаяся вѣточка.

Теплота камина ласково охватываетъ, растутъ сумерки. Смѣлѣютъ ласки, и рука сильнѣе обнимаетъ хрупкій станъ и распускающіяся лиліи—дѣвичьи груди.

— Надо лампу,—торопливо говоритъ она, и мнѣ слышатся едва уловимыя гнѣвныя нотки. Мнѣ такъ неловко за случайно родившуюся слишкомъ интимную ласку.

Встаю, зажигаю свѣтъ и спѣшу показать журналъ и книги. Ея лицо, еще залитое румянцемъ стыда, сразу веселѣетъ, въ глазахъ быстрыя искорки.

— Милое солнышко—не сердись. Вотъ подарокъ тебѣ—любимый твой Панъ. Смотри, въ какомъ красивомъ зеленомъ лѣсномъ переплетѣ. Хорошо?

Солнышко смѣется. Вспоминаетъ о цвѣтахъ, Бѣжитъ... Ахъ, они бѣдные. Имъ надо воды скорѣй, скорѣй.

Торопимся. Проливаемъ воду изъ графина на коверъ и любуемся тремя алыми розами. Она подходитъ къ піанино, беретъ нѣсколько гордыхъ, стройныхъ аккордовъ, говоритъ: слушай стихи, и, тихо аккомпанируя, гибкимъ, неокрѣпнувшимъ голосомъ мело-декламируетъ.

Въ амфорахъ нѣтъ вина. Вербены оцвѣтаютъ.
Веселый первый лучъ дробится по горамъ.
Въ долинахъ и лѣсахъ туманы быстро таютъ.
Пусти меня скорѣй. Я тороплюсь во храмъ.

У мраморныхъ колоннъ на жертвенникѣ бѣломъ
Богинѣ принесу святую голубицу.
Я ночью вся твоя—и мыслями и тѣломъ,
А днемъ не смѣй ласкать таинственную жрицу.

Въ окно смѣется день, лазурью голубѣя.
У мраморныхъ колоннъ зажгу я фиміамъ;
Коснется ночь земли—опять приду къ тебѣ я,
Пусти меня скорѣй. Я тороплюсь во храмъ.

Еще нѣсколько сильныхъ аккордовъ и широкій торжественный конецъ.

Что это? Хорошо, очень хорошо.

— Это стихи моей подруги Зины Врублевской. Она поэтъ, красавица, смѣлая во всемъ, декадентка. Хочешь, познакомлю?

Спрашиваетъ тревожно.

— О нѣтъ, зачѣмъ?—говорю я.

Ушла. Сижу у камина, потушилъ лампу.

„Въ амфорахъ нѣтъ вина. Вербены оцвѣтаютъ“, невольно повторяю я. Начнетъ таять снѣгъ и я уйду къ другой, повинуясь власти тѣла.

Милая вѣточка. Я не разобью твоего хрустальнаго прозрачнаго сосуда. Кто эта Зина Врублевская?

А вѣточка гибкая, свѣжая скользитъ по улицѣ среди чужихъ людей, такихъ же злыхъ и развратныхъ, какъ я.

НИКОЛАЙ ПОЯРКОВЪ.

Одержимый.

Луна плыветъ, какъ круглый щитъ
Давно убитаго героя,
А сердце бьется и стучитъ,
Уныло чуя роковое.

Чрезъ дымный лугъ и хмурый лѣсъ
И угрожающее море
Бредетъ съ копьемъ на перевѣсъ
Мое мучительное горе.

Напрасно я спѣшу къ коню,
Хватаю трепетно поводья
И, обезумѣвшій, гоню
Его въ ночныя половодья.

Въ болотѣ темномъ дикій бой
Для всѣхъ останется невѣдомъ,
И верхъ одержитъ надо мной
Прывыкшій къ сумрачнымъ побѣдамъ.

Мнѣ сразу хлынетъ въ очи мгла...
На полномъ бѣшеномъ галопѣ,
Я буду выбитъ изъ сѣдла
И покачусь въ сырыя топи.

Какъ будетъ страшенъ этотъ часъ!
Я буду сжатъ доспѣхомъ тѣснымъ,
И какъ всегда о coup de grâce
Я возоплю предъ неизвѣстнымъ.

Я угадаю шагъ глухой
Въ невѣрной мглѣ ночного дыма,
Но, какъ всегда, передо мной
Пройдетъ невѣдомое мимо.

И утромъ встану я одинъ.
А дѣвы, рады играмъ вешнимъ,
Шепнутъ: вотъ странный паладинъ
Съ душой, измученной нездѣшнимъ.

Н. ГУМИЛЕВЪ.

Одиночество.

Я заперъ дверь, окно завѣсилъ,
Зажегъ огни.
Мой уголъ тихъ, мой взоръ невеселъ.
Приди,—взгляни.

Тутъ жизни внѣшней отзвукъ глухо
Зоветъ меня;
Жужжитъ безпомощная муха
Вокругъ огня.

Кругомъ разбросаны тетради
И груды книгъ.
Себя я вижу... Бога ради
Зайди на мигъ.

Себя я вижу... Понемногу
Въ себя гляжу;
И быстро къ тайному порогу
Я подхожу.

Исполненъ ужаса и страха
Боюсь постичь...
Горитъ костеръ, чернѣетъ плаха;
Вотъ щелкнулъ бичъ.

Протяжный стонъ звучитъ упорный,
Какъ перезвонъ;
И горько плачетъ кто-то черный
Во мглѣ склоненъ.

Глядитъ палачъ съ усмѣшкой строгой
На грусть мою;
И въ палачѣ себя съ тревогой
Я узнаю.

Тотъ злѣйшій врагъ, кто недругъ тайный
Своей судьбѣ...
Кто бъ ни былъ ты, мой гость случайный,
Я радъ тебѣ...

СЕРГѢЙ РАФАЛОВИЧЪ.

* * *

Мы проѣхали деревню, отвели намъ отвода,
Въ свѣжемъ вечерѣ прохлада, не мѣшаютъ овода,
Подъ горой внизу, далеко, тихо пѣнится вода.

Сѣрый мохъ, песокъ и камни, низкій, мелкій лѣсъ,
Солнце тускло, сонно смотритъ изъ-за розовыхъ завѣсъ,
А межъ тучъ яснѣетъ холодъ зеленѣющихъ небесъ.

Ѣхать молча, сидя рядомъ, молча длинный, длинный путь,
Заѣзжать въ чужія избы выпить чай и отдохнуть,
Въ сердцѣ темная тревога и тоски покорной муть.

Такъ же боръ чернѣлъ въ долинѣ, какъ мы ѣздили въ скиты,
То же чувство въ сердцѣ сиромъ полноты и пустоты,
Такъ же молча, такъ же рядомъ, но сидѣлъ со мною ты.

И еще я вспоминаю мелкій лѣсъ, вершину горъ,
Въ обѣ стороны далекій моря южнаго просторъ,
И каноника духовный, сладко-строгій разговоръ.

Такъ же сердце ныло тупо, отдаваясь и грустя,
Такъ же ласточки носились, землю крыльями чертя,
Такъ же воды были видны, въ отдаленности блестя.

Память зорь въ широкомъ небѣ, память дальняго пути,
Память сердца, гдѣ смѣшались всѣ дороги, всѣ пути,—
Отчего даже теперь я не могу отъ васъ уйти?

М. КУЗМИНЪ.

ALEXANDER (А. БРЮСОВЪ).

* * *

Огненный отблескъ заката
Глянулъ сквозь черень стволовъ.
Снова ищу я возврата
Цѣпи мелькающихъ словъ.

Помню я часъ предзакатный,
Красныя волны вдали,
На морѣ черныя пятна,
Контуры дальней земли.

Вечеръ послѣдній прощальный:
Завтра родная земля.
Словно напѣвъ погребальный
Всплески о бортъ корабля.

Въ быстромелькающей смѣнѣ
Мысли, слова—какъ кошмаръ.
На морѣ черныя тѣни
Гасятъ закатный пожаръ.

ALEXANDER.

* * *

Вечернихъ, темныхъ ивъ осеннее убранство,
Закатный солнца лучъ на темномъ камышѣ:
А я плыву впередъ въ безмолвное пространство,
И вновь печаль растетъ въ измученной душѣ.
Прошли года. Я плылъ безцѣльно, безнадежно,
Едва держа въ рукѣ тяжелое весло,
И слышалъ я сквозь сонъ, какъ лодку неизбѣжно
Въ открытый океанъ волною унесло.
И вздрогнулъ я, схвативъ рукой за руль тяжелый,
Поставилъ паруса. Съ попутнымъ вѣтромъ въ даль!
И вѣтеръ набѣжалъ безумный и веселый,
И замерла на мигъ безликая печаль.
Но страшенъ мнѣ просторъ и волнъ размахъ широкій,
И послѣ темныхъ дней слѣпитъ глаза заря.
О, если бъ снова плыть заснувшею осокой!..
И пали, зазвенѣвъ, глухіе якоря.
И вотъ стою теперь безвольный, ослѣпленный—
Отрѣзанъ путь назадъ тяжелымъ ходомъ водъ,—
Пока не дрогнетъ цѣпь, и вѣтеръ разъяренный
Съ заснувшихъ якорей, гремя, меня сорветъ.

ALEXANDER.

Демонъ желаній.

ИЗЪ РИХАРДА ДЕМЕЛЯ.

И снова поздно я сижу одинъ
И пристально гляжу въ самозабвеньи
На порожденья горя моего.
Вокругъ себя неясный чадъ желаній
Я вызвалъ самъ и сумрачно смотрѣлъ,
Какъ похотей роились привидѣнья:

Они кишѣли и въ жестокихъ мукахъ
Другъ друга пожирали. Въ судорожной пляскѣ,
Въ конвульсіяхъ они соединялись,
Чтобы уродовъ новыхъ порождать,
Пока въ безумной боли, наконецъ,
Въ орбиты глазъ я не впился ногтями
И отъ кошмара дикаго очнулся.
Тогда, шатаясь, подошелъ къ окну я
И сталъ вдыхать безмолвный сумракъ ночи.

Въ туманномъ, тускломъ свѣтѣ предо мной
Берлинъ простерся—крыши, купола...
И башни гордыя, и дымовыя трубы,
Побѣдныя колонны—высоко
Вставали въ небо блекло-голубое:
Какъ будто бы изъ гроба великанъ
Мнимо-умершій пальцы протянулъ
Съ униженной и страстною мольбою:
„Жить, жить хочу,—питаться и дышать!“
Услышалъ я: кишѣли тамъ желанья
Неутоленныя, за душными стѣнами,
Какъ черви смрадные въ могилѣ, полной тьмы...
Тамъ призракъ—голодъ, звонкими костями
Стуча о землю, проситъ, чтобъ она
Разверзлась гробомъ... И увидѣлъ я
Нужду, что бѣгаетъ по улицамъ безстыдно,
И въ кучахъ мусора и грязи—нищету.
Такой ничтожной показались мнѣ
Моя нужда. И жалость безъ границы,
До ужаса, вдругъ погнала меня
Въ глубь одинокой комнаты моей.

И я сидѣлъ, на лампу мрачно глядя,
И мрачно я глядѣлъ на тѣнь свою,
Которая, маяча на стѣнѣ,
Расплывчато качалась и кивала,
И чудилось—смотрѣла на меня,
Таинственной загадкою пугая...
Вдругъ двинулась, скользнула, поплыла,
И низкій голосъ глухо прозвучалъ:
„Иди за мной! Желанье—наслажденье,
А достиженье—смерть. Иди, смотри!“

И мы пошли. Въ пустынѣ полдень душный
Лѣниво ползъ по желтому песку.
Ничто не двигалось. Лишь спутникъ мой угрюмый,
Закутанный, и черный, и нѣмой,
Шелъ предо мной въ пылающемъ разливѣ
Нагихъ песковъ и желтаго огня.
Я брелъ за нимъ, прикованный незримо
Къ его слѣдамъ... Вдругъ пропастью у ногъ
Земля разверзлась. Вздрогнувъ, я отпрянулъ.
Но Сумрачный недвижимо стоялъ.
Онъ указалъ направо: на обрывѣ
Причудливо сверкали купола
Гигантскаго строенія. И глухо
Подъ капюшономъ голосъ прозвучалъ:
„Храмъ Исполненій!“ Я затрепеталъ,
Холоднымъ ужасомъ охваченный глубоко.

И снова тяжко зазвучала рѣчь:
„Три лучшія желанія твои—
Исполнятся!“—И распахнулись шумно,
Съ желѣзнымъ грохотомъ широкія ворота.

Завороженный думами глядѣлъ
Я въ темный входъ.—Всего земного шара,
Казалось, тамъ желанья волновались,—
Мильярды неисполненныхъ желаній.
И покраснѣвъ отъ жгучаго стыда,
Я захотѣлъ жестоко наказать
Лукаваго, и радостно воскликнулъ:
„Пусть каждаго изъ смертныхъ на землѣ
Исполнится завѣтное желанье!“
И нѣкто, въ черномъ, призрачномъ плащѣ,
„Пусть каждаго“,—отвѣтилъ равнодушно.

И показалъ назадъ, невозмутимый,
Въ пески пустынь. Они вздымались бурно
Изъ пыли клекотъ хищный доносился—
Какъ будто коршуны слетались на добычу.
Отъ горизонта, точно злая туча
Надвинулась, разбухла, закруглилась,
Разорвалась, вскрутилась буйнымъ вихремъ
И распласталась съ шумомъ громовымъ

Летя на насъ... Все ближе, всю долину
Заволокла, гонима дикой бурей,
Клокочущая масса. Ближе, ближе
Подкатывалась, ширилась, росла
Въ огромныя толпы, полки и вереницы
Тѣлъ желтыхъ, бѣлыхъ, черныхъ и иныхъ.
Подъ бѣшенымъ ихъ бѣгомъ и безумной,
Дымящейся отъ пѣны, дикой скачкой
Земля стонала... Словно вперегонку
Ужъ пронеслися первые ряды
По склону вверхъ, по ступенямъ огромнымъ
Гигантской лѣстницы—къ таинственному храму.
И вотъ, за ними ринулась, какъ буря,
Толпа несмѣтная... И жадность въ ихъ глазахъ
Прочелъ я въ ужасѣ. Но спутникъ неподвижно
Стоялъ, какъ прежде, около меня.

И первые съ захваченнымъ добромъ,
Предметомъ ихъ завѣтнаго желанья,
Уже идутъ изъ сумрачныхъ воротъ.
И трепеща, и радостно волнуясь,
За ними я слѣдилъ. И вотъ—одинъ
Несетъ подъ мышками два ветхихъ фоліанта,
Другой почти ползетъ подъ ношей звонкой,—
Мѣшками съ золотомъ онъ тяжко нагруженъ.
Вотъ бережно старикъ несетъ горшочекъ
Съ цвѣткомъ какимъ-то. Вотъ, собой любуясь,
Красавица надѣла ожерелье
Изъ жемчуга...

Какъ бы ища опоры,
Схватилъ я воздухъ трепетной рукой:
Вотъ—съ крикомъ ликованья, потрясая
Врага окровавленной головой,
Изъ храма вождь бѣжитъ... А на ступени верхней
Вцѣпились двое въ женщину нагую,
Въ одну и ту же... И застыли съ ней.

И судорожной болью состраданья
Скользнула дрожь по тѣлу моему,
Но послѣ овладѣло отвращенье,
Мгновенно пробѣжала вдоль спины

Какъ бы струя холодной, жесткой злобы.
Сжавъ кулаки, я къ небу возопилъ,—
„О, Всемогущій, уничтожь“, молилъ я,—
„Гнѣздо червей!.. Погибнуть должеиъ тотъ,
Въ комъ нѣтъ любви! И тотъ лишь нуженъ міру,
Чью душу жжетъ великая тоска
О благѣ общемъ, кто горитъ желаньемъ
Всѣхъ искупить отъ тягостныхъ невзгодъ!“

„Такъ, Искупленье“,—зазвучало глухо—
„Твое второе лучшее желанье!“
И въ голосѣ послышалась угроза.
Вдругъ предо мной, и сверху и повсюду,
Внизъ по громаднымъ, страшнымъ ступенямъ
И по обрыву,—бѣшенымъ потокомъ,
Шумя, клубясь, сплетенные другъ съ другомъ
Въ борьбѣ смертельной ринулись тѣла.
И такъ же вверхъ, безудержно и шумно,
Въ огромныя и черныя ворота,
По ступенямъ, кипя, летѣлъ бурунъ.
И съ грохотомъ сшибаясь въ дикой пляскѣ.
И вверхъ и внизъ вздымаясь бурей волнъ,
Кипитъ хаосъ, и рушатся надъ бездной
Безчисленныя мертвыя тѣла...
И я глядѣлъ... А солнце заходило,
Краснѣлъ закатъ... И груды новыхъ тѣлъ,
Хрипѣвшихъ дико, бездна пожирала.

И я молилъ, чтобъ крикнулъ кто-нибудь
Священное, сверкающее слово,
Сказать которое я былъ не въ силахъ...
И вновь гляжу: вотъ—пролетаетъ мимо
Раздавленный любимѣйшій мой другъ,
Вотъ трупы братьевъ и сестеръ несчастныхъ...
Вотъ мать моя... „О, мама!“ но она
Идетъ наверхъ съ мольбою за меня—
Она молилась за мое лишь счастье...
За это умерла она, какъ всѣ.
И тупо я смотрѣлъ передъ собою.

Безмысленно и дико улыбаясь,
Въ воронку ямы тупо я глядѣлъ,

И самъ себѣ казался я безумнымъ.
Застыло сердце и блуждая взоръ
Застывшіе встрѣчалъ повсюду взоры...
И всѣ они смотрѣли на меня,
Смотрѣли на меня, какъ я на нихъ
Во всѣхъ глазахъ я узнавалъ свои:
Стеклянный взоръ, съ безумною улыбкой...
Вдругъ всхлипнулъ я, упалъ и разрыдался—
И разлилась, какъ море, тишина.
И черный шелкъ скользнулъ по лбу упруго;
Какъ сумерки на плечи опустилась
Волнуясь ткань... И будто вѣтръ ночной
Донесъ слова: „Еще одно желанье,
Послѣднее желанье назови!“
И дуновенье стужи пробѣжало
Въ моихъ разгоряченныхъ волосахъ.
Забормоталъ я что-то, но слова,
Какъ въ бурю пыль, крутилися безъ смысла;
Въ моихъ ушахъ звучалъ еще хаосъ...
И страхъ предъ жалкой жадностью моей
И слѣпотой сдавилъ мнѣ петлей горло.
Раздавленный лежалъ я и лежалъ,
Надѣяться и вѣрить ужъ не смѣя.
И, наконецъ, безсильно простоналъ:
„О, Милосердіе!“ Открылъ глаза я:
Кивала тѣнь,—блѣднѣла, исчезала.
Чадя, мерцая, лампа догорала...

Н. ШРЕЙТЕРЪ.

Рабыня.

Ты просишь свободы, рабыня?
Ты шутишь, Лигея. Ты зла...
Въ странѣ, гдѣ безбрежна пустыня,
Ты прежде царицей была;

Казнила рабовъ малодушныхъ,
Въ крови утоляя свой гнѣвъ;
Красавцевъ ласкала послушныхъ,
Ласкала трепещущихъ дѣвъ;

Желанью не знала предѣла,
Ни прихоти дерзкой границъ,
И всѣ, на кого ты глядѣла,
Сраженные падали ницъ,

И ждали, покорные, ночи,
Склоняясь къ открытымъ гробамъ...
Какъ солнце слѣпила ты очи,
Но... очи слѣпила рабамъ.

Ты просишь свободы, Лигея?
Какъ будто свобода не тамъ,
Гдѣ врагъ, о побѣдѣ жалѣя,
Къ твоимъ преклонился стопамъ,

Гдѣ даже просить не дерзаетъ
О томъ, что потребовать могъ,
И только въ пыли лобызаетъ
— Не ноги,—слѣды твоихъ ногъ.

Ты можешь свободнымъ отвѣтомъ
Презрѣть иль принять его страсть...
Скажи: неужели не въ этомъ
Свобода, и сила, и власть?

Смирися и гордо, и смѣло:
Лишь плотью владѣютъ цари,
Ты—сердцемъ моимъ овладѣла:
Рабыня, приди и цари.

СЕРГѢЙ РАФАЛОВИЧЪ.

НИНА ПЕТРОВСКАЯ.

Ложь.

Кто ты? Я видѣлъ тебя два раза и не знаю, была ты или приснилась. Постой. Я вспоминаю. Мы стояли гдѣ-то наверху. Пахло влажной землей, надъ головами низко свѣшивались широкіе вырѣзные листья. Непонятное и грубое шумѣло внизу. Бѣлые столики рядами и отдѣльные у стѣнъ. Много чужихъ лицъ. Я только сейчасъ ихъ вспоминаю, а тогда мы не видали никого. Наклонились подъ листьями. Онѣмѣли. Близко.

Слышала, какъ у меня билось сердце? Свѣтлымъ прозрачнымъ виномъ наполнилось до краевъ и билось медленно, медленно—какъ передъ смертью. Твое лицо у меня на плечѣ. Чужое непонятно прекрасное лицо. Волосы твои что-то пѣли, прикасаясь къ щекѣ.

Что это? Откуда? „Не знаю... Это музыка". Слушаемъ, блѣдные. Концы пальцевъ похолодѣли. „Гдѣ вы живете?" Смятый бѣлый листочекъ невинно прилегъ на отсырѣвшій камень перилъ. Отъ движенья карандаша протянулась тонкая незримая

нить между двумя еще вчера далекими жизнями. Напишите? „Да“.

Внизу фонарики. Бѣлые, красные вздрагиваютъ между вѣтвями. Въ прихожей шумно. Кто-то потерялъ калошу. Хлопаютъ двери, врывается бѣлый паръ. Бубенчики звенятъ у крыльца. Прощайте?.. „Нѣтъ, мы вмѣстѣ“.

Уже утро. Кто укралъ ночь? Будто не было ея. Только тамъ подъ листьями чувствовали мы ее. Помнишь?

Не забыла, какъ ѣхали? Или это снилось подъ утро?—Свѣтлое жемчужное небо, снѣгъ посинѣлъ. Бѣлая скрипящая дорога. Бубенчики звенятъ точно вдали. Хочется лечь въ мягкій синій снѣгъ. Широко открытыми глазами утонуть въ свѣтлѣющемъ небѣ. Чтобы руки, твои поющія нѣжныя руки ласково легли на захолодѣвшій лобъ. Пусть, медленно изнемогая отъ радости, бьется сердце. Хочется тихой бѣлой смерти подъ утренній звонъ колоколовъ.

У тебя печальные глаза. Кто ты? Почему ты такъ просто вошла въ мою жизнь?

„Не надо спрашивать. Нужно покорно приближаться къ любви. Мы такъ мало любимъ. Встрѣчаемся и уходимъ, можетъ быть, навсегда. Не хочется узнать, подойти—думаешь—успѣю. Посмотри мнѣ въ глаза. Вотъ такъ. Сегодня насъ поцѣловала судьба“.

Ѣдемъ почти молча. Держу твои руки. О чемъ-то простомъ и ясномъ разсказываютъ ласковые пальцы. Зимній разсвѣтъ медленно преодолѣваетъ ночь. На мосту еще фонари горятъ, а сквозь высокія желѣзныя арки уже видны просвѣтленныя снѣжныя дали.

Твое лицо блѣдно и серьезно. Тонкіе и серебряные лучи протянулись отъ него къ сердцу.

И сердце бьется медленно, медленно, точно передъ смертью.

Не помнишь, какъ мы разстались?.. У воротъ дворникъ въ мохнатой шубѣ,—чудовище городскихъ ночей. Гдѣ-то съ острымъ звукомъ соскребаютъ

снѣгъ. Иду по бѣлому пустынному двору. Была ты или только приснилась подъ утро?

День былъ длиненъ и грустенъ, о немъ не стоитъ говорить.

Вечеръ. Я у тебя, въ незнакомой комнатѣ. Морозной паутиной затянулось узкое окно.

Гдѣ-то далеко одинокій электрическій фонарь. Тѣни пляшутъ на стеклѣ.

Мы забыли, что это самая обыкновенная комната, съ цифрой на дверяхъ. Всѣмъ чужая, съ постелью, гдѣ часто спятъ равнодушные пріѣзжіе люди. Самая обыкновенная комната,—обои съ цвѣточками, умывальникъ выкрашенъ желтой краской, на дверяхъ номеръ—139. На столѣ на бѣлой скатерти тикаютъ мои часы.

Сидимъ близко, тѣсно прижались. Медленно сливаются холодѣющія губы. Хочется говорить шопотомъ.—Ты отдалась бы мнѣ радостно? „Да“.

Ты ждала меня? „Да“. Ты моя? „Да“.

Постой. Тише. Слушай музыку. Вотъ звенящія волны отдѣляются отъ твоего тѣла. Разсказываютъ о тебѣ. Я знаю, ты близкая. Мы мало говоримъ, но посмотри, какъ свободно и легко ты прикоснулась къ моему сердцу. Уѣдешь, а свѣтлая солнечная полоса надолго протянется за тобой. Буду смотрѣть тебѣ въ слѣдъ съ тихой благодарностью.

Смотримъ другъ на друга строго, торжественно, точно даемъ большую клятву.

Уже поздно. Электрическая лампочка вспыхиваетъ пронзительнымъ свѣтомъ. Поправляемъ бѣлую сдернутую скатерть. Мы устали. Мы—какъ актеры въ тѣсной уборной послѣ представленія. Не хочется снимать пышныхъ царственныхъ мантій. А уже ждетъ опять знакомое платье, такое поношенное.

Улыбаемся смущенно, грустно. Руки у меня дрожатъ. Опять оторвалась пуговица у пальто. Послѣдній разъ смотрю на дверь,—139. Длинныя, длинныя ступени внизъ... У моихъ воротъ тотъ же дворникъ въ мохнатой шубѣ. Поднимаюсь по лѣстницѣ. Долго, долго снимаю пальто.

На столѣ остатки грустнаго ужина и потухшій самоваръ. Жена сегодня не дождалась меня.

„Ты вернулся‘—спрашиваетъ она черезъ стѣну.

Я не узнаю голоса. Но это она. Кто же еще! Все позади. Я вернулся! Сейчасъ, сейчасъ...

НИНА ПЕТРОВСКАЯ.

Октябрь.

АНДРЕЮ БѢЛОМУ.

Октябрь опять къ окну прильнулъ,
И сердце прежней пыткѣ радо.
Мнѣ старый паркъ въ лицо дохнулъ
Ночною, рѣзкою прохладой.

Кой-гдѣ на вѣткѣ поздній листъ
Сіяньемъ мѣсячнымъ оснѣженъ.
И вѣтра полуночный свистъ
Разгуленъ, жалобенъ и нѣженъ.

Взметай, крути сухую пыль,
Шуми въ деревьяхъ, бейся въ ставни!
Твоя бродяжья злая быль
Старинной сказки своенравнѣй.

Ты, вольный, мчишься безъ дорогъ,
То въ лѣсъ шарахнешься сослѣпа,
То, завизжавъ, рванешь замокъ
На старыхъ, ржавыхъ петляхъ склепа,

Осенній вѣтеръ, буйный братъ,
Твой злобный вой, какъ голосъ друга.
И я, какъ ты, умчаться радъ,
Залиться бѣшеною вьюгой.

Но я усталъ, но я безъ силъ,
Я сердца боль не успокою.
Я только въ паркъ окно открылъ
И тихо-тихо вторю вою.

МУНИ.

Сѣверные цвѣты.

Цѣпкій плаунъ колючими хищными лапами
Ложится на темнозеленую, пышную грудь лишаевъ.
Верескъ суровый, безстрастный, какъ старикъ по-
сѣдѣвшій,
Стоитъ въ изголовьѣ.
Сохнетъ оленій мохъ, пѣной застывшей, грустно
вздыхая,
Когда вся въ изумрудахъ ползетъ зеленица.
Въ мѣдныхъ шлемахъ, алѣя тѣлами,
Стройно идутъ тучи войска кукушкина льна.
А кругомъ пухомъ сѣверныхъ птицъ
Блѣдно-зеленые мхи, лишаи къ елямъ бѣгутъ:
Изъ трясины змѣей выползаетъ линнея
И, ласкаясь, гигантовъ лѣсныхъ обнимаетъ,
Выше, выше по старымъ стволамъ пробираясь,
Отравляя побѣги, въ корни вонзаясь.
Роскошнымъ ковромъ, блѣдно-пурпурный,
Будто забрызганный кровью, по болотамъ раскинулся
Мертвый мохъ, желанья будя подойти и уснуть,
Уснуть навсегда...
Запахъ прѣли и гнили, какъ вуаль дорогая,
Покрываетъ черты ядовитыя, полныя смерти.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

„Воля".

ИЗЪ НЕОКОНЧЕННАГО ЦИКЛА.

Опять зовутъ меня пустыни,
И я уйду на ихъ призывъ—
Туда, гдѣ вѣетъ благостыней
Святой просторъ родимыхъ нивъ.
Въ землѣ утонетъ колокольня,
И бѣлый храмъ, и тихій крестъ,

И только будетъ вѣтеръ вольный
На милліоны верстъ окрестъ,
И только будетъ міръ безкрайный,
И утра дѣвственность надъ нимъ,
И свѣтлымъ вздохомъ въ синей тайнѣ
Растаетъ тучекъ нѣжный дымъ,
И встанетъ полдень безпощадный,
Прожженный пламеннымъ дождемъ,
Я лягу въ тѣнь, и долъ отрадный
Мнѣ будетъ пѣть своимъ ручьемъ.
И въ тихомъ звѣздномъ полыханьѣ
Беззвучныхъ, бархатныхъ ночей
Въ меня прольется ихъ молчанье—
Ночного таинства елей,
А послѣ—свѣтелъ и пѣвучъ,
Въ тотъ часъ, какъ утро возликуетъ,
Въ янтарныхъ струяхъ первый лучъ
Меня по-дѣтски поцѣлуетъ.
Быть можетъ, въ ревѣ грозовомъ,
Когда земля о смерти молитъ,
Архангелъ огненнымъ мечомъ
Надъ мною хаосъ вдругъ расколетъ,
Иль міровая глянетъ стыть
Въ глухую осень, ночью темной,
И вѣтеръ тихо будетъ выть,
Какъ песъ въ полуночи бездомный,—
Не все ль равно! Лишь только бъ быть
Средь голосовъ безсмертныхъ Бога,
И у послѣдняго порога
Ихъ смыслъ сокрытый уловить,
Лишь только бъ мочь, лишь только бъ смѣть,
Уставъ въ борьбѣ съ самимъ собою,
Прильнуть къ предвѣчному покою,
И славословя—умереть.

АЛЕКСАНДРЪ ДІЕСПЕРОВЪ.

Н. С. ГУМИЛЕВЪ.

Месть.

Она колдуетъ лѣтней ночью
У потемнѣвшаго окна
И страстно хочетъ, чтобъ воочью
Ей тайна сдѣлалась видна.

Какъ бредъ, мольба ея безсвязна,
Но мысль упорна и горда,
Она не вѣдаетъ соблазна
И не отступитъ никогда.

Внизу... тамъ дремлетъ городъ пестрый,
Тамъ кто-то молится и ждетъ,
Но мечъ увѣренный и острый,—
Онъ тоже знаетъ свой чередъ.

На мертвой площади у сквера,
Гдѣ сонно падаетъ роса,
Живетъ неслыханная вѣра
Въ ея ночныя чудеса.

Но тщетенъ зовъ ея кручины,—
Земля все та же, что была,—

Вотъ солнце выйдетъ изъ пучины
И позолотитъ купола.

Ночныя тѣни станутъ рѣже,
Прольется гулъ, какъ ропотъ водъ,
И въ сонный городъ вѣтеръ свѣжій
Дыханье моря принесетъ.

И мечъ сверкнетъ и кто-то вскрикнетъ,
Кого-то приметъ тишина,
Когда, усталая, поникнетъ
У заалѣвшаго окна.

Н. ГУМИЛЕВЪ.

Лиліи.

Бѣлыя лиліи... цвѣтъ упоительный,
Запахъ таинственный, нѣжный, мучительный...
Влажность весенняя, сладость невнятная,
Радость лучистая, грусть непонятная...

Сердце раскрыто молящее, нѣжное,
Никнутъ на стержнѣ цвѣты бѣлоснѣжные,
Пахнутъ какъ будто надъ свѣжей могилою,
Будятъ забытое, грустное, милое...

Бѣлое платье, въ саду шелестящее,
Теплыя руки, пугливо дрожащія,
Вихря внезапнаго шумы зеленые—
Бѣлыя лиліи, нѣжно склоненныя...

Стройное тѣло и взоры лучистые,
Кажется—крылья надъ ней серебристыя,
Бурныя ласки, весной опьяненныя—
Бѣлыя лиліи, низко склоненныя...

Стержень высокій и листья атласные,
Нѣжно живыя, стыдливо-прекрасныя,
Грустныя, чистыя, влажныя, сонныя—
Бѣлыя лиліи, низко склоненныя...

ВЛ. ЛЕНСКІЙ.

ШАЛОМА АША.

Былъ день. Я еще былъ маленькимъ ребенкомъ. Чисто вымыты были мои руки, невинна была моя душа. Сердце мое еще не познало зла. Отца своего я не зналъ, мать моя уѣхала въ чужую страну, и во мнѣ шевельнулось и укрѣпилось желаніе узнать Бога, моего Творца. И пошелъ я въ поле, сѣлъ около рѣки и ждалъ ночи.

И кончился день, и началась ночь. И на небо набѣжала туча и закрыла концы земли. И росадымъ поднялась надъ водой и легла надъ полями.

Тогда я обратилъ глаза въ безконечность, и сердце мое читало молитву:

„Богъ міра, вѣнецъ всего живого и мертваго, Творецъ того, что есть и чего нѣтъ, Ты, въ которомъ—все и который во всемъ, яви мнѣ ликъ Свой! Я всѣми оставленъ, у меня нѣтъ никого, кромѣ Тебя, Творецъ мой! Отъ Тебя я пришелъ, къ Тебѣ иду я. Челнъ мой уплылъ въ далекое море, и я одинъ остался на берегу и не имѣю ничего, кромѣ Твоего неба, которое меня прикрываетъ, и Твоей земли, которая носитъ меня на себѣ. И я еще молодъ, и нуженъ мнѣ отецъ, который водилъ бы меня за руку, и нужна мнѣ мать, которая осушала бы мои слезы".

Все это говорило мое сердце. Но уста мои молчали. И окутала меня тайна ночи, и довѣрчиво положилъ я голову свою на землю, и было мнѣ такъ, какъ будто я спалъ на груди матери.

И лежалъ я, объятый грезами, и услышалъ вдругъ голосъ, и былъ звукъ его, какъ пѣніе арфы, которое плещется въ волнахъ рѣкъ, которое соткано изъ запаха бархатныхъ розъ и несется изъ глубокихъ темныхъ лѣсовъ.

—Милосердіе мое съ тобою, милосердіе мое съ тобою, дитя мое!

И было мнѣ такъ, какъ будто мать гладила

меня по волосамъ, какъ будто сестра пѣла мнѣ пѣсню о родинѣ.

И когда я открылъ глаза, я увидѣлъ передъ собою женщину, и была она нагая и босая.

Ея груди были полны и утопали въ колосьяхъ, и голова ея была украшена плодами земли.

Въ рукахъ своихъ она держала вѣсы міра, и ноги ея вросли въ землю, и вся она походила на дерево. И подняла она свои руки—и были онѣ похожи на водяныя лиліи, и вѣтеръ развѣвалъ ея волосы—и напоминали они вѣтви вербы.

И слѣпа она была и шла, окутанная тѣнями ночи.

И это было, когда она приблизилась ко мнѣ. Я спряталъ свое лицо на поверхности земли и спросилъ: „Кто ты?“

Она мнѣ отвѣтила: „Я тотъ Богъ, котораго ты звалъ. Я мать вселенной, плодородіе, которое творитъ отъ безконечности до безконечности. Никто при исходѣ моемъ не предписалъ мнѣ закона, никто не поставилъ мнѣ границъ. Никто не знаетъ, когда я возникла, никто не знаетъ, когда наступитъ мой конецъ. Я творчество всего сущаго, и имя мое —„бытіе“. Молитву твою услышала я и пришла, потому что ты звалъ меня!“

И это было, когда она говорила со мною. И подулъ на меня вѣтеръ, и былъ въ его волнахъ запахъ весны, и были въ немъ влажность и нѣжность, и спустилась надо мной роса, какъ роса надъ полями, которая поднимается съ воды раньше, чѣмъ восходитъ солнце. И пахла она, какъ раннее весеннее утро въ лѣсу, какъ вода, льющаяся изъ каменистаго ключа, какъ поцѣлуй невѣсты въ брачную ночь. И было мнѣ, какъ будто обновленная кровь потекла въ моихъ жилахъ, и крѣпость наполнила мозгъ моихъ костей, и свѣтъ упалъ на глаза мои. Я раскрылъ глаза и увидѣлъ: земля далека и обширна, какъ просторъ неба, и корни всего растущаго погружены въ нее, и каждый цвѣточекъ и каждая былинка раскрываетъ ротикъ, чтобъ вдохнуть въ себя жизнь. И каждая

травка и каждый ростокъ сосетъ свой сокъ изъ земли. И прилетѣли птицы изъ всей страны и обнимались съ цвѣтами земли. И одинъ жилъ съ другимъ, а она мнѣ сказала:

„Къ другимъ богамъ обратились вы, а вашего Бога-Создателя вы не познаете. Что же такое человѣкъ, если не одно изъ моихъ твореній, которое черпаетъ жизнь свою изъ земли, изъ нея исходитъ и въ нее возвращается исполнивъ вѣкъ свой?

Развѣ онъ не братъ дереву? И развѣ не равенъ онъ былинкѣ въ полѣ, погрузившей свои корни въ землю?

А вы обратились къ небу, къ звѣздамъ вы подняли взоры свои, къ тому, что выше васъ и чуждо вамъ. Глаза твои плѣнялъ небесный свѣтъ, и сердце твое влекло то, что далеко отъ тебя.

Такъ говоритъ Богъ: небо,—небо для Бога, а землю,—землю далъ я людямъ.

А вы судили землю чуждымъ ей судомъ, вы устроили міръ мой по чуждой ему правдѣ.

Не справедливость небесъ есть земная справедливость, и не правда небесъ есть правда дѣтей земли.

И обратились вы къ чуждому Богу, къ Богу небесъ, къ Богу, который васъ не знаетъ и вашей молитвы не слышитъ.

И было такъ, что когда вамъ нуженъ былъ дождь, онъ посылалъ вамъ бурю. Добрымъ онъ дѣлалъ зло, а злымъ добро. Ибо не добро небесъ есть добро земли, и не зло небесъ есть зло земли. Вы пророчествовали отъ имени Бога неба, и ваши пророчества не осуществлялись, потому что они чужды были Богу земли и человѣку земли.

Они пророчествовали отъ имени небеснаго Бога. Тебя я возвожу въ пророки Бога земли!“

Услышавъ это, я обратился къ ней и сказалъ:

— Я еще молодъ, и никто меня не знаетъ, и никто не слыхалъ еще имени моего. И будетъ такъ: когда я приду къ братьямъ своимъ и буду говорить имъ отъ имени Бога, о Которомъ они до сихъ поръ не слыхали, они скажутъ: „ложь, ложь возвѣ-

щаетъ онъ! Если дѣйствительно правда, что Богъ явился ему, пусть онъ намъ покажетъ знаменіе, дабы мы увидѣли и увѣровали, какъ въ пророка Божія".

И послышался ея голосъ, и былъ звукъ его, какъ плескъ воды, и былъ запахъ его, какъ дыханіе цвѣтовъ:

—Не Богъ небесъ твой Богъ земли, не какъ пророки небесныхъ боговъ, пророкъ Бога земного.

Не сверхъестественное знаменіе есть знаменіе твоего Бога. Твое знаменіе—естественно.

Не миндаль, растущій на посохѣ въ рукѣ человѣка, есть знаменіе твоего Бога, а миндаль, растущій на вѣтви дерева, корень котораго вросъ въ землю.

Не то, что солнце заходитъ среди дня, есть знаменіе твоего Бога, а то, что солнце заходитъ каждый вечеръ и восходитъ каждое утро. То, что лѣтомъ грѣетъ солнце, а осенью льетъ дождь—вотъ знаменіе твоего Бога.

Потому что все, что сотворилъ Богъ, онъ сотворилъ для добра. Мое знаменіе есть: „Бытіе".

И было такъ, что, когда мой Богъ-Создатель кончилъ говорить, и поднялась съ полей роса, напоившая все цвѣтущее и растущее, тогда Бога, моего Бога окутали росистыя облака, притаившіяся въ углахъ земли.

И солнце выплыло, чтобъ освѣтить міръ, и земля проснулась для работы.

ПЕРЕВ. А. БРУМБЕРГЪ.

ИВАНЪ НОВИКОВЪ.

* * *

За закрытыми глазами
Пятна мягкія плывутъ—
Дѣвы съ длинными косами
Паутину жизни ткутъ.

Все плыветъ и увлекаетъ
Духъ, отдавшійся волнѣ,
Островъ радужный мелькаетъ
Въ полу-жизни, въ полу-снѣ.

Омывая, одѣвая
Легкой призрачной фатой,
Міръ нездѣшній оживляя,
Льется воздухъ надо мной.

Я забылся, я отдался...
Крѣпче смертный вѣки сжалъ...
Міръ надъ бездной колыхался,
Духъ надъ хаосомъ леталъ.

ИВАНЪ НОВИКОВЪ.

Про бабушку.

Перекрестила маленькихъ,
Уложила въ кроватку,—
Сама была въ валенкахъ,
Заткнула въ уши ватку.

Подошла къ столу бабушка,
Взяла ножъ перочинный,—
Отрѣзала себѣ калабушка
И долго жевала чинно.

Давно уже ей зѣвается,
А свѣтло—снѣгъ выпалъ,—
Падаетъ и таетъ... Куда дѣвается?
Опять всю землю засыпалъ...

Возились въ снѣгу проказники!
Морщатся старческія губки,—
Вотъ придутъ праздники—
Сшить бы имъ полушубки!

И себѣ бы кофточку грѣшницѣ:
По черному бѣлые горошки...
Встала и отнесла къ скворешницѣ
Разсыпавшіяся крошки.

Тикаютъ въ комнатѣ часики,
Сладко дремлютъ дѣтишки.
Весь раскинулся Васенька,—
Совсѣмъ какъ рисуютъ въ книжкѣ...

На правомъ боку Сереженька,—
Такъ его и просила...
Храни ихъ, добрый Боженька
И вся небесная сила!..

Утромъ споетъ имъ ладушки,
Погрѣться пуститъ на лежанку...
Въ праздникъ спечетъ оладушки,
Дастъ мятную жамку...

Вся жизнь бабушки въ маленькихъ,
Что спятъ въ кроваткѣ...
Такъ и легла въ валенкахъ
И не вынула ватки.

ИВАНЪ НОВИКОВЪ.

Часы.

Бьютъ часы!
Это въ кельѣ подземной
По предкамъ сѣдымъ
Панихиду
Свершаетъ печальный равви.
Молись же монахъ подъяремный
Кумирамъ твоимъ;
Покою могилъ не завидуй.
Живи!

Бьютъ часы!
Это въ колоколъ черный
Упрямый звонарь
Ударяетъ,
Сзываетъ снующихъ въ крови.
Кого-то усталыя норны
На мрачный алтарь,
Нить жизни прервавъ, возлагаютъ.
Живи!

Бьютъ часы!
Это свѣтлой фанфарой
Безсмертный Пророкъ
Кличетъ къ мести
Апостоловъ вѣчной любви.
Сразитъ онъ невѣдомой карой
Развратный чертогъ,
И путь уготовитъ Невѣстѣ...
Живи!

ЭРАЗМЪ ШТЕЙНЪ.

Въ склепѣ.

Вхожу, озираясь, неспѣшный, подъ своды стараго
склепа.
Тамъ, позади, ликуетъ весенній день.
Молчитъ погребальная сѣнь.
Прохлада и тѣнь
Ласково нѣжатъ усталое тѣло.
Здѣсь, подъ этими плитами, въ ихъ гробовой тишинѣ,
Въ никѣмъ не смущаемомъ снѣ
Почіетъ все то, къ чему я стремился такъ слѣпо,
Что когда-то призывно сверкало, а теперь на вѣкъ
онѣмѣло.
Вотъ изъ камня изваянный шлемъ, побѣдный, кры-
латый
Осѣнилъ гранитныя латы.
Подъ этимъ надгробіемъ смолкли о славѣ мечты.
Это ты,
Тысячъ привѣтственный гулъ,
Что вскипаешь, какъ мѣдные зовы роговъ, гулкое
эхо тревожа,
Тихо уснулъ
Въ глубинѣ могильнаго ложа.
Женскій рыдающій образъ поникъ надъ урной
разбитой.
Крылья надломлены, долу опущены взоры.
Слезы твои, струясь на холодныя плиты,
Выжгли на нихъ нѣмые узоры.
Тѣнью безумной и свѣтлой ты прошла земныя сту-
пени,
Покорна невѣдомой волѣ,—
Огонь, сплетенный изъ страсти и боли.
Тебѣ, незабвенный прахъ, молюсь, преклоняя колѣни.
Дальше и дальше. И тѣсной толпой обступаютъ
меня саркофаги.
Въ нихъ застыли навѣкъ волновавшія юность вол-
шебныя саги,
Все, чѣмъ душа трепетала,
Билась, пылала

Долгіе годы.
Сказки о Богѣ, о цѣли святой бытія, пѣсни свободы,—
Васъ всѣхъ сокрыли тѣсные своды,
Всѣхъ зацвѣтающей, ласковой сонью одѣли они.
Тихо склоняюсь на камни.
Васъ не вернуть никогда мнѣ.
Шопотъ послѣдній шепчетъ: усни.

СЕРГѢЙ КРЕЧЕТОВЪ.

Финская колыбельная пѣсня.

НИНИКЪ.

Спи, моя дѣточка, глазки свои закрывая,
Спи, моя дѣточка, птичка моя полевая,
Свѣтлоголовка, усни, хорошо тебѣ будетъ,
Спи, моя дѣвочка, Богъ тебя завтра разбудитъ.

Птичкѣ своей Онъ навѣетъ воздушныя грезы,
Сплелъ колыбель ей онъ нѣжно изъ листьевъ березы,
Сонъ наклонился съ дремотой, и шепчетъ сквозь вѣтку:
Есть ли здѣсь дѣточка? Я убаюкаю дѣтку.

Спитъ ли здѣсь дѣточка въ мягкой своей колыбелькѣ?
Славно ли дѣточкѣ въ теплой уютной постелькѣ?
Спи, моя дѣвочка, глазки свои закрывая,
Спи, моя дѣточка, птичка моя полевая.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

* * *

Прошлой ночью у рѣки,
Притаясь за ивой,
Тамъ гдѣ дремлютъ челноки
На волнѣ игривой,

Я подслушалъ голосовъ
Шопотъ еле внятный,
Я запомнилъ нѣжныхъ словъ
Говоръ непонятный;

И весь міръ кругомъ со мной,
Затаивъ дыханье,
Принималъ въ тиши ночной
Странное признанье...

Если хочешь, у рѣки,
Передъ грустной ивой,
Тамъ, гдѣ дремлютъ челноки
На волнѣ игривой,

Повторю я предъ тобой
Шопотъ рѣчи нѣжной...
Будетъ мнѣ внимать прибой
На травѣ прибрежной;

Будетъ мнѣ весь міръ внимать,
Будетъ сердце биться...
Поспѣшимъ... Давно ужъ мать
Ищетъ и бранится.

Что насъ ждетъ, я знаю самъ...
Грозно смотрятъ свѣчи...
Попадетъ, ужотка, намъ
За чужія рѣчи...

СЕРГѢЙ РАФАЛОВИЧЪ.

Новая пѣсня.

Друзья! Оставимъ перепѣвы
Другими сложенныхъ молитвъ;
Внимаютъ намъ иныя дѣвы,
Иной посѣвъ ждетъ новыхъ жнитвъ.

Всю прелесть счастья и печали,
Всю нѣгу страстную земли,
До насъ воспѣли и объяли,
И къ тайнѣ новой подошли.

Но, прежней чуждая надеждѣ,
Она не вдаль, а вглубь ушла;
И пѣсня въ праздничной одеждѣ
Сойти къ ней въ бездну не могла.

Должна быть наша пѣснь иная:
Таинственна, какъ мракъ и мгла,
Тиха, какъ тишина ночная,
Тревожна, смутна, тяжела.

Мы словъ иныя сочетанья,
Слова иныя создадимъ;
И тайны новой очертанья
Въ прозрѣньи чуткомъ прослѣдимъ.

Мы не чуждаться жизни будемъ,
Дверей ревниво не запремъ,
Но то, что спитъ въ душѣ, пробудимъ,
И съ новымъ старое сольемъ.

Не отъ былого ждать отвѣта...
Но вотъ, по разнымъ сторонамъ
Лучи тревожные разсвѣта
Сквозь мглу блеснутъ навстрѣчу намъ...

СЕРГѢЙ РАФАЛОВИЧЪ.

Сонъ.

ИЗЪ ГАБРІЭЛЕ Д'АННУНЦІО.

Я не слышу шаговъ своихъ въ тихой аллеѣ,
По которой безшумно ведетъ меня Сонъ.
Міръ сіяньемъ одѣтъ, міръ въ покой погруженъ,
А на небѣ мерцаніе звѣздъ все свѣтлѣе.
Кипарисы, возвысивши къ небу вершины,
Неподвижно, безмолвно стоятъ, всѣ въ тѣни;
И печальны они, и печальнѣй они
Кипарисовъ гробницъ среди мертвой долины.
А кругомъ незнакомая мѣстность, глухая,
Окруженная чарами тайны нѣмой;
И невольно разсудокъ теряется мой,
По невѣрной, неясной дорогѣ блуждая.
Я не слышу шаговъ своихъ. Легкою тѣнью
Я скольжу; моя скорбь—мимолетная тѣнь;
И вся жизнь моя—тоже лишь смутная тѣнь
Безъ названья, послушная только мгновенью.

НИК. АЛЯБЬЕВЪ.

* * *

Изъ вашихъ глазъ я скроюсь вскорѣ
На перепутьи, у рѣки,
Чтобъ вновь взойти на косогорѣ,
Гдѣ ивы стройны и легки.

И будетъ обликъ мой безпеченъ,
И воздухъ счастьемъ напоенъ,
А косогоръ, кругомъ расцвѣченъ,
Заблещетъ красками, какъ сонъ.

Я приглядѣлся къ вашимъ лицамъ,
Прислушался къ нѣмымъ словамъ...
А тамъ я буду близокъ птицамъ
И лугъ усѣявшимъ цвѣтамъ.

Меня слова и лица мучатъ,
Я становлюсь упрямъ, жестокъ,
Они жъ любить меня научатъ
И быть, какъ птица, какъ цвѣтокъ.

Тѣнь серебристыхъ ивъ привѣтитъ
Меня въ бездушно-жгучій зной,
И взоръ мой многое отмѣтитъ,
Слѣдя за тонкою листвой.

Все, что мнѣ больно, позабуду,
И будетъ сладокъ мой покой...
И весь уйду навстрѣчу чуду
На косогорѣ, надъ рѣкой.

АЛЕКСАНДРЪ КОЙРАНСКІЙ.

Сонетъ.

Моя душа—молитва къ небесамъ.
Моя душа—невинная, простая.
Но я не такова. Я ей чужая,
Люблю я жизнь, и пестроту, и гамъ.

Моя душа—на возвышеньи храмъ.
Кто разъ вошелъ, уйдетъ благословляя,
Но я живу внѣ храма. Я земная,
Сестра каменьямъ, травамъ и звѣрямъ.

Придетъ ли ночь,—я жажду поцѣлуя,
Я вся дрожу, когда раздастся Зовъ,
Межъ тѣмъ душа моихъ чужда оковъ,
Живетъ вдали, грустя и торжествуя...

Кто правъ—богъ вѣсть, но я не уступлю,
Я прахъ боготворю, я кровь люблю...

Л. ВИЛЬКИНА.

Дорога.

ВАСИЛЯ СТЕФАНИКА.

— Я пойду, мать, я пойду.

— Не ходи, сынъ, не ходи...

Онъ пошелъ—и легла дорога передъ нимъ далекая, неясная.

Миновалъ новыя ворота и бѣлыя окна.

Онъ любилъ свою дорогу и никогда бы не свернулъ съ нея.

Днемъ была она безбрежная, какъ лучи солнца, а ночью звѣзды дремали надъ ней.

Цвѣла земля и улыбалась ему каждымъ цвѣткомъ. Онъ рвалъ цвѣты и убиралъ ими свои пышные волосы.

Каждый цвѣтокъ бросалъ ему жемчуга подъ ноги.

Веселые глаза, а лобъ свѣтлый, чистый, какъ лѣсной ручей.

И онъ повстрѣчалъ людей.

По колѣни увязая въ землѣ, они падали и вскакивали въ великомъ множествѣ.

Черной рукой стирали потъ со лба, и съ силой брались за землю.

Изнеможеніе валило ихъ, они душили подъ собой собственныхъ дѣтей и рыдали отъ боли.

Поднимались и опять падали.

А ночь бросала ихъ въ сонъ, какъ камни, одного возлѣ другого, обращенныхъ къ небу страшными лицами, будто море головъ къ морю звѣздъ.

Стонала земля отъ стука ихъ сердецъ, а вѣтеръ бѣжалъ отъ нихъ за горы.

Онъ читалъ въ этихъ лицахъ; вычиталъ въ нихъ великую боевую пѣснь.

Съ ихъ губъ онъ взялъ слова, со лба принялъ мысль, изъ сердца высосалъ чувства.

А когда, покрытое кровью, родилось солнце и коснулось поцѣлуемъ ихъ глазъ,—тогда началась пѣсня въ его сердцѣ.

Распѣлась въ его душѣ, какъ буря, расколыхалась, какъ слова матери.

И сталъ онъ гордымъ и сильнымъ. Вѣтеръ нагибалъ къ нему каждый цвѣтокъ.

Онъ шелъ своей дорогой дальше.

Онъ миновалъ ворота, миновалъ бѣлыя окна.

И снова увидѣлъ людей.

Стояли рядами. Передъ ними колосистое море золота, за ними дѣти въ тѣни суповъ.

Ихъ жегъ огонь. Лежало желѣзо въ ихъ рукахъ.

Поблѣднѣвшія пустыни небесъ бездушно висѣли надъ ними.

Всѣ были одѣты въ бѣломъ, какъ въ Свѣтлую ночь.

Но нагибались снопы надъ дѣтьми, и зной въѣдался въ ихъ бѣлесыя головки.

А они снова вснзались въ желтыя поля.

Онъ вычиталъ въ нихъ отчаяніе и безсиліе.

На ихъ лбахъ ложились борозды одна за другой. Уста высыхали, блѣднѣли. Желчь заливала сердца.

И пѣсня его души погоркла, какъ испорченное зерно.

Помутнѣлъ взоръ, свѣтлый лобъ былъ теменъ, какъ колодецъ при спаленной дорогѣ.

Его сила и гордость упали на каменистую почву.

Обезсилѣлъ.

И летѣлъ дорогой, какъ птица, что не чувствуетъ своихъ крыльевъ.

На молодой нивѣ подъ яснымъ облакомъ явилась его любовь. Упивалась земля ея бѣлыми слѣдами.

Онъ протянулъ къ ней руки, какъ больной ребенокъ.

—Приди!

—Не могу; ты—отрава.

Задохнулся, а когда вдохнулъ въ себя свое слово, положилъ обломки на черную ниву и поплелся дальше.

Онъ шелъ, какъ тѣнь трухляваго дуба при закатѣ солнца.

А путь былъ ему теменъ, какъ чужому молодому калѣкѣ.

Вотъ однажды онъ встрѣтилъ могилу матери.

Съ сухими глазами застоналъ и упалъ.

Онъ уткнулся лицомъ въ могилу и просилъ мать, чтобы позвала она его дѣтскимъ именемъ.

Пусть она скажетъ одно маленькое слово.

Онъ просилъ долго.

Потомъ коснулся лицомъ креста и почувствовалъ холодъ.

Вздрогнулъ, поцѣловалъ могилу матери и молодую яблоню, и пошелъ дальше чужой и одинокій.

Даруй мнѣ, Боже, конецъ моей дороги,—я долженъ бездольный по ней идти.

И съ могилы на могилу онъ перескакивалъ, какъ осенью сухіе цвѣты.

И прошелъ онъ сто могилъ, а сто первая была его собственной.

Онъ прижался къ ней, какъ къ груди матери.

ПЕРЕВ. С. Р.

Озеро.

Какъ синь голубиныхъ очей,
Какъ око безлунныхъ ночей,
Какъ сердце кипучихъ ключей,
Какъ омуты лунныхъ лучей,
Какъ стволъ негасимыхъ свѣчей,
Какъ пламя небесныхъ мечей,
Какъ смыслъ голубиныхъ рѣчей—
Такое глубокое озеро.
Какъ дали беззвѣздныхъ полянъ,
Какъ дальній вечерній туманъ,
Какъ цвѣтъ вечерѣющихъ ранъ,
Какъ на морѣ синій буянъ,
Какъ звѣзднаго неба курганъ,
Какъ тучъ неразвѣянныхъ станъ,
Какъ самъ голубой океанъ,—
Такое широкое озеро.

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.

Супъ и облака.

Ш. Бодлера.

Моя маленькая сумасбродная возлюбленная подала мнѣ обѣдъ, а я слѣдилъ въ открытое окно столовой за плывучими чертогами, воздвигаемыми Господомъ-Богомъ изъ паровъ, за этими дивными сооруженіями изъ неосязаемаго. И созерцая, думалъ:—„Всѣ эти фантастическія призрачныя красоты могутъ сравниться только съ глазами моей прекрасной возлюбленной, этой маленькой сумасбродки, этого милаго зеленоглазаго чудовища.“

Но тутъ я получилъ размашистый ударъ кулакомъ въ спину и услышалъ хрипловатый, плѣнительный для меня голосъ—голосъ истерическій и какъ бы осипшій отъ водки, голосъ моей милой маленькой возлюбленной: —„Да скоро ли ты кончишь супъ, чортъ бы тебя побралъ, зѣвака эдакій! звѣздочетъ!“

На камнѣ.

Въ мерцаньи послѣднихъ рубиновъ
Сгорающихъ тучекъ кольцо.
Лежу я на камнѣ, закинувъ
Къ вечернему небу лицо.

И небо очамъ раскрываетъ
Хрустальные сны на-яву,
И шорохъ вѣтвей набѣгаетъ,
И въ шорохѣ этомъ плыву...

Воздушно плыву въ безызмѣрность,
Сквозь трепетъ расширенныхъ вѣждъ,

И снова прощаю невѣрность
Моихъ отзвенѣвшихъ надеждъ.

Я сердце, уставшее рано,
Несу въ голубые сады,
Омывъ его пѣной тумана
И блескомъ вечерней звѣзды.

М. ПОЖАРОВА.

* * *

Въ жаркій полдень обвалилась
Насыпь берега крутая.
Подъ кустами дикой розы
Кости мертвыя открыты.
Видно—реберъ сѣть сухая,
Дыры глазъ землей забиты...
Подлѣ верба наклонилась,
Дремлютъ тощія ракиты,
Вьются синія стрекозы.

Тихій берегъ равнодушенъ.
Вотъ на черепъ пожелтѣлый
Сѣла бабочка и дышетъ.
Льются жаворонки звонко.
Воздухъ зноенъ, воздухъ душенъ.
Небеса яснѣютъ тонко,
Небеса земли не слышатъ.

БОРИСЪ САДОВСКОЙ.

ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ.

Жатва.

Она идетъ по рыжимъ полямъ;
Въ рукахъ ея серпъ.
У нея на челѣ багряный шрамъ—
Царскій гербъ.
Мѣрно ступаютъ босыя ноги,—
Тихо и мѣрно,
По межѣ, по узкой дорогѣ,
Но вѣрной.

Она идетъ по рыжимъ полямъ.
Сиѣется.
Увидитъ ее василекъ—улыбнется,

Нагнется.
Придетъ она и къ намъ—
Веселая.
Навѣститъ наши храмы и села.
На червленой дорогѣ
Шуршатъ-шепчутъ ей травы.
И виновный и правый
Нищей царицѣ—въ ноги.
Наточимъ острыхъ косъ мы,
Скосимъ золотые стебли—
Овесъ ли, хлѣбъ ли:
Любо намъ, яро!
А царицыны красныя космы
Горятъ огнемъ-пожаромъ.

Отдадимъ мы царицѣ покосъ,
Пусть пьянѣетъ душистымъ сѣномъ;
И до утреннихъ росъ,
Утомимъ ее радостнымъ плѣномъ.

ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ.

* * *

Мы съ тобой прощались въ полѣ,
Убѣгала вдаль дорога...
Было молодо на волѣ,
Въ сердцѣ было много, много...

И, цѣлуя все сильнѣе,
Небосвода богъ лучистый
Надъ головкою твоею
Сплелъ вѣночекъ золотистый...

Долго голосъ твой, какъ арфа,
Пѣлъ надъ полемъ, замирая,—
Долго вились взмахи шарфа
Межъ колосьевъ исчезая...

Долго вслѣдъ смотрѣлъ тебѣ я,
Обернешься, взглянешь,—чаялъ,

Но твой станъ, вдали блѣднѣя,
Словно облачко, растаялъ...

Все вокругъ вдругъ тускло стало...
Плыли думы... стало жутко...
„Уходила... забывала,—
Можетъ быть, все только шутка?..“

Шелъ дорогой... Вдругъ, какъ эхо,
Легкій шелестъ за спиною...
Ты... Въ глазахъ зарницы смѣха...
Незамѣтно шла за мною...

Сердце снова встрепенулось...
Не разстаться,—такъ и чуемъ...
Шепчутъ губки:—„Я вернулась—
За послѣднимъ поцѣлуемъ“...

Снова счастье... Нѣтъ сомнѣній,
Нѣтъ слѣда недавней боли...
Долго въ этотъ день весенній
Мы съ тобой прощались въ полѣ...

МИХАИЛЪ ГАЛЬПЕРИНЪ.

Триолеты.

Прошли безумья пьяныхъ весенъ,
Минули дни случайныхъ встрѣчъ.
И сквозь темнѣющую просинь—
Прошли безумья пьяныхъ весенъ—
Кроваво-мертвенная осень
Возноситъ заостренный мечъ.
Прошли безумья пьяныхъ весенъ,
Минули дни случайныхъ встрѣчъ.

Метель поетъ привѣтъ прощальный
Среди чернѣющихъ вѣтвей.
Встрѣчая пѣсней погребальной,
Метель поетъ привѣтъ прощальный,

И слышенъ мѣрный и печальный
Далекій благовѣстъ церквей.
Метель поетъ привѣтъ прошальный
Среди чернѣющихъ вѣтвей.
Я, узникъ каждой новой встрѣчи,
Забылъ просторъ родныхъ степей.
Склоняя скованныя плечи,
Я, узникъ каждой новой встрѣчи,
Ловлю мелькающія рѣчи
Подъ мѣрный звонъ моихъ цѣпей.
Я, узникъ каждой новой встрѣчи,
Забылъ просторъ родныхъ степей.
Стою закованный, безвольный,
Впивая ядъ мгновенныхъ словъ;
Съ печалью тихой и безбольной
Стою закованный, безвольный,
И слышу дальней колокольни
Тяжелый звонъ колоколовъ.
Стою закованный, безвольный,
Впивая ядъ мгновенныхъ словъ.
Смотрю за тонкую рѣшетку
Съ глухой покорностью раба.
Судьба мгновенья дѣлитъ четко...
Смотрю за тонкую рѣшетку.
Свершайся радостно и кротко
Судьбы владычной ворожба.
Смотрю за тонкую рѣшетку
Съ глухой покорностью раба.

ALEXANDER.

Лабиринтъ.

I.

Однѣ и тѣ же мысли вѣчно
Въ туманно-огненномъ мозгу.
Я въ лабиринтѣ безконечномъ
Найти дороги не могу.

Я—истомленный, я—смятенный
Всегда, какъ въ огненномъ бреду.
Я, нѣкто, къ Тайнѣ схороненной
На подвигъ дерзостный иду.

Я тѣшусь бѣшеной игрою—
Всегда во тьмѣ. Одинъ всегда.
Ползу, кричу, проходы рою...
Недвиженъ мракъ. Бѣгутъ года.

II.

Я ползъ по склонамъ горъ упорныхъ
Разбитъ, истерзанъ, обнаженъ.
Въ веригахъ думъ угрюмо-черныхъ,
Молчаньемъ гулкимъ окруженъ.

Срывался, падалъ, вновь взбирался,
Мечту надменную храня.
И въ тяжкихъ мукахъ извивался
Тоскуя, злобствуя, стеня.

Ползу къ вершинамъ, изступленный,
Слабѣю въ дерзостной борьбѣ.
Но—вѣчно въ путь завороженный
Навстрѣчу яростной судьбѣ!

Е. ЯНТАРЕВЪ.

* * *

Куда ведутъ мои дороги?
Ужъ близко грань, за нею мракъ,
И жизни траурныя дроги
Плетутся, замедляя шагъ.

За ними тащутся уныло
Толпою призраки... Куда?
Вокругъ все мертво, все застыло,
Весны не будетъ никогда.

Ахъ, эти рытвины такъ тряски,
Въ гробу такъ тѣсно и темно,

И надо мной хохочутъ маски,
И мнѣ подняться не дано.

Я ихъ призвалъ. Зачѣмъ? Не знаю.
Онѣ пришли и не уйдутъ.
И вотъ, къ невѣдомому раю
Теперь, смѣясь, меня везутъ.

И дроги тащутся лѣниво...
Я молча жду; беззвѣздна твердь,
Толпятся маски хлопотливо
И посреди хохочетъ Смерть.

Б. ДИСКЪ.

* * *

ИЗЪ П. ВЕРЛЭНА.

И мѣсяцъ бѣлый
Въ лѣсу горитъ,
И зовъ несмѣлый
Съ вѣтвей летитъ,
Насъ достигая...

О, дорогая!

Тамъ прудъ сверкаетъ—
(Зеркальность водъ!)
Онъ отражаетъ
Весь хороводъ
Кустовъ прибрежныхъ...

Часъ сказокъ нѣжныхъ.

Глубокій, полный
Покой и миръ
Струитъ, какъ волны,
Къ землѣ—эѳиръ,
Весь огнецвѣтный...

О, мигъ завѣтный!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ.

Вечерняя молитва.

Возлѣ плетня у распутья
Всталъ опечаленный серпъ.
Тронулъ, серебряный, прутья
Тонкихъ задумчивыхъ вербъ.

Пахнетъ озимою рожью,
Свѣжей землей у плетня.
Пѣсню вечернюю, божью
Вѣтеръ донесъ до меня...

Дальній напѣвъ колоколенъ
Тонетъ въ молчаньи земли.
„Боже, ты видишь,—я боленъ...
Жажду мою утоли!

Чудо яви предо мною,
Въ душу забвенье пролей...
Стану я птицей лѣсною,
Травкой вечернихъ полей"...

Пала роса на дорогу.
Мѣсяцъ ушелъ за плетень.
Благовѣстъ молится Богу
Въ тихой глуши деревень.

ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ.

Средь мертвыхъ мертвая.

ПАМЯТИ СЕСТРЫ.

Протяжно воетъ вѣтеръ за окномъ.
Я въ комнатѣ за вѣрными стѣнами.
Тамъ впереди пушистыми волнами
Слетаетъ снѣгъ съ Невы, сомкнутой льдомъ.

Мигаютъ фонари. Какъ серебромъ
Панель сверкаетъ скользкая. Часами
Внимаю вѣтру. Знаю: тамъ, полями,
Онъ стономъ стонетъ въ сумракѣ ночномъ.

На кладбищѣ теперь ты спишь, нѣмая,
Лежишь средь мертвыхъ мертвая одна
Подъ мерзлою землею. Здѣсь, у окна,
Какъ ты въ гробу, я сплю душой, живая.

Одна ль грущу, съ другими ль жизнь дѣлю,
Всегда средь мертвыхъ мертвая я сплю.

Л. ВИЛЬКИНА.

Ночью, въ тишинѣ...

Отдаваясь этой вѣщей, говорящей тишинѣ,
Поздней ночью, мирной ночью, цѣпенѣю въ полуснѣ.
Неустанны, непрерывны и загадочно-призывны,
Волны трепетныхъ минутъ
Въ вѣчность медленно плывутъ...
Чутко слушаю я ночью, въ неподвижномъ полуснѣ,
Какъ трепещутъ крылья смерти, приближаяся ко мнѣ.
Какъ крыло не затихая, ткани жизни разрывая,
Мѣрно бьется о крыло...
Внятный сердцу отзвукъ рая затаила ночь нѣмая
И во мглѣ ея—свѣтло!

М. ПОЖАРОВА.

Черезъ столѣтія столѣтій.

Камень. Бронза. Желѣзо. Холодная сталь.
Утро. Полдень звенящій. Закатность. Печаль.

Солнце. Пьяные Солнцемъ. Ихъ спутанный фронтъ.
Камнемъ первый поверженъ былъ ницъ мастодонтъ.

Солнце. Воины Солнца и дѣти Луны.
Бронза въ бронзу. И смерть. И восторгъ тишины.

Солнце. Ржавчина Солнца. Убить и убить.
Воду ржавую пьютъ, и еще будутъ пить.

Солнце тонетъ въ крови. Мглой окована даль.
Камень былъ. Бронзы нѣтъ. Есть желѣзо и сталь.

Сталь поетъ. Умъ, узнавъ, неспособенъ забыть.
Воду мертвую пьютъ, и еще будутъ пить.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Мелодія.

На утренней звѣздѣ
У травъ мы тихо вопрошали:
Скажите, травы, гдѣ
Пророкъ безъ гнѣва и печали?
Былъ день завѣтный недалекъ,
Мы пѣвчихъ птицъ спросили въ рощѣ:
Скажите, гдѣ пророкъ,
Пророкъ веселый, полный мощи?

Былъ солнца зной невыносимъ,
Спросили мы у дѣвъ стыдливыхъ,
Не встрѣтился ли имъ
Пророкъ любви, пророкъ счастливыхъ?

Но, шелестя у нашихъ ногъ,
Дремали травы безъ тревогъ,
Но пѣсни птицъ не умолкали,
И мы отвѣта не слыхали.
Смѣялись дочери земли;
Онѣ купаться къ морю шли...

ЛЕОНИДЪ СЕМЕНОВЪ.

Эпилогъ.

ИЗЪ Ж. РОДЕНБАХА.

Это осень, и дождь, и конецъ увяданья!
Умираютъ мечты. И послѣдній порывъ—
Передаться другимъ, свою душу открывъ,
И себя пережить въ вѣковѣчномъ созданьи,—

Умираетъ и онъ! Смерть и этой мечтѣ,
Безнадежно пустой, какъ и всѣ остальныя!
На губахъ замираютъ молитвы нѣмыя,
И послѣдній апостолъ умретъ въ темнотѣ...

Что мнѣ славы вѣнки! дорожилъ ли я ими!
Жалко грезы увядшей, послѣдней, одной,
О которой въ часъ смерти жалѣешь душой:
„Не исчезнуть бы, сердцемъ остаться съ другими“...

Поздно! смятъ мой цвѣтокъ, осыпается онъ,
Скоро будетъ онъ сорванъ рукой незнакомой!
Надвигается ночь—я охваченъ истомой—
Слабо движется кровь—къ сердцу крадется сонъ...

И. И. ТХОРЖЕВСКІЙ.

Предчувствіе.

ИЗЪ А. ЖИРО.

Съ душой своей медлительно-печальной
Я встрѣтился въ вечерней свѣтлой мглѣ.
Широкій плащъ, волнуясь по землѣ,
На ней темнѣлъ одеждой погребальной.

Она стояла, въ путь готовясь дальній,
И смерть моя цвѣла у ней въ рукѣ.
Бѣлѣя, песъ виднѣлся вдалекѣ,
И тихій вой звучалъ, какъ плачъ прощальный.

Я звалъ ее. Она же, блѣдный взоръ
Въ меня вперивъ, меня не узнавала.

И прежде чѣмъ уйти въ ночной просторъ,
Движеньемъ соннымъ складки покрывала
Раздвинула, безстрастна и чиста,
И сотворила знаменье креста.

Л. ВИЛЬКИНА.

Путники.

Вѣтви печальны и голы
У придорожныхъ ракитъ,
Дремлютъ безлюдные долы,
Нить телеграфа гудитъ.
Странники голову клонятъ
Въ горькомъ раздумьи на грудь.
Тягостенъ, сердцемъ не понятъ,
Сѣръ и безцѣленъ ихъ путь.
Пеплы погасшихъ пожарищъ
Хмуро глядятъ впереди.
Если ты чутокъ, товарищъ,
Ухомъ къ землѣ припади.
Тихо раздвинь ты руками
Градомъ побитую рожь.
Слышишь, глубоко подъ нами,
Тамъ, затаенную дрожь?
Слышишь, растетъ все напѣвнѣй
Дальній вскипающій гулъ.
Или ты думалъ, что древній
Витязь навѣки уснулъ?
Жалкимъ ли карлика чарамъ
Скрытъ первозданный огонь?
Пламя взметнется пожаромъ,
Прянетъ, какъ бѣшеный конь.
Пусть очертанія пожарищъ
Хмурятся въ утренней мглѣ.
Слушай, о слушай, товарищъ,
Ухомъ приникни къ землѣ.

СЕРГѢЙ КРЕЧЕТОВЪ.

ИВАНЪ РУКАВИШНИКОВЪ.

Сестры.

Она стояла вся въ сіяніи.
Кругомъ, какъ море, темь и мгла.
Простерлись руки въ ожиданіи.
Она ихъ видѣть не могла.
То были руки человѣчества.
Ей все равно. Ей все равно.
Она безъ вѣры, безъ отечества.
И ей здѣсь скучно и темно.
Ихъ двѣ пришло по кличу божію.
Но та незрима для людей.
По ихъ грѣху, по ихъ безбожію,
За то, что разумъ нашъ злодѣй;
За то, что въ душахъ нѣтъ безсмертнаго.
И долго дочери безсмертнаго
Стояли рядомъ въ вышинѣ.

И горько плакала незримая.
А всѣми зримая, любимая
Молчала гордо въ гордомъ снѣ;
Закрывши очи, усмѣхалась
И не боялась
Очей Безсмертнаго.

ИВАНЪ РУКАВИШНИКОВЪ.

* * *

Завершается столѣтіе
Богоборства моего,
Мнѣ пропѣли многолѣтіе
Богъ и ангелы его.

Что мнѣ дѣлать съ вѣчной славой?
И кому мнѣ жизнь продать?
Позабавимся, Лукавый!
Хочешь храмъ мой раскидать?

Скатимъ камни, громъ таящіе,
Скатимъ камни съ вышины.
Эй! ловите, люди спящіе!
Люди мертвой стороны!

За столѣтіемъ столѣтіе
Камни храма моего
Будутъ пѣть мнѣ многолѣтіе...
Гдѣ былъ храмъ, тамъ—ничего.

Что мнѣ дѣлать съ божьей славой?
Божій храмъ... Что дѣлать съ нимъ?
Храмъ разрушимъ, бѣсъ лукавый!
Славу людямъ продадимъ.

ИВАНЪ РУКАВИШНИКОВЪ.

* * *

Быть можетъ, міръ прекраснѣй былъ когда-то,
Быть можетъ, мы отвержены судьбой.
Въ одно, доузья, въ одно я вѣрю свято,
Что каждый вѣкъ быть долженъ самъ собой.

Нѣтъ, за свою печаль, свою тревогу
Я не возьму блаженства прошлыхъ дней.
Мы, отрицая, также служимъ богу,
Какъ наши предки—вѣрою своей.

Пускай мы пьемъ изъ ядовитой чаши.
Но если Богъ поставилъ міру цѣль,
Безъ насъ ей не свершиться. Скорби наши—
Грядущихъ ликованій колыбель.

Мои сомнѣнья созданы не мною,
Моя печаль скрывается въ вѣкахъ.
Знать, вѣра предковъ родилась больною
И умереть должна у насъ въ сердцахъ.

Изъ рукъ судьбы свой крестъ беру смиренно,
Сомнѣній ядъ хочу испить до дна.
Лишь то, чѣмъ мы живемъ, для насъ священно—
И пусть придутъ иныя времена!

Н. М. МИНСКІЙ.

* * *

Закачались надъ волнами темныя шхуны,
Ускользаютъ въ зеленый туманъ...
Паруса натянулись какъ арфа—и струны
Зазвенѣли—и смолкъ океанъ.

Только вѣтеръ сырой, только вѣтеръ лѣнивый
Чуть вздыхаетъ отъ нѣжной тоски...
Да бѣгутъ торопливо глухіе приливы
Разливать зеркала на пески.

АЛЕКСАНДРЪ БИСКЪ.

Осень.

Въ тишинѣ измокшихъ сосенъ,
Шитыхъ золотомъ березъ,
Тихо бродитъ вѣдьма Осень,
Треплетъ прядями волосъ.
Погрозила мнѣ рукою,
Замахнулась костылемъ,
Притворилась злою, злою,
Прошептала: Всѣ умремъ.

ПОТЕМКИНЪ.

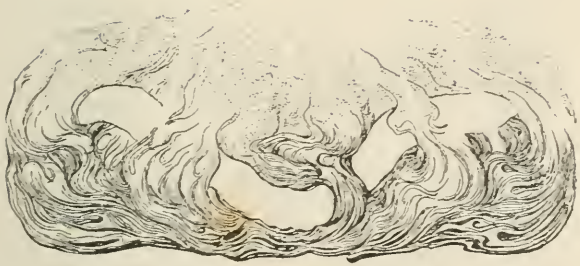
* * *

Путь мой трудный, путь мой длинный,
Я одинъ въ странѣ пустынной...
Но услады есть въ пути,—
Улыбаюсь, забавляюсь.
Самъ собою вдохновляюсь,
И не скучно мнѣ идти.

Широки мои поляны,
И бѣлы мои туманы,
И свѣтла луна моя,
И поетъ мнѣ вѣтеръ вольный
Рѣчью буйной, безглагольной
Про блаженство бытія.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

Оглавленіе.



Русскіе авторы.

Alexander (А. Брюсовъ).
Вечернихъ, темныхъ ивъ 514
Огненный отблескъ заката 513
Тріолеты 549
Андреевъ Н.
Дѣва-жажда 91
Ардовъ Т.
Цвѣты 252
Ауслендеръ Сергѣй.
Бастилія взята 497
Балтрушайтисъ Юргисъ.
Кочевники 153
Ноктюрнъ 154
Бальмонтъ К. Д.
Братъ и сестра 445
Гимнъ огню 1
Городъ 160
Два шестикрылыхъ 12
Живая вода 69
Лунное безмолвіе 139
Майя 21
Народныя повѣрья 190
— Опять 348
Осень 45
По блѣдной долинѣ 18
Пустыня 123
Разсвѣтъ 27
Славянское древо 155
Финская колыбельная пѣсня 537
Чахлыя сосны 149
Черезъ столѣтія столѣтій 555
Четъ и нечетъ 481
Бискъ Александръ.
Закачались надъ волнами 561

Блокъ Александръ.
Воспоминаніе 25
Второе крещенье 142
Городъ въ красные предѣлы 27
Крылья 321
Люблю тебя, Ангелъ-хранитель 94
Молитва 280
Мы встрѣчались 46
Осеннія пляски 99
Осенняя любовь 151
Полюби эту вѣчность болотъ 26
Послѣдній день 9
Прискакала дикой степью 245
Свѣтлый сонъ 73
Снѣжная Дѣва 15
Умолкаетъ свѣтлый вѣтеръ 111
Царица смотрѣла заставки 68
Брюсовъ Валерій.
Въ дни запустѣній 36
Грядущіе гунны 159
Изъ „Вечеровыхъ пѣсенъ“ (Помню вечеръ) 28
Изъ „Вечеровыхъ пѣсенъ“ (День обезсилѣлъ) . . 216
Изъ поэмы „Замкнутые“ 8
Искатель 5
Искушеніе 81
Крысоловъ 83
Ликорнъ 7
Парижъ 306
По улицамъ узкимъ 418
Поэту 132
У земли 17
Усталость 122
Хвала человѣку 124
Бунинъ Иванъ.
Жизнь 486
Ленъ 424
Надпись на чашѣ 46
Сбвалъ 322
Одинъ 304
Петровъ день 59
Пугало 376
Бѣлый Андрей.
Битва 152
Весна 127
Весна 476
Въ полѣ 96
Закаты 174
Золотое руно 97
Каторжникъ 33
Маскарадъ 132
Обручальное кольцо 119

Одинъ, одинъ средь горъ 422
Отрывки изъ „Сѣверной симфоніи“ 37
Поэту 13
Тоска 214
Верховскій Юрій.
Напѣвы Фета 493
Тѣни 207
Элегическая сюита 204
В. С. (G. B.).
Я твоя 234
Вилькина Л.
Сонетъ 541
Средь мертвыхъ мертвая 554
Страданія 194
Волошинъ Максимиліанъ.
Быть черною землей 89
На башнѣ 90
Священныхъ странъ вечерніе экстазы 16
Тѣсенъ мой міръ 400
Я вся—тона жемчужной акварели 494
Гальперинъ Михаилъ.
Мы съ тобой прощались 548
Огоньки 347
Герцыкъ Аделаида.
Къ утру родилось 232
Млѣютъ сосны красныя 53
Поля мои, снопы мои 76
Гиппіусъ З.
Все кругомъ 80
Въ голубые священные дни 192
Дьяволенокъ 23
Заклинанье 60
Къ землѣ 341
Между 79
Нелюбовь 6
Нить 81
Пѣсня 118
Они 215
Снѣжные хлопья 309
Соблазнъ 93
Тварь 142
Только о себѣ 500
Узелъ 125
Городецкій Сергѣй.
Въ лѣсу 119
Голоса 31
Діаволъ 135
Жертва 112
Зеленая 158
Зной 121
Какъ жизнь понять 145

Лица 150
На массовку 127
Сзеро 544
Полюбовницы 65
Росянка 75
Русь 63
Темной ночью 86
Ты знаешь утреннюю ясность 22
Яга 61

Гофманъ Викторъ.
Valse masquée 180
Васильки 355
Дни умиранія 439
Туманъ 179
Уговоръ 199

Гумилевъ Н.
Волшебная скрипка 262
Маскарадъ 146
Месть 527
Одержимый 510
Рыцарь съ цѣпью 255

Диксъ Б.
Куда ведутъ мои дороги 551

Діесперовъ Александръ.
„Воля“ 525
И вотъ—ты идешь 95

Diurne.
Впилась коса 466

Добролюбовъ А.
Пѣсня изъ земли 193

Дымовъ Осипъ.
Ея тѣло 453
Ссень 105

Зайцевъ Борисъ.
Молодые 167
Хлѣбъ, люди и земля 425

Зиновьева-Аннибалъ Л.
Ея волосы 173

Ивановъ Вячеславъ.
Вчера во мглѣ 371
Горная весна 126
Днѣпровье 375
Китоврасъ 374
Нищъ и свѣтелъ 49
Ожиданіе 67
Орлу 90
Позты духа 6
Прозрачность 30
Путь въ Эммаусъ 50
Пѣсни изъ лабиринта 87
Радуги 101

Ропотъ 116
Синева морей 373
Стихъ о святой горѣ 47
Темь 71
Троицынъ день 247
Факелы (Дифирамбъ) 455
Язвы гвоздиныя 193
Койранскій Александръ.
Изъ вашихъ глазъ 540
Кондратьевъ Ал.
Вельзевулъ 255
О, привѣтъ Тебѣ 482
Смерть Соломона 506
Темныя пропасти ада 324
Коневскій Иванъ.
Межъ нивъ 268
Осенніе голоса 172
Копылова Любовь.
Деревня спитъ 492
Крачковскій Дим.
Акварельные рисунки 201
Кречетовъ Сергѣй.
Въ склепѣ 536
Изгнанникъ 161
Путники 558
Криницкій Маркъ.
Ангелъ страха 501
Кузминъ М.
Изъ „Александрійскихъ пѣсенъ“ 116
Газэла 149
Каждый вечеръ 431
Лѣто Господне 322
Мы проѣхали деревню 512
Осенній вѣтеръ 32
Курсинскій А.
Когда старуха-Жизнь 464
Симплегады 480
Ленскій Вл.
Лиліи 528
Лесьмянъ Б.
Ночь 166
Линденбаумъ Вл.
Несказаннымъ объятый 212
Маковскій Сергѣй.
Будь юной, дерзкою царицей 248
Буря 114
Два странника 241
Speculum Dianae 113
Мережковскій Д. С.
Весеннее чувство 465
Morituri 460

О, если бы душа 454
Титаны 130
Трубный гласъ 129
Минскій Н. М.
Быть можетъ, міръ прекраснѣй. 561
Смерть 139
Ты вершины достигъ 137
Миропольскій А. Л.
Дѣдушка 254
Муни (С. Кисинъ).
Октябрь 524
Новиковъ Иванъ.
За закрытыми глазами 533
Про бабушку 534
Одинокій.
Сумерки 440
Человѣчество 466
Петровская Нина.
Ложь 521
Пожарова М.
Лѣсныя пѣсни 340
На камнѣ 545
Ночью, въ тишинѣ 555
Потемкинъ.
Изъ цикла „Майская встрѣча“ 240
Осень 562
Я тонкая вѣха 256
Поярковъ Николай.
Свѣжая вѣточка 507
Пястъ Вл.
За рѣчью 245
Ты хотѣла бъ отъ свѣта завѣситься 406
Рафаловичъ Сергѣй.
Новая пѣсня 539
Одиночество 511
Прошлой ночью у рѣки 538
Рабыня 519
Ремизовъ Алексѣй.
Воробьиная ночь 55
Вѣдогонь 70
Крѣсъ 57
Надъ колыбелью 77
Сѣверные цвѣты 525
Рославлевъ Александръ.
Въ башнѣ 506
Въ полдень 495
Заклятый витязь 136
Ложь 496
Передъ грозой 496

Рукавишниковъ Иванъ.
Завершается столѣтіе 560
Сестры 559
Сабашникова Маргарита
Лѣсъ 144
Садовской Борисъ.
Агасферъ въ пустынѣ 458
Въ жаркій полдень 546
Коверъ-самолетъ 176
На разсвѣтѣ 246
Сова 158
Семеновъ Леонидъ.
Земля 231
Мелодія 556
Свиданье 432
Сергѣевъ-Ценскій С.
Береговое 195
Сидоровъ Юрій.
Муза 383
Сланскій П.
Все, что я ненавижу 215
Соловьевъ Сергѣй.
Вспомни о нашемъ послѣднемъ свиданіи 213
Марія Магдалина 372
Я блуждалъ въ лѣсу родимомъ 54
Сологубъ Ѳедоръ.
Алмазъ 140
Алой кровью истекая 141
Зэря зарячица 50
Изъ цикла „Пустыня“ 493
Колыбельная 416
Люблю блуждать 19
Маленькіе кусочки счастья 20
На распутьи зломъ 10
Подъ звучными волнами 305
По жестокимъ путямъ бытія 21
Путь мой трудный 562
Разбудилъ меня рано 29
Родинѣ 191
Чортовы качели 84
Я любуюсь людской красотой 152
Столица Любовь.
Весенняя муза 244
Стражевъ Викторъ.
Въ поляхъ 188
Золотится маковка 143
О, эти мачты кораблей 187
Странникъ 66
У креста 188

Тарасовъ Евг.
Лишь въ мигъ разставанья 373
Столицѣ міра 178
Толстой Алексѣй Н. гр.
Егорій 169
Косари 78
Самаканъ 74
Талисманъ 66
Ходасевичъ Владиславъ.
Ночи 342
Осень 417
Цензоръ Дмитрій.
Вечерняя молитва 553
Голосъ твой 247
Легенда будней 487
Пустыня 206
Чулковъ Георгій.
Жатва 547
На разсвѣтѣ 440
Осень 147
Штейнъ Эразмъ.
Часы 535
Эрбергъ Конст.
Откосъ 463
Страстная страсть 103
Янтаревъ Е.
Лабиринтъ 550

Переводы.

Альтенбергъ Петеръ.
Первобытная. Перев. Аделаида Герцыкъ 349
Аннунціо Габріэле де.
Изъ „Джіоконды". Перев. Юргисъ Балтрушайтисъ 389
Сонъ. Перев. Ник. Алябьевъ 540
Ашъ Шаломъ.
Изъ книги „Земля". Перев. А. Брумбергъ 529

Бодлэръ Шарль.
Балконъ. Перев. К. Д. Бальмонтъ 219
Благословеніе. Перев. П. Я. 209
Вечерняя гармонія. Перев. А. Кублицкая-Піоттухъ 392
Исповѣдь художника. Перев. А. Александровичъ. 233
Красота. Перев. К. Д. Бальмонтъ 219
Маленькія старушки. Перев. П. Я. 226
Непокорный. Перев. Валерій Брюсовъ 320
Опьяняйтесь. Перев. Д С. Мережковскій 243
Соотвѣтствія. Перев. Эллисъ 250
Сосредоточенность. Перев. Эллисъ 186
Сплинъ. Перев. Эллисъ 261
Супъ и облака 545
Человѣкъ и море. Перев. Вячеславъ Ивановъ . 218
Чужестранецъ. Перев. М. Волковъ 217
Верлэнъ Поль.
Въ слезахъ моя душа. Перев. Ѳедоръ Сологубъ. 340
За окномъ. Перев. Эллисъ 417
И мѣсяцъ бѣлый. Перев. Валерій Брюсовъ 552
Каминъ мерцающій. Перев. Эллисъ 226
На_ъ пустыней снѣжной. Перев Н. Новичъ . . . 225
Небо замерло. Перев. Сергѣй Рафаловичъ. . . . 452
Nevermore. Перев. Ѳедоръ Сологубъ 392
Осенняя пѣснь. Перев. Вл. Ивановскій 394
Привычная мечта. Перев. Валерій Брюсовъ . . . 223
Раковины. Перев. Эллисъ 310
Рояль. Перев. А. Кублицкая-Піоттухъ 250
Сентиментальная прогулка. Перев. А. Кублицкая-Піоттухъ 339
Сентиментальный разговоръ. Перев. Сергѣй Рафаловичъ. 409
Серенада. Перев. Ѳедоръ Сологубъ 224
Верхарнъ Эмиль.
Женщина на перекресткѣ. Пер. Валерій Брюсовъ 263
Мельница Перев. И. И. Тхоржевскій 267
На зарѣ. Перев. В. Умановъ-Каплуновскій . . . 393
Осенній вечеръ. Перев. Максимиліанъ Волошинъ 266
Ужасъ. Перев. Максимиліанъ Волошинъ. 265
Віеле-Гриффинъ Ф.
Встань! Жизнь утомлена. Перев. И. И. Тхоржевскій 238
О неужели въ мірѣ нѣтъ. Пер. Валерій Брюсовъ 292
Вилье-де-Лиль-Аданъ.
Гласъ народа 257
Убійца лебедей. Перев. З Г-съ 182
Гамсунъ Кнутъ.
Кольцо. Перев. С. Поляковъ 461
Гансонъ Ола.
Новелла. Перев. Юргисъ Балтрушайтисъ 447

Гауптманъ Герхардтъ.
Изъ „Потонувшаго Колокола". Перев. К. Д. Бальмонтъ 377
Георге Стефанъ.
Владыка острова. Перев. Вячеславъ Ивановъ . . 410
Гиль Ренэ.
Колыбельная. Перев. Валерій Брюсовъ 249
Гофмансталь Гуго фонъ.
Безумецъ и смерть. Перев. С. Орловскій 357
Грегъ Фернандъ.
Слишкомъ много я плакалъ! Перев. И. И. Тхоржевскій 323
Демель Рихардъ.
Демонъ желаній. Перев. Н. Шрейтеръ 514
Жилькэнъ Ив.
Похоронный звонъ. Перев. Эллисъ 283
Жиро Альберъ.
Предчувствіе. Перев. Л. Вилькина 557
Жулавскій Юрій.
Другу. Перев. О. Вишневская 419
Жалоба гробовъ. Перев. О. Вишневская 420
Ибсенъ Генрикъ.
„Борьба за престолъ". (Отрывокъ) Перев. А. и П. Ганзенъ. 433
Изъ „Бранда". Перев. А. и П. Ганзенъ 477
Каспровичъ Янъ.
Благословеніе. Перев. Троповск. 413
Лагерлефъ Сельма.
Отрывокъ изъ разсказа. Перев. П. Куколь 441
Леконтъ Ш.
Цирцея. Перев. Александръ Блокъ 294
Лербергъ Шарль ванъ
Они почуяли. Перев. С. А. Поляковъ 269
Садъ замкнутый. Перев. К. Д. Бальмонтъ 397
Смерть. Перев. К. Д. Бальмонтъ 399
Лиліенкронъ Д. фонъ.
Въ поляхъ. Перев. Аполлонъ Коринфскій . . . 411
Луисъ Пьеръ.
Изъ „Пѣсенъ Билитисъ". Перев. Ал. Кондратьевъ 293
Малларме Стефанъ.
Изъ поэмы „Иродіада". Перев. Максиміліанъ Волошинъ 229
Лебедь. Перев. Валерій Брюсовъ 261
Феноменъ будущаго. Перев. Л. К. 230
Метерлинкъ Морисъ.
А если онъ возвратится. Перев. Валерій Брюсовъ 288
Были у ней золотыя короны. Перев. Валерій Брюсовъ 290
Взоры. Перев. Allegro 220

Душа ночи. Перев. Валерій Брюсовъ 287
Душа теплицы. Перев. Валерій Брюсовъ 251
Дѣвы, повязки неся на глазахъ. Перев. Л. В. . . 259
Кто-то мнѣ сказалъ. Перев. О. Н. Чюмина 289
О, мать, кто крадется ко мнѣ?. Перев. Георгій Чулковъ 291
Пѣсня Мадонны. Перев. Л. Вилькина 291

Мореасъ Ж.
Не говори, смѣясь. Перев. И. И. Тхоржевскій . . 251

Ницше Ф р.
Послѣдняя воля. Перев. Н. Полиловъ 346
Слава и Вѣчность. Перев. Н. Полиловъ 343
Среди враговъ. Перев. Эллисъ 211
Среди хищныхъ птицъ. Перев. Н. Полиловъ . . 163

По Эдгаръ.
Маска красной смерти. Перев. К. Д. Бальмонтъ . 311

Пшибышевскій Ст.
Извѣчный источникъ. Перев. Е. Троповскій . . . 401
Introibo. Перев. В. Высоцкій 404
Отрывокъ изъ романа. Перев. Е. Троповскій . . . 489
Сквозь чертоги души его. Перев. В. Высоцкій . . 405
У моря. Перев. М. Н. Семеновъ 395

Ренье Анри де.
Ворота жрицъ. Перев. О. Н. Чюмина 297
Ворота новобрачныхъ. Перев. О. Н. Чюмина . . . 296
Вѣнокъ. Перев. И. И. Тхоржевскій 235
Двойная элегія. Перев. Н. Ильяшенко 237

Рильке Р. М.
Я живу между явью и сномъ. Перев. Александръ Бискъ 387

Роденбахъ Жоржъ.
Болѣзнь. Перев. Валерій Брюсовъ 231
Едва угаснетъ день. Перев. Эллисъ 286
Лебеди. Перев. Юрій Веселовскій 283
На стражѣ. Перев. О. Н. Чюмина 409
Сегодня я страдалъ. Перев. С. Головачевскій . . 282
Эпилогъ. Перев. И. И. Тхоржевскій 557

Рыдель Люціанъ.
Какъ птицы, сумракомъ застигнуты. Перев. И. Гриневская 415

Самэнъ Альбертъ.
Версаль. Перев. Н. Ильяшенко 293

Стефаникъ Василь.
Дорога. Перев. С. Р. 542
Мое слово. Перев. В. Козиненко 483

Стриндбергъ Августъ
Самумъ. Перев. Андрей Левинсонъ 467

Суинбернъ Альжеронъ.
На Сѣверномъ морѣ. Перев. Н. Васильевъ . . . 337

Тетмайеръ Казиміръ.
Бѣдное сердце. Перев. Мих. Гербановскій 408
Ель. Перев. А. и Т. 407
Уайльдъ Оскаръ
Изъ „Саломеи“. Перев. М. Ликіардопуло 325
Учитель 222
Уитманъ Уотъ.
Городская мертвецкая. Перев. К. Чуковскій . . . 319
О, капли меня! Перев. К. Д. Бальмонтъ 451
Тамъ. Перев. К. Чуковскій 452
Шарфъ Людвигъ.
Homo nasciturus. Перев. Ан. Анютинъ 398
Ноктюрнъ. Перев. Ан. Анютинъ 399
Пѣсня бури. Перев. Ан. Анютинъ 412
Швобъ Марсель.
Крестовый походъ дѣтей. (Разсказъ маленькой Алисы). Перев. Борисъ Зайцевъ 303
Септима. (Заклинательница). Перев. Лидія Рындина 299
Якобсенъ І. П.
Надежны ли стѣны. Перев. А. П. Колтоновскій . 446